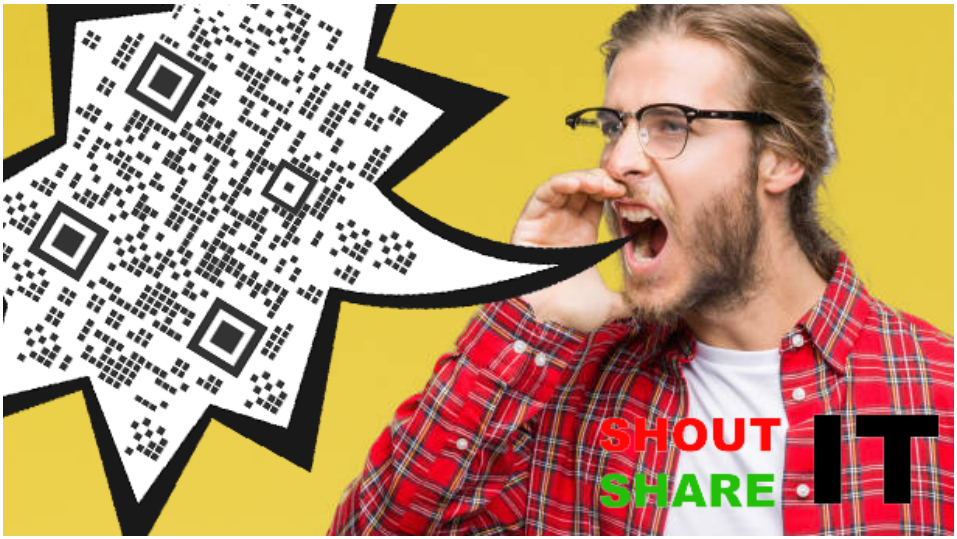
КОНСТАНТИН СОЛОВЬЕВ

МЕРЦЕНАРИЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Этельберд Маадэр по прозвищу Куница — не самый приятный человек на Пасифе, крошечном спутнике Юпитера, пережившем опустошительную войну и превратившемся в сточную канаву для всей Солнечной системы. Он мерценарий — «человек для особых поручений», исполняющий роль частного детектива, охранника, курьера и промышленного шпиона. Он — наемник, готовый выполнить контракт, от кого бы он ни исходил. А еще он — военный преступник, дезертир, наркоман, убийца, мошенник и предатель. Словом, он обладает всеми необходимыми качествами для того, чтоб выжить на Пасифе, мире, который давно превратился в подобие населенного хищными рыбами аквариума, где выживают не столько зубастые, сколько ловкие, хитрые и коварные биологические виды. А еще он одержим инопланетной паразитической формой жизни, которая постепенно поедает его мозг изнутри. Чтобы выжить на Пасифе и уцелеть в хитросплетениях сложной игры, которая затевается между транс-планетарными корпорациями, военной контрразведкой, наркоторговцами и наем

- Мерценарий
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - 1

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22

Мерценарий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КОРПОРАТИВНАЯ ЭКОЛОГИЯ

1

Действие шань-си закончилось внезапно.

Невидимые серебряные струны еще дрожали в пальцах, отзываясь во всем теле волнами зудящей, пробирающей до мозга костей энергией, в венах клекотали бесцветные флюиды, а картина перед глазами все еще выглядела сложенной из переливающихся всеми цветами ворсинок. Но это уже был пост-эффект, Маадэр почувствовал его с сожалением, которое концентрированной хиной выступило на деснах и у корня языка.

Тело казалось невесомым, его внутренний серебряный каркас ничего не весил, но теперь серебряные струны расплавлялись, темнели и сворачивались, как обожженные змеи в узких логовах, проточенных внутри костей. Каждая клетка тела твердела и наливалась тяжестью, такой, что уже невозможно было ровно сидеть в кресле. Неизбежно-отвратительный пост-эффект. Прощальный подарок скверного красного шань-си по сотне за грамм.

Маадэр скривился.

Во рту был скверный синтетический привкус, отдававший чем-то аптекарским и соленым. Отвратительный привкус, тем более невыносимый, что издавали его не остатки рассасывающейся китайской дряни, а само тело. Еще полчаса назад оно было сильным, надежным, крепким, выточенным из самой крепкой стали, заключало в себе целую Вселенную, безумное множество красок и самые совершенные звуки, а теперь оно превратилось в медузу, полурастекшуюся по гладкой поверхности кресла, этакую жалкую бездумную тварь, отчаянно старающуюся ощутить стремительно уходящее, как волна прилива, ощущение наркотического кайфа хотя бы самыми кончиками безвольно обвисших щупалец.

«Ты прав. Отвратительно, — согласился Вурм, — Ты пахнешь как труп в болоте».

Шань-си перестал действовать, следовало осознать это и прекратить попытки замереть, слившись с теплым деревом. Перебить отчаянное желание стать водорослью. Чем-то неподвижным, нечувствующим и равнодушным. Спокойным. Неодушевленным. Перестать цепляться за отходящее ощущение пост-эффекта, открыть глаза.

У Маадэра ушло на это полминуты. Облизав пересохшие и твердые губы, он осторожно поерзал в кресле.

— Китайская грязь… Из чего они ее делают? Куриный помет?

«Из мозга старых идиотов».

Вурму тоже было плохо. Он съежился и, казалось, был готов зашипеть от прикосновения. Шань-си на него действовал иначе, как заметил Маадэр, и, хотя тоже приносил удовольствие, требовал еще более суровой расплаты. Поэтому Вурм не любил шань-си. Он предпочитал эндоморф, но Маадэр никогда не принимал его раньше полудня. Сейчас была половина одиннадцатого.

Маадэр включил свет — в его квартире не было окон — осторожно поднялся и прошелся несколько раз вдоль стола. Он знал свое тело, может оно и не на пике формы, но двадцати минут ему хватит чтобы переварить и выбросить из себя химическую заразу. Он чувствовал себя отвратительно, как любой человек на этой стадии — собственные внутренности представлялись серым склизким ворохом тряпья, пропитанным желудочным соком, легкие с трудом работали, втягивая в себя воздух медленно и с напряжением. Как старые и расслаивающиеся кузнечные меха. На лице и ладонях выступил горячий пот, который невозможно было стереть — остаток адреналиновой слизи, выталкиваемой через поры.

Хотелось вывернуть желудок прямо на пол, доползти до санитарного отсека и свернуться там, на гладком и холодном металлическом полу. Не уснуть, а просто отключить сознание, превратиться в безмозглую водоросль, которой не требуется ни дыхание, ни пища.

Наверно, Вурм не случайно назвал его «покойником в болоте». Иногда Маадэру казалось, что Вурм куда умнее, чем кажется на первый взгляд. Или, по крайней мере, умнее чем хочет казаться.

«Ты как?»

Вурм долго молчал, чувствовалось, что сейчас и он представляет беспомощный комок протоплазмы, из которой выкачали все соки.

«Плохо. Это пройдет. Но я убью тебя, если ты еще раз купишь этот яд».

— Не убьешь, — усмехнулся Маадэр с некоторым злорадством, — И даже мигрень не сделаешь. Я все еще твой хозяин, хитрый змей.

«Я знаю».

«Тогда перестань истекать ядом. Через несколько минут придет клиент».

«Я буду нужен?»

Маадэр пожал плечами. Бесполезный жест при общении с Вурмом, но именно бесполезные привычки наиболее живучи.

«Может быть. Может и нет. Он не выглядел опасно.

Возможно, мне потребуется от тебя что-то другое».

«Я дам тебе то, что надо. Сейчас молчи. Мне нужен отдых».

Отдыхающего Вурма трогать не стоило. Но нужны в нем пока действительно не было. Маадэр, морщась, дошел до кухни. Есть не хотелось, но он по опыту знал, что тело нуждается в подпитке. Белки, глюкоза, витамины, соли, минералы, углеводы… Все то, что сжигает в себе человек, вырабатывая побочные продукты производства. В криогеннике осталась пачка вчерашнего хайдая. Он аккуратно вытащил черно-зеленый брикет из картонной оболочки, нарезал ровными долями и поставил в парилку. Из хайдая можно сварить неплохую похлебку, особенно если есть рыба или картофель, или потушить, но любая излишняя возня сейчас вызывала отвращение и резь в деснах. Маадэр ел медленно, тщательно пережевывая каждый кусок, чтобы каждая полезная клетка усваивалась наилучшим и быстрейшим образом.

— Сказал бы мне кто, что наступит время, когда я начну жрать водоросли… — пробормотал он, вертя перед носом очередной черный, с зеленым вкраплениями, кусочек, — Какая мерзость.

Хайдай оставлял на языке соленый и неприятный привкус чего-то сухого, перетертого и пахнущего морем. Или не морем — Маадэру всегда представлялась мелкая лужа, покрытая разноцвеными нефтяными пятнами. Слова были адресованы больше Вурму — у него у самого было много поводов убедится, что человек может есть все — но тот не отреагировал, хотя обычно любил вставлять колкие замечания. У Вурма были совершенно другие пристрастия в еде, ему никогда не приходилось есть в сухомятку прессованные водоросли.

От еды легче не стало, хотя некоторая тяжесть в желудке обещала скорое улучшение. Включившийся желудок уже не позволял организму чувствовать себя слабой сырой плесенью, которая способна лишь лежать и распространять зловоние. Тело постепенно пробуждалось, собственная кровь уже не казалась бесцветным раствором, струящимся по ржавым стокам капилляров. Маадэр сжал изо всех сил кулаки и с удовольствием почувствовал, как с хрустом выпрямляются руки.

Стук во входную дверь застал его тогда, когда он опускал обертку брикета в утилизатор. Квартира не была оборудована зуммером или двусторонним терминалом связи, ставшим уже привычным явлением в Восьмом. Кроме того, при обустройстве ее Маадэр сознательно, хоть и с некоторым сожалением, отказался от использования камер и следящих устройств. У него были свои соображения на счет того, как организовать уют и

функциональность своего убежища.

Стук был громкий, сильный, но не чересчур. Звук, который производит обычный человеческий кулак, соприкасаясь с двумя слоями четырехмиллиметровой бронированной стали, разделенными еще двумя миллиметрами сверхпрочного пластика. Маадэр подумал, что так стуать может не очень решительный, но вполне уверенный в себе человек. Стуков было три и, скорее всего, это тоже было хорошим знаком. Меланхолики, наркоманы в пост-эффекте какой-нибудь дряни и городовые стучат обычно два раза. Морфинисты, мелкая шпана и коммивояжеры — быстро и не меньше четырех. Три — хорошее число. Но все же, идя к двери, он вынул из ящика письменного стола маленький «Корсо» и положил его в боковой карман брюк, проследив чтоб тот не выпирал. Ему всегда нравилась поговорка «Безопасность обеспечивает человек, а не ситуация», и у него было правило не встречаться ни с одним существом любой природы и происхождения ни на одной планете, не имея оружия под рукой. При его роде деятельности и образе жизни это было очень полезное правило.

В двери было небольшое отверстие, замаскированное на стыке бронепластин, достаточно маленькое, чтоб сквозь него не мог пройти стилет, и вместе с тем достаточно большое чтобы можно было рассмотреть стоящего за порогом человека. Предпочитая не иметь дела с неприятными сюрпризами, Маадэр прикрыл отверстие небольшим куском бронестекла, купленным недорого на черном рынке. Он знал, что получить в глаз спицу, нано-пулю или полные легкие ядовитого газа ничуть не приятней и не комфортней, чем обычный свинец.

Кроме того, под покрытием пола перед дверью были аккуратно уложены раскатанные в почти плоские пластины заряды аммонсипала, который тоже пришлось добывать на черном рынке — оккупационные власти Консорциума очень не любили смотреть, как добропорядочные граждане Восьмого превращают друг друга в кровавые кляксы на стенах. Над аммонсипалом шел слой металлического мусора — гайки, обрезки гвоздей и шурупов, остатки давно пришедших в негодность шестеренок и прочий хлам. Старый электро-детонатор, несколько контактов, метр провода и простой тумблер на дверном косяке позволяли хозяину быть уверенным в том, что его не будут излишне беспокоить, когда он дома.

Маадэр не любил незваных гостей — это тоже было следствием работы и образа жизни.

— Входите, — сказал он, открывая дверь, — Руки держать перед лицом. Никаких резких движений. Оружие при себе есть?

Клиент мотнул головой. Он был невысок, с немного смуглым и ухоженным лицом, гладкие щеки которого указывали на внимание к собственной внешности и хороший бальзам после бритья, а высокий лоб и широко расставленные брови — на уравновешенность и собранность. Кожа была немного дряблой, скулы непривычных восточных очертаний, а карие глаза взирали через стекла дорогих, явно сделанных на заказ, очков. Недешевый костюм, может быть даже из натурального фетра — тоже на заказ и тоже прекрасно сидящий. Жители района, в котором стоял дом, одевались обычно в совсем другую одежду.

Маадэр привык составлять впечатление в первую же секунду. Потому что, как он любил говорить, во вторую секунду клиент уже может вытащить ствол и превратить твою голову в некоторое подобие тех мясных полуфабрикатов, которые продаются в корейских кварталах.

— Хорошо. Нет, никакого оружия. Вы предупреждали.

— Sehr gut. Herzlich Willkommen. Проходите.

Лицо самого Маадэра не выражало приветливости или радости при виде гостя. Но ему платили не за приветливость. Он посторонился, пропуская клиента внутрь, и сразу запер за ним дверь. Замки бесшумно закрылись.

— У меня здесь не очень просторно. Но во второй комнате есть стол. Проходите туда.

Сам он держался позади гостя, тот не возражал. В комнате, где стоял стол, было светлее, там горела небольшая лампочка у самого потолка, она давала света ровно столько чтоб можно было отличить темноту от полумрака. Человеческие лица выглядели здесь серыми и плоскими. Клиент щурился, разглядывая Маадэра, тот позволил себе невидимую усмешку. Сам он куда охотнее отключил бы всякий свет — даже одной небольшой лампочки хватало чтоб отвратительным образом зудело в висках. Проблем с освещением же он никогда не имел. Клиенты обычно нервничали, оказавшись в полутемной небольшой комнате, разделенной напополам большим и старым письменным столом, в обществе молчаливого неподвижного человека, чьего лица было не разобрать, Маадэр знал это и сознательно добивался нужного эффекта. Этот клиент тоже нервничал. Маадэр почти чувствовал, как по его телу скользят ледяные адреналиновые змейки, но держался нормально.

— Начинайте, — сразу сказал Маадэр, садясь напротив него, — Сразу суть. Если мне понадобится уточнить что-то по ходу — я вас перебью. Кратко, четко и по возможности откровенно.

— Вы — Этельберд Маадэр, насколько мне известно.

Маадэр нахмурился, он не очень любил, когда его называют по имени. Как и у всего в его жизни, у этой странности также была причина.

— Если вы пришли ко мне, неудивительно, что вы знаете мое имя. Ваше?..

— Хазим, — ответил тот, — Это имя. Хазим Зигана. Я бы не хотел сообщать более никакой информации о себе, если вы позволите.

«Да уж конечно не хотел бы, — с угрюмым злорадством подумал Маадэр, — Вурм?»

«Нормально. Выглядит нормально».

«Ты уже в порядке? Сможешь помогать?»

«Ты, как и прежде, бессилен без меня».

«Замолчи, змей. Надо работать».

«Руку!»

— Мне не нужна больше никакая информация, если она не касается дела, с которым вы пришли. Позвольте вашу руку, господин Зигана.

Он удивился. На высоком лбу, как полосы на барахлящем дисплее, появились горизонтальные тонкие морщинки.

— Руку?

Зигана удивленно взглянул на собственную ладонь. Вероятно, прежде он уже обращался к мерценариям, решил Маадэр, но сейчас был сбит с толку.

— Да. Можно один палец. Я буду держать его во время разговора, если вы не против.

— Вы… Странная просьба.

— Не страннее, чем работа, которую мне иногда приходится выполнять.

— Детектор лжи?

— Вы проницательны, господин Зигана. Да, можете считать это проверкой на искренность.

Клиент усмехнулся. Немного нервно.

— Не доверяете своим клиентам?

— За доверие я обычно беру дополнительную плату. Извините, если кажусь циничным, — Маадэр осклабился, — Я циник.

— Вероятно, профессия обязывает, — пробормотал Зигана, протягивая через стол длинную ухоженную ладонь, — А оборудование? Вы ведь не собираетесь делать это голыми руками?

Пальцы у него против ожиданий были твердые, цепкие. Пальцы человека, умеющего нащупать и при потребности не отпускать. Сами кости на ощупь обычные, вроде бы без

имплантантов, мышечные волокна тоже похожи на настоящие. Полностью ручаться, конечно, нельзя, но у Маадэра был опыт в таких делах.

«Уже подозреваешь? — смех Вурма был похож на метелку из тонких металлических волосков, которой проводят по позвоночнику, — Он не похож на охотника или хлодвига. Паранойя, Маадэр».

«Подозрительность — самый окупающийся товар на рынке. Теперь замолчи и слушай его. Мне нужно каждое малейшее колебание его нейронов».

«Я сделаю это».

— Оборудование есть. Но это неважно.

Маадэр с мысленным смешком подумал, что клиенту вовсе не обязательно знать, какого типа оборудование придется использовать. К счастью для самого клиента.

— Действительно, — Зигана немного расслабился, но взгляд остался напряженным и внимательным, — Не важно. Итак…

— Вы представляете только свои интересы или интересы компании?

— Простите, но полагаю лучше обойтись без этого вопроса. Дело не в том, что я хочу скрыть какую-то информацию, просто это не имеет никакого отношения к той причине, по которой я решил заключить договор с мерценарием.

«Дрогнул, — злорадно пробормотал Вурм, — Чувствуешь?»

Маадэр это чувствовал. Ощущения Вурма сейчас передавались и ему. Он смотрел в лицо Зигана, но в то же время воспринимал вкус пота на его пальцах, запах его кожи, неровный гулкий стук его сердца. Это было неприятно, в такие моменты Маадэра слегка мутило, но терпимо. Зигана действительно дрогнул, когда речь зашла о его работе.

Жандармерия?

Нет, решил Маадэр, не жандарм. Тем-то не надо устраивать хитрую игру чтоб наложить лапу на мерценария. И, к счастью, лапа эта пока еще чересчур хила и немощна. И не городовой — не по их части, да и работают куда топорнее. Он умел разбираться в людях. Человек, сидящий перед ним, не просто одел хороший костюм и сделанные на заказ очки. Кем бы он ни был, но на нем был не маскировочный камуфляж с чужого плеча. Ощущения Вурма говорили о том же — клиент не играл. По какому бы делу он не пришел и что бы не замышлял, он и в самом деле был тем, кем виделся при неверном и тусклом свете лампы — уверенным и собранным человеком, оказавшимся в непривычной обстановке и старающимся контролировать каждый свой шаг. Скрупулезный, деловой, уверенный в своих силах.

«Хотя обычно уверенные в своих силах не заключают договоров с мерценариями, — подумал Маадэр, — Посмотрим, что будет дальше».

Клиент был не из той породы, с которой приятно иметь дело, но и не худший вариант. Возможно, что-то скользкое, но ничего по-настоящему серьезного. Может быть, просто достать наркоты. Или убить шантажирующую его любовницу. Может, пугнуть конкурента. Люди в таких костюмах и с такими лицами никогда не просят чего-то действительно важного.

— Убийствами я не занимаюсь, — сказал Маадэр, глядя в сторону, — Это первое, что я говорю клиентам.

Это было почти правдой. Маадэр не принимал скользких заказов от незнакомых клиентов, только от проверенных и надежных людей. Как и всякий человек, достаточно долго проживший в Восьмом, он знал основное правило из свода законов кремниевых джунглей — не надо быть наглее, чем необходимо для выживания. Второе правило было проще — если тебя занесло на Пасифе, сделай все чтобы оказаться в любой другой точке Солнечной системы.

Иногда Маадэр позволял себе исключения, частота их зависела только от двух вещей — надежности клиента и количества купюр в бумажнике. Когда нет денег даже на хайдай и эндоморфы — возьмешься за любую работу. Голод и наркотическая ломка — очень хорошие дипломаты. Если бы Зигана предложил бы сейчас убийство и вытащил из кармана сотен восемь, это было бы искушением. Но была еще одна вещь, по которой Маадэр не торопился с намеками — клиент «фонил».

Он чувствовал это без помощи Вурда — как тончайшую золотистую иголочку, проникающую в лобные доли мозга. От ее прикосновения было немного щекотно и слегка слезились глаза. Как будто очень тонкий пучок света направили сквозь всю голову.

Наличие электромагнитного поля на клиенте само по себе еще не было поводом для беспокойства. Может, у него слабое сердце и в груди электро-стимулятор. Или имплантант. Электронные часы, хотя люди в таких костюмах редко позволяют себе такую безвкусную вещь. Карманный компьютер. Иногда в человеческом теле пластика, кремния и металла оказывается больше, чем костей и плоти. Маадэр предполагал и другие варианты. Например, работающий диктофон. Или отслеживающий датчик. Видеокамеру. Войсер. Квартира была надежно экранирована, но клиент вполне мог записывать разговор на карманный локальный носитель, такие случаи бывали.

— Мне не требуется убийство, — твердо сказал Зигана, — Я

соблюдаю закон Консорциума.

— Это очень хорошо. Не все клиенты правильно понимают работу мерценария. Я тоже чту закон. Ни убийств, ни пыток, ни вымогательства, ни похищений, ни краж. В остальном… — Маадэр позволил себе тонкую усмешку, такую, чтоб гость ее заметил, — В остальном спектр возможностей мерценария достаточно велик. Например, если у вас что-то украли, я могу это вернуть. Разумеется, от вас не требуется никаких доказательств того, что украденный объект вам принадлежал. При этом, конечно, укравший может пострадать. В разной степени… В таких делах никогда нельзя за что-то ручаться. Если вас кто-то шантажирует, могу поговорить с этим человеком. Опять-таки, не ручаясь за состояние его здоровья. У меня есть широкий арсенал способов что-то объяснить.

— Уверен в этом, — пробормотал Зигана. Он был достаточно проницателен, можно было бы обойтись и без грубых намеков, но Маадэр почувствовал удовольствие, смутив его, — Но ничего такого не требуется. Хотя на счет кражи вы попали в точку.

— Гмм… У вас что-то украли или?..

— Да. Украли у меня, — Зигана вздернул голову, — Я здесь именно из-за этого.

«Вурм?»

«Чист. Физиологические реакции в норме. Будто сам не видишь».

«Ну, я же должен был убедиться, — Маадэр мысленно пожал плечами, — Вдруг он украл у своей фирмы миллион-другой и ищет, как бы вложить деньги в черный рынок или незаметно сбежать с Пасифе».

— Тогда я слушаю вас, — кивнул он.

— Этой ночью, — пальцы в руке Маадэра опять дрогнули, — Это было во втором секторе, северо-запад. Примерно в двадцать три. Их было двое. У одного короткий дробовик, небольшой, вороненый кажется. Я собирался взять спид-кэб, вышел к дороге… Они подошли сзади.

— Лица запомнили? — быстро спросил Маадэр.

Зигана качнул головой.

— Я их почти не видел. Но мне показалось… В общем, кажется один из них был хлодвигом.

— Вот как… Интересно. Почему вы так думаете? Вы же не видели лиц.

— Мне просто так показалось, — Зигана сделал неопределенный жест свободной рукой, — Просто… Не знаю. Дыхание, запах, голос… Мне так показалось.

— Это хорошо. Хлодвигов все-таки найти легче.

«В Восьмом полмиллиона хлодвигов, идиот».

«Я знаю, Вурм. Не мешай. Я должен выбить из него хотя бы аванс».

— Надеюсь.

— Значит, обычное ограбление? Опишите по памяти все.

— Как я уже сказал, я собирался брать спид-кэб. Было уже темно, они подошли сзади. Ткнули стволом в подбородок. Один был чуть левее, он был без оружия, кажется. Завел мою руку за спину и скрутил, а другой рукой сжал шею. Я едва дышал.

Зигана повел головой и машинально потер кадык, точно еще чувствовал чужую хватку на своей шее.

Профессионалы, решил Маадэр, хмурясь. Не очень обнадеживающе. Подошли грамотно, сработали слаженно и опыт, конечно, есть. Тем более — если хлодвиги… Странно, что отпустили живым. Таким обычно свидетели ни к чему. Непонятно другое — северно-западный сектор. Район корпораций, офисов и дорогих магазинов. Хорошая приманка для пары оголодавших хлодвигов, но очень уж рисковая. Чтоб напасть в северо-западном районе Восьмого надо иметь немалую наглость и самоуверенность. Хуже всего — район явно не их, ребята из пришлых. Значит, искать будет куда тяжелее. Если вообще возможен хоть один шанс.

— Оружие рассмотрели?

— Я в нем плохо разбираюсь. Небольшой такой узкий дробовик, — Загана обвел руками невидимый контур, — Два ствола, кажется. Не знаю.

— Дальше.

— Ну и все… Тот, что справа, с оружием, сказал на ухо «чемодан пусти», гнида. Сами понимаете, сопротивляться я не мог. Его вырвали у меня из руки.

— Чемодан?

— Контейнер. Небольшой ручной контейнер из армволокна. Никаких особых примет.

— Больше ничего не взяли? Бумажник, хронометр?..

— Нет.

— Возможно, спешили. Что было в контейнере?

Зигана опять дернулся. Маадэр почувствовал это — как будто по сухожилиям правой руки пустили слабый ток. Вурм заворчал. Он чувствовал гораздо глубже, передавая хозяину лишь часть собственных ощущений. Сейчас он слился с сердцем Зигана, отслеживая мельчайшие его колебания.

— Об этом я тоже не хотел бы говорить. Мне нужен сам контейнер с содержимым. Если вас это беспокоит, там нет ничего противозаконного. Ни человеческих органов, ни фальшивых

купюр, ни даже наркотиков. Содержимое является важным только для меня.

«Активность мозговых волн усилилась, кровяное давление приподнято, фиксирую напряжение отдельных мышц и учащение дыхания».

«Он лжет?»

«Не обязательно. Возможно, просто нервничает. Хоть и пытается это скрыть».

«Я вижу это невооруженным взглядом. Что-то с контейнером. Он дергается всякий раз, когда его упоминает».

— Дело в том, что его содержимое имеет значение, — произнес Маадэр своим самым доверительным тоном, — Лично мне абсолютно все равно, что было у вас похищено. Я бы даже сказал, что это не мое дело. Но если вы хотите, чтоб я это нашел, боюсь, мне надо будет знать, что именно было в контейнере. К примеру, если там был софт, к этому могут быть причастны софт-корсары. Содержимое вашего чемодана могло быть известно кому-то, кто направил хлодвигов по вашу душу — очень уж это не похоже на них, так наглеть в чужом секторе. Проще говоря, ограбление могло быть заказным. Так бывает. В этом случае, зная, на что нацеливался похититель, мне будет проще выйти на его след.

«Нервничает. Кажется, ты не единственный параноик в этом гнилом болоте, Маадэр».

Внешне Зигана мало изменился, но внутри он был сильно напряжен. Маадэр чувствовал пульсацию его лгущего и трепещущего сердца. Кончики собственных пальцев неприятно закололо — признак того, что клиент чертовски сильно волнуется.

— Я не уверен, что… что могу рассказать вам, — сказал наконец Зигана, поправив на переносице очки, — Это не мое личное дело.

— Похоже, оно уже стало и вашим личным. Мне нужна информация, в противном случае я вряд ли возьмусь за это.

— Я сообщил все, что я мог сообщить, — его тон стал почти извиняющимся, — Я согласен, что это минимум, но это не в моей власти.

— Тогда я не гарантирую никаких шансов, — Маадэр развел руками, — С момента ограбления прошло двенадцать часов. Несомненно армволокно давно уже разрезали и содержимое контейнера выплыло наружу. В этом случае максимум того, что я могу вернуть — пустой и разрезанный контейнер. Вас это устраивает? Я мерценарий, господин Зигана, моя работа схожа с работой охотника. Но ни один охотник не выйдет на след, пока у

него завязаны глаза. Мне надо больше. Иначе… — Маадэр демонстративно вздохнул, — иначе вам придется искать другого человека для этой работы.

«Безголовый дурак, — прошипел Вурм. Как всегда, когда он был зол, в мозгу запульсировало что-то черное и горячее, — Заканчивай блеф. Он уйдет!»

«Не уйдет, — Маадэр прикусил губу чтоб отвлечься от боли в голове, — Он уже мой».

«Идиот. Он уходит. Ты не можешь позволить себе роскошь потерять клиента. Сколько их было в этом месяце?»

«Ни одного. Перестань метаться, трупный червь. Он не уйдет».

Зигана вынул свои пальцы из руки Маадэра и медленно поднялся. Лицо у него потемнело, словно на него набежала тень.

— Тогда прошу прощения, — сухо сказал он, — Мне придется обратиться к кому-то другому. Надеюсь, не отнял у вас много времени.

Он повернулся к двери.

— Ничего, — сказал Маадэр безразличным голосом, — Все в порядке. По крайней мере у меня. У вас хуже. Замок разблокируется если потянете за вон тот верхний рычаг. Только посильнее, там тугая пружина…

Судя по всему Зигана очень хотелось выйти из комнаты. Он провел здесь всего десять минут, но уже устал от этого странного помещения с голыми стенами, от полутьмы, от старого письменного стола и от сидящего за ним непонятного человека со странным лицом и неприятным голосом. Ему хотелось закрыть за собой тяжелую дверь и снова вздохнуть пахнущий химикалиями воздух Восьмого.

Но было еще кое-что, что мешало ему сделать это.

— Что вы имеет в виду? — спросил Зигана, бросив быстрый взгляд на Маадэра.

Тот потер руки. Ситуация уже начинала ему нравится.

— Только то, что вы в плохой ситуации, — сказал он доверительно, — Мерценарии никогда не набиваются в друзья и, честно говоря, лично к вам я не испытываю никаких чувств. Вы — один из одиннадцати миллионов жителей Пасифе. Мне нет дела до ваших проблем и вашей жизни. Но, — он сделал долгую и красивую паузу, затянувшуюся ровно настолько чтоб у Зигана было время повернутся и уставиться на него, — Сейчас тот случай, когда мы можем помочь друг другу. Я предлагаю вам взаимовыгодный и ни к чему не обязывающий симбиоз. Станьте моим симбионитом, Хазим.

«Ты его уже напугал, — заметил Вурм. Он уже успокоился и

теперь наблюдал за происходящим с некоторой заинтересованностью, — Ты выглядишь и говоришь как нарко».

— Не понимаю, — сказал Хазим Зигана, отступая на шаг к двери, — В каком смысле?

— Я — руки, — Маадэр выставил перед собой обе руки. Левая была немного толще в запястье и, если присмотреться, свет, подавший на кожу, давал не совсем обычный отсвет. Но у Зигана не было ни времени, ни желания присматриваться, — Руки, которые способны на многое, если они получают сигнал от мозга. Вы — мозг. Я могу действовать в ваших интересах. Стимул — это мое вознаграждение. Поэтому нам обоим это выгодно. Вы платите деньги, я делаю работу. Не знаю, что вм рассказывали о моей репутации, но я эффективен, быстр и совершенно не любопытен. Профессиональные качества мерценария, особенно ценные в нынешние времена, когда глисты из Консорциума Земли, воображая себя анакондами, пытаются задавить и Пасифе.

— Но я уже сказал вам…

— Во-первых, — перебил его Маадэр. Его голос звучал глубоко и громко, — Вам никто не поможет. Ни один мерценарий, ни один приватный следователь, ни один охотник за головами или профессиональный убийца в этом городе не возьмется за работу. Слишком призрачны следы, это то же самое, что искать каплю масла, разбавленную в цистерне с водой. Кто-то может взяться, но это будет или дилетант, хватающийся за все от отчаянья, или мошенник, который станет водить вас кругами сколько может, пока тянет из вас деньги. В обоих случаях это бесполезно. Про городовых и жандармерию тоже, конечно, можно забыть.

— Почему? — Зигана прищурился, на лбу опять появились морщинки.

Маадэр хмыкнул.

— Они могут долго драить до блеска свои портупеи, могут громко брякать медалями, но это ноль. Может, Юпитер они и отымели, но здесь не Юпитер, господин Зигана, а Пасифе. На спутниках у них нет реальной силы. Эти ряженые клоуны пока способны только скручивать выползших на улицы нарко. Они не хозяева тут. И станут ими очень нескоро. Кроме того… Вы ведь не пойдете к властям, верно?

— Почему же это?

— Потому, что пришли ко мне. Человеку, который идет к мерценарию, жандармы помочь не смогут.

— Но я…

— Я уже говорил, мне все равно, что было в контейнере. Может, там детская порнография. Или оружие. Не знаю. Это не

мое дело. Среди мерценариев любопытство считается самым тяжелым грехом. И самым непрофессиональным. Но я должен знать детали, если возьмусь за дело. Таковы мои условия.

— Слушайте… — Зигана махнул ладонью. Жест уставшего и потерявшего терпение человека.

— И второе, — опять перебил его Маадэр, — Время работает не на вас. Не знаю, кому принадлежит контейнер с содержимым, но это касается и других людей. Кому-то это явно кажется важным. Начальство, деловой партнер, любовница — не знаю… И мне кажется, что если вы не отыщете украденного в срок, это может закончиться чем-то не очень приятным. Для делового кодекса Пасифе, принятого среди местных бизнесменов, пуля в основание черепа всегда считалась уместной альтернативой выговору.

Зигана дернулся. Чтобы почувствовать его напряжение не требовался даже Вурм. Маадэр разглядывал его с удовольствием. Теперь это действительно выглядело хорошо. Черт с контейнером, скорее всего он уже давно распотрошен, а его содержимое рассеяно по районам хлодвигов, но под это дело можно выбить хотя бы сотни три аванса. Больше Зигана не даст, водить его за нос будет сложно, но и в жандармерию он, конечно, не обратится.

— Мне достаточно рассказывали о вас, господин Маадэр, — негромко произнес Зигана. В его голосе слышалось отвращение, но вместе с тем и любопытство, — Но я удивлен. Вы необычайно наглы, самоуверенны и навязчивы. Даже в большей степени, чем я представлял.

— Точно, — ухмыльнулся Маадэр, — Я всегда вызываю безотчетную симпатию у клиентов. Итак, симбиоз. Сотрудничество. Говорите о грузе — и я берусь за дело.

— Результаты гарантируете?

— В нынешние времена результатов в Восьмом не гарантирует даже тяжелый лайтинг. Но я сделаю все, что от меня зависит.

— Хорошо, — плечи Зигана опустились, тонкие морщинки в уголках глаз разгладились. В воздухе, который он выдохнул из легких, была обреченность. Маадэр любил этот запах. Запах обреченности часто приносит за собой другой запах, запах денег.

— Я скажу вам все. Условие вы, думаю, понимаете.

— Разумеется, — Маадэр приложил руку к сердцу. Некоторых клиентов этот жест почему-то успокаивал. Другие слишком хорошо знали мерценариеев и самого Маадэра, — Конфиденциальность.

— Да, — Зигана потер руки, как будто у него замерзли

пальцы, — Полная. Содержимое контейнера — коммерческая тайна, которая чрезвычайно важна мне и… людям, с которыми я связан. Био-софт.

— Био-софт… — повторил Маадэр, — Ага. Понимаю. Только… К чему такая скрытность? Био-софт, насколько я знаю, абсолютно легален в пределах Консорциума Земли, про Юпитер и спутники даже не говорю…

— Смотря какой био-софт.

— Резонно. Что-то из запрещенного? Зомбификаторы, шизифы, терминальные мышечные стимуляторы?..

— Нет, — Зигана покачал головой, — Я же говорил, ничего незаконного. Просто био-софт последнего поколения, разработанный не так давно. Лекарства. Подробности сказать не могу, я не специалист.

— Да и я тоже. Свежий био-софт, а? Только вышедший из лаборатории? И наверняка еще не успевший оказаться в реестрах фармакопеи Пасифе? Свеженький пирожок, как говорят на рынке?

— Именно. Поэтому ситуация так неприятна. В его разработку вложено крайне много времени, сил и средств. Потеря образцов не просто неприятна, она может вызвать катастрофу.

— Это же не уникальные образцы, — Маадэр заложил руки за голову, поза, излучающая уверенность, — Пусть ваши химики синтезируют еще партию. Или вам так претит то, что часть вашего богатства невольно ушла на благотворительность?

— Дело не в этом, — твердо произнес Зигана. Он отошел от входной двери на несколько шагов и теперь стоял посреди комнаты, вытянувшийся, как жердь, неотрывно глядя на Маадэра, — Я лишь перевозил образцы из одной лаборатории в другую. Здесь речь о другом…

— Конкуренты? — догадался Маадэр.

— Да. Фармакологический рынок Пасифе — это бассейн с акулами. Если конкуренты смогут перехватить образцы, это может стать крайне… неприятным фактором для нашей… для людей, с которыми я работаю.

Маадэр пожалел о том, что тактильный контакт с клиентом утрачен. Сейчас, наверно, его сердце бьется с частотой тарахтящего мотора, а железы выделяют столько адреналина, что кровь становится липкой, как варенье.

— Что ж… На вашем месте я бы надеялся, что контейнер действительно попал в лапы обычных уличных хлодвигов, промышляющих грабежом. Если налет был заказным, это существенно усложняет дело, — Маадэр чуть не добавил вслух «переводя его в разряд невозможных», — Корпоративные когти отличаются тем, что никогда не выпускают свою добычу. А мне

недостаточно надоела моя жизнь, чтоб я вздумал из-за вашей микстуры от кашля переходить дорогу серьезной компании. Имейте это в виду.

— Я не прошу слишком многого, — терпеливо сказал Зигана, — Только выяснить его местоположение и по возможности вернуть мне.

— Понятно. Как мне поступить с теми, кто его похитил… по возможности?

Зигана поморщился. Ну конечно. Люди в таких костюмах не любят крови. Не любят даже упоминаний о ней. Словно в их собственных жилах вместо крови течет коктейль из хорошего вина, одеколона и нейро-транквилизаторов.

— Как вам будет угодно.

— Хорошо. Тогда я буду действовать по обстоятельствам. Так даже лучше. То есть ушей и языков вам не приносить?

Губы Зигана собрались в узкую ниточку не толще шва на его превосходном костюме.

— Нет. Только контейнер с содержимым.

— Понятно. Я приступлю сразу же. На счет срока, как вы понимаете, говорить пока сложно. Это может занять от нескольких часов до недели. Может больше, не знаю.

— У вас есть дня три, не больше.

— Хорошо, — Маадэр сдержанно вздохнул, — Иногда по горячим следам удается найти пропажу достаточно быстро. Будем считать, что мы условились относительно задачи и сроков. Осталась оплата.

Зигана кивнул — он знал, что разговор зайдет об этом.

— Полторы тысячи, — сказал он, — Не больше.

— Полторы… — Маадэру стоило огромного трудно сделать паузу и придать своему лицу выражение неудовлетворенной и немного брезгливой задумчивости.

«Полторы штуки! Ты еще думаешь?»

«Нельзя сразу соглашаться, Вурм».

«У тебя в кармане лежит четыре рубля с мелочью. Этого не хватит даже на второсортный хайдай на эту неделю».

«Ты-то чего беспокоишься о моем здоровье? Твой обед всегда с тобой».

«Мой обед — это ты. И я не хочу делить твое тело с помоечными крысами, которые начнут объедать его, если ты умрешь от голода».

«Я знал, что ты меня любишь, Вурм».

Вурм зашипел, но быстро смолк.

— Хорошо, — сказал Маадэр вслух, — Полторы. И половина из них авансом.

— Триста, — Зигана показал три пальца. И по острым складкам в углах его губ Маадэр понял, что спорить будет сложно. Клиент явно не первый год жил на Пасифе и уже имел дело с мерценариями.

— Ладно.

Зигана достал дорогой и красивый бумажник из натуральной кожи, вынул длинными пальцами три новых ничуть не мятых банкноты и положил на стол. Маадэру стоило определенного труда не перевести на них взгляд. Хотя мозг уже лихорадочно подчитывал, как потратить деньги.

Три синеватые бумажки с неказистым символом Консорциума, больше похожим на логотип, чем на герб, значили очень много. Сотня за квартиру — хватит на два месяца. Можно будет снова пить фильтрованную воду, после которой почки не кажутся маленькими, прилипшими к спинным мышцам слизкими камнями. Еще сотня — на еду. Конец осточертевшему хайдаю, можно будет снова позволить себе сладковатое мясо, выращенное из раковых клеток в подпольной корейской лаборатории, порошковое пюре, консервированную фасоль, а может даже получится выкроить на настоящий, не синтезированный, протеин. Сколько он уже не ел настоящего мяса, набивая желудок скользким, пахнущим пластмассой сублиматом?.. Полтинник — вернуть Судаеву, он терпелив, как и все русские, но проверять лишний раз его терпение очень не хочется — то же самое, что проверять взрыватель неразорвавшегося снаряда.

Еще, пожалуй, останется на полграмма шань-си. Или даже на четверть не китайского красного, а настоящего, из тех, что привозят с Ганнимеда или Ио.

Маадэр ощутил, что неосознанно облизнулся. Плохо. Мерценарий не должен терять контроль над собой, особенно перед клиентом. Плохо для репутации.

— Порядок, — произнес он нарочно сухим тоном, делая вид, что лежащие на столе банкноты не представляют для него совершенно никакого интереса, — Думаю, уже сегодня к вечеру смогу сказать что-то конкретное. Оставьте номер своего войса и я свяжусь с вами как только смогу.

— Боюсь, номера я оставить не смогу. Я бы не хотел открывать свое…

— А Вурм еще считает меня единственным параноиком в Восьмом, — пробормотал Маадэр себе под нос.

— Кто? — Зигана тут же напрягся.

— Не обращайте внимания. Но номер вам все-таки лучше оставить, поскольку свой я вам дать точно не смогу.

— Почему же?

— У меня нет войс-терминала.

Зигана удивленно оглянулся, будто раньше не замечал, что стены комнаты абсолютно пусты. Может, полагал, что все оборудование замаскировано.

— У вас нет терминала? Странно. Какие-то соображения безопасности?

— Можно сказать и так. Возможно, мне надо будет срочно с вами связаться, поэтому будет лучше, если вы все-таки оставите номер.

— Что ж, придется.

Зигана достал из кармана блокнот, вырвал лист и написал там короткий номер. Маадэр не глядя спрятал его в карман.

— Полагаю, наша встреча закончена. Разумеется, буду держать вас в курсе.

Зигана кивнул и подошел к входной двери. Но, положив руку на рычаг, отпирающий замки, обернулся.

— Господин Маадэр, — сказал он тихо, внимательно глядя ему в глаза, — Прошу вас быть очень осторожным. Я говорю о контейнере. Мне приходилось знать нескольких мерценариев и я также слышал кое-что от людей, на которых работали вы. На каком-то этапе у вас возможно будет риск принять неправильное решение. Например, получив био-софт, попытаться продать его к конкурентам. Или шантажировать меня. Это будет действительно неправильное решение, понимаете?

У Маадэра появилось желание достать из кармана «Корсо» и ткнуть коротким стволом в высокий лоб гостя. Желание, подогреваемое тремя ассигнациями на столе. Однако он привык сдерживать свои желания и просчитывать последствия каждого поступка.

И это тоже было следствием выбранного им жизненного пути.

2

— Сколько?

— Сотня, — Маадэр щелкнул пальцами, потом хлопнул себя по карману. То, что карман в данный момент был почти пуст, не имело значения.

— Франков?

Его собеседник был невысок, одет в потрепанный и замызганный на коленях комбинезон. Голова было похожа на подгнившую грушу, с которой наполовину сняли кожуру и немного приплюснули сверху. Коричневая влажноватая плесень покрывала половину лица, из середины ее таращился незакрывающийся, кажущий пластиковым, мутный глаз.

— На сотню франков не купишь сейчас и пули. Земные рубли.

— Ясно. Двое?

— Да. Могут держаться не вместе. У одного ствол, вороненый небольшой дробовик, скорее всего «Франчи-2» или что-то из «Моссбергов».

— Сложно. Плохая. Примета.

— Как будто я не знаю, — Маадэр картинно развел руками, — Но больше у меня примет нет.

Собеседник осторожно прикоснулся к брови, вероятно она беспокоила его. Из-под коричневой корки скатилось несколько густых капель крови. Казалось, нажми он посильнее — вся кожа слезла бы с костей черепа и шлепнулась медузой прямо на мостовую.

Маадэр брезгливо поморщился.

Он не любил лепров, не любил их вид, запах, не любил, как они шарят по лицу собеседника своими медленными застывшими глазами, похожими на выдутые из мутного стекла шары, не любил как они говорили, тихо и медленно, слегка напевая и замолкая невпопад. Но он понимал — если след ведет в Девятый и ты ищешь что-то грязное и отвратительное вроде хлодвига — тебе нужен лепр.

— Нарко? Те люди. Которых. Ты ищешь. Они — нарко?

Лепр говорил скупо и отрывисто, как если бы каждое слово, нашедшее выход через гниющие губы, стоило ему невыносимой боли. В сущности, так оно и было. Наверно, поэтому лепров никогда не приглашали произносить торжественные речи на деловых обедах, мысленно ухмыльнулся Маадэр. А еще потому, что благообразных джентльменов из Восьмого в хороших костюмах, вроде Зигана, непременно стошнило бы, встреть они лепра лицом к лицу.

— Не знаю, — сказал он вслух, — Впрочем, нет, на нарко не похожи. Слишком слаженно и уверенно действовали. Нарко бы психанули. Думаю, просто пара уличных хлодвигов, промышляющих разбоем.

— Хорошо. Жди.

— Ладно, давай… — Маадэр с облегчением отвернулся от лепра. Даже смотреть на покрытые обваливающейся коростой обшивки хлипкие дома гнилых переулков Девятого с мертвыми провалами окон было приятней, чем созерцать бывшее когда-то человеком существо.

— Если. Они появятся, я скажу. Сотня. Но шанс маленький. Хлодвиги.

Лепр с такой интонацией произнес последнее слово, как будто оно все объясняло. И оно действительно все объясняло — по крайней мере, для человека, который много лет провел в Девятом и каким-то образом выжил. Маадэр относил себя именно к этой категории людей.

— Я знаю. Хлодвиги держатся друг друга, как стая городских шакалов. Если выводок небольшой, они годами могут оставаться в тени, не привлекая к себе внимания. Возможно, эти ребята засветятся, когда попытаются сбыть товар, но мне бы хотелось успеть раньше.

Глаза лепра зажглись какой-то неприятной искрой. Зрелище это тоже было неприятным. Словно в мутных лампочках, захватанных грязными руками и ставших бесформенными, зажегся едва заметный огоне.

— Ты говорил, у них софт, — эта фраза была куда длиннее любой предыдущей и сопровождалась причмокиванием, от которого Маадэра передернуло, — Софт вкусный?

— Нет, — быстро сказал он, — Лекарство от заикания. И прочая дрянь.

— Х-хорошо… У тебя есть?.. — лепр потер большим и указательным пальцами. Болезнь почти уничтожила их, превратив в слизистые отростки, скрюченные вроде птичьих когтей, но жест был хорошо понятен.

— Держи, — Маадэр достал контейнер с эндоморфом, похожий на длинный и узкий пистолетный магазин, выщелкнул в уродливую вспухшую ладонь две небольших желтоватых капсулы, — Если узнаешь что-то до завтра, дам целых десять грамм. Понял?

Лепр торопливо закивал. Эндоморфы он сразу же бросил в рот и на его ужасном лице появилась мечтательная задумчивость. Содержащиеся в эндоморфине энкефолин и динорфин притупляли стонущие нервные окончания разлагающегося тела.

Маадэр, поколебавшись, достал еще одну капсулу и проглотил сам. В последний час зуд в мозге стал нарастать, он чувствовал себя так, словно у него в подкорке вьется рой стальных механических ос. Вурму тоже было плохо, электромагнитное поле города стегало его невидимыми кнутами, заставляя корчиться и извергать поток полуосмысленных ругательств.

«Сейчас станет легче, — сказал ему Маадэр, борясь с едкой изжогой, выступившей после эндорфина и одновременно пытаясь расслабиться, чтоб зуд в мозгу хоть немного утих, — Потерпи, червяк».

«Болото… Мерзкий город, — невидимое тело Вурма заворочалось, отчего у Маадэра на несколько секунд потемнело перед глазами, — Везде боль… Я чувствую себя так, будто мои внутренности крутит в мясорубке».

«Мои внутренности, — поправил Маадэр, — Но я тебя понимаю. Сплошное электромагнитное поле. Скажи спасибо, что мы в Девятом, здесь техники и прочего дерьма поменьше. В Восьмом у меня уже закипел бы мозг».

«Прими еще капсулу эндоморфина».

«Нет. Через два часа максимум. Мы и так выбиваемся из графика. Пока что мне нужна ясная голова».

Эндоморфин постепенно начинал действовать. Сперва почти незаметно, неощутимо, но Маадэр знал, что в паре желтоватых капсул содержится исполинская сила. Сила, способная изменить весь мир. Едва он двинулся вниз по улице, окружающий мир уже начал меняться.

У эндорфина было странное свойство, хорошо знакомое Маадэру, он никогда не менял вещи, на которые ты смотришь, но, если сконцентрироваться, эти перемены можно было заметить краем периферийного зрения. Резкие контуры зданий Девятого, похожие на осколки зубов в пасти мертвеца, стали мягче, сгладились, ушли куда-то на второй план, как плоские декорации, отодвинутые внутрь сцены. Редкие прохожие перестали казаться хищными насекомыми с порывистыми неестественными движениями и горящими в темноте глазами, они обернулись безмолвными, плывущими мимо, тенями. Шань-си делал свою работу, он менял мир вокруг Маадэра, заштопывая прорехи в мироздании, латая его гнилую обивку, из дыр в которой торчали влажные и гнилые внутренности Пасифе.

Он не прошел и сотни шагов, когда ветер, зло грызущий развороченные кровли Девятого и шипящий в бетонных термитниках-трущобах, стал напоминать затейливую мелодию с невыразимо прекрасным и сложным ритмом. Идти стало легче, в

ногах появилась приятная неуклюжая ловкость.

Но самым приятным было то, что стальные осы в мозгу стали затихать. Они еще вились, время от времени задевая своими шипастыми шершавыми металлическими лапками розовую мякоть мозга, но зуд, появлявшийся при этом стал мягче, терпимее. Словно мозг затянулся в плотную и мягкую оболочку. Внутрь тела насыпали серебряной пыльцы, оно стало почти невесомым.

Мир вокруг него продолжал меняться, превращаясь из зловонной клоаки, какой он всегда помнил Девятый, в удивительное царство форм и цветов, где узкие тесные улицы начинали сплетаться друг с другом, а громады давно брошенных фабрик вдруг подсвечивались каким-то внутренним светом. Темно-багровое небо, распахнутое над Пасифе, обрело новые оттенки и объем, посветлело, и уже не так напоминало разворошенную воспаленную рану. Удивительно, даже едкий запах нечистот и химикалий, извечный спутник бетонных трущоб, перестал на какое-то время тревожить Маадэра. Шагая по темной улице, он рассеянно глядел на редкие фонари, словно те были новыми звездами неестественной красоты, и одновременно воспринимал дарованные шань-си ощущения, настолько тесно сплетающиеся с показаниями его собственной хаотично работающей нервной системой, что невозможно было отличить, какое из них является подлинным, а какое иллюзорным.

…тяжелые складки бархата под пальцами…

…прикосновение трепещущего птичьего пера к щеке…

…мелодичный, рассыпающийся на ноты, хруст стекла под ногами…

Зуд в подкорке совсем стих, задавленный этими новыми ощущениями, по позвоночнику вверх и вниз расплылось тепло. Но не обычное тепло сродни тому, какое ощущаешь дома, сняв с себя мокрый плащ, пропахший химическими и биологическими испражнениями города, а другое, особенного рода, разглаживающее все уставшие клетки немолодого тела, скользящее по нейронам, разогревающее все замерзшее за долгие годы…

…в небе… парит… звон, волшебный — как золотая сеть… Вдохнуть полную грудь…

«За тобой идут, — сказал вдруг Вурм. Сквозь призму эндоморфа его голос доносился едва слышимо, как возня мышей из-под пола, — Ты в себе?»

Маадэр помотал слегка головой, чтоб избавиться от золотистой пыльцы перед глазами. Воздух еще пел, но теперь это была тягучая мелодия, сотканная из самого времени, не

чарующая, а заставляющая кровь мчаться по венам как раскаленное масло по внутренностям пышущего жаром двигателя. На лбу выступил пот, кожа налилась таким жаром, что прикасаясь к ней можно было обжечься. Как будто вместо плоти теперь была раскаленная до малинового свечения свинцовая нечувствительная обшивка.

«Уже отпускает, — сказал Маадэр, замечая, как предметы перед глазами снова приобретают привычную форму, — Боли не будет еще часов пять-шесть. Ар-р-ррр… Дьявольские морфины».

«Десять метров. Приходи в себя, под кайфом тебя свалят с ног первым же ударом».

Маадэр улыбнулся. Так широко, что если бы кто-то попался ему навстречу — шарахнулся бы в сторону. Но переулок, по которому он шел, был пуст. Просто неширокий проход между домами, залитый тяжелой, будто болотной, темнотой, из которой выступали острые хребты проржавевших много лет назад заборов, остовы гниющих на улицах механизмов и привычный уличный хлам. Камень домов напоминал старую иссохшуюся плоть старика, покрытую частыми пигментными пятнами в тех местах, где отслаивалась внешняя обшивка.

Искать кого-то в Девятом — рисковое дело, если только молодость не заточила твои зубы здесь же. Да и тогда есть вероятность, что кто-то окажется быстрее или подготовленнее тебя. Скверное место — Девятый… Смесь рабочего пригорода, полусгнивших трущоб, давно запущенных складских окраинных секторов и заброшенных ирригационных полей, от которых до сих пор остался плавающий в воздухе болотный кислый запах. Маадэр воспринимал его как некое подобие чана алхимика, в котором что-то вечно плавает, смешивается, чадит и испускает зловонный дым.

Нехорошее место — Девятый. Здесь и днем городового никогда не увидишь, а ночью тут начинается своя жизнь. Невидимая, но всегда ощущаемая. К которой нельзя прикоснуться, но которая всегда рядом — зыбким переливом теней на стене… Запахами кислотных помоек и затхлых заброшенных жилых блоков, звуками отдаленных выстрелов и наркотической невнятной музыки, прикосновениями покосившихся от времени бетонных стен и ржавых решеток. Как дыхание невидимого существа, затаившегося в темном углу. Существа, взгляд которого ты всегда ощущаешь на себе, в какую бы сторону ни пошел.

Как внутри чьего умирающего от старости организма, подумалось Маадэру, когда он пробирался через узкую щель в заборе, где несло мочой и чем-то паленым, легко представить,

про пробираешься по старой ржавой кишке какого-нибудь космического динозавра. Ладно, старик, дай своим мозгам проветриться. Чего доброго, и в самом деле оставят валяться с пробитым черепом…

Судя по тому, что вокруг было темно, кайф продержал его не меньше получаса.

Эндоморфинная волна схлынула, оставив после себя теплоту в груди и легкость во всем теле. Окружающее Маадэр воспринимал очень четко, хотя немного блекло.

«Слышу его шаги. Один, кажется».

«Один, — согласился Вурм, чутко контролировавший его слуховые нервы, — Но у него может быть ствол».

«Если крадется столько времени, значит, рассчитывает сэкономить патроны».

«Я нужен?»

«Нет, ни к чему. Обойдусь сам».

«Тогда смотри, чтоб не зацепили голову».

«Ценю твою заботу. А сейчас не мешай».

Преследователь приближался, обостренный Вурмом слух подсказывал, что расстояние немедленно, но сокращается. Шаги были мягкими, очень тихими, явно мужскими. «Ночные коты Девятого вышли на охоту, — подумал Маадэр, чувствуя приятную щекотку адреналина под ребрами, — Но кому-то охотничий дух этой ночью будет стоить головы».

Мягким незаметным движением он вытащил «Корсо» из кобуры. Стрелять в глухих переулках Девятого — не самая хорошая мысль, звуки выстрелов могут привлечь тех ночных хищников, которые пока держатся в тени, но иногда шестизарядный револьвер может стать очень полезной вещью.

Маадэр повернул налево, в узкий глухой двор. Где-то рядом работал дряхлый бензиновый генератор, его звонкий и вместе с тем рычащий клекот рвал плотную ночную тишину в мелкие обрывки, можно было не бояться, что под ногой звякнет, выдав, бутылка, или зазвенит потревоженная проволока. Из окон доносился неприятный затхлый запах плохого дрожжевого теста, наверно когда-то здесь была фабрика. Маадэр отступил на два шага от угла и замер. Благодаря Вурму все окружающее он видел почти также хорошо, как и днем, только без тени — за это придется расплачиваться головной болью и жжением в роговице, но это будет потом.

Преследователь подошел почти вплотную, видимо он шел по следу руководствуясь одним лишь зрением и это обнадеживало, иногда случайные и непредсказуемые мутации Девятого давали весьма неприятные результаты. Маадэр не любил встречать в

схватке что-то подобное, пусть даже способное всего лишь видеть в темноте, как и он. Он вообще предпочитал не вступать в схватку, если не был уверен в своем преимуществе.

Три шага. Два. Один.

Когда преследователь бесшумно вынырнул из-за угла, Маадэр коротким рассчитанным движением ткнул его собранными в щепотку пальцами в кадык и почти сразу нанес сокрушающий боковой удар левой. Искусственные синтетические волокна его левой руки сокращались гораздо быстрее, чем любые гликолитические мышечные волокна, основанные на медлительности биологических реакций несовершенного человеческого тела. Пожалуй, вложил даже чересчур много силы — собственные суставы тревожно загудели — слабая и ненадежная плоть не поспевала за обостренными Вурмом реакциями и лучшими достижениями военных протезистов. Удар пришелся преследователю в плечо, мгновенно превратив его в месиво из костей и хрящей, а руку — в беспомощный отросток.

Напряженное тело преследователя мгновенно обмякло, но Маадэр никогда не уповал на болевой шок. Никогда не знаешь, какой сюрприз преподнесет нервная система незнакомого человека. У некоторых обитателей Пасифе вроде нарко или хлодвигов она зачастую была настолько изувечена и перестроена, что на обычные раздражители реагировала самым непредсказуемым образом. Маадэр встряхнул нападавшего и с силой припечатал к забору, чтоб рассмотреть. А рассмотрев, выругался сквозь зубы.

Не нарко. Не хлодвиг. Лепр.

Судя по всему, молодой. Во всех смыслах. Лицо еще можно принять за человеческое, но кожа на нем ноздреватая, рыхлая, точно и не лицо вовсе, а некачественная маска из старого прогнившего пластика. Глаза — две залитых гноем щели, каким-то образом еще способных источать страх и боль. Голосовые связки, вероятно, были уже тронуты болезнью, вместо крика лепр издал беспокойный птичий возглас. Из вывернутой под неестественным углом руки на асфальт шлепнулся заточенный металлический штырь. Который наверняка бы уже торчал у Маадэра между лопаток, окажись он медленнее хотя бы на половину секунды.

Маадэр не собирался бить преследователя еще раз. Всякое прикосновение к лепру вызывало в нем отвращение. Он выпустил калеку и сделал шаг назад, держа револьвер в опущенной руке. Если лепр сочтет, что у него остались шансы на победу и устремится в новую атаку, несложно будет продырявить ему живот.

Но лепр не собирался драться. Забыв про штырь, подвывая и придерживая уцелевшей рукой беспомощную культю, из плеча которой торчали неровные серые осколки кости, он не оборачиваясь бросился бежать по переулку. То ли надеялся найти укрытие в знакомых ему как обрубки собственных пальцев улочках, то ли попросту подчинился боли и страху, слепо гнавшим его прочь.

Маадэр брезгливо обтер левую руку о стену, поднял «Корсо» и поймав покрытую лохмотьями и струпьями удаляющуюся спину, похожую на тряпку, которую гонит ветром в узкой трубе, дважды нажал на спуск. Выстрелы треснули сухо и громко, лепр выгнулся, будто попытался на бегу расправить невидимые крылья, врезался боком в стену и рухнул на землю, скрывшись за грудой мусора.

«Добьешь?» — безразлично спросил Вурд.

«Нет нужды, — скупо ответил Маадэр. Растворяющий в нейронах эндорфин не располагал к разговору, — Патроны снаряжены ардоритом. А кровь в его жилах такая же, как у всякого человека. Ублюдок уже сгорел, сожженный изнутри».

Маадэр быстро вынул из барабана две горячие желтые гильзы, ссыпал их в карман и вложил вместо них два патрона из кармана в плаще. Бессмысленная предосторожность, но так уж привык.

«Ненавижу лепров, — Маадэр спрятал „Корсо“ в кобуру, — Удивительно мерзкая порода.

Стоит показать лепру хотя бы рубль, и через полчаса за тобой будет виться целая сотня его родственников».

«Ты сам виноват, хозяин, — „хозяин“ Вурм употреблял редко и всякий раз со злорадством, которое Маадэр воспринимал тонким уколом в затылке, — Здесь нечего искать. Дохлое дело. Никто не найдет двух хлодвигов с контейнером даже если пропустит через мелкое сито весь Девятый».

«Да, — неохотно признал Маадэр, — Это дохляк. Стоило взять аванс и забыть про все это. Но иногда по-глупому везет на таких мелочах, особенно когда того не ждешь».

«Ты потратил впустую четыре часа и три грамма эндоморфа. Зная, что шанса практически нет. Ты стареешь и утрачиваешь хватку, Маадэр. Это нехороший знак».

«Иногда приходится шевелить задницей, — буркнул тот, — Иначе через полгода все клиенты будут знать, что старик Этельберд горазд только брать авансы и тянуть резину. Не хочу умереть с голоду».

«Никто из твоих осведомителей ничего не знает. Лепры-осведомители молчат. Ты можешь рыскать здесь еще несколько

лет».

«Я возвращаюсь. Скажу Зигана, что хлодвигов на планете нет. Может удастся его раскрутить еще на пару сотен, убедив в том, что они сбежали на Ио или Юпитер. А сейчас я хочу перекусить. Тебе что-то надо?»

«Глюкоза. Я немного выжат».

«Будет тебе глюкоза, хитрый змей, если потерпишь полчаса. Лучшая глюкоза, которую можно раздобыть на этом шарике окаменевших экскрементов, который вертится в космосе и именуется Пасифе. Главное убраться отсюда, пока не пришлось разбираться с другими лепрами. Встречу того старика, отстрелю ему то, что осталось от носа…»

Убедившись, что вокруг тихо, Маадэр бесшумно нырнул в боковой узкий переулок и через миг исчез.

3

Бар был старый, из тех, что строили много лет назад.

Снаружи он напоминал не очень больших размеров куб правильной формы, все грани которого были немного вогнуты внутрь и полупрозрачны. Как причудливая елочная игрушка, которую кто-то увеличил во много раз и воткнул в серый бетон Восьмого. Когда-то грани светились изнутри и мягкий карамельный цвет перетекал от одной к другой. Это должно было выглядеть красиво. Бару было много лет, вероятно, он появился во времена заселения Пасифе. Последний хозяин не спешил тратить киловатты впустую, а стеклянные панели со всех сторон потрескались, отчего елочная игрушка превратилась в покрытый трещинами бесформенный осколок. Кое-где панелей не было вовсе — просто черные провалы, из которых торчали опаленные хвосты проводки.

«Как кусок космического льда, свалившийся на Пасифе», — подумал Маадэр. Похожих баров было немало раскидано в пригородных секторах Восьмого, где уже не было стеклянных и стальных спиц мегаполиса, но и паленый запах Девятого пока сюда не слишком доносился.

Как правило, здесь было спокойно.

Маадэр заказал мясное рагу, два куска ржаного натурального хлеба и сладкий кофе. Подобное расточительство было не к месту, вполне можно было ограничиться порцией сублимата и сахарозы, но отказаться от соблазна, когда в кармане еще лежал непотраченный задаток, оказалось сложно. Рагу было пресным, узкие куски мяса напоминали скорее сухие комки сои, но после двух недель на хайдае и скверном корейском рисе Маадэр не собирался жаловаться. Он ел медленно, осторожно пережевывая пищу и ни на секунду не выпуская из поля зрения помещения. «Корсо» холодным маленьким насекомым прижимался к ребрам. Как и Маадэр, он всегда был готов к неожиданностям.

Кофе был сладким до приторности, Маадэр пил его с отвращением. Сам он никогда не подумал бы так испортить благородный напиток, но со мнением одного существа из одиннадцати миллионов жителей планеты ему считаться приходилось. Да и оно не было человеком.

«Достаточно, Вурм?»

«Да. Баланс почти в норме. Мне надо еще немного белков».

«С каких пор ты любишь белок?»

«Подлатать твои мышцы, идиот».

«Хорошо. Я взял мясо. Хорошее, не сублимат».

Когда Вурм ел, Маадэр ощущал легкое жжение где-то в районе гайморовых пазух. Как и он сам, Вурм ел долго, обстоятельно и терпеливо. Чтобы отобрать из крови достаточное количество необходимых ему веществ, Вурму приходилось тратить до получаса. Зато он ни разу не жаловался на неопрятную сервировку или некачественное обслуживание. В некоторых случаях ему было куда проще.

Маадэр мог ему только завидовать. Для него еда все еще оставалась чем-то большим, чем механическим процессом поглощения коктейля из белков, углеводов и жиров вперемешку с жирными кислотами и микроэлементами. Он сам не отказался бы провести время в каком-то более приятном месте. Более… чистом. И менее пропахшим теми запахами, которое оставляет после себя гигантский организм человечества, вне зависимости от планеты, запахами, давно распространившимися на всю Солнечную систему, включая Юпитер и окрестности.

Людей вокруг было прилично — сырой и прохладный вечер заставлял людей искать тепло и свет, они стягивались как одурманенные призрачным мерцанием лампы насекомые, также молча ели, пили контрабандный ром, читали газеты. Этот бар был частью их жизни. Рабочие с окраинных заводов, мелкие коммерсанты, недорогие проститутки, стареющие охранники, уставшие курьеры, неоперившийся молодняк, промышляющий чем-то по ночам — всех их тянуло к свету. Маадэр рассеяно смотрел на потускневшие лица, полустершиеся, как изображения людей на старых монетах, на маслянистые глаза, почти утратившие способность мигать, уставшие тягучие взгляды которых можно было почувствовать кожей. Ровно бурлящая вялая человеческая биомасса, поверхность которой всегда спокойна и однородна. Они были довольны. Алкоголь и дешевый шань-си постепенно вымывали из их глаз коровью грустную усталость, взгляд становился быстрым, лица краснели. Их губы начинали чувствовать вкус жизни.

Маадэр никогда не любил наблюдать за людьми, это занятие окончательно опротивело ему довольно много лет назад, но в этом зрелище он находил некоторое удовольствие. Глухие ритмы техно-джаза и неяркое освещение только подчеркивали те трансформации, которые происходили здесь, в отгороженном треснутым стеклом небольшом кусочке пространства. Налитые угрюмым тяжелым соком люди хмелели даже не от рома — у них будто раскрывались по всему телу невидимые поры, через которые выпаривалось все, что скопилось за день. И разноцветные хищные змейки хаоса обустраивали логова в пустых черных провалах их глаз.

— Развлечения? — тихо спросил человек в кепке с низко надвинутым козырьком, выплавляясь из пестрого многоцветия тел. Часть толпы. Он распространял такой же хмелящий мускусный запах. Еще одно насекомое, вьющееся в бешенном, страстном и отвратительном танце жизни.

— Что именно? — спросил Маадэр.

— Оксиморфон, теноциклидин, — его голос был таким мягким, что слова плавали в нем, тускло отсвечивая. Маадэр опять помотал головой — остатки эндоморфа еще рассасывались в крови, — Шань-си…

— Нет.

— Есть мальчики, — доверительно сказал человек. Из-под козырька смотрел коричневый человеческий глаз, в котором, как мошка в янтаре, застыл неподвижный равнодушный зрачок. Голос же был очень доброжелательный и отчасти даже застенчивый.

— Мальчики…

— Двадцать рублей в час.

Маадэр вздохнул. Пряный и в то же время тошнотворный запах жизни уже свербил у корня языка, хотелось забыть про ждущий снаружи вечер, похожий на сырую парящую тряпку, про хищные ледяные ветра, шныряющие бродячими собаками у самой земли, про злое свечение безразличных звезд и оранжевый глаз Юпитера в небе. Хотелось сделать вид, что это просто вечер, а он — просто обычный человек. Влиться в гудящую толпу, впитать ее запах, принять ее маскировочную окраску. Украсть кусочек чужой жизни, в которой тепло, сухо и спокойно. Хотя бы на один вечер…

«Забудь. Деньги еще пригодятся», — насытившийся Вурм настороженно наблюдал глазами Маадэра за происходящим.

«Я помню. Не сверби в ухе, червь».

— Не сейчас.

Человек понимающе кивнул, улыбнулся и через две секунды уже снова слился с толпой. Маадэру подумалось, что если взять огромное сито и процедить все содержимое бара, то и тогда не удастся найти никаких его следов.

«Не хочу чтоб ты опять спустил все, что есть в кармане за два дня».

«Очень трогательная забота, спасибо», — думать с язвительными интонациями было непросто.

«Не стоит, — ответил Вурм и добавил, — Если ты помнишь, я могу находить пищу не только в кофе».

Маадэр это помнил. Хотя это было одной из тех вещей, которые хорошо бы было забыть.

«Ты закончил жрать?»

«Да. Я сыт».

«Тогда уходим», — Маадэр деланно небрежным жестом уронил на стойку бара десятирублевую ассигнацию, — «Здесь становится душно».

«Здесь есть войс-терминал», — некстати заметил Вурм.

«Я заметил. Что с того?»

«Позвони отсюда Зигана».

«Не вижу смысла. Все, что я нашел за последние шесть часов — одного дохлого лепра. Едва ли Зигана посчитает его равноценной заменой своей пропажи».

«Но у него хотя бы появится впечатление, что ты занялся его пропажей всерьез. И ты сможешь попросить увеличения аванса».

«Беру свои слова назад, — улыбнулся Маадэр, — Ты не червяк. Ты старый мудрый змей».

Если бы у Вурма было бы лицо, сейчас бы оно ухмылялось. Однако лица у него не было. Почти как и всего остального.

Войс-терминал был у стены — старый неуклюжий аппарат с помутневшим от времени пластиком и желтыми кнопками. От него пахло плохим табаком и чужим потом. Трубка выглядела так, словно являлась вместилищем всех существующих на Пасифе инфекций и микроскопических паразитов.

Маадэр быстро набрал номер и стал ждать, когда треск и шипение в трубке исчезнут.

— Да… — резко выдохнул голос Зигана.

— Этельберд Маадэр. На счет…

— Да-да. Я помню, кто вы.

— Просто подумал, что стоит держать вас в курсе событий. Дело в том, что…

Голос у Зигана был странный. Узнаваемый, но резкий и напряженный. Такой, что могли вот-вот треснуть динамики. Во время встречи он говорил совсем иначе.

— Господин Маадэр, мне нужна ваша помощь.

— Она уже у вас есть.

— Нет, вы не поняли, — бросил Зигана нетерпеливо. Маадэр очень хорошо представил, как бегают сейчас его глаза за тонким стеклом линз, — Прямо сейчас!

Зигана определенно был возбужден и, кажется, напуган.

— Говорите, — коротко произнес Маадэр.

— За мной следят. От офиса. Я… — динамик сухо треснул, — Не знаю, сколько их, но я чувствую. За мной идут.

— Возвращайтесь обратно, — приказал Маадэр, — У вас должна быть охрана. Запритесь и…

— Поздно. Меня отсекли от здания.

— У вас переносной войсер, как я понял. Вызовите по нему

жандармов, всего и дел.

— Я не стану вызывать жандармов, — процедил Зигана, хрипло дыша, — Мне нужны вы.

Удивительно принципиальный человек, подумалось Маадэру, знает, что ему грозит опасность, но не желает обращаться к жандармам. Эта принципиальность, пожалуй, отольется ему в дополнительные пару сотен…

— Вы меня слышите? — в голосе Зигана послышались откровенно панические нотки.

— Слышу. Где вы сейчас?

— Второй сектор, северо-запад. Вы сможете помочь мне сейчас?

«Второй… — пробормотал Вурм, — недалеко. Можно добраться на спид-кэбе за десять минут. Пятнадцать, не больше».

— Могу, — Маадэр позволил себе паузу, с удовольствием чувствуя, как от волн страха собеседника дрожат динамики, — Но, как вы понимаете, это…

— Ваш гонорар будет увеличен, — быстро сказал тот, — На… соответствующую сумму.

— Буду через… м-м-ммм… Десять минут. Двигайтесь в сторону офисов «Химтека», там сейчас должно быть людно. Не показывайте, что вы заметили преследование. Не совершайте каких действий, которые могли бы спровоцировать преследователей. И ждите.

Маадэр вздохнул и прервал связь, с наслаждением треснув грязным пластиком трубки по аппарату.

— А дело, выходит, не такое и скучное, как мне сперва казалось. По крайней мере, мы с тобой можем рассчитывать на нескучный вечер.

Вурм промолчал.

4

Второй сектор Восьмого — это не бетонные кишки Девятого, но и не самое подходящее место для вечерней прогулки. Маадэру приходилось здесь бывать, но не по своей воле — он не любил высокие шпили корпоративных зданий, они напоминали ему блестящие нержавеющей сталью протезы, лезущие вверх из старой рыхлой плоти, навстречу низкому небу Пасифе. Слишком много электричества, которым пропитан каждый квадратный сантиметр, слишком много всего того, от чего кружится голова и колет в затылке.

Три квадратных километра металла, пластика, стекла и камня. Оказавшись здесь, чувствуешь себя как будто внутри огромного двигателя, но дело здесь даже не в неумолкающем ни на секунду визге спид-кэбов и одышливом низком дыхании грузовиков. Все вокруг движется и движение это не хаотично, а подчинено своим внутренним законам. Каждая мелочь — часть большого грохочущего целого. Оказавшись здесь, чувствуешь себя инородным предметом. Как клетка, попавшая в чужой организм. Или винтик, упавший в работающий на полных оборотах двигатель.

Маадэр не любил бывать в подобных секторах. Но нелюбовь к электромагнитным полям была причиной лишь отчасти. Его раздражала суматоха вокруг, это вечное непрекращающееся движение, которое невозможно ни остановить, ни хотя бы частично нарушить. Это движение тоже подчинялось каким-то своим законам, которых он никогда не понимал и которые вызывали у него отчаянную мигрень, если ему случалось попадать под их влияние.

«Ощущение бессилия, — подумал он, выбираясь из спид-кэба, — Вот что. Подходящее место чтобы почувствовать себя песчинкой. Можно делать все что угодно — и все равно ничего не изменится. Как будто пытаешься опровергнуть законы физики».

Он подумал, что даже если достать сейчас «Корсо» и выпустить все шесть пуль в облитую серым офисным сукном толпу, прущую по тротуару, все равно ничего не изменится. Кто-то закричит, кто-то шарахнется в сторону, кто-то упадет с обугленной дырой в лице — все равно это не нарушит основной принцип, регулирующий здесь жизнь. Движение, вечное движение, упорядоченное, но сбивающее с толку, путающее, гнетущее. Огромный двигатель.

Улицы здесь были достаточно широки, но идти быстро было сложно — слишком много людей покидали в этот час офисы. Они

походили на людей, они были облачены в человеческую одежду, хоть и щегольских фасонов, они изъяснялись на языке, который был хотя бы отчасти понятен окружающим, но Маадэру все они почему-то казались непривычными и незнакомыми организмами. За последние два десятка лет изменившаяся атмосфера Пасифе породила множество самых странных форм жизни, к которым он так и не успел привыкнуть.

Корпоративных клерков с пустыми рыбьими лицами и мятыми воротничками, чей лихорадочный блеск в глазах выдавал многолетнюю склонность к нейро-возбудителям и нелегальному био-софту. Софт-тестеров, похожих на дергающие марионетки, чья нервная система была навсегда искалечена и походила на разомкнутую электроцепь. Секретарш с твердыми окостеневшими спинами, чья неестественная молодость вкупе с выцветшими старческими роговицами глаз вызывала скорее отвращение, чем похоть. Инженеров с острыми лицами и нервными жестами, непрерывно курящих и выглядящих так, словно они близки к апоклептическому удару. Биржевых аналитиков с прилипшими к челюстям острыми улыбками, о которые, казалось, можно порезаться. Менеджеров нижнего звена, которые всегда выглядели так, будто уже были немного пьяны, но недостаточно для того, чтоб расстегнуть хотя бы одну пуговицу строгого пиджака. Все они дышали тем же воздухом, что и Маадэр, грязным и едким воздухом Пасифе, но представляли собой совершенно иные биологические виды. Виды, которые не только встроились в организм Пасифе, но и стали мясом на его костях.

А ведь когда-то, вспомнил он, второй сектор считался едва ли не промышленной окраиной. Здесь был старый грузовой космопорт, два или три завода и несколько кварталов фабричных трущоб, выглядевших запущенными даже по меркам Пасифе, крошечного индустриального спутника, навечно обреченного болтаться на задворках Юпитера.

А потом Юпитер пал. Превратился в мертвый газовый гигант с атмосферой из водорода и гелия, орбита которого была усеяна бесформенными металлическими осколками — останками когда-то могущественного планетарного флота. Фрегатам Земного Консорциума потребовалось неполных три года, чтоб задавить и уничтожить накопленную за полвека бурной промышленной экспансии силу Юпитера.

От его спутников Земля не ждала сопротивления. Лишенные защиты своего отца, покровителя и защитника, они должны были посыпаться в руки Земли подобно спелым плодам с надломленной ветки. Но вместо этого предпочли объявить Земле свою собственную войну, весьма жалкую и больше похожую на

затянувшуюся агонию.

Ио продержался почти четыре месяца и прекратил сопротивление лишь после того, как плазменные батареи Консорциума превратили его поверхность в трехметровый слой расплавленного стекла. Европа выдержала двухмесячную осаду ценой трех четвертей своего населения, а уцелевшие представляли собой сборище пораженных лучевой болезнью калек. Группа спутников Ананке оказались испарены залпами земных фрегатов вместе с расположенными на них верфями, наблюдательными станциями, базами снабжения и обслугой. Каллисто сдался без боя, зато Ганнимед, используя лишь безнадежно устаревшие корабли и наспех вооруженные суб-орбитальные транспорты, устроил самоуверенной Восьмому Флоту Земли такую трепку, что температура в генеральном штабе Земного Консорциума на какой-то момент должна была сравняться с температурой внутри плавящегося реакторного ядра. Но больше земные стратеги таких оплошностей не совершали. Все спутники Юпитера, дерзнувшие оказать сопротивление, монотонно и механически подавлялись один за другим. Пока не пришла очередь Пасифе, последнего из крупных спутников.

Маадэр хорошо помнил то время. Атмосферу паники, которая спорадически сменялась приступами военной истерии, судорожные приготовления к обороне, которая едва ли продлилась бы более двадцати четырех часов и по своей сути была не более, чем символичным ритуалом, предваряющим гибель четырех миллионов человек в плазменном огне земных орудий. Несмотря на это, Пасифе всерьез готовился воевать. Поднимала на орбиту дряхлые межпланетные рудовозы, едва способные нести орудия, наспех ремонтировала планетарные батареи, прикрывала города камнем и сталью, сбивала вчерашних шахтеров и рабочих в разномастные и беспомощные отряды самообороны, вооруженные зачастую лишь хламом, собранным на местных же заводах. Маадэр помнил эту подготовку к самоубийству, несмотря на то, что носил в те времена совсем другое имя и работал на других людей.

Но Председатель Правления Консорциума Земли в очередной раз проявил свою безмерную мудрость, сделав то, чего никто от него не ожидал. Вместо того, чтоб задавить последнее сопротивление огнем, он поступил иначе. На Пасифе не обрушилась раскаленная плазма фрегатов. Ее ядовитую атмосферу не нарушили ревущие орбитальные торпеды, несущие смерть и разрушения. На его единственный город не посыпались десантные капсулы. Для того, чтоб уничтожить сопротивление Пасифе, Председатель Правления использовал самое

смертоносное и совершенное оружие из всего земного арсенала, оружие, против которого были бессильны силовые поля, эскадренные планетарные эсминцы или самая толстая броня.

На Пасифе обрушились деньги.

Своим приказом Председатель постановил принять Пасифе в состав Консорциума и учредить на его территории свободную экономическую зону — единственную на орбите покоренного Юпитера. Это было концом всякого сопротивления.

К Пасифе устремились не грозные, закованные в сталь как средневековые рыцари, тяжелые фрегаты Консорциума, а денежные ручьи со всех краев Солнечной системы. Это была битва, в которой не было даже тени шанса на победу. Захолустный Пасифе, серая песчинка, вертящаяся на пятнадцатой от Юпитера орбите, стремительно стала обрастать лоском, к которому так и не смогли привыкнуть коренные переселенцы — шахтеры, рабочие фабрик, горняки-металлурги. Суровая, с отвратительный климатом и почвой не плодороднее сухого цемента планета, ставшая за долгие несколько десятков лет родной, менялась так стремительно, что за всеми изменениями не поспевал глаз.

Председатель не распорядился уничтожить поверхность спутника, не обратил в руины его города, вместо этого он изменил атмосферу Пасифе, раз и навсегда перекроив на корню существовавшую там экологическую систему, превратив существовавшие там биологические виды в труху и населив новыми, прежде здесь никогда не существовавшими.

Подобно тому, как в благотворной питательной среде образуются бактерии и вирусы, жизненное пространство Пасифе в самом скором времени оказалось засеяно великим множеством самых странных и непривычных организмов. Филиалами транспланетарных корпораций и подпольными тотализаторами, софт-лабораториями и публичными домами, подпольными казино и аудиторскими компаниями, коллекторскими агентствами и благотворительными фондами, промышленными гигантами и медицинскими клиниками, нелегальными нарко-барами и курьерскими службами, страховыми агентствами и газетными издательствами, игровыми заведениями и анархистскими синдикатами, отелями и дата-банками, подставными компаниями и инвестиционными центрами…

А вслед за ними пришли и новые жители Пасифе, мгновенно обозначившие и разделившие свои биологические ареалы — ученые, софт-тестеры, наемные убийцы, управляющие, проститутки обоих полов, поручители, ростовщики, вымогатели, финансовые аналитики, промышленные шпионы, нарко-торговцы,

нотариусы, подпольные букмекеры, осведомители, мерценарии, коммивояжеры, социопаты, чиновники, курьеры, охранники и швейцары.

Пасифе менялся слишком стремительно, чтоб его прежние формы жизни успели приспособиться к новому порядку вещей или найти в нем свою нишу. Отжившие биологические формы, вчерашние шахтеры и фабричные рабочие, они привыкли к старому укладу. На протяжении поколений они дышали ядовитым воздухом Пасифе и вгрызались в его недра, выедая их подчистую и сами умирая к пятидесяти годами. Они были обитателями одного из крошечных промышленных миров Солнечной системы, миров, которые одаривают своих детей лишь нехитрой жизненной философией, суровой и угрюмой. Лишившиеся своих рабочих мест, рано состарившиеся, терзаемые целым сонмом врожденных, приобретенных и искусственно-выращенных болезней, они с недоумением наблюдали за тем, как посреди Пасифе разрастаются целые кварталы гладких, залитых бетоном, улиц, растут стеклянные шпили и разливаются водопады неонового света. Они были осколками старой жизни, раз и навсегда закончившейся, но не хотели этого сознавать. Им некуда было уезжать, негде работать, не о чем мечтать.

Так и появился Девятый, второй и последний город Пасифе, вечный спутник и вечный антогонист Восьмого. Край изгнанных со своей собственной родины людей, царство грязи, порока и разложения, соседствующее с царством сверкающего стекла и нержавеющей стали.

«Зигана».

«Уже вижу».

Найти клиента в однотонном сером потоке было непросто, Маадэр заметил его лишь тогда, когда рядом загорелись огромные купола «Химтека», занимающие целый квартал. Людей здесь было поменьше, но все равно гораздо больше, чем он привык. Он чувствовал себя стиснутым со всех сторон, в нос лезли чужие запахи — пот, косметика, духи, испарения тел, табак, этил, гной… В такой толчее, подумалось ему, револьвер быстро не вытащишь. Кроме того, действие эндоморфа постепенно проходило и, хотя боли пока не было, он уже ощущал тупые уколы в мозгу, свидетельствующие о том, что проклятое электричество пропитало своим ядом не только почву под ногами, но и тела самих людей. Часы, мини-терминалы, войсеры, электрошокеры, карманные музыкальные проигрыватели, софт-накопители, диктофоны, вмонтированные под кожу импланты, фотокамеры — все это он чувствовал так же хорошо, как если бы прикасался к ним рукой. Пока эти ощущения еще не были

неприятны, но Маадэр знал — пройдет еще часа два и они превратятся в жалящие укусы, пробивающие мозг насквозь, от которых нельзя ни спрятаться, ни убежать, ублажить которые можно лишь очередной дозой эндоморфа.

Клиент нервничал. Маадэр не видел его лица, но отчетливо видел мутные жемчужины пота повыше воротника, напряженные плечи и неестественные движения головы. Так ведет себя человек, который чего-то боится. Так ведет себя жертва. Маадэр почувствовал, как его ноздри раздуваются. Он тоже любил тот особенный запах, который оставляет жертва, особенно тогда, когда уже видит блеск клыков преследователя совсем рядом, но усилием воли заставил себя успокоиться и сохранять предельное спокойствие. Сегодня ночь не его охоты. Точнее, этой ночью он будет охотиться на другого охотника, а не на жертву.

Городовой, стоящий на углу, нахмурился, когда Маадэр проходил рядом. Должно быть мерценарий слишком выделялся из толпы в своей потертой засаленной куртке, да и лицо его вряд ли могло принадлежать человеку, которого во второй сектор привели законные, не наказуемые законом, интересы. Мерценариев пока еще терпели, но не жаловали, особенно в центральных секторах Восьмого. Сомнительный престиж этой профессии окончательно упал во время войны двадцать третьего — двадцать восьмого годов, когда Юпитер уже агонизировал, а спутники оказались в глубокой изоляции и каждый из населяющих их двух миллиардов людей неожиданно понял — выживет он или нет зависит только от него самого.

Мерценарии просто поняли это раньше других. Во время войны у них всегда хватало работы, да и до нее достаточно сообразительный человек с пистолетом и лицензией мерценария в кармане всегда мог заработать на кусок хайдая. После двадцать восьмого стало хуже — наместники Консорциума сообразили, что новому обновленному Пасифе такие пережитки истории как мерценарии уже не требуются. Новая власть терпеливо и планомерно превращала спутники из болот окраин Системы в хрустальные аквариумы, позабыв о том, что под слоем дорогого розового песка и коралловых зарослей лежат многовековые камни, скрепленные отчаяньем, злостью и нищетой, а среди прекрасных экзотических рыб встречаются те, чьи шипы блестят от накопленного яда.

Мерценарии всегда были самыми юркими, хищными и осторожными рыбами в таких водах. Их тени появлялись там, где в воде расплывались багровые пятна, свидетельствующие о близости добычи. Слишком независимые и подозрительные чтобы сбиваться в стаи, слишком осторожные чтоб перебить друг друга

и слишком жадные чтоб найти знамена себе по вкусу, они шныряли в темных гротах, над которыми насыпали розовый песок нового Пасифе. Маадэр привык считать себя именно такой рыбой.

Городовой пристально проводил Маадэра взглядом, но промолчал и к кобуре не прикоснулся. Как бы ему ни хотелось, мерценарии все еще не были признаны вне закона. Может, когда-нибудь позже, через год или два… Как только Председатель в своей бескрайней мудрости издаст очередной приказ… Тогда, конечно, мерценарием припомнят все. Все их грязные дела на Пасифе и окрестных спутниках, все криминальные связи и откровенно нелегальные занятия. Но до того момента…

— Я тут, — негромко произнес Маадэр, глядя себе под ноги, — Не поворачивайтесь. Все в порядке.

Идущий за его плечом Зигана вздрогнул, но сделал вид, что ничего не услышал. Вокруг было слишком много людей. Маадэр не хотел гадать, чьи именно глаза следят сейчас за ним.

— Сзади… Он позади. Кажется, один из тех…

— Один из тех двух, что вас ограбили?

— Возможно. Они следуют за мной от офиса.

— Оружие?..

— Не знаю. Не видел.

От Зигана пахло тем горячим и свежим запахом страха, который действовал на Маадэра лучше любого наркотика. Ничего поделать с собой он не мог — умение идти по следу жертвы и чувствовать ее было слишком глубоко спрятано внутри его черепа. Так глубоко, что до него, наверно, не смог бы дотянуться даже всемогущий Вурм.

«Держатся за нами. Но не приближаются. Скорее всего они хотят довести Зигана до более спокойного места и тихо убрать».

«Они могли бы воспользоваться нано-пулями».

«В такой толпе? — Вурм издал брезгливый смешок, — Хлодвиги глупы, но при этом всегда осторожны. Они не станут рисковать».

«Если это хлодвиги».

Кроме запаха Маадэр чувствовал и исходящий от Зигана тонкий зуд, что-то очень напоминающий, но едва уловимый.

«У него переносной войсер», — напомнил Вурм.

«Нет, войсер тоже есть, но тут что-то другое… Более острое… Вот, чувствуешь?»

Вурм молчал несколько секунд, а когда заговорил, его мысленный голос можно было назвать задумчивым.

«Да, теперь да. В первый раз было то же самое».

«Имплант?..»

— Что у вас на себе из техники? — быстро спросил Маадэр.

Зигана явно не ожидавший такого вопроса, удивленно взглянул на мерценария.

— Из техники?..

— Любые источники активного электромагнитного излучения. Быстрее.

— Войсер.

— Знаю. Еще.

— М-ммм… Ничего. Только войсер.

— Имплантанты? Часы? Компактный терминал? Может, какое-то электронно-магнитное оружие?

— Ничего такого. А что вы…

— Следящее устройство, — произнес Маадэр сквозь зубы, стараясь не глядеть по сторонам, — Я так и думал.

«Ты прав, — признал не очень охотно Вурм. Должно быть, корил себя за то, что не догадался первым, — Похоже, парень на привязи. Неудивительно, что его так уверенно ведут в густой толпе».

«Интересно, чем именно его пометили? Что-то небольшое, но довольно мощное. „Москит“?»

«Возможно. Или что-то японское, они тоже любят маленькие коротковолновки».

«Судя по всему, висит уже больше суток. При постоянном сигнале у него должен быть неплохой запас энергии. „Москита“ хватило бы самое больше на день. Скорее все-таки что-то посовременнее. Неплохая вещь, очень малозаметное излучение, заметит только тот, кто выслеживает именно эту волну».

«И еще тот, кто нутром чует любое электромагнитное излучение, — от ухмылки Вурма у Маадэра обожгло основание черепа, — Я рад, что твои мозги еще не полностью сгнили от шань-си».

— Идите дальше, — сказал Маадэр Зигана, сохраняя бесстрастное выражение лица и все так же глядя себе под ноги, — На вас сидит электронный клоп. Тонкая работа. Идите вперед, я отстану и попытаюсь нащупать хвост.

Зигана хотел что-то спросить, но осекся, вместо этого просто кивнул. Он тоже понимал, что сейчас не время для вопросов. Маадэр отстал от него и замедлил темп, однако так, чтоб не очень выделяться среди толпы. Зигана тут же пропал, скрытый чьими-то затылками, спинами и плечами. Маадэр вздохнул, набрав полные легкие воздуха и стал вслушиваться.

Ослабленное эндоморфом восприятие не сразу «прозрело», но потом Маадэру пришлось стиснуть зубы так, что из десен выступила соленая кровь. Мозг словно выставили под град, все градины которого были выплавлены из стали. каждое мгновение

на него обрушивалось несколько десятков ударов, с непривычки перед глазами появились тошнотворные переливающиеся пятна. Это нормально. Легкая расфокусировка в мозгу, Вурм приведет все в порядок вплоть до последней нейронной цепочки.

Маадэр пошатнулся, но заставил себя идти ровно, лишь немного прикрыв лицо воротником плаща. Он чувствовал все. Это было то же самое, что рассматривать трещины в бетоне мостовой, выйдя на встречную полосу глубокой ночью.

Электричество было повсюду, оно таилось везде, им был пропитан воздух и земля под ногами. Войсеры, терминалы, электронные стилосы, записные книжки, разнообразнейшие импланты, вмонтированные в плоть и кости, стимуляторы, оптические преобразователи, радиоприемники, хронометры — все это проникало в его мозг звенящими стальными осами. От их укусов мозг быстро превращался в агонизирующий сгусток нервных клеток, едва способный воспринимать поступающую информацию.

«Давай, — буркнул Вурм недовольно, — Сосредоточься. Нам надо найти приемник сигнала на той же волне».

«Это не так просто… — подумал Маадэр, чувствуя неприятную слабость в коленях, — Здесь миллионы сигналов. Здесь… о проклятье…»

«Всего лишь генератор, судя по всему в соседнем доме. Я помогу немного».

Маадэр чувствовал себя так, будто осы уже выедают его мозг изнутри. Из зудящее жужжание было невыносимо. Он машинально опустил руку в карман, там лежал холодный и приятный на ощупь контейнер, содержащий в себе маленькие желтоватые капсулы эндоморфина. Он знал — достаточно проглотить хотя бы одну, как боль пройдет. Или немного утихнет. Просто взять одну желтую капсулу и бросить в рот… Но он также и знал, что когда эндоморф парализует его нервные окончания, в ту же секунду он потеряет и нюх. Сейчас он не мог себе этого позволить.

«Еще минуту, Этельберд, — сказал он сам себе, сжимая руками собственный ремень чтоб ладони не коснулись пылающих висков, — Если не найдешь его за минуту, съешь свою капсулу».

Потом стало легче — пришел на помощь Вурм. Как обычно, шум в голове стал тише, боль превратилась в тонкий комариный писк, похожий на медную проволоку, которой насквозь проткнули мозг. Это было неприятно, но вполне терпимо. Маадэр украдкой смахнул пот со лба.

«Спасибо. Уже гораздо легче. Держи на таком же уровне».

«Я могу убрать боль, — тихо сказал Вурм, — Практически

полностью».

«Нет. Просто держи все на том же уровне. Этого хватит».

Вурм мог убрать боль, оставив ощущения, он хорошо умел это делать. Но Маадэр не спешил принимать его помощь. В глубине души он рассчитывал прожить еще какое-то время, хотя бы года четыре.

А потом он почувствовал то, что искал. Одна нота в звенящем какофоническом оркестре, который разрывал его голову на части, показалась ему знакомой. Тонкая, на грани слышимости, она все тянулась и тянулась, постоянная и не меняющаяся. Это мог быть приемник, ловящий волну клопа, сидящего на Зигана. Может, кажется? Маадэр на несколько секунд позволил себе отвлечься, потом снова прикрыл глаза. Да, это было очень похоже. Не так четко, как обычный жандармский «Москит» или дешевый японский «Биру-20», но все же отчетливо. Чтоб не упустить эту ниточку, пришлось полностью сосредоточиться, но и тогда она болталась где-то на самом краю восприятия, то пропадая совсем, то вновь появляясь. Путаясь в тысячах других, на порядок более мощных сигналах, Маадэр держался за нее, так осторожно и аккуратно, словно она служила предохранителем гранаты. В носу неприятно захлюпало, Маадэр почувствовал горько-соленый привкус на губах. Это значило, что надо заканчивать. Если он, конечно, не хочет получить инсульт прямо здесь же. Сможет ли Вурм что-то сделать с инсультом?..

«Напряжение, — ровно сказал Вурм. Маадэр его почти не чувствовал, лишь слышал негромкий голос, — Осторожно, хозяин».

«Я его удержу… Я чувствую… Совсем рядом. Рядом! Сколько выдержишь?»

«Могу сдерживать еще минуты две. Потом сложно. Я контролирую твой мозг, но я не могу его держать, если он разорвется на части».

«Значит держи сколько можешь!»

След остался. Как крохотный дрожащий волосок, едва видимый на свету. Но он был уже близко, чертовски близко.

Маадэр двигался зигзагом, переходя с одной стороны улицы на другую, он чувствовал, что приемник совсем близко, оставалось только локализировать примерный район, а там уже можно будет разобраться и так… Главное — хватило бы времени. Вурм молодец, он выжмет все, что можно. Но он получит за это свою плату.

«Стоит ли оно того? — спросил сам у себя Маадэр, — Ты убиваешь себя, сжигаешь собственный мозг. Если тебя не убьет инсульт, тебя сожрет Вурм. Сколько своей жизни ты сейчас сжег,

выслеживая ничего не стоящий приемник? День? Неделю? Полгода? А получишь полторы тысячи рублей, и то если доведешь все до конца, во что сам не веришь. Оно стоит того, Этельберд?»

Потом думать стало некогда, потому что невидимый голос приблизился почти вплотную. Маадэр заставил себя двигаться максимально естественно. Охотник сейчас, скорее всего, следит за клопом на Зигана, но если он профессионал… Это будет плохо, но такое возможно. Тогда лучше сделать все чтоб остаться незамеченным как можно дольше. К тому же, их может быть несколько. А стрелять в толпе, пусть даже из короткого «Корда» — дело неудобное, да и опасное.

«Позади и чуть слева, — сказал Вурм. Он тоже был немного возбужден, но как обычно скрывал это, — Видишь?»

«Да».

Маадэр обернулся. Не полностью, просто немного скосил голову чтоб мазануть по охотнику боковым зрением. Для Вурма этого было достаточно. Зрительными нервами Маадэра он управлял ничуть не хуже, чем тот своими же руками. Изображение было четкое — среднего роста мужчина в недорогом, но хорошем плаще, укрывающим от подбородка до самых пяток. Он тоже глядел себе под ноги, поэтому лица его было не разобрать. Волосы были коротко подстрижены, обычного для Пасифе пепельного оттенка. Если он и был вооружен, то толково, оружие не бросалось в глаза. Но, несомненно, имелось — никто не пойдет по следу, не будучи уверенным в собственной безопасности, особенно если это хороший охотник. В том, что под плащом можно спрятать много разных неприятных сюрпризов, Маадэр не сомневался.

«Что дальше?»

Маадэр не ответил. Разбираться с таинственным охотником в людской толчее не годилось — второй сектор Восьмого не располагал к тому, да и городовых здесь было с избытком. Здесь они чувствовали себя уверенно и, что хуже, уверенность эта была обоснована. Где-нибудь поближе к окраине Маадэр еще рискнул бы, но здесь поднимать лишний шум было опасно. С другой стороны, затягивать все тоже смысла не было — если незнакомец изловчится и уберет в давке Зигана, не будет никакой возможности получить деньги. У мертвецов помимо прочего есть одна скверная привычка — они никогда не платят по счетам. Кроме того, даже если Зигана останется жив, преследователь может раствориться в человеческом море без следа. Сядет в спид-кэб или просто затеряется в хаосе электромагнитных ветров. Это значило, что действовать надо быстро.

«Ты рискуешь».

Бормотание Вурма он не слушал. Оно было далеким и нечетким, как искаженная густыми помехами радиопередача.

Подходящее место нашлось через несколько минут. Не совсем то, что требовалось, всего лишь невысокий пластиковый забор, выставленный вокруг ремонтируемого фасада. Вместо двери в нем зиял ровный проем — то ли рабочие еще не успели закончить с ним, то ли просто считали, что в этом нет нужды. В любом случае это было на руку. Вурм без приказа обострил обоняние и слух. Из-за забора пахло краской, свежим цементом, остывающим камнем, табаком, силикатным заполнителем и еще тысячью непонятных и странных запахов, которые всегда царствуют там, где происходит ремонт. Признаков людей не было, скорее всего рабочие, убрав инструмент, уже отправились по домам, не оставив даже охраны. Это не было странным — во втором секторе только самоубийца решится проникнуть на чужую территорию, не говоря уже о краже.

«Чисто, — одобрил Маадэр, — Не идеально, но сгодится».

«Как на счет порции норадреналина?»

«Совсем немного. Если пойдет не по плану — врубай все, что есть».

Вурм ничего не ответил, но у Маадэра появилось ощущение, что тот молча кивнул. Стало немного теплее — это в кровь попала точно высчитанная доза гормонов. В этом не было особой нужды, но Маадэр хорошо знал, что и лишним это никогда не будет. Пристроившись прямо перед преследователем, он дождался, когда проем в заборе окажется рядом. Все остальное было делом техники, стремительности и опыта.

— Простите… — Маадэр резко остановился. Человек в плаще налетел на него, поднял голову и Маадэр успел разглядеть багровое опухшее лицо с огромным нависающим лбом и широко посаженными небольшими глазами. «Хлодвиг», — понял он с облегчением, — Вы не подскажете, как пройти к административному зданию «Ветеншаап»?…

Глаза у человека были похожи на акульи — с такой же серой непроницаемой пленкой, под которой, однако, угадывалось что-то такое, что может быть только во взгляде голодной и резвой акулы. Хлодвиг сморгнул, потом на огромном лбу появилась вертикальная складка, а опущенная в карман рука напряглась.

Но Маадэр был быстрее.

Левой рукой он перехватил правое запястье хлодвига и хорошенько сдавил, позволив синтетическим волокнам протеза выдать две трети мощности. И почувствовал треск кости под пальцами. Хлодвиг не закричал — не успел. Даже нервной

системе обычного человека требуется несколько наносекунд, чтоб нервные окончания донесли ощущение боли до мозга. Маадэр не дал ему даже этой возможности — мгновенно ударил плечом в грудь, швырнув выгнувшееся тело в направление проема. И шагнул вслед за ним.

Пластик забора был слишком тонким даже для того, чтоб задержать пистолетную пулю или послужить надежным укрытием от залпа дроби, но сейчас он выполнял не менее важную функцию, мгновенно отгородив Маадэра и его добычу от бурлящей улицы. Находясь в нескольких метрах от людской толпы, они в то же время находились сейчас в своем собственном измерении, отгороженном от измерения Пасифе.

Все произошло очень быстро, никто из прохожих не закричал. Главное в таком деле — быть в ритме. Соблюдать темп окружающих. Слиться с ними. Тогда, оставаясь в толпе, можно делать что угодно. Даже те, кто шел рядом и все видел, не обратили на это внимания, а если и заметили, то забыли через пять шагов. «Толпа — необычная среда, но ее тоже можно сравнить с водной стихией, — вспомнились слышанные когда-то слова, — Если соблюдать ее законы, ты будешь быстрее и грациозней голодной мурены».

«Сегодня мурена поймала акулу, — подумал Маадэр, хватая прижавшегося к стене человека и отшвыривая его еще дальше от проема, — Правда, очень глупую и неумелую акулу».

Носком правого ботинка он ударил хлодвига под ребра, чтобы тот не вспомнил о своей левой руке, потом схватил за короткие волосы на затылку и впечатал голову в неровную каменную поверхность стены. Боком — лицо хлодвига еще могло пригодится. Да и тяжело будет объяснять жандармам, что случилось с этим странным господином во втором секторе. Хлодвиг сполз на мостовую, судорожно пытаясь набрать воздуха в легкие. Судя по всему, он был еще молод, не старше двадцати. Хотя без помощи Вурма едва ли разберешь. Многие жители Девятого в тридцать лет выглядели глубокими стариками.

— Сопляк, — сказал Маадэр, наклоняясь над ним, — Я так и думал. Беззубый, но голодный шакал. Вы никогда не умеете сделать что-то хорошо.

В правом кармане хлодвига обнаружилась смятая и уже начинающая синеть кисть, а еще короткий обрез с двумя стволами. Оружие Маадэр осмотрел мельком — старый, неумело обрезанный «Франчи» выпуска двадцатых годов, подходящая штука для хлодвига — раздавил левой рукой спусковой механизм и засунул все, что осталось от обезображенного дробовика в широкую щель между камнями. Рабочие потом найдут, это не

представляло опасности — кожа его искусственной левой руки была лишена такой неудобной вещи, как отпечатки пальцев. В другом кармане обнаружился небольшой, но тяжелый пульт с экраном.

— Не «Москит», — заметил Маадэр, взвешивая приемник в руке, — И не «Биру». Точность метров пять, да? Хорошая игрушка. У нас были похожие во время службы.

Хлодвиг зарычал и попытался подняться, но Маадэр отступил и несильно ударил его носком ботинка в подбородок. Потом достал «Корсо». Неудачливый преследователь затих, почувствовав прикосновение к щеке холодного металла. Даже стонать почти перестал.

— Имя, — тихо и почти ласково сказал ему Маадэр, — Твое и другие. Все имена, которые могут быть мне интересны.

— Т-ты…

— Начнем с твоего собственного. И поспеши. На весь разговор у нас осталось еще две минуты.

— Сожри свои потроха, ты, с-ссукин…

Маадэр пожал плечами и ударил хлодвига стволом револьвера по затылку. Достаточно сильно чтобы тот сообразил, что происходит.

— Имя, — повторил он скучающим голосом, — Твое. Сейчас.

Хлодвиг обмяк. Похоже, он не один раз бывал в потасовках, да и детство в Девятом хорошо учит терпеть боль, но до него начало доходить, что странный человек с уродливым лицом и револьвером в руке, стоящий рядом, очень, очень серьезен. Настолько, что выбитыми зубами и сломанными руками не обойдется. Маадэр посмотрел ему прямо в глаза и улыбнулся. Он любил, когда клиенты понимали его сразу.

— Зекл Ерихо, — сказал хлодвиг сквозь зубы, баюкая правую руку.

— Хлодвиг?

— Да…

— Кто хозяин?

Хлодвиг посмотрел на него с ненавистью. Темные акульи глаза выражали ледяную ярость. Но в них также был и страх.

— У меня нет хозяина.

Маадэр ткнул его носком ботинка в поясницу. Хлодвиг тихо вскрикнул.

— Твоя ложь — это твоя боль, — медленно сказал Маадэр. «Корсо» проделал небольшой путь по багровой коже, оставляя за собой белый след и уперся в ухо, — Когда ты лжешь, ты причиняешь себе боль. Я лишь детектор лжи. Наказываешь ты себя сам.

— Я…

— У каждого человека свой предел боли. Мне попадались очень крепкие люди. Очень умные и опытные люди со специальной подготовкой. Некоторые из них сумели заслужить мое уважение. Ты к ним не относишься. Твой предел мы найдем очень быстро.

«Корсо» ткнулся в ухо и хлодвиг зашипел от боли. Скорее всего, он еще никогда не имел дела с обычным полевым блиц-допросом, разработанным в мастерских Земли. Маадэр же в свое время считал себя довольно опытным человеком в этом искусстве.

— Ты следил за одним человеком. Первое — зачем?

Хлодвиг не спешил отвечать. Маадэр отстраненно ткнул его стволом револьвера в рот. Достаточно сильно, чтобы придать беседе необходимый тон. Губы лопнули, обнажив щербатую челюсть с осколками зубов, хлодвиг взвизгнул от боли.

— Я… мне… убрать.

— Убрать — значит, убить?

— Д-да…

— Так и думал. Ты знаешь этого человека, за которым шел? Его имя?

— Нет, — выдавил хлодвиг, глотая собственную кровь, — Только лицо. Остальное не знаю.

— Ты посадил на него клопа?

— Нет. Нет. Не я.

— Кто его хочет убить?

— Я не знаю, — хлодвиг увидел что-то в глазах Маадэра и на лице его появился страх, изменивший черты его лица не хуже, чем подпольный пластический хирург, — Не знаю! Господин, не знаю я, нет… Клянусь, не знаю!..

— Кто-то заказал его, а ты не знаешь, кто? — Маадэр изобразил изумление, — Вот это да. Подумай-ка еще раз, пока этот ствол не оказался у тебя в ухе, разорвав барабанную перепонку.

Хлодвиг захныкал. Странное и противное зрелище — хнычущая машина для убийств.

— Я не знаю… Не я брал заказ.

— Кто брал?

— Брат… — выдохнул хлодвиг, — Это он. Мой… брат. Я только… только следил!

— Ну конечно, — Маадэр ухмыльнулся, с удовольствием убедившись, что его ухмылка произвела на истекающего кровью хлодвига самое жуткое впечатление. В этом бедняга мог себя не винить. Ухмылка Маадэра, случалось, производила неизгладимое впечатление и на куда более хладнокровных, опасных и опытных

людей, не чета этому мелкому городскому хищнику, как там его, Ерихо?.. — Кажется, у вас, хлодвигов, очень крепки семейные узы, верно? Твой брат… Дай догадаюсь, тот самый, с которым вы вчера вечером украли контейнер?

— Умгу-у-уу… — провыл хлодвиг. Должно быть, ему мешал застрявший в глотке ствол револьвера. Маадэру пришлось вытащить его, чтоб расслышать ответ на свой следующий вопрос.

— Если у вас был заказ на этого человека, почему не убили его сразу? Зачем стащили контейнер?

Хлодвиг выплюнул на мостовую несколько острых серых осколков.

— Не знаю, — выдавил он, — Брат… Не знаю.

— Но уж сколько вам было обещано за это, ты знаешь? Вы, хлодвиги, отличаетесь не только крепкими семейными узами, но и жадностью. Каков был куш?

— Семьсот земных, — сдавленно прорычал Ерихо.

Маадэр приподнял бровь.

— Ого. Приличные деньги для оборванцев из Девятого вроде вас. Успели получить хоть часть?

Хлодвиг понуро тряхнул головой. Он избавился от осколков зубов во рту, так что его дикция вновь стала сносной.

— Брат сказал, деньги будут у заказанного с собой… В контейнере.

— Мило! — восхитился Маадэр, — Очень мило. Жертва сама несет плату за свое убийство? Как пали нравы на Пасифе за последние несколько лет… Прежде считалось, что настоящий наемный убийца никогда не возьмет деньги с трупа. Он убийца, а не падальщик. Он получает чистый гонорар за чистую работу. Вы с братом лишь позорите одну из самых почтенных и старых профессий Пасифе, ты знал об этом? Впрочем, не мне читать тебе нотации, друг Ерихо. Нас, мерценариев, тоже считают нечистоплотными хищниками, далекими от добрых традиций. Помяни мое слово, когда-нибудь беспринципность уничтожит Пасифе… Впрочем, мы отвлеклись, не находишь? Значит, все дела с заказчиком вел твой брат?

— Да, господин, — выдохнул Ерихо.

— Хорошо. Тогда поднимайся. Нам надо организовать деловую встречу. Ты можешь в этом помочь.

Хлодвиг скрипнул уцелевшими зубами. Напуганный и еле шевелящий языком от боли, он все же не собирался легко сдавать родню. Хлодвиги не особо держались друг за друга, разве что перед внешней опасностью, их отношения внутри выводка напоминали отношения в своре шакалов. Излишнюю нежность и родственные чувства заподозрить в них было бы сложно. Но

выдача своего брата чужаку — это уже было серьезно. Маадэр прекрасно его понимал.

— Должно быть, сейчас внутри твоего черепа действует фермент, который называется «совесть», — сказал он, более мягким голосом. Нейро-лингвистические манипуляции с таким примитивным субъектом не отличались сложностью, — Так забудь про нее. Почему, думаешь, твой брат не приказал убить человека вчера, а лишь забрал у него контейнер? И почему снарядил тебя на это дело сегодня, вооружив и отправив не куда-нибудь, а во второй сектор? Туда, где за каждым писсуаром наблюдают жандармы? Ты знаешь, почему?..

— Нет.

По взгляду Ерихо он уже все понял. Насупленный темный взгляд с тлеющей искрой подозрения. Все хлодвиги подозрительны по своей натуре, значит, требовалось лишь раздуть эту искру, дать ей подходящую пищу. У Маадэра она была.

— Ты щенок, Зекл Ерихо. И ты глуп, как издыхающий лепр. Твой брат попросту использовал тебя. Он нарочно не стал убивать вчера этого человека. Не захотел пачкаться. Убийство в Восьмом — это не убийство в Девятом, где поутру можно найти дюжину остывших трупов только на одной улице. В Восьмом много городовых и жандармов. Он попросту не захотел подставлять шею. Вместо этого он забрал оговоренный гонорар, тебя же отправил на следующий день исполнять всю грязную работу. Соображаешь?

Ерихо соображал. Судя по тому, как мигали его озадаченные глаза, соображал очень быстро, и в нужном направлении.

— В кишках у твоего брата что-то заиграло. Думаю, и тебе знакомо это чувство. Жадность борется со страхом. В переулках Девятого вы, несомненно, не побоялись бы перерезать глотку даже губернатору, но здесь была чужая территория и вы это знали. Только он оказался умнее. Не знаю, кто заказчик, но он, мне кажется, очень обиделся бы, узнай вдруг о том, что контейнер похищен, а сам человек разгуливает по Пасифе. Верно? Обида серьезных людей как правило очень неприятна, — Маадэр покачал головой, — очень. Выбирая между деньгами и жизнью он выбрал и то и другое. Решение хорошее, но неразумное. Знаешь, когда судьба преподносит тебе весы, глупо хватать сразу все, что на них лежит, она ведь не та леди, которая делает пустые подарки. И еще она очень не любит жадных… Отправляя тебя сюда, он знал, что ты не вернешься. Он попал в две мишени одной пулей. Выполнил заказ и избавился от претендента на куш. Твой брат — талантливый парень. Он далеко пойдет. В отличие

от тебя.

Хлодвиг сглотнул. И Маадэру опять показалось, что он заглядывает в мутные акульи глаза. Но теперь в них было еще что-то. Неуверенность? Маадэр нажал еще немного, хотя в этом уже не было необходимости. Нажал не стволом револьвера, теперь и в нем не было нужды. У него были лишь слова, но этого было достаточно.

— Он знал, что после вчерашнего нападения цель будет на взводе. Он знал, что ее будут охранять ребята вроде меня, — Маадэр приблизил лицо к лежащему Ерихо, — Он знал и то, что тебя возьмут еще до того, как у тебя появится возможность спустить курок, мелкий ты ублюдок. Единственное, чего он не знал — того, что я не убью тебя на месте. Один маленький просчет в хорошем плане.

— Чего ты хочешь? — тихо спросил Ерихо.

Взгляд у него все еще пьяно блестел от боли и страха, но теперь он выражал и прочие эмоции. Те самые, которые нужны были Маадэру. Хлодвиг поплыл. Потерял точку опоры. Растерялся. Его маленький, деформированный генетическими заболеваниями и нелегальным био-софтом мозг не поспевал быстро обрабатывать поступающую информацию.

— Я не первый день в бизнесе, — усмехнулся Маадэр, — К тому же я деловой человек и предпочитаю простые и деловые методы. Ты отведешь меня в вашу нору.

Хлодвиг со страхом и злобой покосился на ствол револьвера.

— Мне нужен только контейнер. И немного слов. Если будете вести себя как деловые люди, то останетесь живы.

Ерихо ссутился. Глаза его потухли.

— Отведу, — сказал он.

5

«Не самое приятное место для ночной прогулки, Маадэр».

«За посещение приятных мест нам пока не платят. Это район хлодвигов».

«Отвратительное место».

«Не стану спорить. Любоваться здесь нечем».

Этот район Девятого раньше, скорее всего, был фабричной зоной — вместо привычных остовов жилых домов здесь возвышались огромные кирпичные кубы, часть из которых уже успела покоситься или утратить пару стен. Вокруг них вились ржавые лианы лестниц, труб и лифтовых направляющих. Под ногами хрустели кирпичные осколки, старая арматура и какие-то полусгнившие кожухи, полные кабелей. Здесь было тихо, только ветер гудел, запутавшись в проводах, да шелестели остатки пластиковой обшивки, все еще чудом державшиеся на стенах. Людей здесь не было, Маадэр проверил это сразу, как только хлодвиг вывел их к этому месту, но все равно он чувствовал себя немного неуютно. Как в чужом доме, куда явился без приглашения.

— Где мы? — спросил он.

— Здесь была третья секция гидропонической фермы, — ответил проводник не очень охотно, — Убрали лет пять назад.

— Веселое местечко. Много здесь хлодвигов? Учти, патронов у меня хватит на всех.

— Немного. Я и брат.

— Отдельно живете?

— Нас двое в выводке. Остальных нет. Никто не живет.

Разговаривать с хлодвигом было трудно — его рыкающий голос был неприятен для уха, да и говорил он сильно искажая слова. Большую часть пути Маадэр предпочел молчать. Кроме того, разговоры были ни к чему. Он шел позади хлодвига с револьвером в руке, готовый в любую секунду отпрыгнуть в сторону или выстрелить. У него не было привычки доверять людям, особенно прогуливаясь вместе с ними ночью по заброшенному району Девятого. Однако тот вел себя спокойно, да и признаков ловушек пока не было. Маадэру приходилось видеть, какого рода сюрпризы оставляют хозяева, не ждущие по ночам гостей.

— Здесь, — сказал хлодвиг, указывая на небольшую бетонную пристройку. Окон в ней не было, но по легкой щекотке, проникнувшей в мозг, Маадэр понял, что свет внутри горит. Подобных пристроек в Девятом было множество. Сооруженные из

всякого хлама и подручных материалов, они сотнями лепились к огромным остовам бетонных руин, точно колония каких-нибудь загадочных огромных моллюсков.

— Заходишь первым, — Маадэр ткнул стволом «Корсо» в спину проводника, — и не делай ничего того, о чем потом будешь раскаиваться.

Хлодвиг медленно кивнул.

Ступени оказались старыми и скрипели под ногами, Маадэр поморщился. Свои визиты он предпочитал наносить без преждевременного уведомления хозяев. Хлодвиг открыл тяжелую дверь, проеденную ржавчиной до такой степени, что казалось странным, как она еще держится на петлях. Внутри пахло так, как обычно пахнет в давно покинутых и нежилых помещениях — старой краской, мочой, разбухшим от сырости деревом. Здесь была лишь одна комната, размером не больше, чем вся квартира Маадэра. Единственной мебелью, если не считать двух покрытых рваниной лежанок, был невысокий стол.

На столе стоял контейнер, небольшой серебристый ящик. А за столом сидел человек. Тоже хлодвиг, но с менее выраженными чертами генетической мутации — лицо его было не таким багровым, как у брата, а лоб казался просто большим, но не огромным. До того, как скрипнула дверь он, вероятно, рассматривал содержимое контейнера, Маадэр успел поймать его задумчивый и напряженный взгляд, взгляд настороженного хищника.

— Добрый вечер, — Маадэр с силой протолкнул в дверной проем своего пленника, — Курьерская служба! Вам доставлен крупный груз неприятностей!

Старший Ерихо оказался куда умнее своего младшего брата. И сообразительнее. Увидев Маадэра, он понял все быстро. И оружие в его руке появилось тоже очень быстро. Что-то большое, с коротким уродливым стволом и огромным зевом дула.

Вурм без предупреждения впрыснул в кровь свой ударный коктейль, мир вокруг мгновенно затянуло бледно-алой пленкой, в ушах ухнуло, точно рядом взорвалась граната, а вслед за этим все звуки на какое-то время попросту исчезли. В критических ситуацияй Вурм работал без нежности.

Зекл оказался впереди. В небольшой комнате выстрел должен был прозвучать оглушительно, но Маадэр его даже не услышал, лишь заметил огромный распускающийся цветок в обрамлении грязно-серого порохового выхлопа да отметил краем полу-оглушенного сознания, как медленно осыпаются с потолка осколки штукатурки.

Ерихо-младший отлетел назад, почти врезавшись в Маадэра,

мерценарий успел заметить две или три лохматые дырки на его плаще в районе лопаток. Его собственный «Корсо» поднимался невероятно медленно, словно весил целую тонну, в то время как оружие в руках хлодвига уже искало его своим огромным любопытным черным глазом. Маадэр знал, что сейчас из этого глаза вырастет большой сине-алый цветок, и все его тело превратиться в один гигантский кокон боли, когда картечь пройдет сквозь податливую человеческую плоть. Он почувствовал лицом сухое и обжигающее дыхание смерти — как прикосновение раскаленных лучей солнца в пустыне. И, хуже предчувствия сводящей с ума боли, досаждало другое — острый как толченое стекло и отвратительный, как гниющее мясо, привкус поражения. Ощущение того, что он не предугадал, не успел…

Потом вдруг появились звуки. Звон в ушах, негромкий, но тонкий и неприятный — будто там дрожали две медные пластинки. Штукатурка оседала медленно, похожая не то на очень мелкий снег, не то на густой белый дым. Сквозь нее обстановка комнаты и сама она виделись причудливо искаженными, как старые и не очень умелые декорации давно исчезнувшего театра. Сильно пахло порохом — запах, от которого слезились глаза и делалось горько под языком.

«Все, — сказал Вурм. Он еще был немного взбудоражен, адреналин пьянил и его, но не напуган и не удивлен. Ему давались далеко не все человеческие эмоции. Но с язвительностью он справлялся лучше всего, — Заканчивай пантомиму. Или ты так и собираешься стоять, как пугало?»

Маадэр выпрямился. Ерихо-старший лежал в другом конце комнаты, выгнувшийся, одеревеневший, так и не выпустивший из руки большую старую картечницу. Одна пуля попала ему в скулу, отчего казалось, что на лице появился еще один глаз, только черный и пустой, две других пришлись в правую часть груди. Неплохой результат, учитывая, из какой позиции пришлось стрелять.

«Мертв?»

«Мертв, — сказал Маадэр, переводя дыхание. Убийственная смесь Вурма уже прекратила действовать, но пост-эффект от нее был не хуже, чем от двух капсул эндоморфа — пальцы дрожали, зрение было немного не в фокусе, неприятно волновался желудок — так, словно его под завязку заполнили теплой влажной ватой, — Сам не видишь?»

«Это хлодвиг. У них бывают выдающиеся способности по части регенерации».

«Этому придется регенерировать себе мозг. Ардорит раскаляет любую органику до тысячи трехсот градусов. Его

голова изнутри уже похожа на пустую печь».

Недурной ствол, отметил он машинально, отшвыривая ногой картечницу — вооруженные люди, пусть даже мертвые, его нервировали. Громоздкий устаревший образец, вышедший скорее из подпольных мастерских Пасифе, чем из мастерской его величества. Но удивительно хорошее качество для кустарного продукта. При всей несложности конструкции эта картечница была превосходным инструментом, позволявшим превратить думающее и мыслящее существо в нечто вроде куска отбивной с кровью. Часто выходит так, что самые простые инструменты являются и самыми действенными. Маадэр беззвучно хмыкнул, подумав о том, что тот же принцип был применим и по отношению к самим мерценариям.

«Сложно иметь дело с хлодвигами, — заметил Маадэр, разглядывая то, что осталось от младшего Ерихо, — Они зачастую непредсказуемы. Не всегда получается понять, что у них внутри. Но этот — явное исключение. Кажется, я вижу все его внутренности не хуже, чем на рентгене».

«Тебя тоже зацепило. Правая нога. Я уже затянул рану, она неглубокая».

Действительно, в штанине чуть пониже колена обнаружилась неровная дыра, края которой были вымазаны еще свежей кровью. Маадэр поковырял ее пальцем. Кровотечения не было. Судя по всему, Вурм оперативно нагнал туда достаточно тромбоцитов, чтоб запечатать все перебитые сосуды.

«Надо же, я даже не почувствовал».

«Я знаю свою работу. Но если хочешь, боль могу вернуть».

«Спасибо, сейчас не стоит. Сейчас мне нужен трезвый взгляд».

Контейнер был закрыт, но замки его разрезаны. Судя по всему старший Ерихо, так и оставшийся безымянным, открывал их с помощью небольшого лазерного резака для монтажных работ, который лежал здесь же на столе. Маадэр прикинул, что работа была дьявольски выматывающей и, должно быть, продолжалась не один час.

— Залог существования на Пасифе — баланс между жадностью и осторожностью, — сказал Маадэр мертвецу у стены, сожженному изнутри и превратившемуся в большой кусок непропеченного мяса, обернутый в тлеющую одежду, — А ты был слишком жаден, но не слишком осторожен.

Хлодвиг молчал. Из дыры в его лице не вытекло ни капли крови.

«Хватит разговаривать с покойниками. Это бесполезно и говорит о расстройстве психики».

«Я думал, моя психика для тебя — открытая книга, хитрый змей».

«Смеешься? Есть места, куда даже небрезгливое существо вроде меня предпочтет не соваться лишний раз».

Контейнер был ничем не примечателен, под стать своему бесцветному и безликому хозяину, господину Зигана. Простое и удобное вместилище для товара, которому противопоказана тряска, перепады температур или чужое внимание. Маадэр поддел стволом револьвера его крышку и, отстранившись подальше, очень медленно ее приподнял. Господин Зигана, судя по всему, был довольно мнительным человеком. С такого станется заложить в контейнер заряд взрывчатки со шрапнелью — просто для того, чтоб отбить интерес похитителей к своей собственности. «Не своей, — поправил себя Маадэр, — А тех людей, с которыми он работает. Но едва ли они производят сыворотку против потеющих ног или микстуру от кашля…»

Контейнер распахнулся, взрыва не последовало. Маадэр перевел дыхание и заглянул внутрь.

Конечно же, никаких денег там не оказалось. Должно быть, Ерихо-старшему перед смертью было суждено испытать глубокое разочарование. Нижняя половина контейнера представляла собой механизм термо-контроля, достаточно сложный и дорогой. Неудивительно — люди, которые занимаются био-софтом, часто отличаются щепетильностью в такого рода деталях. Био-софт — капризная и дорогая штука. Случайный чих мог превратить драгоценную жидкость, чья стоимость была тысячекратно больше, чем аналогичная масса осмия-187, в бесполезный бульон из микроэлементов и химических веществ.

В верхней части контейнера обнаружилось четыре гнезда, из которых торчали головки глубоко утопленных пробирок. Одну из них Маадэр из любопытства вытащил. Она оказалась небольшой, размером с половину карандаша и такой же толщины — просто невзрачный сосуд из прочного стекла, заполненный бледно-голубой однородной жидкостью. Так могла бы выглядеть слегка подкрашенная чернилами вода. Или смазка для двигателя. Или энергетический напиток. Маадэр посмотрел сквозь тонкое стекло на свет. Жидкость колыхалась, как простая вода. Она не выглядела ни опасной, ни необычной, но было в этом чистом небесном оттенке что-то, что говорило — с этой штукой лучше обращаться осторожно.

«Интересно, что здесь?»

«Что-то, куда не надо засовывать пальцы, — ворчливо отозвался Вурм, — Спрячь ее обратно».

«Знаешь, я совсем не уверен, что это и в самом деле какое-то

лекарства. Зигана мог солгать. Да кто угодно на его месте солгал бы. Может, это какой-то смертельно опасный нейро-токсин или блокиратор медиаторов или…»

«Выпей — узнаешь».

Маадэр усмехнулся.

«Ты же знаешь, я терпеть не могу любой био-софт. Программам место в компе, а не в человеческом мозгу. Никогда не знаешь, что эта штука у тебя внутри наворотит. Я знал одного парня, который принял дозу био-софта, чтоб ускорить реакцию нервных центров. Он превратился в пускающего слюни паралитика».

«Еще одна жертва жадности. Большие корпорации, занимающиеся синтезом био-софта, всегда следят за качеством своей продукции».

Но Маадэр его не слышал.

«Интересно было бы узнать, что в этой жиже. Едва ли ради сиропа от кашля люди с такой охотой убивают друг друга, а за этой колбочкой уже два покойника. И было бы четыре, если бы я не был достаточно осторожен».

«Будь осторожен и впредь, — посоветовал брюзгливо Вурм, — Спрячь ее. По-моему, Зигана достаточно четко предупредил тебя о том, что любопытство может быть существенным пороком. И он похож на человека, который может прищемить нос зарвавшемуся мерценарию».

Маадэр пренебрежительно хмыкнул.

— Он был не способен обеспечить даже свою собственную безопасность. Его подрезала пара уличных хлодвигов, а на следующий день он едва не заработал пулю. Если за ним и в самом деле стоят влиятельные люди, почему я не вижу их тени? Большие корпорации — это большие деньги, Вурм, большие деньги — это большая ответственность. Многие производители био-софта из тех, что расположились на Пасифе, могут позволить себе отдел безопасности, сопоставимый с армией небольшого спутника Юпитера. Но Зигана не обратился к ним. Вместо этого, он заключил договор с мерценарием, причем далеко не самым известным и не самым респектабельным.

Но Вурм не собирался разделять его настроение.

«Ты дурак, Маадэр. Твой найм скорее походил на частную инициативу, чем на официальный корпоративный заказ. Судя по всему, Зигана нанял тебя только потому, что не хотел оказаться в неудобном положении, признавшись своим партнерам или начальству, что позволил украсть ценный груз. Несомненно, это повлекло бы определенные выводы относительно его компетентности и надежности. Он просто пытался по-тихому

исправить допущенную им ошибку».

Вурм был прав. Это стоило обдумать.

«Я выполняю свои контракты, — Маадэр повертел в руках пробирку с био-софтом, не спеша вставлять ее обратно в углубление, — Не потому, что верен своему слову или чту кодекс чести. У мерценариев нет кодекса чести. Просто нарушение заказа может стать ударом по моей репутации».

«Она в безопасности, — ядовито отметил Вурм, — Твоя репутация настолько грязна, что никакая грязь к ней давно уже не прилипает».

«Я просто подумал о том, что мог продешевить, когда заключал договор с Зигана. Штука в этом контейнере может стоить куда больше пары тысяч. Черт возьми, она может стоить десятки! Или сотни».

«Но у тебя нет десятков запасных жизней, жадный идиот, — кажется, Вурм успел по-настоящему разозлиться, — Не думай, что я залатаю дырку в твоей голове с такой же легкостью, как ту царапину!»

Маадэр усмехнулся. Держа в руках неизвестный био-софт, он ощущал приятное возбуждение. Оно не шло ни в какое сравнение с эффектом шань-си или эндоморфа, но было по-своему приятным. Что это было? Ощущение власти? Тайны? Опасности? Маадэр не всегда ориентировался в собственном подсознании так же легко, как Вурм.

«Я всего лишь пытаюсь понять, с чем мы имеем дело, приятель. Может, сейчас я дерду в руках драгоценность, за которую можно купить половину Пасифе».

«Или микстуру от кашля. Подумай, каким дураком будешь выглядеть, если надумаешь наложить на нее лапу».

«Имея на руках что-то по-настоящему ценное, можно и рискнуть, — задумчиво сказал Маадэр, — Я имею в виду, корпорации, конечно, могущественны, но не всесильны. Ими управляют люди, а люди сплошь и рядом делают ошибки, боятся, не замечают очевидных вещей и мешают друг другу. Окажись у меня на руках пара миллионов, я бы мог попытаться спрятаться».

«Если эта микстура действительно стоит таких денег, через сутки тебя найдут, даже если ты спрячешься в норе лепра».

«С Пасифе, конечно, пришлось бы распроститься. Не беда, вокруг Юпитера есть много мест не хуже. Ганнимед, Тея, Алматея… Руки Земного Консорциума дотянутся туда еще нескоро».

«Тебе придется оборачиваться очень часто».

«Можно подумать, чаще, чем теперь… — Маадэр вздохнул, — Ты ведь сможешь определить, что это, верно?»

Вурм некоторое время молчал. Гораздо дольше, чем обычно.

«Я могу провести нечто вроде экспресс-анализа. Самые простые соединения и элементы опознать не сложно. Есть признаки, по которым можно опознать отдельные химические агенты, стимуляторы нейро-медиаторов, примеси… Но не подумай, что у тебя в голове я держу целую лабораторию».

«Мне и не требуется вывод эксперта, — Маадэр презрительно усмехнулся, — Я просто хочу узнать, с чем имею дело».

«Я сделаю, все, что смогу, — неохотно сказал Вурм, — Засунь туда палец».

«Что ж, давай отведаем этого зелья…»

Маадэр осторожно откупорил пробирку и капнул на кончик указательного пальца немного синей жидкости. Секунд десять капля оставалась на месте, потом стала резко уменьшаться, впитываясь в кожу с необычайной скоростью, словно всасываясь сквозь поры. Еще десятью секундами позже от нее не осталось ничего, кроме холодка на подушечке пальца.

«Я его вобрал, — сообщил Вурм, — Постараюсь разобраться».

«Не дай ему попасть в мозг и активировать мои нейронные связи, — предупредил мерценарий, без нужды вытирая палец о штанину и закупоривая пробирку, — Просто проверь его, не включая в мой метаболизм. Мало ли какую дрянь дружки Зигана варят у себя в лаборатории. Я слышал, есть турецкий био-софт, который начисто отрубает мелкую моторику и врожденные рефлексы. Какая-то там ошибка в синтезе…»

«Не переживай, — язвительно заметил Вурм, — Глупее, чем сейчас, ты уже не станешь. И вообще лучше замолчи. Активируя центры речи, ты отнимаешь у своего мозга, а значит, и у меня, лишние вычислительные мощности».

«Меня просто нервирует мысль о том, что ты сейчас возишься внутри меня со штукой, которая может оказаться бомбой».

«Ты боишься? — в голосе Вурма определенно слышалось ехидство. Он чувствовал волнение Маадэра и из-за этого намеренно долго возился. Являясь злопамятным и мстительным существом, он не преминул воспользоваться возможностью нагнать на хозяина страху, — Не говори. Я чувствую твой страх. Чувствую, как его источают твои железы, Маадер. На вкус он… Довольно неприятен. Как перебродившее вино. Тебе бы не понравилось…»

Маадэр стиснул зубы и стал ждать. Работа Вурма, кипевшая сейчас в его собственном мозге, сознанием почти не ощущалась, лишь время от времени он фиксировал странные импульсы, своего рода отголоски кипевших внутри процессов. Несколько раз поколебалось без предупреждения чувство равновесия. Потом

заслезились глаза. Нестерпимо захотелось соленой воды. Легкое головокружение…

«Готово, — буркнул Вурм, испустив что-то вроде мысленного вздоха облегчения, — Я сделал все, что мог».

«Так обычно говорят военные хирурги, сообщая пациенту, что пришили все конечности, которые удалось обнаружить в радиусе ста метров от тела, — проворчал Маадэр, с явным облегчением пряча пробирку обратно в контейнер, — Ну? Каково ваше заключение, доктор Вурм?».

Вурм помедлил. Кажется, он был столь озадачен, что даже на время забыл про язвительность.

«Не знаю, — наконец сказал он, — Что-то очень сложное. Не кустарный продукт и не примитивное зелье, которое продают в Девятом».

Маадэр разочарованно вздохнул.

«Я думал, ты властитель нейронов и повелитель химического анализа».

«Только тогда, когда это касается твоих собственных потрохов, идиот. А это — сложнейшая химическая конструкция из сотен самых разных веществ и соединений. Представь, что засовываешь руку в незнакомый двигатель и на ощупь пытаешься определить принцип его работы».

«Ладно, что ты вообще можешь сказать про этот товар?»

«Серьезная разработка. На рынке я такого не встречал. Я проанализировал общую структуру, но это мало что дало. Судя по всему, здесь хорошо поработал био-криптолог. Все ключевые соединения защищены или замаскированы. Проще говоря, даже серьезное лабораторное оборудование при попытке взять пробу будет сбито с толку или выдаст неверный ответ. Да, хорошая работа. Почти идеальный черный ящик».

«Черный ящик?..»

«Можно потрогать. Можно подержать в руках. Но что там — узнаешь только тогда, когда откроешь».

«То есть — когда активируешь его, включив в собственный метаболизм?»

«Именно. Это как большая красная кнопка. Или игра в русскую рулетку. Пока не нажмешь — не получишь результата. А каким он будет — никто не поручится».

«Интересно, — Маадэр рассеянно провел пальцем по горлышкам пробирок. Просто тонкие стеклянные сосуды с голубоватой жидкостью. Похожей на средство для удаления жира. Или ароматическую добавку в кофе. Или присадку для топлива орбитальных флайтов. В мире, где форма уже почти утратила всякую связь с содержанием никогда нельзя быть уверенным в

том, что держишь в руке, — Очень интересно. Думаешь, нелегальный софт?»

«Все, что угодно. Может быть, это действительно лекарство. Болезни, связанные с поражением мозга и нервной системы, лечатся только био-софтом. Большие деньги и не меньшее желание разработчиков защитить свою продукцию. Система защиты могла быть сделана специально против конкурентов, которых Зигана так боялся».

«Что ж, глупо рисковать с завязанными глазами, — Маадэр решительно захлопнул контейнер и сразу почувствовал себя лучше. Как если бы поставил на предохранитель опасное оружие, — Я не настолько отчаялся, чтоб тестировать на себе неизвестный био-софт. Похоже, мы можем обрадовать господина Зигана. Его потеря нашлась. И я горд передать ее в нетронутом виде».

«Он не прогадал, рассчитывая на честь мерценария».

«Замолчи, язвительный червь, — беззлобно отозвался Маадэр, — Если бы ты завелся в яблоке, оно бы сгнило через час».

Он поднял контейнер и, не глядя на распростертые тела братьев Ерихо, вышел наружу.

6

Утро принесло мелкий колючий дождь и холодный ветер. Отвратительный климат Пасифе с наступлением осени портился окончательно. Маадэр поежился, его легкий плащ не служил надежной защитой от подобной погоды. Холод въедался в незащищенную кожу бесчисленным множеством острых буравчиков, заставляя Маадэра лязгать зубами.

С холодом мог справиться Вурм, ему ничего не стоило снизить чувствительность кожи или поднять температуру тела на пару градусов, но Маадэр не хотел обращаться к его помощи без веской причины. Во-первых, это отчасти было унизительно. Вурм никогда не упускал возможности продемонстрировать собственную значимость и отличался удивительной самоуверенностью. Должно быть, эти качества он впитал из личности своего носителя, поглощая нейроны его мозга. За все его услуги Маадэр расплачивался крохами собственной жизни, отмерянными на невидимых весах. Проще потерпеть жестокий холод, подставляя хлещущему дождю беззащитное лицо и шею, чем скармливать внутреннему паразиту кусочки собственной жизни…

«Осень, — подумал он, с отвращением разглядывая мокнущие коробки домов. Вода не освежала их, она сама походила на ядовитую жидкость, хлещущую из прохудившегося реактора, и там, где она касалась бетона и камня, вместо свежести рождался затхлый тяжелый запах химикалий, — Самая скверная пора времени на Пасифе. Жизнь цепенеет и замирает, как примитивный моллюск, пытается спрятать в щель свое раскормленное жирное тело. Меньше людей на улицах. Меньше работы. Меньше контрактов для мерценария. Хорошо еще, здесь она коротка. На Земле она длится невероятно долго…»

Переулок, который он облюбовал, был безлюден, лишь изредка, зыркнув по сторонам настороженным взглядом, мимо скользили исконные обитатели окраин Девятого, сутулые, бесцветные и вечно напряженные. На Маадэра не обращали внимания. Лежи он распростертым на земле, вокруг сразу же появились бы заинтересованные люди, спешащие обчистить его карманы, а может, и изъять из бездыханного тела те органы, которые еще могли бы представлять ценность в качестве трансплантационного материала. Но пока он держался на ногах и не проявлял слабости, для всех жителей Девятого он был лишь бездушной декорацией, которая сама по себе не интереснее фонарного столба. Маадэр заранее, со сдерживаемым

злорадством, представлял, как скривится господин Зигана, оказавшись в подобной обстановке.

«Ты мог пригласить его к себе, — пробормотал Вурм. Он не боялся холода и колючего дождя, но залитый серым пригород Девятого, зыбкий, слякотный и промерзший, действовал на него скверно, загоняя в меланхолию, — Но вместо этого назначил ему встречу между Восьмым и Девятым. Не самая удобная обстановка для обмена. И не самая безопасная».

«Я так решил».

«На то была причина?»

Маадэр издал саркастичный смешок.

«Ты же можешь читать мои мысли — так прочти их. С каких пор ты стал деликатен?»

«Могу, — легко согласился Вурм, — И даже знаю их еще до того, как ты осознаешь их наличие. Мне интересно услышать формулировку».

«Ты любопытен».

«Это так».

«Зигана сродни неизвестному химикату. А когда имеешь дело с неизвестными химикатами, лучше держаться от них подальше. И надевать резиновые перчатки».

«Страх — не лучшее качество для мерценария».

Маадэр стряхнул ладонью с лица ледяную капель. Отвратительный дождь на этой планете. Даже на Юпитере, где атмосфера почти целиком состояла из водорода, дожди были лучше. В огромных планетарных куполах жизнеобеспечения с неба по расписанию лилась настоящая вода — почти без примесей. Но это было еще до того, как залпы земных фрегатов превратили купола в труху. Едва ли найдется теперь сила, которая сможет выделить воду из бушующей атмосферы Юпитера.

«Страх — лучшее качество для жителя Пасифе, Вурм. Зачастую он куда полезнее самой безумной отваги и самого хитрого расчета. Страх — это твой защитный контур, предохранительный механизм. Человек, утративший страх, разучившийся бояться, неизбежно умрет в самом скором времени. Страх был спутником человечества с тех пор, как оно ютилось в пещерах на Земле, он стал нашим верным компаньоном и в космосе. Может, раз он столь надежно укоренился в нашем генокоде, не стоит сбрасывать его со счетов?..»

«Ты философствуешь, как пьяный лепр!»

Вурм не скрывал презрения.

«Да, я всегда был слаб по этой части».

«Ты попросту боишься Зигана».

«Не его, — возразил Маадэр, — Сам по себе он всего лишь безликое офисное насекомое сродни моли. Оживший алгоритм. Заключенная в человеческую плоть функция. Я боюсь тех людей, на которых он работает».

«Если мне не изменяет память, еще несколькими часами ранее ты всерьез раздумывал, стоит ли наложить руку на собственность этих людей».

«Верно. У меня было время поразмыслить и прочистить мозги».

«Значит, уже прощупываешь пути к отступлению?»

Маадэр пожал плечами.

«Можно и так сказать. Если сюда заявятся агенты их службы безопасности или наемные убийцы, у меня будет больше шансов выжить, растворившись в переулках Девятого, чем в скорлупе своей квартиры. Я не хочу проверять, кто они и на что способны».

«Объясни».

«Конкретики пока мало, больше инстинкт и интуиция, но это тоже кое-что значит. Во-первых, био-софт. Тот, кто его собирал явно не хотел чтоб он оказался в чужих руках. Так шифруются только важные вещи. Может, оружие или еще что-то из запрещенного в Консорциуме, не знаю… В общем, уже пахнет кисло. Потом — клоп, который висел на Зигана. Очень аккуратная и чистая работа, такие штуковины не встречались мне с начала тридцатых, еще с Юпитера… Тогда мы использовали нечто похожее, хоть и другой компоновки. Проще говоря, за Зигана следит не обычный человек, спаявший на коленке клопа за пару часов. Дальше… Заказчик. Хлодвигам он сказал, что в контейнере деньги. Получается, он сам не знал, что внутри? Или сознательно обманул их?»

«Да, это выглядит странно. Человек, тщательно и осторожно готовящийся к убийству, так ошибся».

«Следующая странность — сами хлодвиги. Они не похожи на обычных хлодвигов Девятого. Во-первых, опытны…»

«Младший заговорил, как только ты прижал его».

«Только потому, что сам этого хотел. Даже хлодвиги не любят, когда их используют в качестве мяса, а потом скармливают червям. Это естественно. Зато старший был очень хорош. Реакция и скорость явно быстрее обычного человека. Возможно, следствие направленной мутации, но мне кажется — хорошая подготовка и, может быть, какая-нибудь химия в крови. Жаль, не догадался сделать анализ вчера…»

«К тому же обычных хлодвигов врядли кто-то будет нанимать для серьезного дела. А маленький выводок из двух-трех человек — очень удобно для нанимателя».

«Верно, — согласился Маадэр, — Это тоже. Небольшая группа хлодвигов из одного выводка — очень удобная команда шакалов. Вполне может быть, что они работали на серьезную контору».

«И эта контора так подставила их с оплатой?»

«Да уж… Не сходится. Хотя и профессионалов могли развести вслепую. Как вариант — они могли быть промежуточными исполнителями».

«Не понимаю».

«Их могли использовать как пешки. Загребать жар из огня всегда лучше чужими руками. Они бы убили Зигана, взяли груз, но сами вляпались бы основательно. Потом к ним пришел бы опытный человек и сделал в них примерно столько же дырок, сколько в них сейчас. После чего исчез с контейнером. Классическая схема. Из сложного уравнения лучше всего убирать самые простые элементы».

«Запутанная ситуация», — вынужден был признать Вурм.

«Да. И это одна из причин, почему я не хочу ее распутывать. Все, что находится не на поверхности — опасно, потому что чем глубже ныряешь, тем больше у того, кто живет в глубине шансов перекусить тебя пополам. Старое мудрое правило мерценариев. Поэтому я просто верну контейнер Зигана, заберу свои деньги и до конца жизни не буду вспоминать о био-софте».

«Разумно».

Для встречи Маадэр назначил небольшую площадку, закрытую со всех сторон приземистыми серыми валунами зданий. Чтобы попасть туда надо было пройти через два пустых ангара, заваленных пустыми ящиками, и подняться по небольшой лестнице. Спрятаться постороннему там не удастся, слишком уж тесно на этом отгороженном пятачке, а снайперу или стороннему наблюдателю придется карабкаться на гофрированную крышу ангара, откуда его будет хорошо заметно.

На площадке никого не было. Она походила на железнодорожную платформу, не хватало разве что ограждения и уходящих вдаль рельс. Хлама здесь тоже осталось прилично — видимо то, что мародеры Девятого сочли бесполезным или слишком тяжелым — огромные катушки с кабелем, штабеля досок, ржавеющие внутренности неузнаваемых теперь механизмов, огромные и уродливые как туши гниющих на прибрежном песке китов. Битое стекло, куски проволоки, окурки, обрывки упаковки, изветшавшие, исписанные кем-то много лет назад, листы бумаги… Ждать здесь было неприятно, Маадэр прикрыл щеки воротником, чтоб хотя бы частично защитить лицо от дождя. От осадков Пасифе немудрено было получить химический ожог.

«Играм радуешься только в детстве, — подумал он, наблюдая за тем, как порывы ветра подхватывают хрупкие дымные колечки и рассеивают их без следа. Контейнер стоял рядом — просто большой серебристый чемодан, каких на Пасифе не одна тысяча, — Потом приходит время, когда радуешься каждой игре, которая прошла мимо тебя. Наверно, это и есть старость. Раньше я был резвее. Лет десять назад точно. Зацепился бы с этим софтом, ночами не спал, находил заказчиков, разработчиков, договаривался бы с жандармами, искал выходы на черный рынок… Кровь тогда была горячее, а страх был чем-то привычным, на что даже не обращаешь внимания — как Вурм. А сейчас я устал от игр. Для каждого лишнего шага уже требуется усилие, старые запасы пороха выгорели подчистую… И нет желания кого-то выслеживать, прятаться в тени с револьвером, ломать пальцы и шеи, выстраивать на бумаге цепочки, хочется только избавиться от тяжелого контейнера, получить деньги, вернутся в привычную комнату и забыть про все это. Может, еще купить немного шань-си…»

Зигана все не было. Маадэр стал прохаживаться вдоль площадки чтоб немного согреться.

«Мне казалось, он пунктуален», — проворчал он.

Вурм не ответил.

«Думаешь, с ним могло что-то случиться?»

«Остановись».

«В чем дело?» — Маадэр остановился.

«Запах. Не чувствуешь? Под той коробкой, что справа от тебя».

Действительно, теперь Маадэр и сам почувствовал запах — что-то нехорошее, тревожное, смутное… Он сделал шаг к большой картонной коробке и ощутил, как под носком ботинка что-то хрустнуло. Он опустил взгляд. Там лежали раздавленные очки. Хорошие очки, сделанные на заказ. Он уже видел их прежде.

Сам Зигана лежал рядом. Ему хватило места чтоб целиком вместиться под небольшой коробкой. И он достаточно сильно изменился со времен последний встречи.

— Вот дьявол… — поперхнувшись табачным дымом, Маадэр выронил сигарету и издал скрипучий смешок, — Ах ты хитрый, самоуверенный и подлый сукин сын! Ну почему именно сейчас ты вознамерился сдохнуть?

7

«Ты уверен, что хочешь это сделать?»

Маадэр пожал плечами. Самый бесполезный жест, если обращаешься к тому, кто является частью тебя самого и видит твои движения еще до того, как они передались мышцам и сухожилиям — тенями в подкорке твоего мозга.

— Уверен, что не хочу. Но и другого выхода не вижу, — ответил он вслух. После многочасового молчания иногда полезно размять голосовые связки, а Вурм услышит и так, — Сейчас я чувствую себя человеком, который сел за карточный стол, не имея никакого представления о правилах игры. И мне надо в них разобраться до того, как игроки начнут вскрывать ставки. Смекаешь?

«Твои бессмысленные метафоры всегда казались мне искусственными и неизящными».

«На моей стороне опыт. Если твоего заказчика убивают, это означает одно из двух. Или ты персонаж скверного детективного романа в мягкой обложке, или…»

«Продолжай, я слушаю».

«…или ты оказался втянут в неприятную историю».

Маадэр сделал глоток из стакана и отставил его на стол. В комнате было темно и тихо, настолько, что если прикрыть глаза, могло показаться, что находишься в безвоздушном пространстве. В мертвой пустоте космоса где-нибудь на орбите Юпитера.

Обычно это успокаивало, но сейчас отсутствие визуальной и слуховой информации наоборот раздражало, заставляло слуховые и зрительные нервы изнывать от безделья. Неприятное ощущение. Чтобы не концентрироваться на нем, Маадэр сделал несколько небольших шагов по комнате.

«Всего лишь один труп, — брюзгливо пробормотал Вурм, — В удачную ночь их можно найти несколько дюжин. Ты параноик, хозяин».

«Это мое профессиональное качество. Мне пришлось потратить много лет, чтобы научиться этому. Параноики живут дольше прочих».

«Ты напряжен. Твои синапсы похожи на бельевые веревки в бурю».

«Я обеспокоен, — Маадэр выдавил ухмылку, — И есть, отчего. Теперь я часть схемы».

«Не понимаю тебя. Возможно, твоя нервная система оказалась немного перегружена из-за моего недавнего вмешательства, связь нейронов разрушена, и ты медленно сходишь с ума, теряя

способность к общению?..»

Маадэр был слишком опытен, чтобы позволить себе ответить на издевку Вурма.

«Схема — это вся ситуация с украденным био-софтом. Ситуация сродни сложному механизму, суть которого мы не понимаем, видя лишь отдельные шестеренки, но не видя их взаимосвязи и динамики. Братья Ерихо — это шестеренка. Зигана — это шестеренка. Его партнеры и начальство — тоже шестеренки. Меня беспокоит исключительно то, что вне зависимости от моего желания я уже оказался частью этого механизма. С того момента, как принял контракт этого мертвого ублюдка в хорошем костюме. Шестеренка под именем Этельберд Маадэр уже включена в общую цепь, понимаешь? Поневоле взаимодействуя с частями единой системы, я сам стал частью системы. И это действительно сильно меня беспокоит. Я уже не смогу сделать вид, что я не при чем. Так или иначе я связан с Зигана, связан с хлодвигами, связан с чемоданом, полным таинственного био-софта. Меня включили в игру. И я очень хочу узнать, как можно из нее выйти до того, как успели раздать карты».

«Шестеренку под именем Зигана удалили из схемы весьма уверенно».

«Вот именно. Это значит, что и меня могут удалить столь же легко».

В бесплотном голосе Вурма было столько презрения, что от него у Маадэра заныл гипофиз:

«Признайся самому себе — ты просто напуган».

— Мне уже не семнадцать, червь, — Маадэр почувствовал, как в глубине груди поднимается злость, едкая и бесцветная, как кислота из аккумулятора, — В семнадцать хорошо думать о том, что отважный и сообразительный человек с лайтингом в руке сможет победить в любой ситуации — только потому, что он отважный и сообразительный. И на его пути падут коррумпированные правители, продажные генералы и коварные наркоторговцы. Одиночки не выживают, чем бы ни была набита их голова. Засады, прыжки по крышам, перестрелки… Есть серьезные люди и серьезные организации, переходить дорогу которым — то же самое, что переходить дорогу перед асфальтоукладчиком. Отважных героев, решивших опровергнуть мудрую пословицу «Один в поле не воин», вытаскивают по утрам из канализационных люков, и к тому моменту их голова уже находится не в том состоянии, чтоб там помещались какие-то идеи, принципы или чувство долга…

«Ты опять начал философствовать. Плохой признак».

— Нет, мой змей. Плохой признак — это Зигана, скомканный как медуза и размером со шляпу, который кляксой лежит на асфальте и на которого я наступил. Мое философствование можешь не принимать во внимание.

«Ты сразу пытаешься увязать смерть Зигана с собой. В мире много шестеренок, Маадэр, но далеко не все из них находятся внутри одного механизма. Половина жителей Восьмого и три четверти жителей Девятого не доживает до сорока лет. На то есть разные причины. Не паникуй прежде срока».

Маадэр бросил взгляд на свой стол, собираясь взять стакан с ромом. Но вместо стакана его взгляд притянул совсем другой предмет — распахнутый контейнер с пробирками био-софта внутри. Соприкоснувшись с ним, взгляд отказывался отрываться — и некоторое время Маадэр просто стоял посреди комнаты, бессмысленно разглядывая пробирки.

— Его убили не случайно. Ты это знаешь.

Вурм заколебался. Маадэр ощутил это короткой вибрацией в своем спинном мозгу.

«Ты осмотрел его карманы — там не было денег. Быть может, его попросту ограбили, пока он ждал тебя на месте встречи».

Маадэр лишь поморщился.

— В его карманах кроме всего прочего я нашел лайтинг. Миниатюрный, компактный, современная модель. Прежде он был безоружен. Это говорит о том, что он не собирался мне платить, Вурм.

«Он был перепуган после того, как его во второй раз едва не угробили братья-хлодвиги. Всякий на его месте озаботился бы приобретением оружия».

— Он хотел убить меня. Именно поэтому так легко согласился встретиться на задворках. Легче спрятать тело. Но Зигана не повезло еще раз — кто-то успел раньше него. Хотел бы я знать, кто.

«Я слышал, на древней Земле жил человек по имени Оккам. Он был нарко и социопатом и, едва лишь видел человека, хватался за свою заточенную бритву и…»

— Не слышал, а прочитал из моей головы, — Маадэр закурил очередную сигарету, — Но я понимаю, к чему ты клонишь. Бритва Оккама. Но это не лишние сущности, здесь существует связь. Кроме того, вспомни, что его убило.

«Нано-пуля».

— Верно. Кто-то впрыснул ему в вены смертоносный коктейль из энзимов, растворяющих костную ткань. Дьявольски болезненная и неприятная смерть. Но при этом не быстрая. Это полностью исключает версию со случайным грабителем.

Грабители предпочитают надежное и быстрое оружие. И дешевое. Одна нано-пуля может стоить больше, чем у Зиганы поместилось бы в бумажнике. Нет, Вурм, тот, кто убил Зигана, прекрасно представлял, что он делает и для чего. Мало того, это было не просто убийство. Это было наказание. Мучительная казнь.

«Ты никогда не задумывался о том, что кроме незадачливого семейства Ерихо за головой и контейнером Зигана могли охотиться и другие люди?»

— Задумывался, — признался Маадэр, — Нет гарантии, что таинственный заказчик нанял только двух хлодвигов. Можно допустить, что в его рукаве был припрятан еще один козырь.

«Один заказ сразу нескольким охотникам? Перестраховка?»

— Яйца лучше раскладывать по разным корзинам. С другой стороны, новость о покойных братьях Ерихо могла достигнуть ушей заказчика еще вчера. Он решил не терять времени и нанял еще одного специалиста, на этот раз посерьезней.

«Но как он снова вышел на Зигана?»

— Не знаю, — признался Маадэр, — Клопа на нем уже не было. Но клопа мог снять охотник после того, как поджарил его самого. Или его войсер мог прослушиваться — заказчик слышал нашу беседу и знал о месте встречи. Черт возьми, нельзя сбрасывать со счетов и банальную слежку.

«В любом случае твой договор с ним потерял силу. Мертвые клиенты имеют неприятные черты. Во-первых, они необщительны. Во-вторых — неплатежеспособны».

— Я знаю. Именно поэтому и прошу тебя сделать это.

«Я спрашивал тебя два раза, Маадэр, и хочу спросить в третий: ты уверен? Ты уверен, что хочешь на самом себе испытать неизвестный и потенциально опасный био-софт?»

— Нет, — сказал Маадэр, сплюнув. У табака сегодня был отвратительный привкус, как у горящей мусорной свалки, — Не уверен. Но уверен в том, что это единственный способ разобраться в обстановке. Хватит играть вслепую.

«Мне не раз приходилось пенять тебе за глупость, но в этот раз ты грозишь превзойти сам себя, — голос Вурма сочился ядом, — Надо ли мне напоминать тебе, что может сотворить с человеческим телом вредоносный или некачественный био-софт? Он может превратить твою память в решето. Может замкнуть контакты в твоих нейронных цепях, превратив в бесконечно смеющегося дегенерата. Может просто напросто вскипятить мозг в твоем же черепе!..»

— Уповаю на тебя, мой мудрый червь, — Маадэр смял нечувствительными пальцами левой руки окурок и, не глядя, бросил его под ноги, — Я надеюсь, ты вовремя заметишь его

злонамеренные эффекты и отсечешь их быстрее, чем они причинят мне… нам обоим проблемы.

Вурм ужалил его в основание черепа. С достаточной силой, чтоб Маадэр выругался.

«Ты ничего не понимаешь, верно? Даже если это не вредоносный софт, а лекарство от эпилепсии или лейкомоляции, оно может воздействовать на твой неподготовленный мозг подобно ручной гранате. Ты можешь потерять зрение или контроль над собственным кишечником, а то и чего похуже!»

— Работа мерценария — всегда риск, — нарочно беззаботным тоном отозвался Маадэр.

Глупая попытка — совершенно невозможно обмануть существо, которое обитает в твоей голове, разделяет твои мысли и питается твоими гормонами, как изысканными винами.

«Поэтому ты сознательно добавляешь его даже тогда, когда без него можно обойтись?»

— Если я хочу пристроить товар и получить деньги, я должен знать, с чем имею дело. Никто не торгует вслепую. Куда мне идти с этой синей водичкой? Бродить по Девятому и кричать «Продаю неопознанный био-софт»?..

«Полагаешь, лежать на холодной полке морга интереснее?»

— Вурм, ты брюзжишь как старая болотная пиявка. Просто замолчи и будь готов, если… если что-то пойдет не так.

«Это био-софт, Маадэр, — невидимый голос сдался, но легкое жжение в затылке показывало, что он все еще раздражен, — я заведую твоим мозгом, но даже я не могу контролировать его полностью. Био-софт — опасная штука. Если он примется за твои нейроны, я не могу гарантировать, что успею его обезвредить».

— Я думал, ты всесилен, — пошутил Маадэр, откупоривая пробирку. У жидкости не было никакого запаха. Как он и ожидал.

«Трудно бороться с нано-технологиями. Слишком глубоко, слишком хитро… Ладно, я готов».

— Тогда не будем медлить. Пьем за успех, Вурм!

Запрокидывая пробирку он еще успел услышать, как Вурм проворчал: «Беззубый пафос…»

Сперва ему показалось, что у жидкости нет никакого вкуса, но он был — что-то едва уловимое, с не очень приятным сладковатым оттенком. Что-то вроде смеси джина с соком дыни. Перезрелой, неприятно пахнущей дыни. Необычный вкус для жидкости такого цвета. Хотя обсуждать вкус био-софта не совсем обычное занятие. То же самое, что размышлять о том, как пахнут биты и байты компьютерного софта. Информация — всегда информация, вне зависимости от того, записана она в кремнии и металле или превращена в жидкость.

«Уже в крови, — сообщил Вурм, его тон показался Маадэру озабоченным, — Очень быстрая впитываемость… Активные агенты и фракции уже достигли мозга. Что-нибудь чувствуешь?»

— Очень хочется отлить, — признался Маадэр, — Оно, случайно, ничего не может сотворить с контролем моего мочевого пузыря? Впрочем, это, наверно, нервное…

«Заткнись. Мешаешь работать».

— Хорошо. Держи руки на рычагах, старик.

Он успел сделать две дюжины шагов без всякого направления, прежде чем вновь услышал Вурма.

«Эта гадость действительно не так проста, как кажется. Очень агрессивно пытается встроится в твой метаболизм и уже отвоевала пару местечек в мозгу. Я сдерживаю ее, но это похоже на попытку удержать на поводке бешенного хорька».

— Но ты сможешь ее нейтрализовать в случае чего?

Если бы Вурм был человеком, он бы вздохнул.

«Не знаю, Маадэр. Это и в самом деле весьма качественный продукт. Работает на глубоком уровне. Мне такие не попадались. Очень хорошая разработка…»

— Отлично. Хорошая разработка должна стоить хороших денег… А черт!

«Извини. Я пытаюсь разобраться в ней».

— Из-за этого у меня такое ощущение, будто в мозг загнали сверло?

«Придется тебе потерпеть, — равнодушно отозвался Вурм, — Сейчас я не могу отключить неприятные ощущения».

— Попытайся работать помягче, — пробормотал Маадэр, массируя раскалывающийся от боли висок, — Я думал, ты профессионал.

«В данный момент, пока ты там прохлаждаешься, я по сути веду операцию на открытом мозге. Впрочем, сейчас станет легче».

Боль исчезла, сменившись легким покалыванием. Маадэр сел за стол, стараясь не думать о том, на что сейчас похож его мозг. Это было неприятно — знать, что в нем происходит что-то сложное, что в самом его центре сейчас крутится вихрь био-софта, перестраивающего, быть может, не только моторные навыки и контролеры органов жизнедеятельности, но и то, что составляло его, Этельберда Маадэра, личность, его уникальные нейронные связи. Где-то там же сейчас сидит крошечный, как маленький паучок, Вурм, и тоже что-то делает…

Маадэр почувствовал тревогу. Вурм слишком долго молчал. Это означало, что он слишком занят работой или… Маадэр механически помассировал виски, как будто это могло помочь процессам, происходящим внутри черепа на клеточном уровне.

Спустя еще несколько минут тревога начала перерастать в отчетливый страх. Страх особенного свойства, с которым Маадэр не любил иметь дело. Всякому бывает страшно, когда в лицо наставлен пистолет и пуля уже в стволе, ждет короткого удара курка, чтоб превратиться в поток огня и металла. Куда хуже, когда сознаешь — пуля уже выпущена, более того, сейчас она кувыркается в твоем черепе, не контролируемая и не сдерживаемая…

— Вурм!

Тот не отозвался. Маадэр ощущал его присутствие, но вместе с тем чувствовал нечто не совсем привычное. Странное ощущение, в котором невозможно было разобраться. Что-то сродни накинутому на мысли плотному туману. В последний раз он ощущал что-то подобное, когда провел пять дней подряд в непрерывном нарко-марафоне, так, что под конец Вурм едва спас его от инсульта и кататонии.

«Вурм! Ты где?»

«Я тут, — сказал Вурм, и от тона его голоса тревога превратилась в частокол острых зазубренных штыков, — Знаешь, мне кажется, что сейчас…»

А потом вдруг в голове взорвалось огромная черная дыра с рваными краями, и весь мир растворился в ворохе разноцветных искр.

И все-таки Маадэр еще успел подумать, что умирать, оказывается, не так и страшно…

8

Ощущения были отвратительные. Виски ломило — так, наверно, чувствуешь себя, если держал несколько минут голову под струей ледяной воды. И боль эта была нехорошая, паршивая, скорее всего оттого, что Маадэр чувствовал — может быть с помощью Вурма — что боль появилась не сама по себе, эта признак чего-то очень плохого, что случилось в его мозгу.

— Я чувствую себя так, словно спустился на поверхность Пасифе с двадцатикратной перегрузкой, — простонал Маадэр, — Можешь выключить это?..

Собственный язык дергался, как лягушка под воздействием гальванического тока. Глазные яблоки пылали. Наваливающаяся частыми валами тошнота стискивала желудок.

«Пока нет. Это временно, пройдет через полчаса. Выпей воды, если хочешь».

Голос Вурма ему не понравился. Слабый и безжизненный, точно Вурм испытал не меньшее потрясение, чем его хозяин. Маадэр трясущейся рукой взялся за стакан.

— Воды? Это поможет?

«Нет. Но хотя бы заткнет тебя на какое-то время».

— Мне нужен эндоморф. Хотя бы два миллиграмма.

«Не сейчас».

— Алкоголь сойдет?

«Да. Только не очень много. Я подлатал все как мог, но еще пару часов все будет затягиваться».

В бутылке, стоящей под столом, оставалось с треть. Маадэр никогда не считал себя ценителем юпитерианского рома, но всегда держал дома небольшой запас — на тот случай, когда не хочется накачиваться эндоморфинами или чем-то покрепче. Сейчас был именно такой случай.

Маадэр налил полный стакан. Он обнаружил, что вдобавок ко всему неприятно саднила ссадина на подбородке — кажется, падая, он задел угол стола.

— Рассказывай.

«Паршивая ситуация».

— Надеюсь, не настолько паршивая, насколько я себя сейчас чувствую. В последний раз я испытывал что-то подобное, когда меня контузило фугасом. Только тогда голова сильнее трещала…

«Мне пришлось действовать без деликатности. И все-таки я едва успел».

— Что успел?

«Сохранить твою шкуру, — в голосе Вурма пиетета было не

больше, чем жалости в нраве старого головореза-нарко, — Эта штука уже собиралась отключить твое сердце и легкие».

У рома был привкус чего-то старого и тухлого. Маадэр сделал два или три больших глотка и отставил стакан. Легче не стало. Но легкий гул в голове позволил хоть немного приглушить скрежещущие о своды черепа мысли.

— Значит, все-таки…

«Вредоносный софт. Замаскированная бомба. Теперь понятно, почему био-криптологи столь сильно старались. Это была бомба, упакованная в подарочную бумагу и перевязанная ленточкой. Скажи спасибо, что у меня хватило времени перехватить ее».

— На что была запрограммирована эта дрянь?

«На смерть, — просто ответил Вурм, — Паралич, остановка сердца и биологическая смерть через минуту. Быстро и надежно. Ничего лишнего. Я бы даже сказал, весьма изящная разработка. Цепочки сложных кислот сплетены прямо-таки с художественным вкусом…»

— Выходит, Зигана лгал.

«Конечно. И ты знал это с самого начала».

— Знал, — согласился Маадэр, — Но сейчас это уже неважно. Дальше!

«Софт, что ты принял, не обычная бомба. Чтоб убить одного-единственного человека, не требуется столь совершенное произведение микромоллекулярной биологии. Чтоб надежно убить человека, достаточно нескольких грамм крысиного яда».

— Ближе к делу. Мне трудно сосредоточиться.

«У этого софта был модуль контролируемой репродуктивности».

Вурм дал Маадэру время осмыслить сказанное. Но Маадэру потребовалось не меньше полуминуты, прежде чем он понял смысл.

— Контролируемая репродуктивность!

«Именно. Модуль, запрещенный к распространению во всем пространстве Солнечной системы. За одно только это автор этой штуки угодил бы в камеру смертников. Такие вещи не прощают. Никому».

— Постой. Правильно ли я понимаю, это значит, что…

«Правильно. Захватив один мозг, био-софт использует ускоренные в сотни раз вирусные методы распространения, чтобы захватить как можно больший ареал. В данном случае — старый добрый воздушно-капельный путь. Чихнул один раз перед смертью — и мгновенно заразил всех людей в радиусе пяти метров инкапсулированными спорами того же био-софта».

Маадэр ощутил, как леденеет содержимое его желудка.

— Цепная реакция. Запрограммированная эпидемия био-софта. Вурм, это не просто бомба. Это биологическое оружие.

«Вот поэтому члены Консорциума очень нервничают, когда находят модуль контролируемой репродуктивности, — согласился Вурм, — Не знаю, кто из приятелей Зигана создал подобное, но это очень рисковый человек».

— Что ж, это объясняет, почему Зигана не пошел к жандармам. И почему он решил нанять мало кому известного мерценария с не очень чистой репутацией. Вот тебе и голубая водица…

«Эта голубая водица могла стоить смерти сотне или двум человек. По счастью, репродуктивность этой дряни все же ограничена несколькими итерациями. Каждое следующее поколение переносчиков слабее предыдущего. Так что настоящей эпидемии бы не случилось, но вот террористический акт вышел бы отличный».

— Хороший способ, — согласился Маадэр, стирая со лба незаметно выступивший липкий пот, — Каждый мертвец становится распространителем заразы. Ни противоядий, ни лекарств, ни хирургического вмешательства…

Он вдруг почувствовал, как Вурм неуютно завозился в своем логове, сплетенном между его нейронов. Как будто ощутил какую-то еще не родившуюся мысль своего носителя, и мысль эта его обеспокоила. Было еще что-то. Какое-то сдерживаемое внутреннее волнение. Словно Вурм беспокоился и одновременно старался казаться безмятежным. Он что-то скрывал. Маадэр ощутил это подобием запаха, их сложная симбиотическая нейронная связь отобразила волнение Вурма в виде сильнейшего запаха корицы, от которого у Маадэра засвербило в носу.

— Ты задавил ее?

«Что ты имеешь в виду?»

— Ты ведь уничтожил активные химические агенты био-софта в моем мозгу?

«Маадэр…»

— Отвечай!

Вурм молчал несколько секунд, что само по себе было странно. Ему никогда не приходилось тратить время на обдумывание ответа. Обладая несравненно более развитой нервной системой, обычно он мог дать мгновенный ответ на любой вопрос. Но не в этот раз.

«Я частично изолировал ее».

Маадэру не понравилось, как это звучит.

— В каком смысле изолировал?

«Активные агенты био-софта локализованы. Уничтожить их я

не могу».

— Ты хочешь сказать, что это дерьмо все еще внутри меня?

«Да».

Маадэр допил ром одним глотком. И убедился в том, что у него отвратительный привкус. А еще зубы самым неприятным образом лязгали о край стакана. Признак утраты душевной концентрации. Плохой признак.

— Выкладывай, — приказал он негромко, — Все.

«Мне сложно объяснить в… твоих терминах, — обычно желчный и язвительный тон Вурма сейчас казался едва ли не извиняющимся, — Черт возьми, это даже не просто в терминах вашей современной нейрологии… Скажем так, в твоем мозгу временно поселилось хищное существо вроде осьминога с великим множеством щупалец. Некоторые мне удалось обрезать или парализовать, другие успели зацепиться. А третьи… Третьи проникли слишком глубоко, прежде чем мне удалось взять их под контроль».

Осьминог в его мозгу. Маадэр глухо застонал. На миг ему даже показалось, что он ощущает движение холодных слизких щупалец в сером веществе своего мозга. Но это, конечно, просто мнительность. Слишком живое воображение.

— Но я все еще жив.

«Да. Мне удалось синтезировать достаточное количество пептидов, чтобы замедлить его продвижение к центрам твоего мозга, Маадэр».

— Но не убить.

«Только замедлить. Слишком агрессивная и сложная структура, для борьбы с которой не хватает всех моих возможностей. Боюсь, я не смогу ее выжечь, даже если мне придется превратить твой мозг в ошметки. Пока мне удается лишь удерживать все это, но с каждой минутой, с каждой нано-секундой, я теряю позиции в твоей нейронной сети. Через какое-то время ситуация станет необратимой».

— Это значит, что мой мозг умирает?

«И я вместе с ним».

— Спасибо, Вурм, — Маадэру захотелось закрыть глаза и посидеть так подольше, но он неожиданно для самого себя спросил, — Сколько мне осталось? Я имею в виду, сколько осталось нам…

Вурм ответил сразу же. Ему не требовалось времени на обдумывание, кроме того, он с самого начала знал ответ.

«Примерно семьдесят часов. Плюс-минус еще два или три, в зависимости от динамики его развития».

— Потом смерть?

«Да. Я постараюсь сделать ее безболезненной, без долгой агонии и мучений. Ты просто закроешь глаза — и мы с тобой исчезнем. Просто прекращение существования. Как погасшая звезда».

— Никогда не думал, что умру так глупо и неожиданно. После Юпитера, после стольких лет на Пасифе… — Маадэр засмеялся, но смех прозвучал как скрежет металла о металл, — Я думал, ты подаришь мне еще лет пять-шесть. Знаешь, в этом есть даже что-то забавное — умереть с двумя убийцами в мозгу.

«Я другое дело, Маадэр. Ты же понимаешь, что продлить твою жизнь в моих интересах. В мои планы не входит убивать тебя быстро».

— Да, я знаю. Значит, у нас с тобой осталось примерно трое суток?

«Около того».

— И на лечение рассчитывать не приходится?

«Если против этого био-софта бессилен даже я, ни один нейролог Пасифе и подавно тебе не поможет. Да я бы и не советовал тебе обращаться к врачам. Едва они увидят, что именно пожирает твой мозг, как мгновенно запрут в карантине и вызовут жандармов. Консорциум всегда был чересчур щепетилен в отношении нано-технологий, особенно таких».

Маадэр сжал зубы. Даже приглушенный комнатный свет сейчас казался нестерпимо ярким, но стоило прикрыть глаза, как он начинал чувствовал, будто внутри его черепной коробки ворочается что-то слизкое, голодное и алчное. Щупальца осьминога. Вурм всегда был мастером метафор.

— Раз есть яд, всегда есть противоядие, — тихо сказал он, разглядывая потолок, — Это первая заповедь любого синтезатора био-софта, будь он корпоративным лаборантом где-то в Восьмом или безумным нарко, смастерившим лабораторию в подпольном притоне. Никто не хочет рисковать жизнью и здоровьем из-за своих же игрушек. Раз друзья нашего дорогого Зигана выпустили вредоносный био-софт, они должны были предусмотреть страховку. Серьезные люди иначе не работают. Никто не выпускает тигра на свободу, если сам безоружен.

«Ты еще соображаешь, — одобрительно отозвался Вурм, — Я тоже об этом подумал».

— Нам надо найти противоядие, червь. И сделать это за три дня.

«Позволь напомнить, хозяин, ты на нуле. Все известные шестеренки уже вырваны. Зигана. Братья Ерихо. С хозяевами био-софта тебя связывают три мертвеца».

— Недурное начало, — Маадэр рассеянно нарисовал на

покрытой пылью столешнице абстрактную фигуру, — Обычно мне нравится иметь дело с мертвецами. От них обычно не приходится ждать неприятных сюрпризов, а в нашем деле это уже многое. Но здесь ситуация другая… Так или иначе, нам нужны люди, на которых работал Зигана. Люди, которые распорядились его убить.

«Уверен, что это не дело рук конкурентов?»

— Теперь уже да, — вздохнул Маадэр, небрежно стирая нарисованное, — Зигана был сошкой, посредником, мелким исполнителем. С таким не сводят счетов. Его наказали за то, что он допустил утечку опасной секретной разработки. А может и за то, что спутался с мерценарием, по собственной инициативе попытавшись ликвидировать последствия своей беспечности. Зигана убили его же боссы. Значит, речь идет об одной из транс-планетарных корпораций.

«Для человека, у которого осталось не так уж много времени, ты делаешь слишком поспешные выводы».

— Ты сам сказал, что продукт крайне сложный. Значит, это не подпольная разработка. Да и Зигана не из тех парней, что работают с оборванцами из Девятого и их грязными лабораториями. Работа профессионала высокой пробы. Проблема в том, что на Пасифе в последнее время слишком много профессионалов такого рода.

У Вурма ушло четверть секунды на то, чтоб подключиться к зонам памяти Маадэра и получить оттуда всю необходимую информацию.

«На Пасифе в данный момент зарегистрированы филиалы или представительства как минимум сорока трех различных транс-планетарных корпораций, в той или иной степени занимающихся разработкой, тестированием или синтезом легального био-софта. Еще около полусотни занимаются этим полу-легально, обеспечивая черный рынок всей Солнечной системы дешевыми аналогами».

Маадэр поморщился.

— Дыры вроде Пасифе притягивают таких. Как известно, темные дела лучше всего проворачивать подальше от старушки-Земли и ее цепкой старческой хватки. Пользуясь тем, что власть Земли на Пасифе все еще неуверенна и зыбка, сюда бегут отбросы со всей системы.

«Не отвлекайся на философствование. Кроме того, в этой истории действуют как минимум две силы».

— Те, кто стоит за братьями Ерихо, — кивнул Маадэр, — совершенно верно. Но остается открытым один важный вопрос. Если это действительно были конкуренты нашей неизвестной конторы, отчего они так легко расплатились за жизнь Зигана

контейнером со смертоносным био-софтом? Едва ли в их планы входило, чтоб новейшая разработка всплыла на черных рынках Пасифе. Без сомнения, они хотели сами наложить на нее руку. Хлодвиги непредсказуемы и алчны, это всем известно, оказавшийся у них био-софт мог попасть куда угодно. А что, если бы на него наткнулись жандармы? Они бы подняли настоящую тревог и перекопали половину спутника! Это же настоящая ядерная бомба в миниатюре!

Маадэр ощутил причмокивание внутри черепа. И понадеялся, что таким образом изображает одобрение Вурм. Не хотелось думать о том, что это проявляют себя невидимые щупальца био-софта, проникающие все глубже и глубже…

«Братья Ерихо не были похожи на корпоративных убийц. Другая порода. Примитивные уличные хищники».

— Верно. Их использовали втемную. Наняли на разовую акцию, как расходный материал. Кто бы ни был конкурентом хозяев Зигана, он вовсе не стремится действовать в открытую. Используя своих штатных боевиков из службы безопасности, он бы сильно рисковал. Это означало бы вероятность засветиться, проявить свое присутствие. Всем известно, что корпоративные отделы контрразведки укомплектованы на зависть многим планетарным службам безопасности. Там ведутся сложные и хитрые игры — с агентами, двойными агентами, дезинформацией, провокациями, выявлением вражеской агентуры, диверсиями, промышленным шпионажем… Осторожный человек никогда бы не стал использовать своих легальных бойцов в такой опасной и скользкой акции. Куда лучше нанять пару уличных головорезов, чтоб те ощипали вражеского курьера. Кстати, это объясняет, почему наниматель Ерихо сказал им о деньгах в чемоданчике.

«Гарантия, — смешок Вурма прокатился по напряженным нервам Маадэра пучком бритвенных лезвий, — Чтоб те не бросили его на месте преступления, на поживу мародерам или жандармам. Зная, что чемодан набит деньгами, хлодвиги должны были утащить его в свое логово после убийства Зигана. И уже там их нашли бы специалисты нашего таинственного организатора, прибывшие чтоб снять сливки».

— Возможно, они предполагали, что хлодвиги, обнаружив био-софт, опробуют его на себе, — Маадэр мрачно усмехнулся, — Всегда ведь находится дурак, который готов проверить на себе неизвестный био-софт, правда? Это было бы еще лучше. Еще чище. Как забавно — жадность одного человека в сочетании с трусостью другого пошатнули тщательно продуманный план серьезной организации. Сперва Ерихо-старший осторожничал,

чтоб загрести куш и не подставить свою шею, затем Зигана вздумал поиграть в самодеятельность, наняв стороннего специалиста. Иронично, не находишь? Маленькие пороки двух человек, возможно, уничтожили на корню хитрую комбинацию, которую сплетали в недрах транс-планетарной корпорации лучшие аналитики Пасифе. И судьба бесценного груза непредсказуемым путем оказалась в руках третьего. В моих руках.

Маадэр похлопал рукой по контейнеру. Закрытый, он вновь выглядел безобидно, как небольшой серебристый чемодан. Мысль о том, что внутри этого неприметного контейнера лежат нераспечатанные смерти сотен или тысяч живых людей, показалась Маадэру даже возбуждающей. Что-то подобное он испытывал в прошлом, положа руку на мертвую холодную громаду тактической атомной боеголовки. Чувство сопричастности к чему-то грозному и сложному. Наверно, что-то подобное испытывал Алладин, взяв в руки волшебную лампу. Страх вперемешку с благоговением. Восхитительная, пьянящая смесь. Лучше любого наркотика. А уж если представить, сколько может стоить содержимое четырех пробирок…

«Время идет, — холодно напомнил Вурм. Ощущения Маадэра от прикосновения к контейнеру вызывали у него лишь брезгливость. Он был существом, не имеющим ничего общего с биологическим видом Маадэра, и власть воспринимал по-своему, через тончайшие манипуляции с помощью гормонов, нейро-медиаторов и секреций, — А у тебя по-прежнему нет предположений, на кого работали Зигана и Ерихо. Если ты не решишь этот вопрос в течение трех дней, то станешь самым богатым мертвецом на Пасифе».

Маадэр вздохнул и поднялся на ноги. Он все еще чувствовал слабость и легкое головокружение, но тело быстро обретало былую чувствительность. Для проверки он с хрустом сжал пальцы обеих рук — и настоящей и искусственной.

— Ты как всегда прав, мой верный червь. Дело плохо, у нас на руках нет ни единой ниточки. Но мне кажется, на Пасифе есть как минимум один человек, который сможет нам помочь. Тот самый, из-за которого мы с тобой оказались в столь щекотливой ситуации.

«Ты говоришь о Зигана? — настороженно спросил Вурм, — Не хочется тебя расстраивать, Маадэр, но он мертв».

Маадэр широко ухмыльнулся.

— Вот именно. Но мы ведь сможем разговорить мертвеца, разве нет?..

9

Маадэр не любил морги. Не потому, что его смущало общество мертвецов — мало какой мертвец сможет смутить человека, поучаствовавшего в битве за Юпитер — но ему категорически не нравилась обстановка.

Холодные керамические панели, неживой синеватый свет, сверкающие двери из нержавеющей стали — все это нагоняло меланхолию и скверно действовало на нервную систему. Едва отворив дверь в приемный покой, он ощутил пронзительно-медицинский запах, столь мощный, что вынуждал дышать через рот.

— Формалин что ли?.. Не думал, что они его до сих пор используют.

«Параформальдегид, — обронил Вурм, впитывавший запах не хуже самого Маадэра, — я чувствую характерные мономеры формальдегида. Но едва ли тебя сейчас интересует именно это».

— Ты прав, сейчас меня интересует нечто совсем иное.

Найдя нужную ему дверь, мало чем отличающуюся от прочих, Маадэр небрежно постучал в нее. Человек, выглянувший в приемный покой, являл собой причудливый контраст: помятое лицо с глубоко запавшими глазами и безукоризненно выглаженный белоснежный халат. Маадэру он кивнул, как старому знакомому. Но руки не подал. Похвальная предусмотрительность, когда имеешь дело с мерценарием. С другой стороны, это могло быть частью привычки. Постоянно имея дело с телами людей, изувеченных некачественным био-софтом, телами частично сожженными, растворенными, переваренными или сгнившими, немудрено подхватить некоторую профессиональную предубежденность и к любой плоти, живой или мертвой, относится с подозрением. Маадэр отлично понимал его, хоть никогда и не занимался медицинским делом. Его собственная работа с течением времени привела его к аналогичным выводам.

— Это тебе нужна амеба с пустыря? — человек прищурился, разглядывая лицо Маадэра. Судя по всему, увиденное ему не очень понравилось.

— Мне, — Маадэр улыбнулся, но его улыбка мерценария не обладала свойством вызывать безотчетное доверие или симпатию, скорее, напротив, — Мой приятель.

Человек скривился.

— Лучше бы тебе не водится с теми людьми, с которыми водился твой приятель. Пока сам в амебу не превратился. Плохая

смерть, тяжелая смерть. Вся хрящевая ткань, вся костная ткань — в кисель. Осталась лишь кожа да внутренние органы. Огромный хлюпающий бурдюк, вот во что он превратился.

— Нано-пуля? — осведомился Маадэр.

— Не знаю, прозектор еще не приступал. Может, пуля, может съел чего не то… Но вот что больно ему перед смертью было, это могу гарантировать. Деньги при тебе?

Маадэр пошелестел парой небрежно скомканных купюр. В другое время он постарался сбить цену или даже обойтись без платы. У всех моргов Восьмого были свои тайные тропы и многие из них были ему хорошо знакомы. Но сейчас он не мог позволить себе тратить время.

Его собеседник с той же небрежностью принял деньги и опустил их в карман халата. Лицо его при этом не выразило ни облегчения, ни благодарности.

— По коридору до самого конца, — только и сказал он, махнув рукой, — Девятый бокс, слева. Там твой красавчик. Только поспеши, через полчаса отправлю его жандармам, это по их части. Так что на свидание времени немного.

— Я не некрофил.

— Мне плевать, — человек в халате поморщился, — Если накинешь еще две сотни, могу подарить тебе оргию с самыми свежими мертвецами в этом городе. Или самыми несвежими. По желанию.

— Полагаю, мне хватит этого парня.

— Как знаешь. Выходи через задний выход, не попадайся никому на глаза.

— Понял.

В коридоре было еще холоднее, чем в приемном покое, Маадэр непроизвольно поежился, несмотря на запахнутый плащ. Сколько же рефрижераторных установок здесь работает? Много, прикинул он сам через несколько секунд, очень много. Удивительно, но, кажется, это единственное место на Пасифе, где все посетители действительно равны. Преуспевающие банкиры и бездомные нарко, изысканные проститутки и бывшие шахтеры, корпоративные бонзы и истерзанные лепры — все они лежат здесь, обретя после смерти на короткое время именную койку, неотличимую от прочих. Забавно — только смерть по-настоящему уравнивает людей в правах. На какое-то время все эти люди равны — застреленные люди, умершие от естественных причин люди, люди с закипевшим от передозировки нейро-стимуляторами мозгом, люди, превратившиеся в груду разлагающейся плоти…

«Твоя философия пахнет как некроз, — проворчал Вурм, не

скрывая отвращения, — Быстрее ищи тело, если хочешь, чтоб я тебе помог».

Маадэр усмехнулся его нетерпеливости.

«Быть может, через три неполных дня я займу здесь свободную полку. Стоит присмотреться к соседям, ты так не думаешь?»

Вурм был не духе — Маадэр ощутил короткий болезненный укол в правый висок.

«Не отвлекайся, хозяин, — в последнем слове сквозила откровенная издевка, — Ты мог выжать из Зигана всю информацию в первый же день, но не сделал этого. И теперь нам придется беседовать с мертвецом. А ты знаешь, как я не люблю это делать».

— Как будто мне это доставляет удовольствие, — пробормотал Маадэр, потирая висок, — В конце концов, это не тебе приходится копаться пальцами в мертвечине.

«Дурак. Ты даже не представляешь, как это выглядит изнутри. Стой. Девятый бокс».

Под жирно нарисованной девяткой в металлической стене была ручка. Маадэр потянул за нее и обнаружил что-то вроде стенного шкафа с выезжающими полками. Очень удобная конструкция. Функционально и просто.

На нижней полке лежала чья-то посеревшая бесформенная печень, а на верхней лежал сам Зигана. Он занимал совсем немного места, куда меньше, чем в день их первой встречи. Маадэр понял, почему врач назвал того амебой. Он и превратился в подобие амебы — бесформенная груда кожи, чья руки превратились в подобие безвольно свисающих щупальцев, а голова слилась воедино с телом. Плохая смерть. Тяжелая смерть. Как и любая смерть от нано-пули. Когда хотят подарить милосердное забвение, используют старый добрый свинец. Нано-пули — выбор садистов.

— Какая гадость.

«Да, при жизни он выглядел немного лучше».

— Надеюсь, прозектор еще не успел изъять мозг…

«Сейчас проверим. Надави пальцем на его голову».

— У него нет головы, Вурм!

«Надави на то место, где должен быть мозг».

— О дьявол…

«Сильнее. Ты должен коснуться пальцем его нервной ткани. Только тогда я смогу проникнуть внутрь его отмирающих синапсов и попытаться считать хоть что-то».

Маадэр сжал зубы и надавил сильнее. У него возникло отвратительное ощущение, словно он пытается пробить пальцем

пружинящую, наполненную плотной жидкостью, подушку.

— Есть.

«Чувствую его, — немедленно доложил Вурм, — Состояние неважное. Некроз уже давно пирует его внутренностями, головной мозг пострадал весьма серьезно».

— Не знаю, что ты видишь там, но, думаю, что-то более интересное, чем трущобы Девятого.

«Сложно объяснить. Это руины, Маадэр. Руины человеческого сознания. Тронутые плесенью и гнилью. Распадающиеся нейронные связи, гибнущие синапсы, превратившаяся в бесформенные обрывки нейронная сеть. Жалкое и вместе с тем величественное зрелище. Поэзия плоти. Нет, ты не поймешь».

— Вытаскивай оттуда все, что можешь! — приказал Маадэр, стараясь не шевелить пальцем и не обращать внимания на собственные ощущения, — Особенно последние дни. Лица, цифры, даты… Рви с мясом! У нас в запасе шестьдесят часов. Если господин Зигана не расскажет нам ничего нового, мы с тобой окажемся в очень глупом положении…

Вурм не ответил, вероятно, сосредоточился на работе. Маадэр попытался представить, каково это — пробираться по закоулкам мертвого мозга. Почему-то воображение рисовало подобие разрушенного дворца. Коридоры, когда-то отделанные изящными изразцами, превратились в узкие проходы, заваленные обломками мрамора. Прекрасные гобелены превратились в свисающее со стен гнилье…

Мысленный окрик Вурма прогнал это видение.

«Кое-что есть. Нашел неповрежденные синапсы, но их очень мало. Кристаллизация здорово испортила то, с чем не справился некроз».

— Что ты нашел? — жадно спросил Маадэр.

«Все вперемешку. Воспоминания о молодости… Подсознательные страхи… Знаешь, а твоей приятель Зигана был, оказывается, весьма оригинален. Я про его сексуальные пристрастия».

— Плевать мне на них. Ищи все, что связано с его работодателем или партнерами. Любые упоминания био-софта. Имена, номера войсеров…

«Мозг человека — это не записная книжка, Маадэр, — сердито одернул его Вурм, — Твой собственный представляет собой хаотическую смесь из противоестественных склонностей, отвратительных привычек и вороха душевных расстройств, найти в нем что-то ценное мне не удалось за многие годы…»

— Не ворчи, старик. Продолжай искать.

«Четче всего обычно сохраняются последние секунды

восприятия. Предсмертные воспоминания».

— Раз уж ты копаешься там, поищи лицо его убийцы. Было бы весьма кстати.

Маадэр потянулся было к карману плаща, чтоб закурить, но вынужден был остановиться. Не так-то просто подкурить сигарету, когда одна твоя рука засунута в груду бесформенной плоти.

«Есть, — внезапно произнес Вурм, — Есть лицо, как ты и хотел. Но не спеши радоваться. Изображение сильно размыто. То ли глаз не успел сфокусироваться, то ли синапсы пострадали сильнее, чем мне казалось. Смотри сам».

В следующую секунду Маадэр оказался на пустыре. И хоть он знал, что сейчас стоит в коридоре морга, иллюзия перемещения была слишком сильна — он рефлекторно попытался восстановить равновесие. Изображение не отозвалось на его движение, оставшись статичным — и Маадэр понял, что смотрит на мир чужими глазами. Мертвыми глазами Зигана, если быть точным. Глазами человека, которого отделяли от смерти всего две или три секунды.

Теперь он смотрел на пустырь с непривычной высоты — до того, как превратиться в человекоподобную кляксу Зигана был ощутимо ниже ростом. Изображение было смазанным, нечетким, как на неудачной фотографии с нарушенным фокусом. Видны были силуэты, контуры, формы, но вот детали оказались сильно размазаны.

Убийца Зигана попал в посмертный кадр. Он стоял у самой стены склада — зыбкий человеческий контур, наполненный темно-серыми оттенками. Недлинный плащ, вытянутая по направлению к смотрящему рука — вот и все детали, которые Маадэр смог разобрать. Разглядеть лицо было невозможно, оно представляло собой смазанную кляксу, в которой невозможно было разобрать отдельных черт. С тем же успехом можно было пытаться опознать человека по детскому рисунку.

«Не могу разглядеть. Можешь сделать картинку четче?»

«Идиот, — сердито отозвался Вурм, — Я управляю твоими зрительными нервами, а не его».

«Значит, у нас ничего нет, — подвел итог Маадэр, с облегчением вытаскивая палец из того, что было черепом Зигана, — Картинка бесполезна».

Вместо пустыря с замершей человеческой фигурой Маадэр с облегчением вновь увидел безлюдный коридор морга. Сейчас залитые синеватым безжизненным светом помещения казались едва ли не домашними. Как, оказывается, неприятно смотреть сквозь глаза мертвеца…

«Не спеши, — в голосе Вурма послышалось сдерживаемое торжество, — Кое-что я все же нащупал. Подкорка. Старые воспоминания. Я знаю, на какую корпорацию он работал».

— Вурм!

«Не кричи вслух, идиот».

«Прости. Ах ты ловкий мерзавец!.. Что ты вытянул?»

«„РосХим“. Так называется корпорация, в которой он работал. Детали слишком туманны, чтоб я мог их вытащить, были только обрывки. Дорогая мебель. Шикарное здание со стеклянными стенами. Дорогой воздушный фильтр. Чистая вода. Незнакомые лица. Кажется, он любил свою работу. Но начальником он не был. Я чувствую его неуверенность… И страх. Он боялся. За себя. Он знал, что работает на людей, которые не станут чрезмерно дорожить его жизнью».

— Больше ему бояться нечего, — нетерпеливо заметил Маадэр, — Что еще ты можешь сказать про компанию? Чем они занимаются?

«Не то, о чем имеет смысл спрашивать мертвеца. Лаборатория. У них была большая лаборатория в центре Восьмого. Зигана там не бывал, даже внутреннему персоналу запрещено заходить в производственные помещения. Он не был ни ученым, ни лаборантом. Скорее, клерк, исполнитель среднего звена. Корпоративная дрозофила с ограниченным сроком жизни. Начальник какого-нибудь промежуточного департамента или невзрачного отдела».

— Не ученый и не специалист по безопасности. Тогда какого черта он разгуливал по городу с полным чемоданом смертельно-опасного био-софта?

«Ни малейшего представления, Маадэр».

— Может, он решил похитить перспективную разработку? Утянул из лаборатории первое, что попалось под руку, решил сбыть подпольным перекупщикам, но…

«Маловероятно. Не похоже, чтоб он помышлял о предательстве. Я смог зафиксировать только осколки его чувств, смутные отголоски последних дней. Страх. Волнение. Это уже после того, как он потерял контейнер. Ощущение серьезной потери. Это сильно подкосило его».

— Надо думать, подкосило достаточно сильно, чтоб он отправился к малоизвестному мерценарию, испугавшись собственных боссов. Судя по всему, в этом «РосХиме» царят занятные нравы…

«Не утруждай свою долговременную память, — в голосе Вурма было презрение, — Она и без того в плачевном состоянии. Я могу напомнить, что ты слышал про „РосХим“ за все время на

Пасифе».

Маадэр брезгливо вытер испачканный о Зигана палец о подкладку плаща.

— Будь добр.

«Я не сообщу тебе ничего нового, я лишь читаю твою собственную память, которая с годами покрылась трухой. Итак, „РосХим“. Штаб-квартира на Земле. Отделение на Пасифе открыто в тридцать втором году. Определенно не флагман био-софта, но прочно входит в первую десятку современных разработчиков. Судя по всему, к Юпитеру перебрались чтоб быть подальше от контролирующих органов Консорциума. Ходили слухи, „РосХим“ нередко сбывает свою продукцию на сером рынке. Те свои разработки, которые официально не сертифицированы, но на которые земные законники обычно закрывают глаза, особенно если речь идет о периферийном мирке».

Маадэр кивнул.

— Теперь я вспомнил. Несертифицированные пакеты для улучшения вестибулярного аппарата, софт для координации внимания и реакции, какие-то нейро-церебральные штуки… Ничего серьезного, одним словом. Этим сейчас промышляют почти все крупные корпорации. Выкидывают на серый рынок свои разработки. Недурной дополнительный заработок, а кроме того — прекрасная возможность протестировать новый софт и его элементы на миллионах добровольных подопытных крыс. Отчасти Консорциум не прикрывает им эту лазейку потому, что они выживают с рынка кустарные разработки подпольных лабораторий, которые потенциально опасны и могут стать причиной какой-нибудь нейро-эпидемии. Лучше иметь дело с полу-легальным продуктом известных компаний, чем с самопальным био-софтом, состряпанным объевшимися шань-си анархистами в трущобах Девятого. От него, по крайней мере, люди не станут превращаться в парализованных инвалидов и психопатов с выжженным мозгом…

«Видимо, они изменили свою рыночную стратегию, — язвительно заметил Вурм, — Потому что от безобидных полу-легальных стимуляторов перешли к выпуску биологического оружия. Наверно, решили обновить модельный ряд своего био-софта в преддверии Рождества…»

— И едва ли что-то подобное могло родиться у них случайно, пока они бились над средством от заикания.

«Смеешься? — устало спросил Вурм, — Штука, которая сейчас пожирает твой мозг, не побочный продукт лабораторных экспериментов. Это законченное оружие, отшлифованное и

готовое к употреблению. А еще превосходно замаскированное».

— Русские, — проворчал Маадэр, закуривая, — У них всегда получается оружие, что бы они ни делали. Терпеть не могу работать с русскими. Самые большие законники в Солнечной системе. И самые же дерзкие разбойники. Не удивлюсь, если под покровом корпорации средней руки у них трудился целый завод по производству биологического оружия. Но это все равно не объясняет того, почему Зигана свободно получил к нему доступ, равно и того, кому приглянулись столь пикантные разработки «РосХима».

«Кстати, Зигана в самом деле собирался тебя убить. Эта мысль отпечаталась в его подкорке. Если тебя это утешит, он не испытывал от этой мысли удовольствия. Хоть ты и вызывал у него искреннее отвращение».

Маадэр выпустил табачный дым в то, что когда-то могло служить лицом Зигана.

— Ах ты хитрый ублюдок в хорошем костюме. Что ж, я рад, что это ты лежишь на полке, а не я. Ты получил по заслугам. Значит, решил не оставлять свидетелей своей оплошности? После того, как другие подотрут за тобой лужу?

«И по этой же причине он обратился к тебе, хотя мог позволить себе нанять лучших мерценариев в городе. Твоего исчезновения никто не заметил бы».

— Знаешь, лет пятнадцать назад я бы счел это оскорблением, — Маадэр резко захлопнул медицинский бокс, — А сейчас это кажется мне едва ли не комплиментом. Ты не представляешь, до чего тяжело прожить жизнь так, чтоб о тебе никто не вспомнил. Да, я пытался много раз.

«Тебе нужно торопиться. Время работает против нас».

— Да. А еще мне нужен терминал с подключением к Сети и пара капсул эндоморфа.

10

Терминал он отыскал неподалеку, в небольшом легальном баре. Удачное время, удачное место — посетителей почти не было. Маадэр шлепнул на стойку два рубля и зашел в тесную кабинку.

Дешевые терминалы напоминали ему окраинные бордели Девятого. Та же теснота, тот же запах затхлости и чужого пота, разве что вместо старой рассохшейся кровати — во многих местах поцарапанный, покрытый сигаретными ожогами и неприличными надписями, аппарат связи. У дешевых борделей не было никаких достоинств, если не считать набора венерических заболеваний, который передавался клиенту бесплатно. У дешевых терминалов достоинства были. Одним из основных была возможность оборвать разговор, который повернул в неприятное русло — и сбежать прежде, чем служба безопасности твоего собеседника проверит, откуда был совершен вызов. Маадэр никогда прежде не имел дела с «РосХимом», но был уверен, что тамошние специалисты были не лыком шиты и сполна отрабатывали свое жалование. В случае чего он всегда сможет выскочить из бара и растворится в переулках — до того, как русские вышлют за ним машину с опытными головорезами в хороших, на заказ шитых, костюмах.

Что они предпримут, когда обнаружат человека с их собственностью? Не с новым революционным био-софтом для лечения коклюша. И не с модным в этом сезоне средством для смены кожного пигмента. А с полным чемоданом смерти.

«Интересная мысль, — Вурм никогда не считал предосудительным читать мысли Маадэра, ему не адресованные, и порой заставал его этим врасплох, — Эти русские хладнокровно убили своего человека, многие годы работавшего на корпорацию и абсолютно им преданного, только ради одной ошибки. Что они сделают с излишне дерзким мерценарием, который не только обнаружил их грязные игрушки, которые обычно прячут за шкаф, но и вздумал поторговаться за них?.. О, я чувствую, как активировались твои надпочечники. Адреналин — запах страха. Ты ведь чувствуешь страх, а?».

— Именно по этой причине я не делаю ошибок, — Маадэр протер рукавом плаща экран, заплеванный предыдущим посетителем, — Если Пасифе чему-то и учит, так это тому, что право на вторую ошибку здесь надо заслужить.

«Тогда ты уже наделал ошибок на дюжину жизней, — не отставал Вурм. Ему нравилось изводить Маадэра, используя его

затаенные страхи. Страхи, к которым он, как хранитель и житель его мозга, имел постоянный доступ, — И, как знать, может сейчас стоишь на пороге последней в своей жизни ошибки. Это „РосХим“, хозяин. Наверняка у них в штате полно юристов, но на твоем месте я бы не рассчитывал получить вызов в суд. Они осмелились разработать и выпустить, пусть и малым тиражом, настоящее биологическое оружие. Как думаешь, насколько далеко они пойдут, чтобы заставить молчать одного человека?».

Далеко, сам себе сказал Маадэр, делая вид, что протирает экран. Очень далеко.

— Я бы с удовольствием воспользовался выбором, если б он у меня был. Но так уж сложилось, что в моей голове тикает часовая бомба. И единственная возможность ее разрядить — обратиться за помощью к тому, кто ее создал. К тому же, не забывай, коллегам Зигана тоже есть, чего опасаться. Если мне вздумается передать этот чемоданчик в жандармерию, уже через неделю весь директорат «РосХима» отправится на аммиачные копи Нептуна. Едва ли члены совета директоров на Земле допустят, чтоб кто-то на окраине системы игрался с биологическим оружием, да еще и под легальной крышей. Земля может казаться дряхлой старушкой, Вурм, но у нее тяжелый нрав, когда речь идет о подобном. «РосХим» попросту перестанет существовать.

«Поэтому ты решил шантажом и угрозами выудить у него противоядие».

— Именно так. Корпорациям, как и живым организмам, свойственен инстинкт самосохранения. И если у «РосХима» он достаточно силен, я получу то, что хочу.

«А если ты получишь еще одну гранату в подарочной упаковке? — небрежно уточнил Вурм, — Я не смог справиться и в предыдущий раз. Следующий яд „РосХима“ может прикончить нас обоих в считанные секунды».

— Не такой уж я и дурак, как тебе хочется думать, — Маадэр подмигнул сам себе в отражении погасшего матового экрана, — У меня будет страховка. Кроме того… Лучше рисковать, чем безропотно ждать смерти, разве не так? Сколько времени у меня осталось?

«Не у тебя. У нас. Пятьдесят восемь часов».

— Значит, нам придется успеть.

Раздел «РосХима» в справочнике занимал целый разворот — настоящий рекламный буклет. Маадэр изучил его вскользь, сейчас его не интересовали броские лозунги и маркетинговые обещания. «Искоренение порока сердца за один прием био-софта. Новое поколение кардио-препаратов от „РосХим“!» «Не ждите старости. Наш фирменный продукт „Гепарус“ вдвое увеличит

ресурс вашей печени и защитит желчные протоки!».

Раздел, повествующий о структуре компании и направлениях ее работы, он изучил куда придирчивее. Информации там было немного, но Маадэр по привычке взвешивал каждое слово.

— Пишут, компания существует уже больше тридцати лет. Основана на Земле, благословлена самим Председателем Правления. На сегодняшний день существует четырнадцать филиалов, разбросанных от Марса до Плутона. Получила фирменные патенты за революционные исследования в сфере лечебного и укрепляющего био-софта, а в прошлом году выиграла престижную премию за разработку нейро-вакцины от полиомиелита.

«Прекрасная биография для производителя оружия», — саркастично отозвался Вурм.

— Судя по всему, у них и так дела идут превосходно. Отличный легальный заработок во всех населенных мирах системы. Новые патенты и самые светлые перспективы на рынке био-софта. Зачем компании с таким послужным списком рисковать, производя оружие массового поражения? Сбывать его на черном рынке психопатам и самоуверенным диктаторам? Продавать в коллекции богатых безумцев? Несуразица.

«Не так давно ты сказал, что корпорациям, как и живым существам, свойственен инстинкт самосохранения, — задумчиво сказал Вурм. Сейчас его голос напоминал дуновение сквозняка где-то под теменной костью, — Ты был не совсем прав. Первый инстинкт, который просыпается в столь большом, сложном и могущественном организме, как транс-планетарная корпорация, это инстинкт наживы. Ради наживы корпорация растерзает любого противника, ради нее же пойдет на любой, даже неоправданный, риск».

Маадэр скривился.

— Напоминает лозунги анархистов. Вурм, меньше всего мне в эту минуту нужны лекции по политэкономике от паразита, переваривающего мой мозг.

«Ты дурак, — устало сказал Вурм, — Такой же, как и все прочие. Вы боитесь биологических паразитов в своем организме, но привыкли не замечать паразитов гигантских, давно вас поработивших и медленно высасывающих».

— О чем ты?

«Капитал, — в голосе Вурма послышался колючий, царапающий нервы, смешок, — Для вас это абстракция, термин, смутная данность. Вы не сознаете, что капитал — это живое существо, более того, высшая форма разумной материи. Капитал может испытывать жадность, страх, ярость, неуверенность. Он

управляет миллионами жизней, но его никто не видит. Вы замечаете лишь его тень — цифры, отчеты, котировки акций, приказы, накладные — не задумываясь о том, что за этим стоит. Любой капитал — огромная разумная структура, Маадэр. Она действует в ответ на определенные раздражители, совершенствуется, перерождается, дает жизнь отпрыскам или тихо гибнет. И, в отличие от примитивных биологических форм жизни, капитал куда более совершенен, сложен и неуязвим. Ты никогда не задумывался о том, что весь ваш биологический вид — всего лишь кормовая база для этих огромных и могущественных организмов? Вы — нижнее звено пищевой цепочки, Маадэр, но самоуверенно полагаете, будто управляете капиталом. Это ерунда. Никто не может управлять капиталом. Это он управляет всеми вами, поедая по мере необходимости».

— Кажется, я принял слишком много эндоморфа, — проворчал Маадэр, — Ты несешь околесицу, Вурм. Лучше бы тебе сосредоточься и помолчать. Мне надо сделать важный звонок.

Маадэр включил коммуникационный канал. Терминал был устаревший, ровесник самого мерценария, закрыть его небольшую камеру ладонью не составило никакого труда.

На экране появился цветной логотип акционерного товарищества «РосХим» — овал с налитым неприятной желтизной пшеничным колосом, растущим из стилизованных букв «Р» и «Х».

— Добрый день, акционерное товарищество «РосХим», — почти сразу же отозвался мелодичный женский голос, — Чем я могу вам помочь?

Секретаршу можно было назвать симпатичной, но улыбалась она настолько неестественно, словно у нее свело лицевые мышцы. Даже не видя Маадэра, она смотрела с тем особенным выражением вежливого презрения, который в корпоративной культуре Пасифе считался общеупотребительным признаком внимания. Маадэру на секунду даже захотелось снять ладонь с камеры, чтоб эта куколка с точеным сахарным личиком смогла увидеть своего невидимого собеседника. В другой момент он с удовольствием насладился бы ее испугом и замешательством. Но сейчас у него были другие цели.

— Я хотел бы поговорить с председателем правления. Или с главой филиала.

Секретарша замешкалась, но лишь на половину секунды.

— Пожалуйста, назовите свое имя и вопрос, по которому вы хотите связаться с нашей компанией, и мы поставим в известность уполномоченного представителя «РосХима». В случае необходимости вам будет назначена встреча и…

— Мое имя не имеет значения, — Маадэру показалось, что он

произносит фразу из какого-то шпионского детектива, даже голос непроизвольно сменил тембр, — А вот что имеет значение, так это безопасность вашей компании.

— Безопасность? — ее огромные голубые глаза стали еще больше. Маадэр отметил необычное устройство радужки и расширенные глазницы. То ли несколько ударных доз био-софта, то ли усилия опытного хирурга, — Что вы имеете в виду?

— Только то, что если вы в течении минуты не свяжете меня с тем, кто отвечает за безопасность, ваше руководство окажется в весьма неприятной ситуации.

Она поняла все верно.

— Я могу соединить вас с господином Макаровым, это управляющий службой безопасности «РосХим» на Пасифе. Если вы…

— Хорошо.

— Сейчас… Как вас представить?

— Никак. Но скажите ему, что звонит друг господина Зигана.

На экране вновь возникла заставка с логотипом.

«Не напугай их, — недовольно зашипел Вурм, — Это не те люди, на которых можно давить».

— Всего лишь дружеская подначка. Они поймут все правильно.

— Слушаю вас.

Изображение не изменилось, все тот же неестественный пшеничный колос, выросший, казалось, в лабораторной банке из раствора синтезированных питательных смесей. Господин Макаров не посчитал нужным включить собственную камеру. Маадэр мог его понять. Если работаешь на посту управляющего службой безопасности, пусть и в одном из многочисленных филиалов транс-планетной корпорации, поневоле будешь с осторожностью относиться к своим обязанностям. Особенно учитывая то, что пост начальника службы безопасности априори предполагал также кураторство над всеми видами деятельности, не указанными в уставном реестре — промышленным шпионажем, разведкой, контрразведкой, саботажем, силовыми операциями и всеми прочими прикладными видами корпоративной деятельности на Пасифе. Человек, занимающийся такими вещами по долгу службы в течение нескольких лет, никогда не станет демонстрировать свое лицо первому встречному. Маадэр мог его понять. До получения лицензии мерценария ему самому приходилось заниматься подобными вещами.

Голос у господина Макарова был густой, тяжелый, уверенный. Тембр указывал на то, что хозяин голоса немолод, лет

сорок-пятьдесят, но стареть еще не собирается. В голосе была сила. Маадэр не любил такие голоса, они напоминали ему о тех людях, которых он давно не видел, и видеть не хотел. О людях, к которым нельзя поворачиваться спиной.

— Разговор важный, — сказал он быстро в микрофон, — И в ваших интересах не обрывать его. Кто звонит — пусть вас пока не интересует.

— Хорошо, — неожиданно спокойно ответил Макаров. Кажется, он ничуть не удивился, — Что вам угодно?

— Био-софт, — Маадэр нарочно сделал паузу, надеясь, что это заставит собеседника хотя бы немного напрячься. Макаров сразу начнет думать, о каком же био-софте идет речь, что выплыло наружу, что стало уже известно, кто и где из его людей прокололся… В разговоре, как и в схватке главное не бить в лоб, а заставить противника потерять равновесие. Когда тот неуверен даже в своих ногах, его можно вести в любую сторону, он уязвим.

— Корпорация «РосХим» уже много лет занимается синтезом современного био-софта по множеству направлений, — господин Макарова остался совершенно спокоен, — У вас напряженный неестественный голос. Возможно, вас заинтересует наш био-софт, исправляющий дефекты голосовых связок и омолаживающий слизистую оболочку гортани. Одну минуту, я переключу вас на соответствующий отдел…

Вурм хихикнул.

«Он хорош. Мне он уже нравится».

— Мне не нужен заурядный био-софт, — произнес Маадэр в микрофон ровным тоном.

Он не позволил вывести себя из равновесия, хоть и оценил ту легкость, с которой его собеседник манипулировал словом и интонацией. Вурм был прав, он хорош. Маадэру вспомнилось старое голландское наставление по фехтовальному делу, наследие его древних предков. Еще до того, как соперники скрестили рапиры, сказано было там, им следует обращать внимание на то, как держит себя противник, а более того — на то, как он двигается. Случается, в одном коротком шаге можно увидеть чужие силу и способности еще до того, как произойдет первый выпад.

Маадэр мысленно усмехнулся. Они с господином Макаровым еще не успели сделать ни одного удара, сталь еще не успела встретиться со сталью, но обозначили свои движения несколькими скупыми движениями. И того, что он уже услышал в голосе управляющего безопасностью «РосХима» было достаточно, чтоб признать в нем опасного, ловкого противника.

— Меня не интересуют обычные модели. Меня интересует

нечто из вашей особенной линейки продукции. Ограниченная серия, вы понимаете. Я слышал, от клиентов не было ни одного нарекания.

В точку? Или нет? Удалось ему уколоть податливую пустоту за слепым экраном? Или его выпад остался незамеченным? Макаров молчал, но молчание это было совершенно невыразительным. Ни неловким, ни напряженным, ни испуганным. Просто тишина, безразличная и мертвая, как треск статических помех, полное отсутствие воздушных колебаний.

— О чем вы говорите? — наконец спросил Макаров спокойно.

Маадэр потерял терпение.

— Я говорю о той дряни, которую вы, ребята, у себя сварили. Четыре пробирки с голубоватой жидкостью, точь-в-точь как разведенные чернила. Те самые пробирки, которые ваш подчиненный, господин Зигана, не смог доставить по месту назначения. И те самые, которые любой суд Солнечной системы расценит как биологическое оружие нано-молекулярного воздействия.

— Я вас не понимаю, — голос Макарова сохранял спокойную интонацию, но потяжелел, в нем обозначилось что-то сродни интересу, — Наша организация не занимается изготовлением или распространением вредоносного био-софта. И в нашем подразделении никогда не работал человек под именем Зигана. Это какая-то ошибка или розыгрыш? Мне не хочется думать, что это намеренная провокация. Если же так, поверьте, — Макаров вздохнул и Маадэру некстати подумалось, что, судя по вздоху, грудная клетка у его собеседника должна быть весьма развита, — вы выбрали очень неудачную…

— У вас есть часы, господин Макаров? — Маадэр оскалился, хоть и знал, что шеф безопасности «РосХима» его не видит, — Тогда засеките время. Ровно через полчаса четыре пробирки и контейнер окажутся в местном отделе жандармерии. Это значит, что через тридцать пять минут вы превратитесь в безработного разыскиваемого преступника. У вас есть десять секунд, чтобы принять правильное решение.

Макаров не растерялся.

— Это похоже на шантаж, — сказал он спокойно.

— Восемь.

— Не самый оригинальный способ.

— Шесть секунд.

— Если вы думаете…

— Пять.

— Не делайте глупостей.

— Три!

Маадэр удовлетворенно качнул головой. Господин Макаров сохранял полнейшее спокойствие, но в его интонациях, как в походке фехтовальщика, ощущалась непривычная скованность. На какой-то миг он поплыл по течению, дезориентированный. Как и все русские медведи, он привык сам брать противника в оборот и заключать в смертоносные объятья, но проигрывал в скорости и не сразу разобрался в изменившейся ситуации.

— Две.

— Перестаньте.

Он все еще держался. Не паниковал, не умолял, не просил времени. Сохранял равновесие, которого самого Маадэру как раз сейчас особенно не хватало. Если Макаров не сломается, придется обрывать связь. Времени не много, «РосХим» уже мог отследить канал, несомненно у них есть специалисты для этого. Значит, придется бежать. Причем с пустыми руками.

«Дави! — рявкнул Вурм в правое ухо Маадэра, — Дожми его!»

— Один!

— Стоп, — сказал Макаров, — Хватит.

Голос у него остался прежним, но в то же время в нем произошло какое-то изменение. Заинтересованность? Страх? Сдерживаемая злость?

— Я слушаю.

— Что вам надо? Я не знаю, что вы затеяли и о чем говорите, но, пожалуй, чтоб вы не натворили глупостей, нам стоит поговорить.

— Нам, — поправил Маадэр. Он торжествовал, но старался чтоб голос звучал по-прежнему ровно. Диалог с невидимым собеседником — как бой в темноте. И первый раунд уже остался за ним, — Я и вы. Никаких шавок «РосХима». Никаких хлодвигов. Без наблюдения, камер и микрофонов. Учтите, я это почувствую. Без оружия. При себе пусть у вас будут две вещи — противоядие от той разработки, что была у Зигана, и пачка купюр общим достоинством в двадцать тысяч земных рублей. Не очень крупными банкнотами.

— Вы…

— Если вы ошибетесь в чем-то — это последний наш разговор.

— Назовите время и место.

Маадэр посмотрел на хронометр.

— Через три часа. Пятый сектор, юго-восточный район. Улица Берхова, там есть заброшенная типография, напротив нее — бар, называется «Целлиер», полуподвальное помещение.

— Будет два часа ночи, — Макаров сохранил достаточно самообладания, чтоб усмехнуться, — Поздновато для встреч.

— Ничего. Такие мелочи вас не должны волновать. И ждать я буду ровно одну минуту. Поэтому лучше проверьте, чтоб ваши часы не отставали.

Маадэр оборвал связь. Эмблема «РосХима» на экране посерела и исчезла.

«У тебя получилось, — в голосе Вурма сквозило сдерживаемое одобрение, — Неплохо, Маадэр».

«У меня получилось привлечь внимание. Этот зверь не в моей весовой категории, Вурм, на такого не стоит охотиться. Я для них как муха».

«Муха, переносящая смертельно-опасный трипаносомоз. И ты знаешь их слабое место. Они не засуетились бы, если б были уверены в том, что ты блефуешь».

«Эти люди хладнокровно убили Зигана только за то, что он показал краешек их корпоративной карты постороннему. Думаешь, они станут церемониться со мной?»

«Не дергайся, — хладнокровно бросил Вурм, — Помни, смерть не рядом с тобой, она уже в тебе».

«И все-таки ты неисправимый оптимист, — Маадэр кисло улыбнулся, — Наверно, именно за это я тебя и люблю».

«Заткнись».

11

«Целлиер» почти не изменился за то время, что Маадэр здесь не был. Внутри было темно, пахло пылью, вином и человеческим потом — не самая приятная обстановка, но после напичканных электро-магнитными импульсами гудящих улиц Восьмого она показалась Маадэру едва ли не изысканной.

В отличие от большинства недорогих забегаловок Пасифе, здесь не пахло невыносимо соленым хайдаем, за немногочисленными столами не было видно развалившихся в нарко-трансе тел, на кухне не дребезжала посуда. В «Целлиере» в любое время дня и ночи царила приглушенная обстановка, напоминающая атмосферу заглубленного бетонного бункера. Возможно, все дело было в тишине, прохладе и отсутствии посторонних звуков. Были у «Целлиера» и другие достоинства, которые Маадэру приходилось использовать в прошлом.

В лишенном окон полукруглом помещении было душно, но возможность просматривать все пространство вплоть до барной стойки и входной двери многого стоила. Еще один довод в пользу «Целлиера». По крайней мере, можно не опасаться того, что посреди разговора ты вдруг услышишь тонкий звон разбитого стекла и почувствуешь, как твои кости начинают таять, растворяясь как сахар в горячем чае.

Едва отворив дверь, Маадэр осмотрел помещение, воспользовавшись увеличенной чувствительностью периферийного зрения, дарованной ему Вурмом на несколько секунд. И немного успокоился. В зале его не ждали закованные в сталь и пластик боевики «РосХима» или жандармы. Кажется, его здесь вовсе никто не ждал — трое или четверо человек, занявших столики несмотря на поздний час, неторопливо ели, не обратив на Маадэра почти никакого внимания. Внушительный толстяк за дальним угловым, какой-то нервный тип с обожженным лицом у стены, существо непонятного пола через один столик от него, и еще какой-то мрачный бородатый тип, терзающий вилкой остатки водорослей. Кто-то из них вполне мог быть начальником службы безопасности «РосХима».

«Бородатый, — предположил Вурм, — Он все время косится на дверь».

«Не будем спешить с выводами. Сейчас узнаем у хозяина».

Бессменный хозяин «Целлиера» стоял за стойкой, протирая столовые приборы. Он был немолод, но выглядел даже старше своих лет, возможно из-за землисто-сероватого оттенка кожи, столь глубокого, что походил на какой-то особенный подземный

загар. Маадэру казалось, что этот человек не поднимался на поверхность с тех пор, как «Целлиер» впервые распахнул свои двери. Он никогда не всматривался в лица посетителей, глаза у него тоже были темно-серые и совершенно невыразительные — этакий безразличный подземный жук, занятый своим делом и совершенно равнодушный ко всему, что его окружает.

Маадэр был одним из немногих людей на Пасифе, доподлинно знающих, что хозяин «Целлиера» обладает вполне человеческими чертами, более того, обладает и вполне человеческими пороками. Из уважения к этим порокам Маадэру в прошлом случилось оказать владельцу заведения одну немаловажную услугу — услугу того рода, на которые не оформляется вексель. С тех пор он стал желанным гостем в «Целлиере», имеющим право на очищенную воду, чистые столовые приборы, бесплатную выпивку — и еще ряд услуг, которые в прейскуранте ресторации не фигурировали, но которые он всегда мог заказать.

Человек с серым лицом, увидев Маадэра, едва заметно кивнул. Узкие темные глаза были также равнодушны, как прорези для магнитных ключей. Он и сам чем-то напоминал механизм, находящийся в режиме ожидания. Ждущий пароля, чтоб произвести определенное, предусмотренное алгоритмом, действие. Если бы вместо Маадэра стоял другой человек и произнес бы другие слова, механизм отреагировал бы иначе. Но Маадэр помнил пароль.

— Вино, — негромко сказал он, — Настоящее, не рисовое. Пока что больше ничего.

Человек за стойкой опять кивнул. Из тусклого металлического кувшина налил в стакан вина. Выглядело оно не очень хорошо, но за качеством в «Целлеере» всегда следили. В чулане за барной стойкой мог обнаружиться несвежий труп или старый лепр, но вино здесь всегда было хорошего сорта, плюс гарантия того, что в нем нет никакой дряни. В последнее время в заведениях Восьмого это считалось несомненным достоинством.

«Нужна пища, — напомнил Вурм недовольным тоном, — Ты не ел почти сутки. Твоему мозгу нужна глюкоза и фосфолипиды. Если не поешь, в скором времени мне придется переводить твой организм в режим жесткой экономии».

«Не сейчас. Время набить живот еще будет».

«Тебе может понадобиться моя помощь, Маадэр. Возможно, тебе может понадобиться все, что я смог дать. Что-то большее, чем порция адреналина или доза тромбоцитов. Тебе стоило бы внимательнее относиться к моим потребностям».

«Потерпи полчаса. Потом я накормлю нас обоих лучшими

углеводами, которые можно обнаружить в забегаловках Пасифе».

Хозяин заведения немного наклонился над стойкой. Почти незаметно, но достаточно для того, что Маадэр мог уловить его шепот:

— Угловой столик. Пришел один, четыре минуты назад, — человек говорил так тихо, что его голос мог показаться шепотом подземных сквозняков. Даже губы у него не двигались, — Кажется, русский. Акцент и… вообще.

Маадэр кивнул, делая вид, что рассматривает меню, нарочно не глядя в сторону толстяка за угловым столом.

— При оружии?

— Не знаю. Может быть. Заказал настоящее ячменное пиво и сырную запеканку.

— На аппетит, значит, не жалуется…

— Добавить ему что-то? — брови хозяина поднялись выше на половину миллиметра, — Иботеновая кислота? Этилзарин? Аконитин?

— Ничего. Пусть наслаждается своим пивом.

«Зря, — буркнул Вурм, не скрывая недовольства, — Это был удобный случай добавить ему чего-то острого».

«Ни к чему, — мысленно отозвался Маадэр, — Не удивлюсь, если у него в печени стоит био-блокиратор, уничтожающий любые яды и токсины. Не хочу подвергать испытанию доверительные отношения между нами с самого начала».

Вурм хихикнул, показывая, что оценил шутку.

Увидев господина Макарова, Маадэр сразу решил, что слово «толстый» в отношении шефа корпоративной службы безопасности не уместно. «Толстый» означает что-то мягкое, податливое, рыхлое. Живот Макарова выпирал столь сильно, что мог показаться спрятанной под рубашкой бочонком, но отчего-то его совсем не хотелось назвать толстым. Это слово не липло к нему, несмотря на явственные складки жира на шее и внушительный двойной подбородок. Макаров был большим. Даже очень большим. Но ничуть не рыхлым и не податливым. Скорее, он напоминал большой валун, кажущийся расплывчатым и бесформенным, но достаточно крепкий, чтоб на протяжении многих лет отражать морские волны.

«Медведь, — подумал Маадэр, — Все русские чем-то похожи на медведей, но этот… Этот в особенности. Похож на ленивого толстобокого бездельника, ковыряющегося в тарелке, но если поднимет лапу…»

«Медведь, — согласился Вурм, — Но помни, что ты — муха. И постарайся поменьше жужжать».

— Вы опоздали на три минуты, — спокойно заметил

Макаров, поднимая голову от тарелки, — Впрочем, не извиняйтесь. Подобное считается тяжким грехом лишь в нашей корпоративной культуре, излишне ритуализированной и усложненной. Иной раз кажется, что чайная церемония древнего Китая — детские игры на фоне того ритуала, которым сопровождается прием корреспонденции у курьера или совещание сотрудников лаборатории.

Голос был тот же, что и по терминалу. Густой, тяжелый, медленный. Рокот набегающей на мелкие камни океанской волны. На Маадэра господин Макаров смотрел без особого любопытства, но все же с некоторым интересом. Лицо у него было массивное, с выступающим треугольным подбородком и внимательными серыми глазами. Как многие русские он носил бороду, половина волос в которой уже была цвета подтаявшего снега.

— Мне надо было убедиться, что вы один, — Маадэр сел напротив него.

— Я один. По-моему, не самое удачное место для разговора. Я имею в виду… — Макаров поморщился. Он явно не относился к тем людям, которые посещают подобные «Целлиеру» места, — Здесь довольно мрачный интерьер.

— Когда-то это был лучший в секторе французский винный бар.

— Французы и лягушек жрать горазды, — он рассмеялся, громко и совершено искренне. Смех у него был приятный, смех человека, который смеется часто и с удовольствием, — Извините, если задел. Кажется, вы не француз.

— У меня больше немецкие корни.

Макаров отхебнул пива. Смачно, с удовольствием, выдохнул и смахнул с седых усов пену.

— Вы не похожи на пруссака. Обычно я их сразу распознаю — по говору, по манере держаться. У вас же этого не чувствуется. Должно быть, не один год прожили в отрыве от родни. Кстати, где она? С какой планеты вы приходитесь?

— Я не похож на уроженца Пасифе?

— Вы? Смеетесь? — серые глаза сверкнули, — Из вас такой же шахтер, как из меня — учитель танцев. Я знаю здешнюю породу. Вы не из них.

«Кажется, он чувствует себя непринужденно, — отметил Маадэр, — Пытается навязать миролюбивую расслабленную беседу и в то же время мягко задавить собеседника. Ловкий малый, очень профессионально гнет. Не хотел бы я оказаться на борцовском ковре вместе с ним…»

— Энтлеген, — неохотно сказал Маадэр, — Старая немецкая

колония.

— Не слышал о такой. Марс? Сатурн?

Ему не понравилось, как спокойно и уверенно Макаров начал вести разговор. Он вел себя так, как не должен вести себя человек, которого заставили нервничать и вызвали в незнакомое место для важного разговора. Он был расслаблен, немного утомлен, доброжелателен и отвратительно спокоен. Или очень хорошо притворялся.

Маадэр коротко вздохнул. Пора было несколькими прицельными залпами сбить спесь с господина Макарова. Чтоб тот вспомнил, по какой причине пьет дешевое пиво в захудалой забегаловке в обществе типа с лицом Маадэра.

— Я не собираюсь рассказывать вам собственную биографию. Кажется, мы оба находимся здесь в связи с определенными обстоятельствами, которые вызывают дискомфорт у нас обоих. И чем быстрее мы перейдем к ним, перестав разыгрывать сценку из дружелюбной беседы, тем больше сэкономим времени. Не знаю, как вы, а я в последнее время научился ценить каждую минуту.

Эта небольшая тирада не произвела на Макарова особенного впечатления?

— Вот как? — спросил он. Его серые глаза насмешливо сверкнули, — Что, даже имени своего не скажете?

— Вы сможете прочитать его на открытке, которую я пришлю с Венеры. Вы — Макаров?

— Андрей Михайлович, — толстяк сделал такое движение, будто собирался приподнять воображаемую шляпу, но лишь коснулся пальцем темени, — Можете называть как вам удобнее. А можете никак не называть, тоже будет справедливо. Два человека без имени за одним столом и с одним общим делом. В этом даже есть некоторая поэтичность… Извините, что много болтаю. Редко когда удается посидеть вот так, с кружкой в руках, поговорить с умным человеком… Вы ведь умный человек, не так ли? Конечно, умный, раз мы сидим с вами за одним столом.

Хорошо прессует, понял Маадэр с каким-то затаенным удовольствием. Умело, методично, мягко, но мягкостью обманчивого свойства. Нейро-лингвистическая школа старой гвардии. Усыпляет бдительность собеседника и в то же время небрежно подавляет его волю.

— Нет, знаете, как-то все-таки неудобно без имен, — Макаров вдруг взглянул Маадэру в глаза, — Непривычно. Я привык именовать как-то собеседника. Может, вы уважите мою слабость и позволите называть вас вымышленным именем?

«Вурм?»

«Твоя психоматрица в норме, — напряженно отозвался тот, —

Но парень, похоже, профессионал. Сразу принял тебя в оборот. Пытается расслабить и в то же время прощупать. И кое-где у него это даже получается. Не знаю, где он обучался подобным приемам, но явно не в гимназии…»

— Бросьте свои фокусы, — посоветовал Маадэр с ледяной улыбкой, — Я вижу, что в психологических манипуляциях вы разбираетесь, но на мне их отрабатывать бесполезно.

Он ожидал, что Макаров насторожится, как бывает даже с опытным исполнителем, чей верный трюк не срабатывает, наткнувшись на непроницаемую преграду. Но русский лишь беззаботно подмигнул ему.

— А что, хорошо выходит? Растерял я немного форму, конечно… Раньше, бывало, таких зубров заговаривал, куда тебе… Там слово, здесь слово, там нажим, здесь притянуть — он уж и не замечает, что у меня в руках трепыхается, что идет туда, куда надо, и спрашивает совсем не то, что хотел… Ладно, оставим эти нейро-лингвистические игры для дураков. Однако я не солгал вам на счет того, насколько неуютно вести беседу с безымянным собеседником. Давайте все-таки определимся с именем…

«Я уменьшил активность твоих надпочечников, кажется, они решили подстегнуть тебя порцией адреналина. Будь спокоен».

«Этот русский заставляет меня нервничать, — мысленно признался Маадэр, — Даже не тем, что он говорит, а тем, как он говорит. Он говорит, как человек, который держит все под контролем. А я не люблю общаться с такого рода людьми. Моргнуть не успеешь, как сам окажешься под контролем…»

Макаров с аппетитом отломил вилкой кусок запеканки и отправил в рот. Ел он с искренним удовольствием, тщательно пережевывая каждый кусок и временами прикрывая глаза. Закончив жевать, он осторожно промокнул губы салфеткой.

— Какое имя вам шло бы больше всего?.. Значит, вы немец, так? Энтлеген… Значит, надо что-то немецкое. Ох уж мне эти немецкие имена, если честно, все они какие-то угловатые, похожие на названия мебельных гарнитуров и пишущих машинок. Ну давайте что ли… Как вам фамилия Йенч? Мне кажется, вполне благозвучно. К ней нужно подходящее имя… Давайте, я стану звать вас Этельберд Йенч. Как вам?

Маадэр почувствовал себя так, словно к позвоночнику без предупреждения приложили ледяную металлическую полосу.

— Хорошее имя, — сдержанно произнес он, — Мне нравится.

Он знал, что Вурм делает все чтоб придать голосу естественность, но знал также уже и то, что его собеседник опасен гораздо, гораздо сильнее, чем ему казалось. Даже в желудке неприятно забурлило и Маадэр с отвращением к самому себе

понял, что начинает паниковать.

Глаза господина Макарова усмехнулись ему из-под неряшливых седых бровей.

— Ну конечно оно вам нравится, — русский двумя пальцами отложил на обод тарелки корочку, — Это ведь ваше собственное имя, данное вам при рождении. Впрочем, учитывая, как быстро вы предпочли сменить его на оперативный псевдоним… Как вас звали на службе? Куница? Толково. Куница — небольшой, но удивительно проворный и дерзкий хищник. При этом безжалостный. Если я не ошибаюсь, по-немецки куница звучит как «мардэр»? Мардэр, Маадэр… Решили изменить звучание на голландский манер? Неплохо. Выдает определенный вкус. В Конторе всегда нужны были такие куницы, как вы, особенно когда мы сцепились с Юпитером. До какого вы звания дослужились, напомните?.. До субедара?

— Субедар-майор, — сказал Маадэр деревянным голосом.

— Премного извините, — Макаров всплеснул руками, — Ошибся. Кстати, слышал, вы были недурным специалистом. Жаль, что нам с вами не довелось служить вместе. Я до тридцать шестого года служил в седьмом отделе. Стратегический анализ и прикладные исследования. Вы же, кажется, подвизались в пятом — диверсии и саботаж. Выходит, были почти соседями. А сейчас сидим за одним столиком на крошечном спутнике Юпитера. Вот ведь как бывает, а?

Хозяин принес поднос — еще одно пиво для Макарова, бокал вина для самого Маадэра. Против его ожиданий Макаров без опасений отхлебнул из кружки. Пару секунд покатал пиво по языку, потом улыбнулся.

— Недурно. Знаете, сейчас у меня есть возможность заказывать самые изысканные вина непосредственно с Земли. Спецрейс, прямая доставка. Но они не идут ни в какое сравнение с этим дрянным пивом, выращенном в ржавом чане из лабораторной закваски и сдобренным случайными биологическими культурами.

Маадэр даже не прикоснулся к вину.

«Я был слишком самонадеян, — подумал он, ощущая, как по всему телу, подобно гною из застарелого нарыва, разливается глухая усталая ярость, — Излишне самоуверенную муху поймали мимоходом, еще до того, как она успела взлететь. И показали, что с ней будет. Очень спокойно, быстро и без излишних сантиментов. Так, как поступают с наглыми и самонадеянными новичками, когда они влезают туда, куда их не приглашали».

«Держи себя под контролем, — напомнил Вурм, — Он этого и добивается. Сбить тебя с курса, смутить, заставить чувствовать

неуверенность».

«У него это получилось. Я в его руках».

«Если бы он хотел тебя раздавить — сейчас за его спиной были бы жандармы. Или хмурые ребята из службы безопасности. Он играет, Маадэр. Играй и ты».

Макаров тем временем успел выпить половину кружки в два глотка и вытер пятерней блестящий от пота лоб.

— Ох… Надеюсь, не смутил вас, господин Йенч? Я уже не молод, мне простительна сентиментальность. Люди вроде меня любят вспоминать прошлое. А у меня есть, что вспомнить… Я вижу, вы гадаете, откуда у меня оказалось столько интересных сведений из вашей биографии? Не смущайтесь, это вполне понятный интерес. Тут все просто. Я покинул службу через несколько лет после вас. Каких-то два года не дослужил до пенсии. Решил, что климат в Конторе скверно действует на мои старые кости. Но кое-что полезное напоследок прихватил. Памятный сувенир о многих годах беспорочной службы. Внутреннюю картотеку. Одна из непримечательных папок которой так и называлась — Этельберд Йенч, «Куница». Удивительно увлекательное оказалось чтиво, несмотря на то, что из него внутренней комиссией было вырезано с добрую треть листов.

— Мне нечего стыдиться моей службы.

— Кто говорит о стыде? — удивился Макаров, — Вы выполняли свой долг. Уничтожали врагов Земли, подрывали изнутри военную мощь Юпитера… Некоторые ваши дела вызвали у меня самое искреннее восхищение. Помните то дело в Нью-Перте, в тридцать первом году?..

— Хватит, — жестко сказал Маадэр, — Вы уже достаточно ясно показали, что знаете меня, как облупленного. Но не стоит играть на одних и тех же струнах постоянно, господин Макаров. Я ведь тоже не дурак. В конце концов, я дослужился до субедар-майора, а это тоже кое-что значит.

Макаров провел пальцем по ободу кружки, стирая мутные пивные капли.

— Я был лейтэнт-колонэль, подполковник по старой системе Консорциума. Не люблю эти новомодные звания, звучат по-дурацки… Ладно, оставим. Не тот случай, когда бывшие сослуживцы собираются скоротать вечер за приятными воспоминаниями, верно? — Макаров вдруг стал серьезен. Лицо его ничуть не изменилось, но глубокие серые глаза отставного агента наполнились неприятным резким светом вроде того, что бывает на рассвете, — Я давно уже оставил службу и жалованье мне платит не штаб Консорциума Земли. Единственный

шантажист здесь вы, о вас и поговорим. Где контейнер и материалы?

Быстро, без перехода. И тон правильный — вроде бы и равнодушный, но какой-то резкий, требовательный. Все верно, именно так и берут размякших от задушевной беседы собеседников, мягко поплывших от добродушной улыбки седого толстяка. Именно так удав и сжимает свои кольца.

«Время разминки прошло, — где-то внутри головы Маадэра напрягся Вурм, — Игры закончились. Теперь он взялся за тебя всерьез. Покажи зубы».

— При мне его нет, — Маадэр развел пустыми руками, — Разумеется, нет смысла посылать людей, чтоб обыскать мой дом. Раз уж мы оба в прошлом сослуживцы, не станем подозревать друг друга в глупости. Софт в надежном месте. Действительно надежном.

Макаров задумчиво разглядывал Маадэра. Теперь, когда необходимость в маскировке отпала, он больше не выглядел ленивым добродушным здоровяком. На собеседника он смотрел холодно и внимательно, точно ученый, разглядывающий неизвестную жидкость в прозрачной колбе.

— Вы ведь догадываетесь, что в возможностях современной фармакопеи развязать любой язык? Вы, конечно, думали об этом?

— Само собой. Но есть одна проблема, — Маадэр широко улыбнулся. Выражение мимолетного отвращения на лице экс-подполковника сделало улыбку еще слаще, — Раз вы читали мое дело, значит, знаете и про мое ранение в тридцать третьем.

— Там было слишком мало деталей. Расплывчатые формулировки и кодовые словечки, которые так любит Контора.

— Неважно. Если отбросить детали, у меня серьезно повреждена нервная система. Выжжено около двадцати процентов нейроглии с затруднением секреционных функций. Честно говоря, я чудом выжил. Люди с подобными травмами обычно превращаются в полуразумные растения. Но мне повезло. Мне помогли.

— И что вы хотите этим сказать?

— Тем, что моя нервная система нестабильна и настолько перекручена, что любой био-софт может привести к самым непредсказуемым последствиям. Ни одна стандартная разработка не будет работать стабильно в моем случае.

— Блеф, — холодно произнес Макаров, не сводя с лица Маадэра тяжелого взгляда.

— Вы так считаете? — Маадэр осклабился, — Тогда зачем, по-вашему, я потребовал противоядие от вашего проклятого зелья? Оно сидит во мне.

— Невозможно.

— Что, ваши химики пообещали, что оно будет убивать мгновенно? Не беспокойтесь, они вам не солгали. Ваше варево, безусловно, смертельно. Проблема была во мне. Оно застряло у меня в мозгу и потихоньку проедает дорожку внутрь.

— Не верю, — Макаров пристально посмотрел ему прямо в глаза. Отдаленное зарево, мерцающее в них, делало любую ложь невозможной, — Я не специалист по нейро-агентам, но я работал с этим софтом. Попав в мозг, он вызывает мгновенную смерть от паралича сердцебиения и дыхания. От него нет защиты.

Маадэр не стал отводить взгляд.

— Вот моя защита, — сказал он, постучав пальцем по виску. Там, невидимый Макарову, тихо скребся Вурм, — Внутри. Еще одна деталь моей биографии, которой нет в вашей папке. Мозговой паразит. Малоизвестный биологический вид, который я подхватил на одной не очень популярной планете. Поселяется в подкорке, как червь в итальянском сыре, и за неделю превращает содержимое черепа в гнилое месиво. Мне в каком-то смысле повезло. Моя покореженная нервная система сбила его с толку, кроме того, я тогда находился под действием сильных психотропных препаратов. В общем, там вышла довольно сложная история… Но это к делу не относится. С тех пор я стал уникальной находкой не только для внутреннего отдела Конторы, но также для ксено-биологов и нейро-химиков.

— У вас в мозгу паразит?.. — брезгливо спросил Макаров, наклонив свою большую голову.

— Скорее, он стал моим симбионитом. Выяснилось, что мы с ним хорошо подходим друг другу. Он занимается контролем моих секреционных функций и между делом штопает организм. В обмен на это я обеспечиваю его едой и местом для существования.

— Отвратительно.

— Меня тоже многие люди находят отвратительным, — Маадэр пригубил вино и поцокал языком, — Я стараюсь не разочаровывать их представлений.

«Хватит, — шепот Вурма прошелся колючей вибрацией по правой лобной доле, — Ты перебарщиваешь».

«Не думаю. Если бы я сказал, что живущий во мне паразит разумен, это действительно было бы перебором».

«Тем более, что ты сам доподлинно в этом не уверен, — ядовитый смешок Вурма отдавал похожим на местное вино запахом, чем-то затхлым и едким, — Мы ведь не можем полностью отбросить версию о том, что я всего лишь воображаемая тобой личность, появившаяся вследствие

серьезного поражения нервной системы…»

«Я думал, мы уже оставили разговоры об этом. Мы ведь…»

Макаров вдруг оказался совсем рядом. Перегнулся через стол так, что затрещало прочное дерево, и Маадэр вдруг со всей отчетливостью понял, что в этом человеке не было ничего добродушного. Человек, который сидел здесь, шутил, смеялся и ерничал, никогда не существовал. Всего лишь камуфляжная сетка. Мох на поверхности зазубренного горного пика. Несмотря на старческий жирок и седину, медведь ничуть не утратил своего хищнического инстинкта. И силы.

— Чимико-Вита? — рявкнул Макаров. Его серые глаза казались одновременно и ледяными и пылающими, — Ах ты мелкий выродок… Это они тебя наняли?

— Что…

Макаров положил руку ему на плечо. Она была тяжела, как ствол дерева, под ее тяжестью трещал позвоночник. Маадэр зашипел. Этой силе он мог противопоставить только свой имплант в левой руке, но мощи синтетических мышечных волокон могло не хватить. Макаров был неимоверно силен, а еще чрезвычайно ловок. От его захвата Маадэра скрутило болью. Вурм был начеку, он успел перекрыть вентили плотины, из-за которой, грозя раздавить его всмятку, хлестали тугие струи боли.

«Я снизил чувствительность твоих нервных окончаний. Но если он нажмет еще сильнее, кости твоего плеча превратятся в труху. Укрепить их не в моих силах».

Маадэр был слишком занят, чтоб отвечать. Искаженное от ярости лицо Макарова оказалось так близко, что он чувствовал запах дешевого пива и сырной запеканки.

— Обчистили Кануни, а теперь, значит, решили вернуть украденное? Грязные трупоеды… Очень нагло, но не очень разумно. Что вы задумали? Отвечай! Иначе я вырву твою ключицу прямо сейчас.

Впрыснутый Вурмом коктейль приглушил боль, но она все равно оставалась достаточно сильна, чтоб Маадэр достаточно реалистично заскрежетал зубами.

— Я не знаю, что такое… «Чимико-Вита». Я… мерценарий. Работаю на себя.

— Игры кончились, куница, — Макаров тряхнул его, легко, как щенка. Силы в нем было достаточно, чтобы проломить Маадэром прочную толстую столешницу, — Но для тебя они закончатся гораздо хуже, если ты не расскажешь, кто тебя нанял. Не пытайся привлечь внимание посетителей, этим ты себе не поможешь, а день у них будет окончательно испорчен.

Боли Маадэр почти не чувствовал, но отвратительное

ощущение того, что его собственное плечо сейчас захрустит и треснет, как сухая ветка, оказалось дьявольски неприятным. Он ударил левой рукой, целясь в переносицу. Челюсть Макарова была ближе, но бить в нее Маадэр не стал бы и стальной дубинкой — крепка, как айсберг.

Удар был хорош, в меру стремительный, в меру сильный. Но Макаров перехватил его так легко, словно его пытался ударить ребенок. Маадэр вдруг обнаружил, что его пальцы зажаты в огромных сжимающихся тисках. Были бы они из менее прочного материала, чем полимерный сплав и кремний, уже затрещали бы, как тонкий хворост.

— Силовой имплант? — Макаров нахмурился, — Хорошая мысль. Редко кто ставит его в левую руку. Мне нравится твой нестандартный образ мыслей, Куница. Наверно, из-за него ты прожил так долго после того, как сбежал из Конторы. Но сейчас тебе это не поможет. Сейчас ты расскажешь мне все. А потом я найду тех, кто стоит за тобой, одного за другим. Не знаю, обнадежит ли тебя это, но когда я их найду, им будет еще больнее. Думали, можно просто увести груз из-под нашего носа? Вы лишь шавки, дорогой Йенч, блохастые дворняги на побегушках. Танфоглио вас не спасет. Я дотянусь и до его хребта.

Дело плохо. Об этом выли все его инстинкты, хоть и приглушенные Вурмом. Об этом говорил его опыт. Попался. Влип. Возомнил себя самым хитрым — и вот, корчишься, как куница с перебитой лапой. Самому ему не вырваться, даже с помощью Вурма. У этого Макарова истинно-медвежья сила. А еще многие года опыта.

Другие посетители «Целлиера» делали вид, что ничего не замечают. Инстинкт самосохранения всякого жителя Пасифе с рождения диктовал одну несложную максиму — не лезть без нужды в чужую ссору. И они не лезли. Пожалуй, даже если Макаров вытащил бы из-под полы пистолет, собираясь развороти ть Маадэру голову, они и тогда предпочли бы сделать вид, что ничего не замечают.

— Дайте… Дайте сказать черт!.. — выдавил он.

Макаров немного ослабил хватку. Не полностью, просто дал ему набрать воздуха. Маадэр чувствовал себя отвратительно, как если бы попал в стальной капкан, неумолимо сжимающий челюсти. Отвратительнее всего было ощущение бессилия. Даже если Вурм впрыснет в его кровь лошадиную дозу адреналина, от которой взорвется сердце, даже если как-то вытащить из кармана «Корсо», даже если уменьшить до предела чувствительность нервов… Господин Макаров был не просто хищником, он был из того поколения защитников, которых тщательно отобрали,

воспитали и обучили. Посреди Пасифе он был как медведь в стае куцехвостых шакалов.

— Десять секунд, Куница. Ты тоже давал мне время, верно? Я даю столько же. У тебя десять секунд чтоб выложить, кто послал тебя ограбить Кануни, где сейчас груз и зачем ты вышел на контакт с «РосХимом». Добавочного времени на ложь нет. И если тебе кажется, что старый Михалыч может разорвать тебя голыми руками без всяких имплантов и химии на клочки, лучше доверяй этому чувству, оно тебя не подводит.

Вурм был взволнован, и сейчас это лишь мешало. От его лихорадочных движений внутри черепа Маадэр испытывал пульсирующую в рваном ритме боль между глаз.

«Надо бежать, — зашептал он лихорадочно, — Я накачаю тебя адской смесью из гормонов, которая поможет тебе на полминуты. И если нам достаточно сильно повезет…»

«Забудь. Этот ублюдок оторвет мне руку».

«У тебя останется еще одна. Это лучше, чем потерять голову».

«Ничего не делай, — приказал Маадэр мысленно, — Регулируй боль. Я попытаюсь выкрутиться. Если бы он хотел меня убить, он бы так и поступил. Но ему кое-что надо от меня. И он это получит».

— Я не… я не грабил вашего человека. Это правда. Я мерценарий.

— Мерценарий, — Макаров произнес это слово с явственным отвращением, как название какой-нибудь нейрологической болезни, — Одно из отвратительных изобретений Юпитера? Наемник, человек для щекотливых ситуаций?

— Скорее, частный детектив и человек для особых поручений. Но у этого слова много смыслов. Помимо этого я могу быть телохранителем, курьером, охранником, следователем, инкассатором…

— А еще — шпионом, вымогателем и наемным убийцей, — бесцеремонно перебил его Макаров, усилив хватку, — Я не первый день живу на Пасифе. И знаю вашу братию. Мне приходилось иметь дело с твоими коллегами. И далеко не все из них были довольны встречей. Ты говоришь, Кануни сам пришел к тебе?

— Он называл себя Зигана, — Маадэр говорил сквозь зубы, так чтоб у собеседника было ощущение, что он испытывает невыносимую боль. Впрочем, скрип собственных костей немало облегчал ему эту задачу, — Попросил вернуть био-софт, который у него украли. Обещал вознаграждение.

— Много?

— Полторы тысячи. Я нашел грабителей, два уличных

хлодвига, Ерихо.

— Моего человека ограбила пара генетических уродцев? Спасибо Земле, это она не позволила Юпитеру и его окрестностям превратиться в чан клокочущей генетической скверны…

— Они уже мертвы. Я их убил. И забрал контейнер с биософтом. Он у меня — вместе со всем содержимым. Я искал хозяев Зигана… То есть Кануни, чтоб вернуть товар и получить противоядие.

— И двадцать тысяч.

— И двадцать тысяч. Это моя работа.

— Ты трудолюбив, — Макаров усмехнулся и вдруг разжал пальцы.

Маадэр с облегчением сел обратно, придерживая руку, которую Макаров едва не вырвал из сустава. Ну и хватка у этого парня… Интересно, сколько кинетических усилителей и мышечных бустеров спрятано за этой грудой оплывшей плоти?..

«В порядке, — сообщил Вурм, — Немного помят, но жить будешь».

— Ладно, — проворчал Макаров, притягивая к себе кружку с пивом, — Ты хитрая маленькая куница, Йенч, но, кажется, ты оказался достаточно сообразителен, чтобы не лгать мне.

— Проверка закончена? — хмуро поинтересовался Маадэр, разминая руку, — У вас что, имеется встроенный детектор лжи?

— Нет. Я из того поколения, когда зашивать в тело железяки считалось глупостью. Но ты сказал мне правду.

— Как вы это определили?

— Хлодвиги. Братья Ерихо, — шеф службы безопасности шумно отпил из кружки, — Ты зря думаешь, что «РосХим» платит мне деньги за то, чтоб я нежил свою жопу в мягком кресле. Мы вышли на них — своими путями. К сожалению, на несколько часов позже, чем необходимо. Нашли только два трупа. Одного нашпиговали дробью, другой сгорел изнутри, словно его кровь превратилась в бензин. Ардорит?

— Ардорит.

— Я так и подумал. Тоже когда-то использовал эту штуку. Не оставляет раненых. Удобно. Напоминает старые времена…

— И что?

— Братья Ерихо работали на «Чимико-Вита». Разумеется, они не имели отношения к отделу безопасности. Так, внештатные головорезы, разовые пешки для скользких поручений. Понятно, почему задействовали именно их. Танфоглио не без оснований подозревал, что многих его агентов я прекрасно знаю. Решил использовать не успевшую примелькаться мелочь. Как говорят у нас на Земле, шестерок. Поэтому я и подумал сперва на тебя.

Решил, что и ты из их команды. Тактика понятна. Сперва подрезать курьера и забрать груз, потом выйти на связь якобы от лица нового хозяина груза и втянуть в какую-то сделку, а может, спровоцировать на что-то… Или же специалист Танфоглио, заметающий следы за хлодвигами.

«Сходится, — невидимая ухмылка Вурма обожгла Маадэру мозжечок, — Ты именно так и сработал. Как щетка, сметающая следы чужой небрежной работы. Увел груз, ликвидировал пару незадачливых исполнителей. И принялся шантажировать его хозяина».

Возможно, Вурм был прав. Но Маадэр сейчас не собирался размышлять об этом.

— Я работаю только на себя. Что такое «Чимико-Вита»?

Макаров нетерпеливо махнул рукой. Удивительно, как легко и свободно могла двигаться эта медвежья лапа, способная раздавить человека так же легко, как орех.

— Уже неважно. Главное — что груз у тебя. Где он?

— Я уже сказал. Все в том же надежном месте. Принести его могу только я. И я сделаю это — как только получу противоядие и тридцать тысяч.

Макаров нахмурился.

— Разговор был о двадцати.

— Вы только что заставили товар подорожать. Пусть десять тысяч вычтут из вашего жалованья.

— А ты смел, Куница, — задумчиво сказал Макаров, потягивая пиво. Он снова вернулся к образу добродушного седого ворчуна, серые глаза заискрились. Еще недавно казавшиеся ледяными, сейчас они излучали ощутимое тепло, — Контора любит таких, смелых и наглых. Я и сам был таким. Жаль, что мы с тобой не встретились лет на пятнадцать раньше. Мне кажется, мы сработались бы.

— Не сработались бы, — Маадэр скривил губы, — Именно поэтому я и запросил отставку.

— Сбежал, ты хочешь сказать. Дезертировал. Нашел укрытие среди тех, против кого еще недавно сражался. Спрятался, как трусливый червяк в мутной луже.

«Мы с тобой близки, Вурм! Ты слышал?..»

«Заткнись».

— Надо думать, Контора неплохо обучила тебя, — Макарову не было нужны использовать мощь своих рук для того, чтобы вжать собеседника в стул, для этого достаточно было одного лишь тяжелого взгляда из-под густых бровей, — Заточила твои зубы, но даже она не смогла вывести из тебя настоящего хищника. Ты из другой породы, породы мелких падальщиков-

трупоедов. Именно поэтому ты так хорошо вписался в здешнее болото. Конторе ты давно стал не нужен, а мне и подавно. Слишком беспринципен и жаден, чтоб быть хорошим исполнителем, но при этом слишком самодоволен, чтоб быть хорошим аналитиком. А теперь слушай меня внимательно, Этельбед Йенч по кличке Куница.

Сейчас ты пойдешь за био-софтом. Следить за тобой не будут, но думаю ты понимаешь, что шутить не стоит. Пойдешь за софтом и принесешь его сюда мне. Только учти — хоть я и не молод, на эту запеканку и кружку пива у меня уйдет минут сорок. У тебя есть время, пока я буду ужинать. Воспользуйся им правильно.

Маадэр не встал.

— Деньги и противоядие у вас?

Макаров неспешно кивнул.

— Ампула и двадцать тысяч. Чтоб получить еще десять надо будет прогуляться к ближайшему отделению банка.

— Не торгуетесь? — Маадэр ухмыльнулся.

— К чему? Во-первых, деньги-то не мои, во-вторых, товар того стоит. А для «РосХима» это копейки. Я жду тебя, Куница.

— В таком случае не заказывайте еще одну кружку. Я вернусь еще до того, как вы осилите эту.

Макаров качнул большой седой головой.

— Жми.

Маадэр встал из-за стола, испытывая немалое облегчение. Выжил, сохранил руку, мало того, заключил самый выгодный в своей жизни контракт. Противоядие и тридцать тысяч в придачу. Очень жирный куш для любого мерценария на Пасифе.

«Тридцать тысяч… Это мой заработок за три года, если не больше».

«Что-то мне подсказывает, ты согласился бы и без денег, — ухмылка Вурма была колючей и холодной, — Только лишь за одно противоядие».

«Я мог бы попросить и больше».

«И не ушел бы отсюда живым. Русский был прав, ты жаден».

«Он был прав, когда назвал меня падальщиком. На огромной свалке вроде Пасифе быть падальщиком выгоднее всего. Крупные звери с большыми клыками и мощными мышцами тут не выживают. Слишком переплетены и запутаны пищевые цепочки. А вот крысы или пираньи чувствуют себя превосходно».

«На счет самодовольства он тоже был прав. Когда тебе надоест самолюбование, возьми кофе с сахаром. Мы на пределе углеводного голода».

«Дай мне еще десять минут, Вурм, и я угощу тебя самым

сладким кофе, который только возможен в этой части города. Черт, да тебя вывернет наизнанку, столько там будет углеводов и алкалоидов!..»

Вурм некоторое время сохранял молчание и заговорил только тогда, когда Маадэр приблизился к входной двери «Целлиера».

«Все-таки странный этот старик. Тебе так не показалось?»

«Мне доводилось встречать и более опасных людей».

«Я не об этом, дурак, — презрительная гримаса Вурма обернулась для Маадэра легким ожогом затылочной доли, — Он ведь не производит впечатления доверчивого человека, верно?»

«Верно, — вынужден был согласиться Маадэр, — Он производит впечатление человека, способного удавить на месте из-за одного лишь подозрения».

«Тогда почему он отпустил тебя так легко? Без „клопа“, без сопровождения. Поверил на слово? Человеку с твоей репутацией?..»

Маадэр замер на самом пороге, прежде чем шагнуть на лестницу. В подкорке, одновременно с Вурмом, закопошилась мысль, прежде отчего-то им незамеченная. Действительно, разве не странно, что…

Маадэр неожиданно для себя повернулся в ту сторону, где в конце длинного полуосвещенного зала едва угадывался огромный силуэт Макарова. А потом произошло что-то непонятное и очень, очень быстрое.

Глаза резанула боль — такая, словно изнутри в них воткнули по паяльнику, все окружающее полыхнуло белым огнем и преобразилось. Стало очень светло. Маадэр успел понять, что это сделал Вурм и собирался спросить, в чем дело, но почувствовал движение в конце зала.

Его новое зрение было настолько глубоким и четким, что это доставляло едва переносимую боль, все, чего касался взгляд, проливалось кипящим белым огнем прямо на мозг. И в этом прекрасном огненном хаосе, более сумасшедшим, чем картина любого безумного абстракциониста, Маадэр вдруг увидел Макарова. Тот все также сидел на прежнем месте и, казалось, смотрел только в свою тарелку. Но одна рука у него была под столом, в ней угадывался очень небольшой, размером с авторучку, предмет.

«Вурм!» — крикнул Маадэр и прыгнул в сторону лестницы.

12

Собственное тело двигалось непозволительно медленно. И еще он видел тончайшую белую нить, которая неслась к нему. Похожую на крошечную молнию. Маадэр еще не успел понять, что это, но вложил все силу в этот прыжок. Кажется, он успел. Рядом с его щекой что-то треснуло, но оборачиваться он не стал — перепрыгивая через несколько ступенек, помчался вверх по лестнице. Вурм сделал кровь такой горячей, что она трещала в жилах, разгоняя тело до того предела химических реакций, когда ткань не начинает уничтожать саму себя. Сзади что-то взвизгнуло, раздался треск пластика. Макаров быстро сообразил, но второй выстрел слишком запоздал — Маадэр уже выскакивал на улицу.

Снаружи была ночь, зябкая, резкая и сырая, как все ночи Пасифе. Сейчас она была настолько ярка, словно Юпитер превратился в сверхновую. Вурму пришлось действовать без деликатностей и он не сразу поймал нужную длину волны. Маадэр успел подумать, что с такими трюками надо быть поосторожнее, не хотелось бы сжечь сетчатку или повредить зрительный нерв…

Его ждали. У дверного проема стояли двое, но спиной к нему. То ли не ожидали, что он так быстро поднимется, то ли рассчитывали на шефа. Они были не новички, начали разворачиваться на звук шагов, но у Маадэра оставалось преимущество в скорости. Скорости, далеко превосходящей основанные на несовершенных химических реакциях возможности человека.

Правого он ударил локтем в подбородок и сразу же рванул из кармана револьвер. Верный «Корсо» маленькой металлической бабочкой вынырнул из-под ткани. Но второй успел среагировать — из его предплечья мгновенно вынырнула полоса ртутно-мерцающего металла, покрытая по краю мелкой насечкой. Хороший имплант. Уродливое лезвие не блестело, лишь матово светилась. Маадэр не стал ждать, пока оно потянется к его шее. Ударил его хозяина рукоятью пистолета по зубам, с мимолетным удовольствием ощутив на ребре ладони что-то липкое и теплое.

«В сторону!..»

Он бросился бежать, и почти тотчас же рядом что-то просвистело и рассыпалось яркими желтыми искрами по стене. Запахло паленым пластиком. Маадэр прошипел что-то неразборчивое и, не оборачиваясь, выпустил две пули в ту сторону, откуда слышал выстрелы, рассчитывая не столько

вывести из строя стрелка, сколько сбить ему прицел. Едва ли стрелок был один — ответные выстрелы мгновенно выбили из стены, вдоль которой бежал, пригнувшись, Маадэр, уродливые цветы из каменной пыли и штукатурки. Как минимум двое, прикинул он. А может, трое. И судя по тому, как кладут пули почти в кромешной темноте, обладают зрением немногим худшим, чем его собственное. Нет смысла вступать в перестрелку, изрешетят как крысу. Значит, бежать.

Маадэр бежал, сдерживая клокочущие в груди дыхание. Он не сомневался, что Вурм впрыснул ему в кровь огромную порцию эритроцитов, позволяющих снабжать дополнительным кислородом мышцы, но даже их сейчас не хватало. Он мчался изо всех сил, испытывая мерзостное до дрожания желудка ощущение того, что его спина сейчас мелькает в черном кольце чьего-то прицела.

Вурм молчал. Сейчас он и без того делал все, что мог и, пожалуй, был занят не меньше своего хозяина. Его работа была куда более сложной и тонкой. С помощью сотен разнообразных химических реакций он превращал тело Маадэра в единый слаженно работающий механизм, причем работающий на пределе прочности. Достаточно ему не уследить за уровнем гормонов в крови или за функционированием сложнейшей системы нейро-медиаторов, забыть какую-нибудь сложную аминокислоту или секрецию, как тело Маадэра превратится в один огромный ком бесполезной агонизирующей плоти. Сколь ни были бы сильны резервы человеческого организма, есть черта, из-зз которой уже нет возврата.

Угол здания был совсем рядом, Маадэр отчетливо видел его на фоне иссиня-огненного неба, пугающего как раскрывшаяся над городом космическая бездна. Свернуть за него — и он в безопасности. Там будет забор, перемахнуть через него, потом через корпус бывшего университета, там много узких тоннелей воздуховодов, в которых его уже никто не настигнет…

Он нырнул за автомобиль и почти тотчас услышал тревожный, похожий на птичий крик, звон— сразу несколько пуль вышибли из ветровых стекол осколки, загудел потревоженный металл. Пригнувшись за машиной, Маадэр сделал вслепую еще два выстрела, не рассчитывая в кого-нибудь попасть. Револьвер трясся так, что не прицелиться — гремучий коктейль из гормонов в его крови сбивал дыхание и заставлял дрожать руки.

У самого угла он резко обернулся и выпустил оставшиеся три пули. За ним бежали четверо или пятеро — кажущиеся одинаковыми темные силуэты, беззвучные и гибкие как щупальца. Не профессионалы, понял Маадэр с облегчением,

ребята грамотные, но без особого опыта. Наверно, Макаров не успел еще как следует поднатаскать своих щенков. Тем более — на сопротивляющуюся дичь, которую не стоит загонять в угол. Маадэр ни в кого не попал, но он и не целился, ему просто нужна была передышка чтоб выиграть несколько секунд.

Преследователи попадали, но тут же ответили выстрелами, сразу две или три пули с противным звуком проскрежетали над самой головой Маадэра, на него посыпались мелкие осколки пластика и кирпичная крошка. Но он не собирался вступать в затяжную перестрелку. Мелкие хищники никогда не меряются силой с преследователем, особенно когда сила не на их стороне. Они просто ускользают, чтобы пропасть в темноте.

Краем глаза он успел заметить самого Макарова — русский прилично отстал, но все равно бежал с пугающей скоростью, кажущейся невероятной для его большого плотного тела. Он словно плыл над землей. И Маадэр понял — надо убираться отсюда. Если за него возьмется сам Макаров, у него не останется и тени шанса, в какой бы узкий тоннель он не забился. Маадэр не удержался, навел револьвер на приближающуюся фигуру, но курок лишь сухо щелкнул. Времени лезть за патронами не было, тем более остальные преследователи, убедившись, что он прекратил огрызаться, уже готовы были подняться и накрыть его свинцовым шквалом.

— Мы еще встретимся, Андрей Михайлович, — пробормотал Маадэр и, коротко разбежавшись, перемахнул через забор.

13

«Я голоден».

— Замолчи. Я тоже.

«Мне нужна пища. И ты мне ее дашь, если не хочешь прямо здесь свалиться в эпилептическом припадке».

— Я дам тебе пищу. Потерпи. Надо убедиться, что нет хвоста.

«Они давно отстали».

— Очень надеюсь.

После бешенной гонки Маадэра сильно трясло, резервы организма были почти полностью исчерпаны. Почти сутки не евший Вурм, выложившийся в ночной погоне не меньше его самого, сам походил на умирающую крысу, скребущуюся внутри черепа. Чтобы спасти их обоих ему пришлось потратить оставшиеся крохи. Теперь он ядовито ворчал и ворочался.

Но Маадэр сам слишком устал, чтоб злорадствовать. Шатаясь на подламывающихся ногах и щурясь из-за расфокусировавшегося зрения, он ковылял по улице, похожий на конечного нарко в пост-эффекте. Его отражение в уличных окнах выглядело как дьявольская маска — неестественная бледность, лопнувшие сосуды в глазах, отвисшая челюсть. Жуткая картина. Повезло еще, дотянул до Восьмого с его относительно приличными улицами. В Девятом он не прошел бы в таком виде и двух кварталов — обитатели Девятого обладают превосходным нюхом на чужую слабость. Такие же крысы, как и он сам.

Идущие навстречу люди старались на него не смотреть, иные даже спешили отойти в сторону. Перепачканный во многих местах и зияющий свежими прорехами плащ походил на рванину и тоже не вызывал у встречных доверия.

Маадэр петлял, перебираясь с крупных улиц на переулки, несколько раз внезапно менял направление или надолго застывал в тени карнизов. Загонщики Макарова сплоховали, но его следопыты могут взять реванш. В каменных джунглях города не так-то просто оторваться от целой своры обученных грамотных ищеек. А в том, что у «РосХима» такие есть, Маадэр не сомневался. Возможно, в скором времени громада Восьмого станет для него самого очень ненадежным укрытием.

Наконец он окончательно выдохся и привалился плечом к ржавой противопожарной лестнице в каком-то бетонном тупике.

«Дилетанты, — проворчал Маадэр, подкуривая сигарету трясущимися пальцами, — Я ожидал от старика большего. Если он так дрессирует своих ребят, неудивительно, что ему пришлось бросить службу в Конторе…»

«Заткнись, — голос Вурма сочился усталостью и презрением, — Если бы не я, ты свалился бы еще в „Целлиере“ и сейчас катался по полу в то время, как нано-пуля растворяла бы твои кости».

— Не думай, что я этого не ценю, — пробормотал он, ощупывая воротник плаща, — Вот же дьявол… Близко прошла.

В плотной ткани он нащупал разлохмаченную дырку. Совсем небольшого размера, такую можно заработать, наткнувшись в темноте переулка на выпирающий из стены гвоздь. Но Маадэр знал, что эта штука была отметиной несопоставимо более опасного оружия, чем самый большой и заточенный гвоздь. Коснувшись ее, он ощутил в подкладке плаща что-то небольшое, но твердое, размером с горошину. Вытащить эту горошину наружу в темноте непослушными пальцами было непросто, но Маадэр справился за полминуты.

— Смотри, какая красавица, Вурм.

На его ладони лежала нано-пуля, та самая, что чуть не угодила ему в затылок на лестнице «Целлиера». Дружеский подарок от господина Макарова, выглядящий совершенно безобидно и даже невзрачно — просто тусклая металлическая сфера немногим больше человеческого зрачка. Маадэр знал, что это не более чем маскировка, и на его ладони лежит то, по сравнению с чем любое ядовитое насекомое покажется безобидной букашкой.

Прочная металлическая оболочка требовалась только лишь для того, чтоб разогнать пулю до нужной скорости в стволе и придать необходимую кинетическую энергию. То, что находилось внутри, можно было рассмотреть разве что под электронным микроскопом и, возможно, на первый взгляд оно тоже выглядело вполне безопасно. Всего лишь комок сложных молекул аминокислот. Который, скорее всего, превратит человека в пропитанный энзимами ком разлагающейся ткани.

На Пасифе нано-пули все еще оставались дорогим и непривычным новшеством, но быстро приобретали популярность. На то ыли свои причины. Когда стреляешь нано-пулей, нет нужды целиться, едва заметная царапина уложит противника так же надежно, как и сквозная дыра в сердце. От попавшего в кровь химического реагента не спасет ни бронежилет, ни усиленные подпольными вивисекторами кости. Кроме того, нано-пули, в зависимости от начинки, обладали избирательным воздействием. Они могли стать причиной кратковременного паралича жертвы или же дезориентации, опьянения или мучительной смерти.

Маадэр задумчиво крутил в пальцах крошечную горошину, которая едва не оборвала в его теле те химические реакции,

которые называются жизнью.

Он почти не сомневался в том, что эта пуля, предназначенная ему Макаровым, содержала тот же разлагающий яд, который достался Зигана. Профессионалы не убивают на виду у других. Скорее всего, под стальной оболочкой был заключен какой-нибудь мощный нейро-токсин, который в несколько секунд парализовал бы жизненно важные центры в коре его головного мозга. Едва ли кто-то из посетителей «Целлиера» удивился бы тому, что неопрятно одетый человек в плаще рухнул мешком на лестнице. Что вы хотите от мерценариев, господа? Всем известно, они поголовно сидят на кустарной дряни, которую добывают в подпольных лабораториях, в крови каждого из них — дьявольская смесь из всех разрешенных и неразрешенных наркотиков, а тут еще преклонный для мерценария возраст, стресс, хронические болезни… Жандармы не стали бы задавать неудобных вопросов, на их долю каждый день приходится по нескольку десятков куда более неприятных мертвецов — с размозженными головами или простреленной грудью.

«Мой бывший сослуживец, — должно быть, печально пояснил бы Макаров жандармам, — Всегда отличался неважным здоровьем, да и на шань-си налегал изрядно. Извольте видеть, к чему это привело беднягу…»

Постепенно, катая в пальцах невзрачный шарик, Маадэр приходил в себя. Сердцебиение унялось, артериальное давление снизилось, даже пульсирующие зеленые пятна перед глазами понемногу исчезали. Неприятные ощущения доставляла только тупая ноющая боль в затылке, но Вурм заверял, что она продлится не очень долго. Было еще что-то странное, какое-то очень знакомое и столь же тонкое ощущение — как будто тончайшая золотая иголочка прошла сквозь лобные доли мозга и теперь едва заметно вибрировала. Ощущение не было неприятным, оно что-то означало, но Маадэр не мог вспомнить, что. Думать было тяжело, мысли лезли плотными густыми комками, даже память подводила. Неизбежное следствие сильнейшего нервного перенапряжения.

— Не понимаю, — пробормотал он, пряча бесполезную нано-пулю в карман, — Все равно не понимаю.

«О чем ты?»

Вурм походил на уставшего пса, сжавшегося в свое конуре. Тоже безмерно изможденный и вымотанный, он спрятался где-то в затылочной боли и говорил неохотно, через силу.

— «РосХим». Я не понимаю. И это очень плохо, — пошатнувшись, Маэдэр опустился на мусорный бак. Грязь и запах сейчас беспокоили его меньше всего, — Нас этому учили в

Конторе. Хуже всего не то, когда ты проигрываешь противнику. Это нормально. Он может превосходить тебя во многом, может подавлять, рано или поздно ты сможешь создать ситуацию, в которой окажешься сильнее него. Гораздо хуже, когда ты не понимаешь противника. Это говорит о том, что ты выбит из колеи. Дезориентирован. Не видишь вещей, которые должен был видеть и не понимаешь вещей, которые должен был понять. Я не понимаю «РосХим».

«Только за последний год тебя пытались убить не меньше дюжины раз, — проворчал Вурм, — И, насколько я помню, это ни разу тебя не удивляло».

«Это было крайне опрометчиво с их стороны, — Маадэр перешел на мысленный голос, говорить из-за сухости во рту было слишком тяжело, — Более того, это было глупо. Они решили устранить меня, зная, что я где-то спрятал чемодан с их нелегальным био-софтом?

Они готовы были потерять его — только чтоб заткнуть рот мне? Но я сам был готов притащить его к ним в зубах! Это странно. И я не понимаю. Если с человеком ведут хитрую игру, его не убивают до того, как он сделает нужный ход. Или убивают сразу. Если они считали, что я лазутчик этого… как его…»

«Чимико-Вита».

«Точно, „Чимико-Вита“. Макарову ничего не стоило застрелить меня сразу же за столом. Но он этого не сделал. Мы провели полчаса за славной беседой, успели договориться к обоюдной выгоде, поладили, и только после этого он решил, что я зажился на этом свете. Как глупо».

«Он щупал тебя, вытягивал информацию, проверял. Потом пошел на соглашение, чтоб тебя успокоить. И выстрелил в спину. Хорошо разыграно».

«Полагаешь, он принял меня за двойного агента? За человека, которого ему намеренно подсовывают конкуренты?»

«Не знаю, — помедлив, сказал Вурм, — Возможно, он напротив пришел к выводу, что ты не имеешь отношения к конкурентам, случайный человек, который попал в историю по ошибке».

Маадэр выбил из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой.

«То есть, или меня убивают как агента конкурентов или меня убивают как случайного человека? — уточнил он, затягиваясь, — Отличный выбор».

«Шань-си давно разъел твой мозг, — проворчал Вурм, — В любом качестве ты представляешь собой опасность для „РосХима“. Причем в качестве случайного человека даже больше».

«Поясни».

«Ты сам говорил, что Пасифе — это болото, в котором между собой воюют большие и опасные хищники. „РосХим“ и „Чимико-Вита“ — как раз и есть такие хищники. Судя по всему, они давно уже конкурируют друг с другом за позиции на рынке био-софта. Включая и черные рынки, на которые они поставляют совсем не тот био-софт, который описывают их красочные рекламные буклеты…»

«Конкуренция среди торговцев смертью, — Маадэр сплюнул, — Звучит как заголовок дешевой газеты».

«Возможно, их война длится не первый год. „Чимико-Вита“ крадет перспективные разработки „РосХима“, люди Макарова отвечают диверсиями и промышленным шпионажем… У их игры должны быть негласные правила, которых они придерживаются. Но ты — человек, который попал в игру случайно. И может здорово спутать карты обеим сторонам. В конце концов, ты можешь с умыслом или нет выложить информацию жандармам — и тогда на Пасифе обрушится вся ярость Земли, а рынок нелегального нейро-софта на долгое время окажется парализован».

«Ты имеешь в виду…»

«Им проще списать четыре пробирки дорого перспективного био-софта, чем подвергать себя опасности. Их и списали — с незначительным материальным довеском вроде тебя. Ты просто стал частью статьи расходов в бюджете одной большой транснациональной корпорации».

Маадэр сделал очередную затяжку и с отвращением выпустил дым через нос.

Вурм прав. Старый мудрый червь редко ошибается. Макаров не собирался идти на сделку, не собирался договариваться с одним не в меру жадным мерценарием, который, к тому же, возомнил себя самым хитрым. Макаров попросту выбил из него все, что было интересно, а после хладнокровно попытался устранить. Потеря четырех пробирок?.. Возможно, лаборатории «РосХима» на Пасифе способны синтезировать четыреста в день. Они найдут своих покупателей. Рынок спроса раскинулся на все планеты Солнечной системы. Где-то все еще идет грызня между Землей и внешними планетами. Где-то соседи ожесточенно делят между собой орбиты и спутники. Где-то затеваются революции, свергаются планетарные правительства и совершаются террористические акты. Солнечная система всегда будет бурлящим котлом. Не таким, чье содержимое похоже на грязное варево, вроде Пасифе, но кому какое дело…

Маадэр докурил сигарету до пальцев и зашипел от боли.

Эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что жгла его

изнутри. Особенной болью, нейтрализовать которую не в силах был даже всемогущий Вурм.

Он самоуверенно мнил себя игроком в сложной игре. Но был лишь мухой, севшей на чужую фишку. И ликвидировать его собирались так же безразлично, как муху. Не с уважением, не с опаской, а с обычной корпоративной брезгливостью. Они даже не посчитали его противником, как не считают противником перегоревшую лампочку, которую списывают в утиль. Досадным обстоятельством, которое может обернуться разве что короткой невыразительной строкой в чьем-то квартальном отчете.

Все верно. Мелкие хищники не должны виться там, где ступают большие. Те, кто об этом забывает, быстро идет на корм. Корпоративные правила игры не сильно отличаются от тех, что царят среди простейших организмов.

«Если ты уже закончил с самоуничижением, — голос Вурма от голода и усталости скрежетал, как соприкасающиеся кости в лишившимся синовиальной жидкости суставе, — я бы обратил твое внимание на аптеку на другой стороне улицы».

«Извини. Сейчас».

Аптекарь смотрел на Маадэра с тем высокомерным презрением, с которым человеку, облаченному в белоснежный халат, позволительно смотреть на грязного и потрепанного бродягу. На какой-то миг Маадэру захотелось сгрести его за шею и проломить аптекарским лицом все зеркальные шкафы, которые здесь найдутся. Должно быть, какая-то тень этого чувства, не сдерживаемого Вурмом, отразилась на его лице, потому что аптекарь вздрогнул и поспешил спросить:

— Что-то угодно?

Маадэр вынул пачку ассигнаций, помнящих его прикосновение Зигана. Отсчитал несколько купюр и шлепнул их на стерильно-чистый прилавок:

— Десятипроцентный раствор глюкозы. Три грамма нуклеопротеинов, лучше всего производства «Албумет». Грамм фосфатидилхолина. Две ампулы пролина, если есть. Тирозин. И что-нибудь из алколоидов… Мускарин есть?

— Нет.

— Тогда физостигмин, пять тысячных грамма. И еще пару вещей…

Аптекарь запаковал все и с опасливым выражением на тщательно выбритом лице принял не очень чистую купюру. Сдачи Маадэр ждать не стал. Вышел из аптеки, завернул в ближайшую подворотню и проглотил все купленное, с трудом сдерживая рвотные спазмы.

Вурм не любил подобное питание — слишком

несбалансированное, к тому же подвергает дополнительной нагрузке печень. Подобная смесь для него была подобием армейского концентрата, которым когда-то давно давился сам Маадэр. Но сегодня Вурм не возражал. Некоторое время он молчал, впитывая этот жуткий коктейль и на ходу синтезируя недостающие элементы из полученных химических веществ. Маадэр давно привык к этому процессу и даже не находил его неприятным, ощущая лишь мимолетное головокружение.

Ешь сам — и дай есть другим, вот основной принцип жизни в любой среде, будь это среда простейших микроорганизмов или огромных многоклеточных корпоративных монстров. Были и другие, которые никогда не фигурировали в письменном виде, но, тем не менее, давно были усвоены всеми участниками рынка. Не хватай больше, чем ты можешь унести. Не спорь с тем, кто сильнее. Не рискуй там, где нет необходимости. Нарушитель этих правил чаще всего идет на корм прочим. Бесхитростная корпоративная биология.

«Я пополнил силы, — сказал Вурм через несколько минут, когда Маадэр, подкурив очередную сигарету, прятался от ветра в грязной подворотне, — Тебе тоже не мешало бы поесть».

«Не сейчас».

«Хорошо. Я позабочусь, чтоб желудок тебя не беспокоил. А ты пока можешь принять немного эндоморфа».

«Тебе это нужно?»

«Тебе. Ты принимал его последний раз четыре часа назад, действие скоро закончится. А электромагнитных полей здесь не счесть. Не хочу спасать тебя от очередного приступа эпилепсии».

«Спасибо, что напомнил», — Маадэр вынул привычный контейнер, похожий на узкий пистолетный магазин, выщелкнул на ладонь невесомую капсулу и вдруг замер.

«В чем дело?»

«Это ощущение… Я чувствую его с тех пор, как сбежал из „Целлиера“. Сперва я думал, мне это мерещится. Слишком устал, чувствительность обострилась… Но нет, сейчас я ощущаю его отчетливо. Точно так же фонил Зигана. Что-то очень маленькое, на определенной длине волны».

«Клоп».

«Дьявол! — Маадэр сорвал с себя плащ и принялся яростно его прощупывать, — Макаров успел посадить на меня клопа. Видно, из осторожности. На тот случай, если все-таки сбегу от его волкодавов…»

Попытки нащупать «клопа» оказались напрасными. Слишком миниатюрное устройство, чтоб его могли обнаружить грубые человеческие пальцы. К тому же, оно не обязательно должно было

быть в его одежде. Хороший современной разработки «клоп» сродни нано-пуле, всего несколько микрон в длину, ничего не стоит засадить под кожу жертве. Такому «клопу» не нужны громоздкие аккумуляторы, он получает энергию, используя окислительные процессы в теле своего носителя. Впрочем, Маадэр надеялся, что «РосХим» использует более старые и проверенные модели.

— Жирный ублюдок, — процедил Маадэр сквозь зубы, — Успел, значит…

Он переложил револьвер в карман брюк, плащ сорвал и бросил в открытый подъезд ближайшего дома. Ощущение воткнутой в мозг золотой иголочки пропало. Маадэр ощутил облегчение.

«Что это, перестраховка? — спросил он, миновав быстрым шагом еще несколько кварталов, — Макаров не был верен в том, что уберет меня и решил повесить на всякий случай клопа? Или он успел повесить его еще раньше?..»

Если б у Вурма было тело, он бы пожал плечами.

«Не знаю. Но сейчас это не важно. Куда теперь?»

«Сколько мне осталось?»

«Шестнадцать часов».

Маадэра бросило в холодный пот. Точно каждую пору его кожи пронзили тончайшей ледяной булавкой.

«Шестнадцать? — только и смог выдавить он, — Почему?»

«Софт оказался настойчивее, чем я думал, — неохотно сказал Вурм, — Он очень быстро прокладывает дорогу к твоим центрам дыхания и сердцебиения. А мне пришлось ослабить осаду, чтоб высвободить ресурсы и спасти твою голову в „Целлиере“. Наш с тобой запас — шестнадцать часов. Да и тех я не гарантирую».

«Отлично», — Маадэр зло рассмеялся. Несколько редких прохожих посмотрели на него с настороженностью и испугом.

Шестнадцать часов жизни. Меньше суток.

Он стиснул кулаки, не замечая того, как порывы ледяного ветра впиваются в его беззащитное тело, вырывая из него крохи тепла.

Шестнадцать часов до того момента, когда пирующее в его мозгах чудовище в последний раз протянет щупальце — и сожмет сердце в удушающей хватке, заставив лопнуть и истечь теплой кровью. Меньше тысячи минут.

Маадэр едва не взвыл.

Умирать мучительно, тошно, отчаянно не хотелось. Дьявольски хотелось идти и чувствовать себя живым. Дышать. Слышать удары собственного сердца. Чувствовать лицом вечно сырой и резкий ветер Пасифе. Ощущать вонь свалок. Касаться

подошвами твердой земли.

«Выхода нет, — Маадэр остановился посреди улицы, забыв про холод, не обращая внимания на прохожих, — Что ж, любая игра имеет эндшпиль. Моя партия удалась. Это будет не больно?»

«Я обещаю», — тихо ответил Вурм.

«Не хочу тянуть время. Шестнадцать часов — это слишком много. Мне приходилось расстреливать людей, я знаю, как они мучаются в преддверии казни. Надо разобраться с этим по-мужски. Сразу».

«Похвальная решительность, — проворчал Вурм, — Но не спеши распоряжаться нашим телом единолично. Я не хочу, чтоб ты вышиб свой мозг вперемешку со мной на грязный тротуар».

«Не хочу использовать пистолет. Слишком напыщенно и глупо».

«Прими большую дозу физостигмина. Или, если хочешь, я синтезирую его самостоятельно…»

«Не самая красивая смерть, — Маадэр поморщился, — По крайней мере, для меня».

Он подумал, каково сейчас Вурму, его невольному компаньону. Едва ли лучше. Должно быть, это чертовски неуютно — быть запертым, как в камере, в содержимом чужой головы, внутри чужого мозга, который совсем скоро станет комком посеревшей от некроза плоти. Без собственных глаз, без ушей, без рук…

«Судить тебе, — Вурм издал нечто похожее на вздох, — Но, если ты не очень спешишь, возможно, я подскажу тебе что-то, чем ты мог бы заняться в течение следующих шестнадцати часов».

«О чем ты говоришь, Вурм?»

«О тебе, безмозглый идиот. Возможно, у тебя еще есть шанс».

Маадэр недоверчиво уставился на собственное отражение в грязном оконном стекле. Так пристально, словно рассчитывал рассмотреть в отражении глаз сидящего где-то глубоко внутри Вурма.

— Что ты хочешь сказать?

«Думаю, ты уже догадался».

14

Вино оказалось самым настоящим, не чета той бурде, что варили на гидропонических фермах Восьмого из бурых водорослей и дрожжевых культур. На вкус оно было необычайно мягким, точно во рту у Маадэра оказался жидкий шелк, а еще пахло чем-то нездешним, не имеющим отношения к гнилой неплодородной земле Пасифе. Этот вкус мог быть рожден где-то очень далеко отсюда, может быть, даже под светом иных звезд.

Маадэр сделал еще несколько осторожных глотков. Сейчас, после того, как он закончил длинный утомительный рассказ, вино было лучшим средством для пересохшего горла. И для утомленного мозга. От вина мысли текли легче и спокойнее, а еще Маадэра очаровывало то, как багровое море, заключенное в прозрачном хрустале, наступает и отступает, стоит лишь немного наклонить бокал.

— Вот и все, — сказал он, с сожалением отрываясь от этого зрелища, — Надеюсь мой рассказ не показался вам затянутым.

— Ничуть, — заверил его мужчина, сидящий в кресле напротив, — Я считаю себя деловым человеком и высоко ценю свое время, но ваш рассказ, безусловно, стоил каждой потраченной минуты.

— Я тоже начал ценить время, — Маадэр искривил губы в полуулыбке, — Ведь у меня его осталось немногим более десяти часов.

— Этот… это существо у вас в голове, действительно способно подавлять био-софт?

— Отчасти. Но лишь до какого-то предела.

— У всего существует предел, так уж устроены все вещи в этом мире, — его собеседник поднялся из своего кресла и подошел к окну, бесшумно ступая по толстому ковру, сотканному, кажется, из натуральной шерсти, — Единственная вещь, которой предел не начертан — человеческая жадность, господин Маадэр.

Ему было немногим более сорока, но тонкие черты лица, бледная кожа и острые, будто вырезанные отточенной бритвой, морщины на лбу, заставляли его казаться старше. Из-под тонких бровей с изящным изгибом внимательно и цепко смотрели умные голубые глаза, которые, казалось, никогда не моргали. В его глазницы словно залили расплавленное стекло, настолько чистое и прозрачное, что Маадэру всякий раз требовалось значительное усилие, чтоб не отвести от них взгляда.

— Кажется, вам не впервой сталкиваться с человеческой жадностью, — усмехнулся он, покачивая в руке бокал.

— Верно, — отозвался тот. Его глаза мелькнули двумя голубыми газовыми гигантами в отражении оконного стекла. За этим стеклом были и другие огни, контрастирующие с ними по цвету — желтые, красные, белые, зеленые. Тысячи мерцающих разноцветных глаз Восьмого, полные похоти, страха, насмешки и неонового безразличия, — За последние годы мне пришлось слышать много историй вроде вашей, господин Маадэр. И почти в каждой из них корнем всех бед является человеческая жадность. О, это удивительное чувство. Вы даже не представляете, сколько у него оттенков и вкусов. Я повидал достаточно много из них, впору создавать коллекцию и хранить, как хорошее вино… Жадность трусливая, липкая, или жадность гордая, презрительная. Жадность коварная, как сложный нейро-токсин, или жадность простодушная. Иногда мне кажется, что жадность разъедает этот город, как смертоносный энзим. Иногда, напротив, что именно жадность является тем, что соединяет всех нас, сохраняя подобие мира. Ваша история — еще несколько щедрых мазков на полотне человеческой жадности, которое я вынужден разглядывать на протяжении последних лет.

Человек говорил напевно и почти мелодично, но Маадэр едва сдерживался, чтоб не прервать его. Легко философствовать, попивая отличное вино и рассматривая город сквозь стеклянные стены с высоты огромного небоскреба. Наверно, обитая в этих роскошных чертогах на высоте нескольких сотен метров, ощущаешь себя едва ли не небожителем, существом, высоко взмывшим над поверхностью Пасифе, совершенно не похожим на копошащихся у подножья корпоративной башни насекомых.

Маадэр повел плечами. Обстановка кабинета раздражала его. Все здесь было оформлено в новомодном деловом стиле Восьмого, который он про себя именовал «индустриальным ампиром». Слишком много плавных линий, мраморных панелей холодных оттенков, изящных стеклянных миниатюр и серых пастельных цветов. Все здесь идеально гармонировало с обликом и вкусом хозяина кабинета, настолько, словно он сам был элементом обстановки наряду с изгибающимися кушетками и письменным столами красного дерева, элементом, с которого только недавно сняли защитную пленку, тщательно пропылесосили и сбрызнули антистатическим аэрозолем.

— Этот город становится слишком жаден в последнее время. И слишком безразличен. Считайте меня старомодным, господин Маадэр, но я считаю безразличное убийство одним из самых тяжких грехов, изобретенных человеком с пещерных времен. Я могу понять убийство из страсти, убийство из ненависти или страха. В этом есть что-то природное, естественное, дикое… На

Пасифе в последнее время убивают чаще всего равнодушно. Хладнокровно, так, точно смахивают крошки со стола или чинят карандаш. Это страшнее всего.

Маадэр кашлянул.

— Едва ли я тот, кто оценит вашу сентенцию. Я мерценарий, господин Танфоглио. Мое ремесло требует определенного хладнокровия.

Отражение улыбки собеседника показалось ему тонкой трещиной в стекле, отделяющем богато отделанный кабинет от ледяной ночи Пасифе.

— Вы мерценарий, — кивнул Танфоглио, — А я — исполнительный директор корпорации «Чимико-Вита». Вот и вся разница между нами. Знаете, я ведь тоже не всю жизнь занимался тем, что продавал нейро-микстуры от сифилиса.

— Могу представить, — осторожно заметил Маадэр, пригубив из бокала. Удивительно, с каждым следующим глотком вино казалось ему все более и более неестественным, синтетическим. Он больше не чувствовал первозданной свежести, напротив, в терпко-кислом вкусе сквозило что-то затхлое, похожее на запах застарелой складской плесени.

«Игра восприятия, — буркнул Вурм из своего темного угла. Он тоже устал от пустых разглагольствований хозяина кабинета и был не в духе, — Химический состав прежний».

— Вы ведь уже давно на Пасифе, господин Маадэр? — Танфоглио внезапно отвернулся от окна, — Небось, знаете Восьмой наизусть? Да и в Девятом не заблудитесь?

— Можно сказать и так.

— А известно ли вам, откуда пошли эти названия?

Вопрос был неожиданным. Маадэр задумался, механически поглаживая пальцем прохладное дно бокала. Подобными мыслями он никогда не задавался. С самого первого дня вокруг него крутилось и так много вопросов. Где раздобыть денег на шань-си? Как заключить еще пару контрактов? Сколько скинуть жандармам, чтоб отцепились от шеи? Только дурак будет тратить драгоценное время на никчемные вопросы. Маадэр себя дураком никогда не считал.

— Нет, господин Танфоглио.

— Называйте меня просто Лоренцо, — изящные тонкие пальцы Танфоглио сложились в какую-то сложную фигуру, — Восьмой зародился в те далекие времена, когда Юпитер был стремительно развивающейся колонией, а Земля — дряхлым и тяжело больным стариком, возящимся в своем крысином углу. «Тысяча девятьсот восемь» — так назывался Восьмой на первых порах. Огромная шахта, которой судьбой предназначено было

стать транспортным узлом и огромной индустриальной базой, быть может, самой большой в окрестностях Юпитера. Тысяча девятьсот восемь, — Танфоглио произнес это медленно, смакуя точно дорогое вино, — Величественно звучит, верно? Спустя несколько лет ее стали называть куда проще — Восьмой.

— А Девятый?

— Девятый… Разлагающиеся окраины города, кишащие далекими потомками тех, кто из последних сил вгрызался в неподатливый грунт Пасифе. Оттертыми, забытыми, никому не нужными. Убийцы, нарко, лепры, хлодвиги… Осколки цивилизации, которые никто не спешит подметать. Трущобы, в которых жизнь давно стоит меньше ампулы шань-си. Девятым они называли себя сами. Знаете, почему? Девятый круг ада. Данте. Тоже красиво, верно? Вот вам и сравнение… Ладно, простите меня, вино часто тянет меня на философствование. Хотите еще вина?

Танфоглио небрежно щелкнул пальцами.

Возле Маадэра как из-под земли появились двое служащих в одинаковых корпоративных костюмах, не по моде глухих и закрытых, дорогого темного сукна. Своей холодной отстраненностью их лица напоминали лицо самого Танфоглио. Сходство усиливалось глазами, прозрачными настолько, что походили на капли прозрачного полимера, вставленные в глазницы. Удивительно ясные и вместе с тем пугающе пустые.

Едва лишь они приблизились, Вурм зашипел, заставив Маадэра поморщиться от боли.

«В чем дело?»

«Его прислуга… Ты не чувствуешь запаха? Это не люди».

«Я лишен твоего обоняния, Вурм. Что ты имеешь в виду?»

«Запах их кожных выделений. Безумный коктейль из самых разных гормонов в безумной дозировке и химических стимуляторов, которые невозможно синтезировать в человеческом теле. Это био-роботы, зашитые в человеческую кожу, Маадэр. Искусственные создания, заготовками для которых служили человеческие эмбрионы».

«Йоки?»

«Да. Старая японская разработка, совершенно нелегальная. Существа, которых вырастили на гормонах, стимуляторах и убийственных химических смесях, заставляющих ткани тела буквально сгорать в пламени многократно ускоренного метаболизма».

Маадэр наблюдал, как вышколенные слуги «Чимико-Вита» церемонно достают из серебряного ведерка со льдом бутылку, откупоривают ее и наполняют его стакан. Их движения были

удивительно плавны и наполнены не вполне человеческим изяществом, которое одновременно и завораживало и пугало.

«Я слышал, они стоят баснословно дорого, — заметил Маадэр, с непроницаемым лицом принимая наполненный бокал, — Но никогда не видел такие игрушки вблизи. Говорят, срок их жизни редко превышает пару лет».

«Совершенно верно, — подтвердил Вурм, все еще напряженный, — Их мозг больше похож на препарированный экспонат, плавающий в консервационной жидкости. Половина центров мозгов рудиментарна или химически подавлена, а нейронные связи искажены и перекручены. В этом есть и положительные стороны. Йоки не знают страха, боли или сомнений. Это куклы. Марионетки с рефлексами прирожденных убийц. Штучный продукт наивысшего качества. А еще любой из них способен оторвать тебе голову быстрее, чем ты успеешь моргнуть».

У вина был вкус помоев. Маадэр с отвращением покатал его во рту, борясь с желанием выплюнуть прямо на шикарный толстый ковер из натуральной шерсти. Даже пойло из «Целлиера» сейчас показалось бы изысканным нектаром.

Танфоглио еще раз щелкнул пальцами — и его слуги бесшумно исчезли. Растворились, оставив на сетчатке глаза смутные и быстро тающие силуэты.

— Выходит, Макаров решил, что вы работаете на меня и «Чимико-Вита»?

Переход от непринужденной беседы к делу получился стремительным. Тем более, что Танфоглио не посчитал нужным обозначить его хоть какой-то интонацией.

— Да. Господин Макаров стал жертвой поспешного вывода.

— Замечательно, — Танфоглио мягко рассмеялся, — Честно говоря, я не удивлен. В нашем деле подозрительность можно назвать безусловным достоинством, но господин Макаров и здесь не знает меры. Признаться, до момента нашей встречи я полагал, что именно его люди устранили Ерихо.

— Я успел немного раньше. Приношу свои извинения.

Танфоглио с удовольствием рассмеялся.

— Извинения? Бросьте, господин мерценарий. Вы не создали мне этим проблем. Братья Ерихо, как и все несчастные обезображенные потомки проекта «Хлодвиг» — всего лишь разумная протоплазма. И они никогда не работали на меня в полном смысле этого слова.

— Вот как? — удивился Маадэр, — Значит, внештатные работники?

— Нет. Я бы никогда не позволил корпорации иметь дело с

подобными кадрами. Слишком ненадежны, слишком глупы. В нашем бизнесе это существенный недостаток.

Маадэр нахмурился. Пусть он и не был наделен столь тонким чутьем, как Вурм, что-то в словах Танфоглио заставило его насторожиться, точно едва ощутимая примесь какого-то химического реагента.

— Тем не менее, вы наняли их, чтоб ограбить служащего «РосХима» и завладеть его грузом, — утвердительно произнес он.

Танфоглио улыбнулся. Улыбка у него была холодная, не вызывающая желания улыбнуться в ответ.

— Господин Маадэр, весь юмор ситуации заключается в том, что я никого за грузом «РосХима» не посылал.

Маадэр уставился на собеседника в немом удивлении. Даже Вурм на некоторое время затих, перестав ворочаться в подкорке.

— Вы хотите сказать, что это не «Чимико-Вита» организовала ограбление Зигана и похищение био-софта?

— Нет, конечно же нет. Вы удивлены? Не скрывайте, это заметно. Вы мерценарий, господин Маадэр, человек опытный и сообразительный, но плохо знакомый с нашим… бизнесом. Я говорю о синтезе био-софта, разумеется. Не стану скрывать, завладеть любой разработкой конкурента каждому из нас крайне интересно. Не потому, что трофеи так высоко котируются. Наши лаборатории ни в чем не уступают «РосХиму», они способны синтезировать не менее сложные белки и аминокислоты. Куда важнее раскрыть планы противника, определить направление его движения и долгосрочную перспективу. Нет смысла выходить на рынок с новой сывороткой, повышающей потенцию, если конкурент сам готовит качественный товар. Лучше сосредоточиться на био-софте, который излечивает психозы или псориаз. Мы даже не подозревали, что «РосХим» вздумал играть столь крупно и занимается синтезом биологического оружия в невинной упаковке. Это чересчур даже для Макарова.

— Но вы бы не отказались взглянуть на его новый товар через микроскоп, неправда ли?

Танфоглио сложил руки на груди.

— Не отказался бы. Но это интерес исследователя, ученого. И уж поверьте, если бы я вознамерился получить что-то подобное в свою коллекцию, то отправил бы на дело кого-то более надежного, чем пару хлодвигов со ржавым ружьем.

— Вы сказали, они не работали на вас «в полном смысле этого слова». Так какие же отношения вас связывали?

Танфоглио поморщился.

— В прошлом они выполнили небольшую работу для меня. Да, «Чимико-Вита» иногда нанимает подобный сброд для тех

акций, в которых мы не хотим светить наши настоящие кадры. Какая-то ерунда — то ли разгон демонстраций противников био-софта, то ли, наоборот, провокация подобных под окнами у наших конкурентов. Ерундовая разовая работа. Связь братьев Ерихо с «Чимико-Вита» не толще углеродной нано-трубки. Отработанный материал, про который мы давно забыли. Представьте мое удивление, господин Маадэр, когда днем ранее один из братьев Ерихо вышел на связь по собственной инициативе. Несчастный жалкий хлодвиг предложил транс-планетарной корпорации сделку. Думаю, вы уже догадываетесь, какую.

— Он предложил вам био-софт.

— Верно, — Танфоглио одобрительно кивнул Маадэру, — Он сообщил, что у него есть для нас товар. Неопознанный, но крайне дорогой био-софт.

— Почему они обратились к вам?

— Понятия не имею. Но могу предположить. Хлодвиги недоверчивы по своей натуре. Став обладателями контейнера с био-софтом, ценность которого они не могли проверить, Ерихо решили не рисковать. Обращаться к оценщикам на черном рынке неразумно, они могут не дать настоящей цены. А братья Ерихо были не только недоверчивы, но и жадны. Они не хотели упускать своей выгоды.

Маадэр отставил недопитый бокал.

— Поэтому они вовремя вспомнили, что когда-то в прошлом успели мельком поработать на одну корпорацию, занимающуюся био-софтом. Возможно, они справедливо подозревали, что у «Чимико-Вита» есть свои интересы на черном рынке Пасифе. И не ошиблись.

— Не ошиблись, — голубые глаза Танфоглио улыбнулись Маадэру, — Они знали, что мы заинтересуемся. Мы действительно заинтересовались.

«Он довольно откровенен, — пробормотал Вурм, — У каждой корпорации в баках для биологических отходов отыщется не один десяток грязных секретов, но рассказывать о них первому встречному мерценарию…»

«Я тоже был с ним откровенен. Он захочет переманить меня на свою сторону. Он игрок, тонкий и расчетливый, не чета Макарову. Такие не рубят с плеча, такие долго анализируют поле игры и делают просчитанные комбинации».

«Совершенно бесполезные для тебя, если у „Чимико-Вита“ нет противоядия».

Танфоглио внимательно смотрел на Маадэра. Должно быть, пауза длилась слишком долго. Маадэр сделал вид, будто отвлекся

от какой-то сложной мысли, захватившей его.

— Сделки не произошло.

— Мы опоздали минут на двадцать, — вздохнул хозяин кабинета, — И получили утешительный приз — два мертвых тела. А еще — с полдюжины людей из своры Макарова, которые занимались примерно тем же, что и мы — вынюхивали по округе. Разумеется, я был уверен, что они вышли на след похищенной собственности и перехватили контейнер.

Честно говоря, ситуация получилась довольно… напряженной. И едва не закончилась перестрелкой. Мы все нервничали и все не до конца понимали, что происходит. Тогда никто из нас не знал о том, что на доске появилась новая фигура. Очень проворная и непредсказуемая фигура.

— Могу догадаться, кто это, — сухо заметил Маадэр.

Танфоглио мелодично рассмеялся.

— Таким образом, отчасти из-за вас сложилась довольно запутанная ситуация. «РосХим» был уверен, что наши боевики ограбили их курьера и утащили ценные образцы био-софта, после чего были устранены как отработанный материал. Мы же, доподлинно зная, что Ерихо на нас не работали, пришли к выводу, что вокруг «Чимико-Вита» разворачивается какая-то провокация «РосХима», целью которой станет попытка обвинить нас в краже чужой собственности и тем потеснить позиции на рынке. Вы играете в шахматы, господин Маадэр?

— Нет.

— И правильно, — одобрил Танфоглио, — Игра для узколобых интеллектуалов, не имеющих никакого представления о том, как выглядит настоящая война. Нелепые правила, глупые условности… В реальной войне пешка может перегрызть глотку соседней пешке, а ферзь — покончить с собой или объявить мат своему же королю.

Маадэр наморщил лоб. Слишком много часов без сна — мысли сворачивались тромбами и слипались друг с другом. Простая изначально схема, за которой стоял Зигана и контейнер похищенного био-софта, непрерывно усложнялась, подобно тому, как усложняется примитивный одноклеточный организм. Отбрасывала в стороны ложноножки, обрастала вакуолью, и все росла, росла…

— Постойте, — сказал он вслух, так чтоб его могли слышать и Вурм и Танфоглио, — Если вы не заказали убийство Зигана и этого не делал «РосХим», то кто это сделал? Кто навел братьев Ерихо на контейнер?

— Хороший вопрос, — Танфоглио побарабанил изящными пальцами по поверхности письменного стола, — Ответа на

который, по всей видимости, нет ни у нас, ни у «РосХима». Кстати, приятно знать, что не только мы оказались сбиты с толку. Макаров тоже начал паниковать. Его попытка убить вас, без сомнения, признак самой настоящей паники. Очень поспешное решение. А поспешные решения редко являются выигрышной стратегией.

— Вы уже выиграли, — Маадэр откинулся на спинку кушетки, надеясь, что его поза выглядит достаточно расслабленной и непринужденной, — Как я уже сказал, я готов отдать вам контейнер.

— Не «РосХиму»? — Танфоглио хитро прищурился, — Не законному обладателю?

— Господин Макаров вполне открыто продемонстрировал мне, что к сотрудничеству он не склонен.

— Поэтому вы отправились в «Чимико-Вита».

Улыбка Танфоглио была похожа на улыбку какого-нибудь холоднокровного существа, ящерицы или змеи, такая же узкая и невыразительная.

— Я мог обходить все корпорации, занимающиеся био-софтом в алфавитном порядке по справочнику, — Маадэр пожал плечами, — Но сделал вывод, что вы предложите мне лучшую цену.

— Только лишь потому, что Макаров в разговоре случайно упомянул нас?

— Эта обмолвка многое мне сказала. Он боялся вас. Не случайно же он предположил, что я работаю на «Чимико-Вита». Ваша корпорация кажется ему угрозой, причем первостепенной. К кому идти за помощью, если не к злейшему врагу твоего врага?..

— Резонно, — согласился Танфоглио. Остановившись посреди кабинета, он некоторое время разглядывал город, держа руки за спиной. Стоя без движения, он еще больше напоминал предмет обстановки. Такой же холодный, бездушный и элегантный, как изящные кушетки и бесценные письменные столы, — Сколько?

— Сколько я хочу за био-софт «РосХима»?

— Да.

— Нисколько. Я хочу противоядие. Нейтрализующий агент.

— Почему вы уверены, что оно у нас есть?

Действительно, почему? Ядовитый смешок Вурма поцарапал изнутри своды его черепа.

— Потому что вы с «РосХимом» старые заклятые соперники. Раз «РосХим» взялся за производство биологического оружия, наверняка и у вас имелись разработки в этом направлении. А я потерял слишком много времени. Чтобы выйти с вами на связь и

договориться о встрече, я расплатился несколькими часами из своего небогатого запаса. У меня их осталось всего восемь.

— Вот. О чем я и говорил, — Лоренцо Танфоглио легко ударил ногтем по тонкому краю бокала. Тончайшее стекло отозвалось едва слышимым звоном, — У каждого в жизни приходит момент, когда он понимает — жизнь это такая важная вещь, которую нельзя обменять даже на миллион бумажек.

Его философствование стало утомлять Маадэра. Возможно, в другое время он послушал бы россказни старого паука, не понаслышке знающего подпольный мир нелегального био-софта. Но сейчас, когда каждая минута казалось падающей в бездонную пропасть песчинкой, даже усидеть на месте было непросто. Благодарение Вурму, который взял под контроль его сердцебиение и потовыделение — только с его помощью Маадэру удавалось сохранять видимое спокойствие.

Никаких иллюзий относительно господина Танфоглио он не испытывал. Внешне разительно не похожий на грубого Макарова, он, тем не менее, относился к тому же классу крупных хищников, что и русский. Смертельно-опасных хищников, разделивших между собой природный ареал под названием «Пасифе», жестоких, хладнокровных и не знающих жалости.

— У вас есть противоядие? — спросил Маадэр. Собственный голос показался ему болезненно-сухим и ломким, несмотря на то, что Вурм наверняка делал все возможное, чтоб слизистая его горла не была пересушена.

Чистые глаза Танфоглио напомнили Маадэру пустой взгляд йоки. Выдерживать этот взгляд было не так-то просто. К тому моменту, когда губы исполнительного директора «Чимико-Вита» разомкнулись, Маадэр готов был раздавить в руке бокал с вином.

— Нет, — сказал Танфоглио с сожалением, — У нас нет противоядия.

— Но…

— Конечно, есть кое-какие разработки… В сходном направлении. Но не более того. Контролируемый митотический процесс, благодаря которому био-софт получает возможность распространяться — крайне сложная и многоуровневая головоломка. Даже будь у нас на руках образец «РосХима», на анализ и синтез противоядия могут уйти годы. Кроме того, вы обмолвились о том, что там установлена необычайно сложная система защиты. Возможно, ее вообще никак нельзя обойти, а сам софт запрограммирован через определенный период времени уничтожать все межмоллекуллярные связи, превращаясь в бесполезный набор химических элементов.

Маадэру захотелось закрыть глаза, откинуться на мягкую

кожаную спинку кушетки, отключив зрение, слух и обоняние. Захотелось тишины. Маадэр глубоко вздохнул. Восемь часов.

«Семь, — поправил Вурм, — Распад нервной системы неумолимо прогрессирует. Семь с половиной часов, хозяин».

— У вас нет противоядия, — негромко повторил Маадэр.

— Нет.

Танфоглио стоял посреди кабинета, внимательно глядя на гостя. От этого взгляда Маадэру делалось не по себе. Это был взгляд лаборанта, разглядывающего неизвестный препарат в запаянной капсуле. Безжалостный и холодный, как микроскоп из нержавеющей ткани.

— В таком случае, сделка не состоится, — Маадэр тяжело поднялся на ноги, — Деньги мне ни к чему. За деньги я не куплю дополнительное время. Но спасибо за вино и познавательную беседу.

— Вы действительно собираетесь нас покинуть, господин Маадэр?

Хозяин в изумлении покачал головой. И хоть он сейчас не улыбался, морщины на его лице обозначились еще четче, точно сеть тончайших подкожных шрамов, оставленных человеком, который пытался разрезать лицо господина Танфоглио не десятки лоскутов. Хищник. Спокойный, сознающий свою силу, хищник.

Ладонь Маадэра нащупала теплую рукоять «Корсо» быстрее, чем Танфоглио успел перевести взгляд, но, прежде чем он успел выхватить револьвер из кобуры, по кабинету пронеслась волна прохладного воздуха. Всего лишь мимолетный сквозняк. Или мелкий дефект корпоративной системы климат-контроля.

Не вынимая руки с револьвером из кармана, Маадэр немного повернул голову. За его спиной безмолвными неподвижными статуями стояли трое мужчин с невыразительными лицами, облаченные в одинаковые глухие костюмы, безнадежно устаревшие даже по консервативной моде Пасифе. Их лица напоминали безразличные лики на стенах древних китайских гробниц. И в этот раз они держали не бутылки вина и не подносы. В опущенных вниз руках Маадэр разглядел миниатюрные серебристые кастеты, усеянные короткими узкими шипами. Эти штуки выглядели скорее дорогими игрушками, чем оружием, к тому же, руки, что их сжимали, были безвольно вытянуты вдоль тела. Но Маадэр ощутил дьявольски неприятную пронизывающую щекотку в позвоночнике, когда вспомнил, с какой скоростью умеют двигаться эти полу-мертвецы.

«Вурм! Сделай что-нибудь!»

«Что? — тот не скрывал раздражения, — Сжечь тебе мозг? Стой на месте, не нервируй их. Они разорвут тебя на части

быстрее, чем ты достанешь пистолет».

«Неужели они настолько быстры?»

«Ты даже не представляешь, насколько они быстры».

Танфоглио некоторое время рассеянно улыбался, наблюдая за замешательством Маадэра.

— Ваше оружие, пожалуйста, — наконец произнес он, протягивая руку ладонью вверх. На безымянном пальце обнаружилось платиновое кольцо, изящное и дорогое, как и все вещи в его кабинете, — И не принимайте поспешных решений. Мне будет неприятно разочароваться в вас.

Маадэр медленно вытащил «Корсо» и, поколебавшись, протянул его Танфоглио. Тот взвесил револьвер в руке и поморщился, как человек, вынужденный прикоснуться к чему-то крайне грубому, варварскому и безнадежно примитивному. Его холеные мягкие руки если когда-то и прикасались к оружейной стали, давно забыли это прикосновение. Друга порода. Такие не убивают сами, как Макаров.

«Вурм, у меня есть шансы?»

«Один на сотню, Маадэр, — Вурм сам едва не скрежетал зубами от беспомощности, — И использовать его я не советую».

«Даже если ты разгонишь меня до максимума?»

«Тебя хватит на одного. Может быть, на двух. Но их трое и они вооружены. Эта партия не в нашу пользу».

«Я нужен им живым».

«Но не здоровым. Я думаю, они вполне способны оторвать тебе руки. Силы для этого у них хватит».

«Значит, это все? — Маадэру захотелось взвыть от ярости, — Вот так все и закончится? Ты вытаскивал меня из многих передряг, змей».

«В этот раз обрыв слишком крут».

— Зачем все это? — спросил Маадэр, пристально глядя на Танфоглио, — Я ведь сам пришел к вам с био-софтом. Я не собираюсь никому рассказывать о ваших играх с «РосХим»! И жить мне осталось лишь несколько часов. Так зачем?

В прозрачных глазах исполнительного директора мелькнула жалость. С примесью явственной брезгливости.

— Интересы бизнеса. Ты нужен не мне. Ты нужен «Чимико-Вита».

— Вы хотите био-софт, — Маадэр оскалился, — Но вы не сможете забрать его силой.

— Био-софт… — Танфоглио усмехнулся и покачал головой, — Вы, мерценарии, глупы как хлодвиги. К чему мне эта биологическая бомба? Ты думаешь, за нее можно выручить большие деньги? Ты думаешь, это то изобретение, за которое все

схватятся? Ты глуп, мерценарий. Ты мыслишь примитивными и приземленными категориями, ты не способен мыслить так, как мыслит стратег. Как мыслит бизнесмен. Это оружие «РосХима» — ерунда. Кто станет платить за него? Армия? Никогда. Слишком капризное и неконтролируемое оружие для любой войны. Революционеры и анархисты? Слишком бедны и глупы. Правительственные агенты? У них в арсенале есть куда более смертоносные и сложные вещи.

— Это новейший образец.

Танфоглио с безразличным видом пожал плечами.

— Совершенно бесполезный и никчемный с маркетинговой точки зрения. А еще слишком сложный в производстве. Всего лишь дорогая игрушка, за которую в наше время не выручить много денег. Еще век назад террористы использовали модифицированные споры чумы. Чем продукт Макарова лучше них? Способностью к программируемому самовоспроизведению? Нелепо. Ты просто не знаешь рынок, Маадэр. Современному рынку не нужны бомбы. Знаешь, сколько мы заработали за последний год на био-софте для изменения пигментации глаз? Сто сорок миллионов. А сколько на нейро-эссенции для увеличения молочных желез? Триста миллионов. Средства для борьбы с запахом изо рта дадут нам еще столько же в следующем квартале. А полу-легальный био-софт, который заставляет железы организма производить удесятеренное количество феромонов, принесет нам миллиарды. Бомбы — товар для бедняков. Тупиковая разработка, которая может быть забавна с технологической точки зрения, как какая-нибудь сложно устроенная безделушка, но совершенно никчемна как источник дохода. Впрочем, если бы не ты, эта безделушка, полагаю, стоила бы «Чимико-Вита» изрядно крови.

— Почему?

— Сам подумай. Получив от братьев Ерихо таинственный био-софт, я бы, конечно, немедленно приказал бы изучить его. И вполне вероятно, что это не принесло бы никакого результата. Если система безопасности и в самом деле так хороша, как ты говоришь. Это значит, что мне пришлось бы передать продукт тестировщикам. У всех корпораций есть тестировщики — люди с почти сожженным гипофизом, которые проверяют на себе новые разработки…

— Бомба сработала бы, — пробормотал Маадэр, — Прямо внутри твоего паучьего логова. Невидимая зараза распространилась бы среди служащих, лаборантов, клерков, ученых, менеджеров…

— Вот именно, — благосклонно кивнул Танфоглио, — Одна

невзрачная капсула могла бы стать причиной многих и многих смертей. Погибли бы ценные сотрудники «Чимико-Вита» — инженеры, подопытные, сборщики софта, управляющие… Кто знает, может быть даже я сам.

«Вурм, ты мог бы разблокировать способность к размножению у той штуки, что сидит у меня в голове?»

«Хотел бы наградить этого ублюдка прощальным подарком? — голос Вурма скрежетнул, — Извини. Модули размножения я уничтожил первым же делом. Эта штука опасна только для тебя».

«Жаль. Раз уж суждено умереть, я предпочел бы забрать Танфоглио с собой».

«Быстро же ты смирился со своей судьбой».

«Прочитай мои мысли. Я не смирился».

«О да. Внутри ты кипишь. Ты знаешь, что за ненависть отвечают норадреналин и окситоцин? Твоя ненависть пьянит, Маадэр. Как старое доброе вино. Я захмелел, лишь ощутив ее аромат. Сейчас больше всего на свете ты хотел бы даже не добыть противоядие. Ты хотел бы остаться с Танфоглио наедине. Ты и он — этот изнеженный рассудительный хищник, управляющей своей империей с хладнокровностью лаборанта. И может быть, еще нож…»

От сладкого воркования Вурма Маадэра замутило. Что ж, по крайней мере, червь не врал. Он действительно желал убить Танфоглио. Черт возьми, он желал делать это медленно. Быть может, он бы потратил на это все оставшиеся в его распоряжении семь часов…

— Где био-софт, Маадэр?

Кажется, он замечтался. Танфоглио требовательно смотрел на него сверху вниз.

Он усмехнулся. Не потому, что ему было смешно — просто чтобы вызывать у господина исполнительного директора раздражение или отвращение. Но тот даже не переменился в лице.

— Так вы все-таки хотите наложить на него лапу? После всего того, что сказали? Не слишком ли лицемерно?

— Это не лицемерия. Вашему софту действительно грош цена. Но, как я уже говорил, мы в «Чимико-Вита» ученые, исследователи. Нам будет интересно оценить последние шаги «РосХима» в области синтеза такого рода… препаратов. Считайте это обычным бытовым любопытством.

— При мне контейнера нет.

— Я знаю, — спокойно сказал Танфоглио, — Знал еще до того, как вы вошли в это здание. Поэтому скажите мне, где он.

— Достаточно далеко от штаб-квартиры «Чимико-Вита», чтоб вы нашли его, даже если будете в компании со своими йоки вынюхивать его на манер свиней по мостовым Пасифе.

Снова мимо — Танфоглио даже не поморщился.

— Вы назовете нам место, где он находится.

Маадэр покачал головой.

— Не выйдет. Даже если вам каким-то образом удастся выжать из меня адрес, это ничего не даст. Я хорошо спрятал его. И позаботился о том, что забрать его смогу только я. Он хранится у одного человека. Моего доверенного лица, которому даны строжайшие инструкции. Если за контейнером явлюсь не я, а кто-то другой, его содержимое будет немедленно уничтожено.

Тонкая бровь Танфоглио едва заметно приподнялась.

— Крайне изобретательно, — заметил он с ленивым одобрением, — И крайне самонадеянно. Вы пойдете и заберете софт. Но не один. С вами пойдут мои… сотрудники.

— Эти мешки с формалином вместо крови? — Маадэр пренебрежительно махнул в сторону безмолвно застывших йоки. Несмотря на то, что их глаза остались невыразительны, как пластмассовые пуговицы, он понял, что окажись этот жест немногим стремительнее, он уже лишился бы пальцев. А может, и всей руки.

— Они будут сопровождать вас. Для вашей же безопасности, — холодный тон Танфоглио не оставлял возможности для насмешки, — Полагаю, двоих будет достаточно.

Маадэр глубоко вздохнул. Не потому, что устал — Вурму требовался прилив кислорода для обеспечения всех функций мозга. Сейчас ему как никогда была нужна ясность мысли.

— Хорошо. Что, если я действительно соглашусь пойти с вашими марионетками из пробирки и передам био-софт? Вы оставите меня в покое?

— Нет, — прозрачные глаза Танфоглио мягко улыбнулись Маадэру, на миг утратив свою ледяную отстраненность, — Наши дела еще не закончены, господин мерценарий.

— У вас будет чертов био-софт! Мне даже не с чем будет пойти к жандармам, даже если у меня возникнет столь глупая идея. И «РосХиму» я не нужен. Макаров и так готов сожрать меня с потрохами…

— Дело не в этом, — мягко перебил его Танфоглио, — Вы не представляете опасности для корпорации. И никогда не представляли. Война с вами в моих глазах так же нелепа, как война с мелкой бактериологической культурой, загрязнившей стерильную пробирку. Пробирку просто дезинфицируют. Все немного сложнее, чем вам кажется. Нам — мне — нужна одна

вещь, которая находится в вашем распоряжении.

— Био-софт? Я уже сказал, я могу отдать его вам…

Неподвижные глаза Танфоглио стали похожи на пару капель прозрачного яда.

— Вы в любом случае отдадите его нам. Но мне нужно кое-что другое.

— Что?

— Ваша жизнь, господин мерценарий. Ваше тело. Ваш изуродованный, испорченный, но все еще остающийся безусловно интересным организм.

Маадэр ощутил, как похолодело в затылке. И это не было реакцией его тела на очередное нейро-вмешательство Вурма.

— Что это значит?

— Я ученый. А это, — Танфоглио небрежным жестом очертил свой роскошный кабинет, — моя лаборатория. Знания — вот что привлекают меня больше всего. Некоторые знания стоят больших денег, некоторые даруют власть или наслаждение. Я коллекционирую все разновидности. Ваше тело, хоть вы о том и не подозреваете, само по себе — огромный источник знаний. Судьбе было угодно сделать его вместилищем драгоценных вещей, священным сосудом новой эры био-софта. Да, так всегда и бывает. Неказистая и даже грубая форма, которую можно назвать примитивной. И бесценное содержимое, которое в течение нескольких следующих лет может перевернуть наши представления о нейро-манипуляциях.

— Вы говорите о…

— Ваш организм подвергся воздействую смертоносного био-софта, но не погиб. По всей видимости, паразит, питающийся вашей нервной системой, а также старая травма головного мозга послужили причиной того, что ваша нервная система породила нечто крайне примечательное. Нечто интересное.

— Я…

— Мои люди вырежут всю вашу нервную ткань, вплоть до последнего кубического миллиметра. Вашу сложнейшую нейронную сеть, все то, что составляет вашу ущербную и жалкую личность, распустят на пряжу. Каждый ваш ганглий станет миниатюрным препаратом, экземпляром огромного музея под названием «Этельберд Маадэр».

Маадэр зарычал от ярости. И в этот раз Вурм был слишком растерян, чтоб сдержать его. Кровь прилила к лицу, легкие обожгло кислотой. Маадэр хотел было вскочить и впиться в Танфоглио. Плевать, что револьвер отобрали, ему хватит собственных пальцев…

Он не успел даже подняться на ноги. В левый висок уперлось

что-то твердое и острое. Шипы на миниатюрном кастете. Человек, державший его в руках, был не больше человеком, чем набитое стружкой чучело в витрине таксидермиста. Но двигался он со стремительностью птичьей тени, плывущей по поверхности земли. Как ни был взбешен Маадэр, он понял, что это было лишь демонстрацией. Йоки мог не останавливать удара. В этом случае содержимое головы Маадэра не стало бы музеем — оно стало бы серо-алой россыпью мозговой ткани на дорогом ковре.

«Спокойно, — прошипел в ярости Вурм, — Тебе мало тикающей бомбы в голове? Реши сократить и без того недлинную жизнь?»

«Эта мразь… Эта падаль…»

Вурм отрезвил его коротким холодным душем из эндорфинов. Выработанные естественным путем его собственными нейронами, они не шли не в какое сравнение с синтезированными, к которым он привык, но дело свое сделали — кровь перестала клокотать в венах.

— Я вам даже завидую, — сказал Танфоглио почти нежно. Глаза еще все еще улыбались, — Вы станете будущим для Пасифе, а может и всей Солнечной системы. Быть может, ваша нервная ткань даст спасение для многих безнадежно больных и увечных. Подумайте об этом. Не так уж много обитателей грязного дна под названием Пасифе может умереть, чувствуя себя спасителем.

— А вы умрете, чувствуя как ваши обгоревшие мозги вываливаются на землю!

Маадэр вновь почувствовал неудержимое желание схватить лежащий на изящном столе «Корсо» и всадить весь его барабан в элегантную фигуру Танфоглио, обтянутую дорогим серым сукном. Но не пошевелился.

— Грубость ни к чему. Чувствуйте себя героем.

— Чувствуйте себя дерьмом, — Маадэр плюнул, целясь ему в лицо, и тут же почувствовал, как оглушающая боль четырьмя острыми шурупами вкручивается в основание черепа.

Танфоглио равнодушно вытер плевок с лацкана своего пиджака тыльной стороной руки.

— Не трогать, — приказал он. Один из слуг бесшумно шагнул назад, опуская кастет, — А вы прощайте, господин Маадэр. Боюсь, мы с вами уже не встретимся. Но все равно мне было приятно провести полчаса в вашем обществе. Увести.

Маадэр с запоздалым сожалением подумал о том, что так и не допил остатки вина.

15

— Это здесь. Наверно, вам лучше подождать у входа.

Один из йоки молча покачал головой. За всю дорогу Маадэр еще не слышал, чтоб кто-нибудь из них открыл рот. Возможно, подумалось ему, речевой центр безмолвных исполнителей «Чимико-Вита» был подавлен в глубоком детстве, но являлось это побочным действием огромных доз синтезированных гормонов или запрограммированным видоизменением нервной ткани, сказать было сложно. Маадэр этим и не интересовался. Куда больше его волновало наличие двух молчаливых призраков за собственной спиной.

На улице они держались как обычные обитатели Восьмого — смотрели по сторонам, щурились, иногда зевали. Но все это было маскировкой, примитивным алгоритмом, заложенным в них с целью мимикрии. Они были молчаливыми исполнителями, такими же бездумными, как рабочие пчелы в улье.

«Или шершни, — поправил сам себя Маадэр, — Огромные человекоподобные шершни».

Их металлические жала он уже успел ощутить несколько раз — когда внезапно изменял направление движения или скорость шага. Йоки быстро дали ему понять, что с ними не стоит шутить. За каждой, даже самой невинной, провокацией следовало наказание — незаметный для прохожих, но крайне болезненный тычок шипастым кастетом под ребра или в спину. Его сопровождающие могли выглядеть дураками, но таковыми на самом деле не являлись. Маадэру пришлось быстро откинуть мысль о том, что их можно обмануть.

Даже если он стремглав бросится по людной улице, рассчитывая спрятаться в пузырящейся толпе, или попытается на ходу вскочить на гремящую тушу монорельса, люди Танфоглио быстро его укоротят. Но он не собирался соревноваться с ними в скорости.

«Ты уверен, хозяин? — недовольно спросил Вурм, — Я знаю, что ты задумал, и мне это до крайности не нравится».

«Я уверен в том, что не хочу умирать. Если это моя единственная возможность отсрочить смерть, пусть и на пару часов, я ею воспользуюсь».

«Шанс невелик».

«Меньше нейронного аксона, — подтвердил Маадэр, улыбаясь своим конвоирам, — Но я его использую. И выжму до конца. Я не гожусь в качестве соперника для „РосХима“ или „Чимико-Вита“, я всего лишь мерценарий. А значит, буду

разыгрывать обычные карты мерценария — наглость и внезапность».

«Люди, которые идут за тобой, профессионалы, — раздраженно напомнил Вурм, — Я могу дать тебе скорость и силу, многократно превосходящие обычные человеческие параметры, могу дать реакцию и выносливость, но лишь на очень ограниченный промежуток времени. Они же — совершенные органические машины для убийства, против которых у тебя практически нет шансов. Возможно, у тебя был бы небольшой шанс в перестрелке, но эти парни не дадут тебе даже поднять ствол. К тому же, у тебя даже нет оружия».

Маадэр ухмыльнулся. Отчасти для Вурма, отчасти потому, что испытывал в этот момент пьянящую радость. Дарованную не воздействием окситоцина на нервные окончания, а предвкушением того, что должно вскоре произойти.

«У меня есть оружие. Я не самый грозный хищник на Пасифе, скорее напротив, я всего лишь мелкий падальщик, плотоядный биологический мародер. Но я живу здесь уже много лет и до сих пор цел, а корпорации пожирают друг друга с нескончаемым аппетитом. Пора вспомнить, какими качествами меня наделила эволюция Пасифе».

Прохожие не обращали внимания на компанию из трех мужчин, несмотря на то, что двое из них, весьма похожие лицами, держались всегда на шаг позади. «Возможно, со стороны мы выглядим как преуспевающий наркоторговец с парой телохранителей», — подумал Маадэр почти весело.

Он чувствовал себя лучше. Оказавшись вне стеклянного шпиля «Чимико», он ощутил облегчение — словно покинул мощное силовое поле. Здесь уже была не территория Танфоглио или Макарова, это была его, Маадэра, территория. Почти его родина. Его привычный ареал, где он много лет охотился на более мелкую добычу, прятался в зарослях, выслеживал, убегал, затаивался. Он чувствовал себя здесь дома. Здесь не было хорошего дерева, больших письменных столов и стеклянных стен, здесь каждый предмет выглядел так, как должен был выглядеть, тут нигде не было позолоты и ничего из окружающего не касались руки дорогих дизайнеров.

Мир нарочито неброской роскоши, дышащей достоинством и силой, остался позади. Люди, создававшие его, чувствовавшие себя в нем хозяевами, ленивыми акулами в неприступных логовах, были сильны и хитры, они устанавливали законы и руководили чужими жизнями. Они были непобедимы. Но у них было слабое место — эти хищники приплыли из чужих вод. А Маадэр жил на Пасифе уже давно.

Он улыбался, не задумываясь о том, как смотрят на него прохожие и о чем думают бесшумно скользящие за спиной тени.

Иногда у маленькой рыбешки, когда ее преследует тот, кто несоизмеримо больше и сильнее, есть только один шанс избежать зубов. Вернуться домой. Туда, где преследователь, не рассчитав своей массы и скорости, порежет брюхо о скалы и запутается в ядовитых водорослях. В те места, над которыми он всю жизнь проплывал, гордый и уверенный в себе царь подводного мира, но в которые никогда не заглядывал.

Маадэр улыбался почти всю дорогу. И улыбался до тех пор, пока не остановился у неказистой и потрепанной ресторанной вывески, слезающая позолота которой всегда напоминала ему коросту безнадежно больного лепра. За минувшие сутки здесь ничего не переменилось, разве что в каменных сколах фасада угадывались свежие отметины от пуль. Маадэр улыбнулся им, как старым знакомым.

— Подождите меня здесь, — сказал он сопровождающим, — Я спущусь вниз и вернусь с контейнером.

Он ожидал, что кто-то из братьев-близнецов откроет рот, но те промолчали. Лишь таращились на него без всякого выражения. Не лица, а стерильные кожаные покровы лицевого отдела черепа, выращенный в лаборатории эпидермис, не засоренный посторонними биологическими культурами или эмоциями.

Наконец один из йоки медленно покачал головой.

— Отлично, — пробормотал Маадэр, — По крайней мере, вы понимаете смысл сказанных слов… Не бойтесь, здесь нет второго выхода. И у меня там не припрятано оружие. Это винная лавка, а не оружейный магазин, если вы не заметили. Видите, написано: «Целлиер».

Йоки опять покачал головой.

— Я не могу зайти внутрь с вами, — Маадэр нетерпеливо дернул плечом, — Посмотрите на себя. Думаете, в этом районе часто видят такие рожи и костюмы? Да вас примут за судебных приставов или маскирующихся шпиков из тайной жандармерии. Обождите здесь, и я вынесу вам ваш контейнер через минуту.

То же покачивание. Йоки не спорили. Они просто стояли и смотрели на Маадэра, бездушные и молчаливые, как полуночные тени. Бога ради, как Танфоглио вообще способен жить в окружении этих молчаливых чудовищ, мысленно взмолился Маадэр. У нормального человека их общество уже через день вызвало бы разлад нервной деятельности.

— Зомби безголовые… — проворчал Маадэр, — Ладно. Спустимся вместе. Но держитесь позади меня и… не болтайте слишком много, хорошо? Это будет выглядеть подозрительно. Я

переброшусь парой слов с хозяином заведения, контейнер хранится у него. Но я должен назвать ему особый код и услышать отзыв. Мера безопасности, не более того.

«Приготовься, Вурм, — приказал он, пока они спускались по узким ступенькам, — Разогревай двигатель. Я хочу, чтоб он мог выдать все, на что способен, как только придет время».

И почувствовал толику облегчения, услышав Вурма.

«Понял тебя. Но предупреждаю — я не смогу превзойти их. Максимум — позволить тебе сравняться с ними в скорости реакции нервной ткани, и то не более, чем на полторы секунды. Это все, Маадэр».

«Этого хватит. Я просто хочу, чтоб ты сделал все, что от тебя зависит. Даже если это убьет меня или превратит в парализованного инвалида с выжженным мозгом. Сделай это».

«Если тебя не убьет ускоренный в десятки раз метаболизм, я сам убью тебя, — пообещал Вурм, ощерившись, — Ты становишься источником слишком больших проблем, мне все сложнее делить с тобой этот кусок перепаханной плоти, который ты называешь мозгом».

Вурм не терял даром времени. Маадэр ощутил волны тепла, распространяющиеся откуда-то из диафрагмы. Рот стал наполняться непривычно соленой слюной. Сердце застучало медленнее, но как-то более гулко. Вурм готовил его тело, как дотошный комендант готовит крепость к последнему штурму. Запасал калории и кислород, создавал резервы норадреналина, наполнял кровь гемоглобином, притуплял чувствительность нервных окончаний и разводил в котле метаболизма таинственные зелья, способные стать катализаторами химических реакций.

Внизу было также темно, как обычно, так же затхло пахло потом, пылью и вином. После кондиционированного воздуха внутри офиса «Чимико» и настоящего вина запах был не самый приятный, но Маадэра сейчас это не беспокоило. Беспокоило его совсем другое.

Посетителей не было — обычная картина для «Целлиера» до наступления сумерек. Одиноко стояли старые столы, матово блестящие винными пятнами, монотонно шумела вентиляция да жужжала где-то под потолком беспокойная муха. Маадэр отстраненно подумал, что лет через пять хозяину придется прикрывать лавочку — тот десяток клиентов, что поддерживает в ней жизнь сейчас, тоже не вечен. Люди никогда не живут в Восьмом чрезмерно долго.

Хозяин стоял за прилавком как прежде. Как стоял здесь вчера, позавчера, год и десять лет назад. Должно быть, ему

никогда не было здесь скучно или одиноко. Он просто стоял и смотрел строго перед собой, молчаливая серая статуя заброшенного подземелья.

— Доброго дня, — поздоровался Маадэр, подходя к прилавку. Зомби не отставали не на шаг, но шли они беззвучно, точно какое-то поле держало их в нескольких сантиметрах от пола, — Немного у тебя сегодня клиентов, а?

Хозяин закрыл и открыл глаза. Это могло означать что угодно. Он ничему не удивлялся и редко когда говорил, что отчасти роднило его с биологическими зомби производства «Чимико-Вита». Но Маадэр знал, что за его безразличным лицом скрывается вполне деятельная мысль. И кое-что еще.

— Что угодно господам? — безразлично осведомился хозяин заведения.

Маадэр небрежно вытащил из бумажника мятую ассигнацию и постучал ее ребром по стойке.

— Выпить. Просто выпить. Один ром для меня и два руанских красных для этих господ, — он кивнул на сопровождающих.

— Руанских красных? — уточнил хозяин. Голос у него был тусклым и тихим. Выражение лица не изменилось.

— Да. Две штуки. Сегодня очень зябко, — Маадэр прищурился, — Верно, ребята? Вам не помешает согреться.

Хозяин кивнул, руки привычно опустились под прилавок. Он не медлил ни минуты, работая как заведенный еще при рождении механизм, который будет служить до тех пор, пока подземная сырость на разъест его внутренности. И еще он никогда не спорил с клиентами.

Даже когда их вкус казался ему странным.

Когда его руки вынырнули из-за прилавка, в них не было бокалов. Но зато был короткий трехствольный обрез.

Сноп искр с грохотом ударил совсем рядом с Маадэром, на миг превратив окружающий мир в каскад из черных и оранжевых осколков. Маадэр мимолетно ощутил, как полоснуло по лицу чем-то ожигающее-острым, скорее всего, его задело пороховым выхлопом. Но боли уже почувствовать не успел. Потому что Вурм начал действовать.

Звуки сперва разложились на хаотический треск предельно-низких частот, потом пропали вовсе. Цвета причудливо исказились, породив сочетания, которых Маадэр никогда прежде не видел — судя по всему, его глазные нервы теперь работали на другой длине волны спектра. Реакция его тела обострилась настолько, что пребывание в неподвижности стало тягучей пыткой, словно кто-то выматывал из его тела сухожилия. От вспышки жара в груди легкие съежились как обожженные

лепестки.

Первый йоки еще падал. Лицо молчаливого слуги «Чимико-Вита» даже сейчас выглядело безразличным, хоть от него остался один лишь осколок подбородка, часть скулы и фрагмент височной кости. Все остальное обратилось в неравномерное месиво дробленой костной ткани и водянистых серых вкраплений, на котором выделялся лишь чудом уцелевший глаз, покрытый лопнувшими сосудами и все такой же пустой, как и при жизни. Падал он медленно, несмотря на то, что мозг перестал существовать, тело йоки, кажется, не сразу осознало потерю координирующего органа.

Но второй уже двигался. Он начал двигаться еще до того мгновенья, когда заряд картечи обезглавил его компаньона и до того, как капли наполненной химическими реагентами крови запятнали пол «Целлиера». Он двигался со скоростью, которая недоступна человеческому телу, но сейчас, благодаря Вурму, Маадэр мог заметить блеклый след, которое оставляло в воздухе тело йоки, плывущее, казалось, прямо сквозь молекулярную структуру окружающей материи.

Хозяин «Целлиера» не успел выстрелить во второй раз. Возможно, не успел даже понять, что происходит. Размытый силуэт йоки мягко коснулся его зыбким абрисом руки, похожим на вытянутую ложноножку, и тот врезался в стену позади стойки с размозженным затылком. В воздухе заалела размытая полоса — след окровавленных когтей.

«Действуй, Маадэр», — шепнул Вурм.

А может, это было лишь наваждением, галлюцинацией работающего вразнос мозга, накачанного кислородом и глюкозой настолько, что походил на готовую лопнуть топку парового двигателя.

Маадэр начал действовать.

Вурм мог дать ему лишь несколько миллисекунд — шанс на один удар.

Мир расплылся в ворохе разноцветных искр, все ощущения оказались перемешаны между собой. Это было похоже на пучок проводов под током, которые свели вместе. Что-то шипело. Где-то рядом крутились непонятные разноцветные осколки. Что-то трещало под ногами. Пахло миндалем. Кожа чувствовала прикосновение шелка, под ногтями кололо. Во рту был привкус застоявшейся воды.

Все смешалось.

Маадэр не чувствовал не только своего тела, он не чувствовал себя. Его больше не было. Вокруг не было ничего. Форма, цвет, ощущения — все это перешло в какое-другое качество и так

неузнаваемо изменилось, что исчез сам окружающий мир. Контролируемое полное безумие на грани выносливости человеческого мозга. Инъекция хаоса в гипоталамус. Взрыв новой Вселенной внутри себя.

Это было не мгновенье, потому что мгновенье по сравнению с ним было необъятным, как бездонный и бескрайний океан.

Это была не вечность, потому что вечность по сравнению с ним была крошечной серебряной песчинкой.

Маадэр стонал, кричал, рыдал, визжал и рычал. Он содрогался от удовольствия, которое не может вынести ни одно человеческое сердце, в то время как его мозг кипел от боли, представить которую не мог ни один сумасшедший.

Он прожил всю жизнь. И начал ее заново.

Должно быть, его нейронные связи со скрежетом лопались, как ветхая ткань под ударом вооруженной когтями лапы.

Он распадался чтоб вновь существовать.

Он сошел с ума и обрел вечный разум.

А потом все кончилось.

Он стоял, прижавшись к стене и чувствовал, как острые ребра пластика вонзаются в спину. И чей-то невидимый, но почему-то знакомый голос говорил ему:

«Маадэр. Маадэр. Возвращайся. Я удержал тебя. Дыши медленно, не двигайся. Все хорошо».

На полу рядом с ним лежало два тела в одинаковых строгих костюмах — у одного голова превратилась во что-то вроде неровно объеденного яблочного кочана, у другого голова торчала неровно на шее, точно у пугала, которого делали наспех.

— Все? — спросил он, чувствуя такую слабость, как будто вся его плоть превратилась в пузырящееся желе. В ушах все еще что-то скрежетало, перед глазами стояла полоса желтоватого тумана.

«Да. Ты успел. Едва не превратил свой мозг в несколько унций мясной похлебки, но все-таки успел. Едва не умер от гипогликемического шока, инсульта и эмболии, но все-таки выкарабкался… Ты удивительно живуч».

— Мы, мелкие хищники, всегда живучи, — Маадэр усмехнулся и ничуть не удивился, почувствовал на губах вкус свернувшейся крови, — Это наш биологический козырь в извечной борьбе за выживание видов.

«Можешь двигаться. За то время, что ты торчал как болван, я успел разжижить твою кровь, удалить продукты распада и уничтожить тромбы».

Маадэр приложил руку ко лбу. В голове звенело так, точно там по бесконечной петле несся разболтанный старый монорельс.

— За то время, что я стою?..

«Схватка была два часа назад».

— Дьявол.

«Да. Пришлось погрузить тебя в подобие комы, чтоб не превратить содержимое черепа в суфле».

— Два часа… Это значит…

«Осталось около полутора, — бесстрастно произнес Вурм, — Био-софт, несмотря на встряску, по-прежнему циркулирует внутри нейронов твоего головного мозга. И не намерен отказываться от своей цели. Извини».

— Ничего, — Маадэр с трудом оторвался от стены и рухнул на барную стойку. За ней, почти скрытый от окружающего мира, лежал мертвый человек с серым лицом. Даже в смерти он был непримечателен и некрасив, — Бедный старый Лефоше, сегодня он выплатил свой долг до конца. Не то, чтоб мне было его жаль, но…

«Ты не сентиментальнее уличной крысы, — скривился Вурм, — Избавь меня от подобных сцен».

— Ему всегда отлично удавалось руанское красное.

«Мы умираем, Маадэр».

— Я знаю, — он кивнул и трясущимися руками вытащил из пачки сигарету. Первые две лопнули у него в руках, с третьей он был уже осторожнее, — Слишком поздно что-то делать. За полтора часа мне никак не раздобыть противоядие, даже если бы Макаров горел желанием мне его передать. Что ж, пора подвести итог, мой верный червь. Эта партия закончилась не в нашу пользу.

«Не в нашу, — тихо произнес Вурм, — Но мы с тобой неплохо повеселились, верно?»

— О да. Прямо как в старые добрые времена, — Маадэр выпустил дым и закашлялся — легочные альвеолы, судя по всему, еще не пришли в свое естественное состояние, — Давай закончим с этим. Не хочу ждать смерть, как опоздавший влюбленный. Черт возьми, я всегда ненавидел эту суку и не собираюсь идти у нее на поводу сейчас. Сделай все, Вурм.

Вурм молчал некоторое время. Сколько именно, Маадэр сказать не мог, чувство времени все еще работало неуверенно.

«Хочешь, чтоб это сделал я?»

— Ты обещал, — спокойно заметил Маадэр, — Без боли и лишних мучений, верно? Это то, что мне сейчас нужно. Согласен, это можно считать привередливостью для человека моей профессии, но имей снисхождение к чужим слабостям.

«Я обещал и могу сделать это в любой момент, — в голосе Вурма послышалась несвойственная ему торжественность, — Но мне было бы проще, если бы ты взял это в свои руки. Я легко могу

убить тебя. Это не сложнее, чем открыть бутылку пива. Серия небольших инсультов — и ты превращаешься в бездумную гору плоти. Но ты примитивный организм, Маадэр, с примитивно устроенным мозгом. Ты умрешь очень быстро. У меня нет такой возможности. Я буду умирать еще несколько долгих часов или даже дней в некротизированных оболочках твоего мозга, существуя в тысячах распадающихся нейронных цепочек».

— Незавидная смерть. Ты всегда был отвратительным компаньоном и отвратительным собеседником, но такой ты не заслужил.

Вурм улыбнулся. Это ощущение было столь непривычно, что показалось Маадэру холодной свинцовой тяжестью в районе лобных долей.

«Тебе придется закончить все самому».

Маадэр взглянул на оружие покойного Лефоше, уродливый трехствольный обрез. Никакого изящества. Это оружие расплещет содержимое его головы так же, как сделало с йоки. Некрасивая, грязная смерть. Ошметки его мыслей и чувств будут собирать с пола жандармы, хлюпая подошвами по вязкой жиже. Даже мелкий плотоядный хищник вроде мерценария заслуживает на большее.

— Кажется, у нас есть путь, устраивающий обоих, — Маадэр улыбнулся, — Быстрый и эффективный. Он лежит у меня в кармане.

Вурм всегда понимал его с полуслова.

«Нано-пуля Макарова?»

— Та самая, которой он угостил меня здесь же, но немного промахнулся.

Маадэр вытащил из кармана пулю. Крошечная, как горошина, она выглядела непримечательно и блекло, как выглядит обычно по-настоящему опасное оружие. Маадэр покатал ее на ладони.

— Не знаю, чем она заряжена, но, думаю, чем-то серьезным. Сердечным приступом или параличом дыхательных центров. Моя смерть должна была быть чистой и красивой, чтоб не придрался ни один жандарм.

«Проглоти — и узнаешь, — посоветовал Вурм, — Слой металлической оболочки очень тонок, мне достаточно будет поднять уровень кислотности в твоем желудке, чтоб содержимое пули попало в кровь».

— Запросто, — Маадэр закинул пулю в рот, как таблетку. Зубы звякнули о металл, — Как железная конфета. Слушай, пока я ее не проглотил… У меня есть один вопрос.

«Валяй».

Маадэру показалось, что Вурм устало улыбается. Хотя как может улыбаться существо, у которого нет ни рта, ни тела в

полном смысле этого слова?..

— Тебя ведь на самом деле не существует?

«Почему ты так считаешь?»

— Во всей Солнечной системе не открыто видов разумных мозговых паразитов. Да и встретились мы при… весьма странных обстоятельствах. Ты ведь просто иллюзия, верно? Порождение моего поврежденного мозга. Темная доля в мозговой ткани. Мой собственный внутренний голос.

«Ты идиот, Маадэр, — Вурм скрипуче рассмеялся, — Ты и умрешь идиотом. А теперь глотай».

Крошечная металлическая горошина проскользнула в пищевод почти без усилия. Еще мгновенье Маадэр ощущал, как она стремительно движется к желудку, потом перестал чувствовать и это. Крошечная спора смерти растворилась в его теле.

Маадэр прислонил к барной стойке стул и уселся на него. Умирать, как и жить, лучше всего в комфорте. Если уж жандармам суждено обнаружить его труп, пусть этот труп сидит, небрежно развалившись, на стуле, чем валяется на полу, извернувшись в немыслимой позе.

Он чувствовал усталое удовлетворение.

Он победил в последней, самой бесполезной, войне. Умер тогда, когда сам захотел. Не стал ни мишенью, ни подопытной крысой.

Маадэр закрыл глаза и приготовился к тому, что спустя две секунды его сознание в ужасных перегрузках катапультирует из сотрясаемого агонией тела прямиком на орбиту. Страха не было. Была приятная усталость, от которой он надеялся избавиться в самом скором времени. Чтобы не думать о том, что ждет его дальше, он стал считать удары собственного сердца. Прокачивая кровь по его телу, оно должно было доставить яд по назначению. И остановиться навсегда.

Один, два, три, четыре…

Он досчитал до пятидесяти и некоторое время продолжал сидеть с закрытыми глазами.

— Вурм?..

«Что?»

— Я ведь не мертв, да?

Собственной голос звучал незнакомо в низком и длинном зале «Целлиера». Где-то сверху шумела вентиляция и жужжала так и не отыскавшая выхода муха.

«Могу засвидетельствовать это».

— Содержимое нано-пули не попало в мозг?

«Попало. Почти две минуты назад».

— Тогда почему… То есть, почему мы оба…

Смех Вурма напоминал крошево из мелкой стеклянной пыли, рассыпанное по кровоточащим извилинам мозга.

«Пустышка».

— Что это значит?

«Нейро-агент в пуле не был активирован. Что-то вроде спящей споры. Холостая пуля, соображаешь?»

Глаза открылись сами собой. Маадэр озадаченно уставился в потолок.

— Макаров ошибся? Он выстрелил в меня холостой пулей?

«А он похож на человека, который ошибается»?

— Но тогда… тогда… — Маадэр обхватил голову, точно она была наполненным под завязку сосудом, готовым расколоться, — Тогда получается очередная бессмыслица. Какой смысл стрелять в человека пулей, которая не способна убить? Это никак не могло помочь ни Макарову, ни «РосХиму», ни их собственности. Более того, это им навредило. Этой нелепой попыткой они сами толкнули меня к «Чимико-Вита».

Маадэру показалось, что где-то в глубине его мозга вызревает, подобно отложенной паразитом личинке или раковой опухоли, понимание. Ему потребовалось много времени, чтоб оно вызрело по-настоящему. И еще десять секунд, чтоб прекратить безумный нервный смех, рвущийся из горла.

— Вурм… Вурм! Кажется, мы с тобой в этот раз оказались самыми большими дураками в этой истории. Я должен был догадаться еще там, во втором секторе. Я теряю нюх, Вурм. Крыса без зубов — это паршиво, но крыса без нюха — воистину удручающее зрелище. Я мог понять все с самого начала, если бы сложил факты в нужной последовательности. Вместо этого я упивался собственной значимостью и пытался переиграть огромных хищников по их правилам. Забыв про свое место в пищевой цепочке. Меня слишком легко стало обмануть. Наверно, мне действительно пора на пенсию, а?

«Ты отправишься на пенсию, — пообещал Вурм, — Через… час и сорок три минуты».

— Отправлюсь, — Маадэр встало. Голова закружилась, но он стиснул зубы и сделал еще несколько шагов к выходу, — Только сперва надо будет еще кое-что сделать. Мне понадобится еще две капсулы эндоморфина и терминал связи.

«Я не понимаю тебя. Что ты задумал?»

На этот раз у него получилось ухмыльнуться, хоть и криво.

— А ты прочти мои мысли.

16

Рассвет на Пасифе никогда не отличался мягкостью. Искусственная атмосфера, сформированная вокруг него за многие годы, была достаточно плотной, чтоб защитить от солнечного излучения, но все еще слишком разряженной, чтобы человек ощущал себя в комфорте на протяжении короткой холодной ночи.

Особенно если этот человек вынужден кутаться в тонкий плащ с чужого плеча, стоя посреди заброшенной стройплощадки, вдалеке от теплых каменных туш Восьмого.

Больше всего Маадэра раздражал холод. Он прикрывал плащ куцым воротником, вертелся на месте, дышал в ладони, но все равно ощущал, как холод, остервенелый, как голодная мурена, находит дорогу к плоти под тканью и безжалостно вгрызается в нее тупыми зубами.

«Вурм, Бога ради, сделай что-то с теплообменом. Я трясусь как нарко во время ломки».

Вурм злорадно усмехнулся. Сам не способный ощущать холода, он был глух к чужим мучениям.

«Твой гипоталамус едва ли выдержит дополнительную стимуляцию. Кроме того, я бы предпочел не расходовать ресурсы тела впустую».

«Ты самый дотошный и мерзкий паразит из всех, что я встречал!»

Вурм замолчал — то ли оскорбился, то ли просто не желал тратить времени на бесполезную грызню.

Стройплощадка, в центре которой занял позицию Маадэр, была почти целиком погружена в темноту. Вокруг него возвышались бесформенные нагромождения штабелей, рулонов, бочек, стальных шпал и обрывков утеплителя. Бетонные блоки лежали в беспорядке — как огромные кости, брошенные на игральный стол гигантской рукой давно ушедшего божества, которому наскучила игра.

Все вокруг выглядело брошенным, оставленным, ненужным, приобретшим за несколько лет пепельный оттенок тех вещей, которые пока еще существуют в физическом мире, но полностью вычеркнуты из мира восприятия. Мертвые вещи, которые никому больше не понадобятся. То, к чему не вернутся. Иногда Маадэр и себя ощущал такой вещью.

К тому моменту, когда на краю стройплощадки появилась вереница человеческих фигур, Маадэр настолько промерз, что едва не лязгал зубами. Зрение Вурма, перестроившее сетчатку его глаза, позволило Маадэру заметить их задолго до того, как они

вошли на освещенную территорию. Впрочем, они не таились. Шесть обычных фигур, закутанных в неброские плащи, и среди них одна большая, выделяющаяся как валун посреди груды щебня.

— Привет, Куница, — Макаров махнул рукой и тут же с отвращением скривился, — Мерзкая здесь погода, а?

Маадэр не протянул ему руки.

— Как всегда по ночам.

— Никогда не понимал, как нас, людей, сюда занесло, — Макаров засопел, точно огромный медведь, в первый раз высунувший нос из берлоги, сердитый и раздосадованный, из его огромного рта в скудную атмосферу Пасифе вырывались клубы белесого пара, — Гадкое здесь все какое-то. И планета, и люди, и климат. Как вы все здесь живете… Думал, посижу тут еще годика два, а потом махну себе на Каспий. У меня там участок небольшой, еще со старых времен остался. Внук и внучка бегают. А я тут… А мог бы сидеть у теплой печи да есть блины с ежевикой. Ел когда-нибудь ежевику, Куница?

— Нет.

— Ну и Бог с тобой, — Макаров досадливо махнул рукой, — Дурак ты.

Позади него стояли пятеро. В недлинных кожаных плащах, с лицами скрытыми инфракрасными полумасками, в руках — направленные на Маадэра элегантные черные автоматы. Они не шевелились — ждали команды. Маадэр не сомневался, что резкий шаг в сторону мгновенно превратит его в истерзанную свинцовыми хлыстами бабочку, дергающуюся в клочьях тлеющего плаща.

Но он и не собирался совершать ничего подобного. Напротив, неподвижно стоял на освещенном участке, небрежно помахивая серебристым контейнером.

Макарова отделяло от него не больше нескольких шагов, но приближаться он не рискнул.

— Софт все еще у тебя?

— Все четыре пробирки.

Макаров нахмурился, но ничего не сказал. Молчал, пристально наблюдая за контейнером в руке мерценария. Молчала и его свита. Единственным звуком был звук ветра, свистящего в бетонных каньонах и раздраженного треплющего полиэтиленовые обрывки. На бездонном черном небе, почти не приглушенные полосатой бледно-багровой громадой Юпитера, горели крошечные серебряные точки — точно подброшенный в воздух и так и не упавший серебристый песок.

— Значит, люди «Чимико» до тебя не добрались? — наконец

спросил Макаров. Непонятное спокойствие Маадэра смущало его, серые глаза настороженно зыркали в разные стороны из-под клочковатых белых бровей. Но если они рассчитывали обнаружить засаду, то лишь напрасно теряли время.

— Мы, мерценарии, верткие рыбешки.

— Как пираньи, — буркнул русский, — И нрав такой же. Зачем ты пришел, Куница?

— Чтоб совершить сделку, — Маадэр широко улыбнулся. Судя по тому, как напряглись люди Макарова с автоматами, улыбка вышла не открытой и располагающей к сотрудничеству, как он надеялся, — Био-софт в обмен на противоядие. И в этот раз позволю тебе сделать первый ход. Давай противоядие. Потом я передам контейнер.

— Странный ты человек, Куница, — задумчиво пробасил Макаров, разглядывая его, — Ты ведь понимаешь, что не уйдешь отсюда живым? Судьбу не обманывают дважды. Ты скверная рыбешка, но в тебе есть что-то, что мне нравится.

— Жадность? Наглость?

Он покачал большой головой.

— Скорее умение выбирать глубину и течение. Крутиться. Выныривать на поверхность… Зачем тебе противоядие?

— Мне осталось жить семь с половиной минут.

— Ты же умрешь. Какая разница?

Макаров вынул оружие. На этот раз это был большой автоматический пистолет, а не дистанционный нано-инъектор. Подходящее оружие, мысленно одобрил Маадэр. Под стать старому матерому медведю.

— Я человек старомодной закалки. Не хочу умереть от дряни, которая отправляет мой мозг. Мне больше по нраву честная свинцовая пуля.

Макаров одобрительно кивнул.

— Узнаю нравы Конторы. Корить не буду, сам такой. Только не держи меня за дурака, Куница. Я же вижу, что ты что-то задумал. Я чужую ложь нутром чую, — он гулко стукнул себя кулаком в грудь, — Во что ты играешь, мерценарий?

— Противоядие, господин Макаров, — Маадэр требовательно протянул пустую руку.

Макаров протянул свою. На ее ладони лежала пробирка — ничем не примечательный кусок прозрачного стекла, заполненный мутноватой жидкостью. Как застоявшаяся вода. Маадэр взял ее так осторожно, точно внутри был радиоактивный изотоп.

— Это не отрава?

— Нет. Полноценный депрессор. Ты прав, пуля — гораздо

лучше. Я подарб тебе эту пулю, Куница. Считай это жестом уважения. Пей.

Маадэр осторожно открыл пробирку и вылил жидкость на язык. Она проскользнула в горло, оставив легкий привкус жженого сахара. И ничего. Ни боли, ни жжения, ни головокружений.

«Вурм? — спросил он через полминуты, — Как там?»

«Действует, — кратко ответил тот, — Я не знаю, из чего сделано это адское зелье, но оно выборочно растворяет клетки твоей нейроглии. Я фиксирую изменение в аксонах».

«Я не понимаю твоего чертового языка. Можешь попонятнее?»

«Ты выздоравливаешь, — спокойно сказал Вурм, — Считай, что твой смертный приговор отменили. Если решишь, как избежать пули в голове, можешь считать, что твоя выходка закончится для нас обоих наилучшим образом».

«Ерунда. Я все контролирую».

«Надеюсь».

— Ты готов? — Макаров подышал в замерзший кулак, — Имей уважение к другим людям. Я уже немолод, в мои годы вредно морозить кости ночью на пустыре.

— Готов, — Маадэр вздохнул, расслабил плечи и выпятил грудь, — Приступай. В голову.

— Как пожелаешь.

Тяжелый пистолет поднялся и уставился Маадэру точно в лоб. Ствол не дрожал. Его дуло походило на небольшой темный глаз, с интересом изучающий Маадэра.

— Стоп!..

— В чем дело? — осведомился Макаров.

— Он уже близко, — сказал Маадэр, прикрыв глаза, — Чувствую электро-магнитные колебания в его двигателе… Совсем близко. Хорошая модель, экранированная. И быстрая.

Макаров не успел спросить, о чем он говорит. Кто-то из его людей вдруг закричал:

— Электрокар со стороны города! Свернул с дороги и движется прямо сюда!

Теперь и Маадэр видел тусклый синеватый огонек, приближающийся к площадке и увеличивающийся с каждой секундой. Светлячок, вынырнувший из ледяной глубины космоса.

— Что это? — ствол автоматического пистолета больно врезался в висок. Но Маадэр даже не поморщился.

— Мне захотелось провести нашу встречу в полном составе. Только не вздумайте стрелять, у них тоже могут быть не в порядке нервы.

— Кто это? — зло рявкнул Макаров, хватая его за плащ на

груди.

Но отвечать уже не было необходимости. Электрокар остановился неподалеку, метрах в пятнадцати от них. Большая современная модель с узкими обзорными окнами и вытянутым корпусом, похожая на какую-то сложную, во много раз увеличенную, электрическую бритву.

Все четыре двери открылись одновременно. И площадка сразу показалась очень маленькой. Несколько секунд царило молчание. Тяжелое, как тишина перед грозовым раскатом. Потом Лоренцо Танфоглио усмехнулся.

— Оригинально, — заметил он, кутая подбородок в воротник элегантного плаща, — Господин Макаров? Господин Маадэр? Какая странная компания для прогулки нынешней ночью.

В предрассветном свечении атмосферы глаза его уже не казались прозрачными, напротив, выглядели черными, вороньими.

— Никому не двигаться, — голос Макарова звучал как лязг тяжелой цепи, — Одно движение — и стреляю.

Танфоглио не испугался. Человеку, за спиной которого бестелесными тенями замерли три йоки в глухих одинаковых костюмах, нет нужды бояться. Он издал благодушный смешок.

— Ах, Андрей Михайлович, ваш дурной нрав столь же неизменен, как и много лет назад. Приятно, что хоть что-то на Пасифе остается постоянным.

— Что вы здесь делаете?

— Сложно сказать. А вы?

Люди Макарова замерли, выставив перед собой короткие автоматы. Целились они уже не в Маадэра, а в йоки и их хозяина. Недурная получилась композиция, мысленно усмехнулся Маадэр. Свора из полудюжины напряженно ворчащих цепных псов, напротив нее — несколько неподвижных, сливающихся с сереющим небосводом, фигур. Две маленькие армии на заброшенной стройплощадке.

— Дрянь, — Макаров оскалился, — Тебя ведь позвал сюда Маадэр?

— Кажется, не меня одного, — Танфоглио с интересом обвел взглядом площадку. И заметил серебристый контейнер, стоящий на земле, — Кажется, здесь затевается что-то любопытное. Аукцион? Это было бы интересно. Господин мерценарий?..

— Не совсем акцион, — Маадэр переложил контейнер из одной руки в другую, с удовольствием убедившись в том, что и Танфоглио и Макаров провожают серебристый чемодан внимательным пристальным взглядом, — Я бы назвал это покупкой на паях. Господин Макаров от лица «РосХима» свой пай

уже внес. Теперь потрудитесь и вы.

Макаров заскрипел зубами. Если бы не люди «Чимико» — сейчас он разорвал бы Маадэра голыми руками, забыв про пистолет. Злость клокотала в нем. Тяжелая, едва сдерживаемая злость.

— Ах ты мразь болотная… Я отдал тебе противоядие, а ты, значит, решил толкнуть товар сразу двоим покупателям?

— Мы, мерценарии, маленькие рыбки, — Маадэр улыбнулся ему, — Нам надо уметь крутиться, чтобы выжить. Тут все по-честному, господа. Каждый из вас пытался меня убить, так что у вас равные шансы. Противоядие с одной стороны и тридцать тысяч с другой. Если наша сделка будет удачной, каждый из вас получит по две пробирки.

— Этот био-софт принадлежит мне! — рявкнул Макаров, — Если ты вздумаешь передать его на сторону, даже не думай, что проживешь больше часа!

— Вы сердитесь, — вздохнул Маадэр, — И достаточно натурально. При других обстоятельствах вы бы даже меня убедили.

— Что ты имеешь в виду? Этот софт принадлежит «РосХиму»!

— Этот вопрос мы обсудим немного позже, — Маадэру встреча начала нравиться. Хоть он и понимал, что она похожа на жонглирование пробирками с нейро-парализующим ядом. Стоит оступиться один раз, стоит сделать одно-единственное движение… — А сейчас я попрошу господина Лоренцо внести свой пай. Если он не возражает, конечно.

— Не возражает, — Танфоглио достал из кармана две толстые пачки ассигнаций и бросил их под ноги Маадэру, — Тридцать тысяч, как и было условлено. Вы снова заинтересовали меня, господин Маадэр. Ваша игра интересна. Чересчур нагла, чересчур самоуверенна, основана на блефе и отчаянье, но все же… Единственное, чего я пока не понимаю, так это того, на что вы рассчитывали. Между мной и господином Макаровым действительно на протяжении многих лет существовали некоторые… профессиональные противоречия. Скажем так, конфликт корпоративных интересов. Но неужели вы думаете, что стравив нас столь нелепым образом, вы сами сможете спокойно удрать? Что мы прямо тут вцепимся друг другу в глотки, забыв о первопричине наших проблем, о вас?

— Благодарю за сделку, господа, — Маадэр улыбнулся всем присутствующим, — Теперь каждый из вас имеет право на две пробирки. Но я бы не смог называть себя добросовестным продавцом, если бы не рассказал вам историю товара, который вы приобретаете. В конце концов, вы имеете право знать, за что

заплатили, верно? Итак, эта история началась относительно недавно, на крошечном спутнике одной большой планеты…

— Прекратите, — глухо сказал Макаров, — Это становится смешным.

— В некотором роде это действительно смешная история, — согласился Маадэр, — Впрочем, я нахожу, что она наполнена мрачной иронией. Итак, на этом крошечном спутнике существовали две корпорации, специализирующиеся на производстве био-софта. Лидеры отрасли, собственники великого множества патентов — а еще смертельные конкуренты и непримиримые враги, готовые впиться в глотку друг другу при первой же возможности. Я не слишком затянул со вступлением?.. Прошу меня простить, этот жанр мне еще непривычен… Итак, в один прекрасный момент руководство одной из корпораций решило сделать решительный ход. Но не при помощи маркетинговой компании или привлечения внимания к новым образцам, а при помощи био-бомбы. Смертоносного био-софта, который маскировался под безвредную микстуру, но обладал способностью мгновенно размножаться и вырезать по нескольку сотен человек. Очень интересная и эффективная разработка. Достаточно было второй корпорации отправить ее к тестировщикам, как произошла бы молниеносная цепная реакция, повлекшая смертоносную эпидемию и погубившая бы как минимум весь лабораторный персонал. Не смотрите на меня таким взглядом, господин Макаров, я не называю ни имен, ни названий!

Глаза Макарова походили на многотонные гранитные глыбы. Попадись между такими — и мгновенно превратишься в кровавое пятно. Но Маадэр заставил себя усмехнуться.

— Дело оставалось за малым. Как подкинуть это отравленное яблочко конкурентам? Его ведь не упакуешь в оберточную бумагу и не отошлешь почтой с запиской «Съешь меня». Дело надо было организовать так, чтобы софт попал к неприятелю как бы сам собой. Естественным течением, так сказать. На Пасифе много таких течений и некоторые из них совершенно не поддаются ни анализу, ни логике… Я знаю это наверняка, поскольку плаваю в них уже не один год.

— Замолчи, Куница, — голос Макарова прозвучал на удивление спокойно. Пистолет вновь смотрел в лицо Маадэру, — Ты и без того испортил нам всем достаточно крови, чтобы я позволил тебе нести подобный вздор. Даже мое терпение имеет предел.

Сейчас выстрелит, понял Маадэр. В животе отозвалось холодком, точно там уже скручивались вокруг раневого канала

внутренности. Кажется, даже Вурм закрежетал несуществующими зубами.

— Стой, — Танфоглио поднял бледную кисть с оттопыренными пальцами. Обычно вальяжный и расслабленный, сейчас он выглядел напряженным. Как если бы под дорогим серым сукном напряглись одновременно все мышцы совершенного, многократно модифицированного, тела, — Я хочу послушать, что он скажет.

Макаров издал короткий рык.

— Он провокатор! Не видишь, что он пытается сделать? Стравить нас между собой. Вот его план. Трусливый, коварный, мерзкий план. Крыса, как есть крыса…

— Предпочитаю считать себя пираньей, — Маадэр подмигнул ему, чувствуя, как на невидимом таймере, отсчитывающем мгновения до небытия, увеличиваются цифры его, Маадэра, жизни, — Но неважно. Если позволите, господа, я продолжу.

— Тогда я убью тебя прямо сейчас.

— Не убьешь, — под бледной кожей Танфоглио едва заметно обозначились желваки, — Мерценарий закончит то, что начал рассказывать.

— Его рассказ — вздор!

— Тогда это тот вздор, который я хочу дослушать до конца.

Макаров взвел курок. Звук получился резкий и холодный, прекрасно сочетающийся с ледяным рассветным свечением, быстро заливающим строительную площадку. В этом свете выстроившиеся друг напротив друга мужские фигуры напоминали расстановку едва начатой шахматной партии. Партии, которая, как надеялся Маадэр, закончится не в пользу белых и не в пользу черных.

— Не стреляй, — отрывисто произнес Танфоглио, — Иначе я отдам приказ атаковать.

Макаров усмехнулся, вроде и равнодушно, но со сдерживаемым раздражением.

— Из этой бойни тебе и самому не выбраться. Уверен, что хочешь затевать дело из-за одного сумасшедшего мерценария и его наркотических фантазий? Он же болен. Его мозг атрофирован и наполовину уничтожен. Он живет в мире собственных грез, как нарко.

— Пусть он закончит.

— Продолжим, — Маадэр поежился от холода. Лучи серого света совершенно не согревали, но он не мог себе позволить дуть на озябшие ладони или упрашивать Вурма заняться терморегуляцией, на счет была каждая секунда, — Итак, в недрах первой корпорации, назовем ее условно «РосХим»… Чистая

условность, господин Макаров, уверяю вас. Не имеет никакого отношения к вашей уважаемой организации… В недрах первой организации, именуемой «РосХим» возник изящный и в то же время эффективный план. Он должен был развиваться в несколько этапов, но в конце концов привел бы к тому, что замаскированная бомба оказалась в лаборатории «Чимико-Вита». Контейнер с грузом био-софта был передан мелкому корпоративному функционеру по имени Зигана. Мне даже жаль этого мерзавца. Всего лишь мелкая корпоративная сошка, которой предстояло сыграть свою роль в разворачивающемся спектакле. Роль глупую и трагичную, но все же… Он так и не понял, что оказался вписан в гросс-бухи собственной организации по статье «оперативные расходы». Его списали изначально. Поручили транспортировку важного груза, не уведомив о том, что это поручение станет для него и последним. Он еще не знал, что его ждет встреча с братьями Ерихо.

— Кто их нанял? — отрывисто спросил Танфоглио.

— Конечно же, господин Макаров. Не лично, разумеется, а через пространную сеть посредников и осведомителей. Он знал, что братья-хлодвиги в прошлом выполняли мелкую работу для его конкурента. Ничего серьезного, но достаточно, чтобы между Ерихо и «Чимико-Вита» протянулась тонкая ниточка. Именно на эту ниточку и был расчет. Ерихо было обещано, что в контейнере Зигана они найдут крупную денежную сумму, которая и послужит гонораром. Им пришлось жестоко разочароваться — никаких денег внутри не было, лишь склянки с неизвестным био-софтом. Именно на этом этапе ваш план дал сбой, господин Макаров. Вы скрупулезно учли все детали, разметили течения, но забыли внести в расчеты фактор человеческой жадности и фактор человеческого страха. Повинуясь фактору жадности, братья Ерихо схитрили и тем случайно подарили Зигана дополнительный день жизни. Повинуясь второму, Зигана, вместо того, чтоб отрапортовать о катастрофе своему руководству, по собственной инициативе нанял одного малоизвестного мерценария в надежде отыскать пропажу, пока не стало поздно.

Маадэр закашлялся — длинные речи на холодном ветру быстро утомляли горло.

«Твоя иммунная система ослаблена из-за переохлаждения, — со злорадством сообщил Вурм, — И я уже фиксирую участившуюся активность патогенных микроорганизмов в твоих лимфо-узлах. Завтра тебя ждет жестокая простуда. С соплями и раскалывающейся головой».

«Если при этом она останется на плечах, это будет самая приятная простуда в моей жизни, — Маадэр усмехнулся

мысленно, не изменив выражения лица, — Будь готов, Вурм».

«Я всегда готов, хозяин».

— Тщательно разработанный план провалился мгновенно, непоправимо испортив ситуацию. Братья Ерихо, оказавшись с неизвестным био-софтом на руках, должны были продать его «Чимико-Вите». Они и намеривались это сделать, если бы не мерценарий, который свалился им на голову, убил обоих и завладел био-софтов. В уравнение закралась лишняя, не предусмотренная алгоритмом, переменная. Полагаю, господин Макаров был в ярости. Мало того, что не сработал тщательно отточенный план по диверсии у конкрунтов, так еще и чемодан со смертельно-опасным грузом оказался потерян без следа.

— Ты идиот, Куница, — негромко вздохнул Макаров, — Паразит сожрал остатки твоего мозга. Господин Танфоглио, я официально…

— Пусть продолжает, — процедил Танфоглио. От тона его голоса звенели слуховые нервы звенели, раздражая внутреннее ухо.

— Знаете, кто помог «РосХиму»? — Маадэр осклабился, — Тот же, кто чуть не погубил весь план. Мерценарий. Это был сущий идиот, который влез в сложно рассчитанную партию и сам того не понял. Он не придумал ничего лучше, чем шантажировать «РосХим», требуя у него денег и противоядия. И господин Макаров оказался в весьма сложном положении. С одной стороны, био-софт сам нашелся, что хорошо. С другой — вместо того, чтоб приплыть к вражескому берегу, он вернулся к тому, с которого его отпускали. Я же говорю, течения Пасифе иной раз загадочны даже для старожилов… Но господин Макаров на лету сплел другой план, столь же изящный, как и первый. Он сделал вид, что попался на удочку, заинтересован сделкой и готов заплатить. На самом деле ему не был нужен био-софт, взведенная им самим бомба. Ему было нужно, чтоб я вместо покойных братьев Ерихо отнес ее в пункт назначения. В «Чимико-Вита». И что же сделал находчивый господин Макаров?.. После непринужденной беседы он разыграл небольшую сценку. Сделал вид, что собирается аккуратно меня устранить. А потом и неаккуратно. Перед тем в беседе он неоднократно упомянул «Чимико-Вита», дав мне понять, что речь идет о злейшем конкуренте «РосХима», также очень заинтересованным в товаре. Расчет был верен. Решив, что «РосХим» пытается меня ликвидировать, я стремглав бросился в объятия «Чимико-Вита», рассудив, что в данной ситуации рассчитывать стоит только на врага своего врага. Еще один ловкий ход. Мерценарий сам приносит взведенную бомбу на дверной коврик «Чимико-Вита».

Более того, он уверен в том, что является движущей силой, а не фигуркой, которую ловко переставили на доске, превратив разгром в почти выигранную партию… Вы опять не учли один-единственный человеческий фактор. Мою непревзойденную жажду к жизни. Именно этим мы, мелкие хищники, и сильны. Мы меняем течения и выкручиваемся. А еще у нас есть зубы. Очень много маленьких, но бритвенно острых зубов. Но мы не щелкаем ими понапрасну. Мы впиваемся ими в горло.

Макаров тяжело дышал, глядя на него. Выстрелит, понял Маадэр. Выстрелит, даже если это обернется схваткой с Танфоглио и его йоки. Выстрелит потому, что ненавидит.

— Интересный рассказ, господин мерценарий, — холодные глаза Танфоглио обжигали, — Очень интересный рассказ…

— Господин Танфоглио…

— Замолчите.

Они стояли друг напротив друга — скалящаяся свора Макарова и молчаливые тени Танфоглио. Боевики «РосХима» и агенты «Чимико-Вита». В полной тишине. И тишина эта пугала больше, чем звон металла или шорох оттягиваемых затворов.

Напряженная тишина, в зоне действия которой даже воздух наполнялся ядовитыми испарениями. Тишина с зажатыми в ней человеческими фигурами.

Они смотрели друг на друга — две стаи хищников.

Они чувствовали запах крови друг друга.

Когда два хищника встречаются на узкой тропе, они могут разойтись миром. Кроме жажды крови, свойственной каждому сложно устроенному организму, им свойственен могущественный инстинкт самосохранения, уберегающий от неоправданного риска и заставляющий взвешивать шансы. Маадэр ощущал, как балансируют сейчас эти инстинкты — точно стороны катящейся по неровной поверхности монеты.

Макаров сжимал в подрагивающей руке пистолет. Улыбка на лице Танфоглио была похожа на узкую ножевую рану, глаза — две холодных бездны. Каждый из них был разумным хищником, созданным поколениями сложных генетических связей. Каждый был невероятно осторожен и дьявольски хитер. Но сейчас, взглянув друг другу в глаза, они не ощущали ничего, кроме полыхающей животной ненависти. Монетка катилась по неровной поверхности, и малейшего толчка достаточно было для того, чтоб она опрокинулась…

«Вурм!»

Обрез, спрятанный под полой плаща был неудобен — слишком старая модель и неправильно обрезанное цевье, повлиявшее на центр тяжести. Из такого оружия, тем более

удерживая его одной рукой, не попадешь в цель на расстоянии больше пяти метров. Маадэр знал это. Но сегодня он стрелял не в цель.

Он выстрелил в землю. Картечь ударила в бетонный скол незаконченного фундамента и звенящими искрами разлетелась в стороны. Отразившись в глазах стоящих рядом людей. А потом остатки дотлевающей над Пасифе ночи оказались сдернуты и порваны в клочья вспышками выстрелов. Маадэр не собирался наблюдать за этим, но, скатываясь в русло бетонного желоба, успел увидеть многое.

Как медленно освещается дуло пистолета Макарова. И как Танфоглио выгибается дугой и сползает по крылу своего кара.

Как вспарывают темноту серебристые шипы на руках его слуг и люди Макарова падают в пыль, так и не выпустив оружия.

Как три размытых зыбких тени бросаются на самого Макарова, а он стоит между ними — огромный как скала, грозный как медведь, а глаза его пылают и этот огонь выжигает изнутри…

Как…

17

Ветер все не успокаивался. Здесь он чувствовал себя полновластным хозяином, шурша между балками и поднимая с земли мелкий строительный мусор. Клочки упаковки, остатки веревок, бумажные листы. Все то, что уже никогда не пригодится человеку, все забытое, брошенное и предоставленное самому себе. Ветер уничтожал ненужные вещи, рассеивал их, угрюмо бормоча в железных трубах и заставляя гнуться заросли пожелтевшей хилой травы. Несмотря на поднявшееся солнце, крохотное, размером не больше пуговицы, теплее не становилось.

Маадэр прикрыл воротником плаща подбородок. Если не считать ветра, все было тихо. Неподвижные тела казались частью строительного мусора, забытыми здесь много лет назад свертками и мешками, до которых никому нет дела. Маадэр переступал через них, вглядываясь в лица и держа пальцы на спусковой скобе дробовика. Мелким хищникам свойственна осторожность. Именно потому они зачастую выживают там, где более крупные ломают себе шеи.

Но добивать никого не потребовалось, ни одна из распластанных на земле фигур не подавала признаков жизни. Ни дыхания, ни движения, лишь полы плащей монотонно колыхались под порывами ветра.

Маадэр забросил дробовик на плечо и достал сигареты, но прикурить не успел. Сперва ему показалось, что он слышит тихий скрежет жести — возможно, это проржавевшие насквозь металлические листы царапали землю. Прислушавшись, он понял, что ошибся. Металл не может издавать таких звуков. Ему пришлось присмотреться к одной из фигур, той, что лежала с краю, почти на границе площадки. Присмотревшись, Маадэр усмехнулся и спрятал обратно сигареты.

Макаров улыбался.

Из носа и рта его текла кровь, густая, пропитавшая половину лица и бороду, но глаза все еще были открыты. Точнее, один уцелевший глаз. Начальник службы безопасности «РосХима» лежал на земле, в окружении трех тел в строгих черных костюмах, изломанных, точно картонные фигурки, согнутые под неестественным углами. Даже сейчас, умирая, с клекотом втягивая воздух в пробитые легкие, он выделялся среди окружающих.

Макаров улыбался. Он провел хороший бой и он был доволен.

Маадэр тоже усмехнулся ему. Говорить что-то не хотелось, да

в словах и не было нужды. Он неспешно подошел к распростертому телу и направил ствол дробовика ему в лицо. Некрасивое оружие — дробовик. Грубое, неаккуратное, примитивное. Макаров несколько секунд смотрел ему в дуло, потом прикрыл единственный глаз и пробормотал:

— Кхр… кхх… Давай. Давай, Ку… кхххх…

— Извините, — зачем-то сказал Маадэр. Хотя виноватым себя не считал.

Он чувствовал себя отлично.

Макаров попытался кивнуть, но не смог. Сквозь губы скользили густые кровавые сгустки.

— Гх… Гадкая планета… Здесь нет жизни человеку… Мерзко тут… А хотел ведь… Так хотел… Ежевика… Давай, Куница.

Он посмотрел на Маадэра, потом на небо, и закрыл глаз.

— Прощайте, — просто сказал Этельберд Йенц по прозвищу Куница.

18

«Тебя будут искать».

— Еще бы будут, — пробормотал Маадэр в воротник, — И «РосХим» и «Чимико». Возможно, и прочие. Много прочих. Частные детективы, наемные убийцы, другие мерценарии. Может, даже жандармы. Черт побери, может появятся даже ребята из Конторы… В общем, в самом скором времени я стану самой популярной фигурой на Пасифе.

Он наконец нашел то, что искал — неприметное заброшенное здание на углу улицы. Давным-давно лишившееся оконных стекол, покосившееся, оплывшее и безнадежно заброшенное, оно напоминало исконного обитателя этой планеты. Маадэру оно подходило.

«Не думаю, что тебе понравится эта популярность. За твою голову объявят награду».

— Зато я стал богаче на тридцать тысяч. И приобрел чувство глубокого морального удовлетворения, — Маадэр скользнул внутрь и, убедившись, что никого нет, поставил на пол контейнер. Из кармана плаща он осторожно достал маленькую капсулу, наполненную густой вязкой жидкостью с алым отливом, — Что это, если не торжество над извечными законами природы? Маленький хищник умудрился положить двух крупных матерых зверей.

«Ты дурак, — буркнул Вурм, — Ты даже не прищемил их хвосты. И „Чимико“ и „РосХим“ — огромные транс-национальные корпорации с миллионами служащих. Потери, которые ты им причинил, не изменят и на половину миллиметра функциональные графики их квартального роста. Ты всего лишь ужалил их, заставил разозлиться. Но не нанес непоправимого вреда. И они сделают все, чтоб найти тебя, Маадэр».

Маадэр пожал плечами.

— Корпорации сродни гидрам. Они необычайно живучи. Но я недостаточно глуп, чтоб ставить себе целью с ними бороться. Я хочу только выжить. А для этого мне придется покинуть Пасифе.

«Опять бегство? Куда теперь?»

Маадэр пожал плечами и пристально посмотрел на склянку. Больше всего его сейчас волновало, что у купленного с рук шаньси подозрительный оттенок, возможно, он отдал сотню за паршивый контрабандный товар, от которого потом будет раскалываться голова и мучительно болеть горло.

Он привык думать только о том, что важно в текущую минуту, предпочитая никогда не заглядывать в будущее. Океан

велик, в нем много течений, всегда можно уйти на дно, куда не проникают лучи солнца и где все кажется грозным и загадочным или подняться к самой поверхности, где шныряют юркие стайки ничего не подозревающих рыбешек. Он знал только то, что пока существует океан, пусть и заключенный в стеклянные стенки, в нем всегда найдется занятие и кров для того, кто достаточно мал, быстр и ловок.

У шань-си был приятный вкус, Маадэр капнул три капли на язык, спрятал склянку и прикрыл глаза.

— У меня есть деньги, — пробормотал он, ощущая накатывающие волны блаженства, предвещающие настоящую эйфорию, — у меня есть свобода. Может, вернусь на Юпитер, там осталось порядочно моих знакомых. Или переберусь на Ио. Чем черт не шутит, может останусь здесь… Не хочу загадывать.

«Ты плохо кончишь, хозяин. Нельзя всю жизнь делать что-то подобное и думать, что тебе всегда будет везти».

— Наверно, ты прав… — Маадэр чувствовал, как в теле прорастают, переплетаясь, серебряные струны, а мир вокруг расслаивается на пестрые ворсинки таких цветов, которых не существует во Вселенной. Ветер уже не был неприятен, он нес в себе мелодию, настолько чарующую, что жизнь замирала, чтоб услышать ее, а воздух становился прозрачным и кристально-чистым. Маадэр чувствовал наступление полной эйфории и знал, что она продлится еще достаточно долго.

Он улыбнулся и прошептал:

— Когда-нибудь я узнаю это… Потом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СИРЕНЬ ДЛЯ ЮПИТЕРА

1

Мир состоял из черных и красных пятен. Пятна набухали перед глазами, как огромные, насосавшиеся крови, пиявки, пульсировали — и пульсация эта разносилась по телу отвратительным звоном, от которого хотелось стиснуть зубы, но сделать этого было решительно невозможно, все мышцы в теле, включая самые крошечные, расползлись волокнами, словно вареные, отказывались подчиниться.

Маадэр открыл глаза и тихо застонал — черные и красные пятна, бывшие сейчас всем окружающим миром, перевернулись и сильнейшей вспышкой боли отозвались где-то в затылке. От накатившего приступа тошноты его едва не вывернуло наизнанку. Пришлось некоторое время лежать неподвижно, осторожно дыша и не пытаясь подняться.

«Господи, да такого похмелья у меня не было лет двадцать… Как голова трещит… — ему захотелось тихо завыть — собственные мысли разбудили дремавшую где-то в темени боль и теперь она поползла вниз раскаленным огненным языком, аккуратно спускаясь по позвоночнику и не пропуская ни одного позвонка, — Надеюсь, мне хотя бы было приятно вчера…».

Наконец Маадэр отважился вновь открыть глаза. В этот раз ощущения были терпимее. За пульсирующими пятнами обнаружилась какая-то темная поверхность, находящаяся то ли очень далеко, то ли очень близко. Пахло так, как пахнет в тесном помещении, где давно не случалось быть людям — какой-то кисловатой плесенью, пылью, застоявшимся воздухом.

Гроб? Маадэр набрал в грудь воздуха и развел руки в стороны, с облегчением убедившись, что они на месте и способны двигаться. Руки не встретили никакого сопротивление в окружающем мире. Конечно, на Пасифе не использовали гробы с момента колонизации. Слишком много неоправданных ресурсных затрат. Слишком бессмысленно. Этельберд Маадэр не был уроженцем Пасифе, он родился под светом других звезд, но прекрасно это понимал. Может, потому, что во всех обжитых человеком мирах нашлось бы достаточно много людей, которые с удовольствием похоронили бы его и без гроба.

Все ясно, он находится в какой-то комнате, погруженной в полную темноту. Вполне сухую и с пригодным для дыхания воздухом. При этом совершенно не помнит, как сюда попал.

Маадэр с трудом сел, ощутив прилившую к затылку боль, тяжелую, как комок свинца. Разноцветные пятна отступили, но мир все еще тонул в чем-то вязком, мутном. Маадэр машинально

провел рукой по лицу, чтобы убедиться в том, что глаза, как и прежде, составляют его неотъемлемую часть. После этого он почувствовал облегчение.

«По крайней мере, я не ослеп. И могу двигаться. Но Боже, до чего же трещит голова…».

Потом он внезапно вспомнил. Воспоминание оказалось не единым полотном, а серией образом, точно кто-то выдрал из его памяти пленку, на которой были запечатлены события последнего дня, и небрежно поработал над ней ножницами.

Зал космопорта, огромный, наполненный нержавеющей сталью и искусственной зеленью цветов. Взлетное поле снаружи — огромная площадка, изъеденная стартовыми шахтами, похожими на норы плотоядных юпитерианских жуков. Улыбающееся женское лицо под форменной фуражкой. Издевательская светящаяся надпись над стойкой регистрации — «Пасифе хранит кусочек вашего сердца — возвращайтесь на Пасифе». Надпись, увидев которую Маадэр смеялся до слез, несмотря на то, что едва стоял на ногах от ударной дозы эндоморфинов.

А потом…

Он не мог вспомнить, что было потом, пленка заканчивалась чистым срезом. Помнил только разреженный ионизированный воздух космопорта.

— Ах ты ж черт! — Маадэр закашлялся, — Черт, черт, черт!

Он ударил кулаком в пол, но это не принесло облегчения, лишь заболели ссадины на костяшках. И только после этого Маадэр понял, что еще его беспокоит. Он не слышал Вурма. Как его тело было закрыто в темной комнате, так и сознание оказалось заперто в костях черепа. Удивительно, он и забыл, насколько темно и пусто там, отвык от одиночества… Наверно, так со временем привыкают к раковой опухоли.

«Вурм!»

Тишина. Маадэр с трудом поднялся, подавив рвотный спазм — его желудок все еще тяжело вибрировал, перед глазами плыли цветные пятна с рваными краями.

«Вурм!»

Маадэр сделал несколько неуверенных шагов в темноте и наткнулся на прочную каменную стену. Хорошая капитальная стена, не чета тем, что водятся в трущобах Девятого. Он сделал несколько шагов влево, пока не уткнулся в другую. Чуть позже нашлась и третья, а четвертая обнаружилась сама собой. Несколькими секундами спустя Маадэр нащупал дверь. Прочную металлическую дверь, которая никак не отреагировала на его нажим. Маадэр потряс ее и несколько раз для надежности налег

плечом. Даже не шелохнулась. Прелестно.

Заперт в незнакомом месте, да еще и не помнит, как тут оказался. Может, это новый вид комфортабельных кают на транспланетарных кораблях? Интересно, в котором часу у них здесь подают ужин?..

Мрачная ирония не помогла задавить неуютное чувство, растущее где-то у основания черепа. Чувство внезапной пустоты. Там, где раньше располагался Вурм, теперь разместился маленький кусочек пульсирующей темноты.

— Вурм! — на этот раз Маадэр использовал голосовые связки, хоть в этом и не было нужды, — Куда ты подевался, кусок гангренозной плоти?

Потом он почувствовал мягкий зуд в затылке, точно там осторожно шевельнулось что-то, запечатанное в костях черепа. Знакомое ощущение, показавшееся даже не таким болезненным, как обычно.

— Вурм, ты тут? Отзовись, черт тебя возьми!

«Твои испуганные крики заставили бы проснуться даже мозговую кисту».

Облегчение Маадэра слилось с ощущениями Вурма — неуверенностью, раздражением и мрачной настороженностью. Его невидимый симбионит, казалось, сам только пришел в себя. И чувствовал себя так же скверно, как его носитель.

Голос, рождавшийся в пустоте и приходивший из ниоткуда, казался ворчливым и уставшим, хотя и не имел тембра. Но Маадэр почувствовал, что Вурму стыдно и неуютно.

— Доброе утро, — буркнул Маадэр, потирая затылок, под которым ворочался Вурм, — Надеюсь, ты хорошо отдохнул. И видел более приятные сны, чем я. Чем нас с тобой угостили, а? Я помню космопорт, помню коридор… Мы прошли паспортный контроль, фальшивые документы не вызвали подозрений. Потом… ничего. Что бы ни вырубило нас, штука удивительно мощная. Что нам пришлось отведать? Изофлуран? Тиопентал натрия?

Вурм поморщился — Маадэр ощутил это по уколам в левой височной доле.

«Не совсем. Куда более старое средство, но не менее эффективное. Называется „сотрясение мозга“».

— Ого. Так нас просто вырубили? Приложили по голове?

«Именно».

Маадэр попытался ощупать ноющую голову и зашипел от боли — повыше затылка обнаружилось нечто липкое, при прикосновении обратившееся тягучей, сдавившей содержимое черепа, болью. Удар был нанесен профессионально, машинально

оценил он. На три пальца ниже — чего доброго, сломали бы шейные позвонки. Еще один повод провести всю жизнь на Пасифе — со всех сторон тебя окружают профессионалы…

— Расскажи мне все, что помнишь, — сухо потребовал Маадэр, — Выдои мои нейроны, насколько это возможно, там должно было остаться что-то ценное.

«Хочешь, чтоб я играл роль твоего „черного ящика“? — ухмыльнулся Вурм. Несмотря на неоднозначность и тревожность момента, он ничуть не утратил своего обычного злорадства.

— Да. Хочу узнать, что со мной произошло до того, как экипаж попрощался и пожелал приятного полета.

„Я помню не намного больше. Десятью часами ранее ты заявился в космопорт Пасифе, насосавшийся эндорфина до того, что едва стоял на ногах, с фальшивыми документами в кармане и билетом до Марса в руках. Устроил небольшой скандал в зале ожидания, потом отвратительно приставал к девушке-диспетчеру. Зарегистрировался на рейс и пошел в бар, где взял ром с корицей. Попытался ударить бармена за то, что тот сказал что-то про мерценариев, но сам получил по шее. Отправился в уборную и…“

Маадэр стиснул кулаки. В его сознании появились новые образы, то ли всплывшие из руин памяти, то ли заботливо подсунутые Вурмом. Неровная, в выщерблинах и сигаретных ожогах, поверхность барной стойки. Вкус дешевого рома. Лицо бармена, сохраняющее равнодушно-презрительное, как у всех барменов Солнечной системы, выражение. Грязный туалет космопорта, захватанное зеркало, в зеркале — его, Маадэра, лицо с характерной для пост-эффекта гримасой — сжавшиеся в щелки глаза, стиснутые зубы, испарина… Судя по всему, зрение его к тому моменту расфокусировалось окончательно, единственное, что можно было разглядеть — шевельнувшуюся в отражении смутную фигуру.

— Значит, меня вырубили в туалете, — пробормотал Маадэр, садясь на пол, — Превосходно. За полчаса до того момента, когда я должен был убраться с Пасифе.

Он рефлекторно проверил карманы плаща — пусты. Там, где полагалось лежать „Корсо“ пальцы нащупали лишь пустое пространство, обрамленное дешевой тканью. Скверно. Он сам думал избавиться от револьвера в космопорте перед вылетом, но кто-то, похоже, сыграл на опережение. И сыграл весьма умело. Пропал также узкий граненый стилет, который обычно был скрыт в ножнах на правой лодыжке. Скверно. Маадэр пришел к неутешительному выводу о том, что люди, обыскивавшие его, были не меньшими специалистами своей работы, чем те, что его вырубили.

И, что еще хуже, он нигде не мог обнаружить кейса с тридцатью тысячами рублей, взносом господина Танфоглио на его, Маадэра, безбедное существование. Этот кейс несомненно был с ним в космопорту и был в туалете, но потом…

„Ты сам виноват, — безжалостно сказал Вурм, — Стал слишком беспечен. Слишком слаб. Тебя выпотрошил бы последний уличный нарко“.

— Мог бы и проследить за моей безопасностью, — огрызнулся Маадэр, безнадежно обшаривая пустые карманы, — А что, если бы мне голову проломили?..»

«Тогда мне пришлось бы смириться с небольшим сквозняком в своем жилище. Не будь тряпкой, мерценарий. Я использую твои глаза, своих у меня нет».

В голосе Вурма появилось что-то вроде холодной насмешки. Вурм не был человеком и был лишен возможности пользоваться спектром обычных человеческих эмоций, но подсознание Маадэра всегда безошибочно выбирало нужную.

Вурм был прав. Он слишком расслабился. Держа в руке билет, вообразил, что все закончилось. Словно не знал, что вырваться с Пасифе — то же самое, что вырваться из липкого обволакивающего кошмара.

— Что со мной? — кратко спросил он.

«Ты самоуверенный дурак, Маадэр, но, кажется, ты не это имел в виду?»

— Что с моим телом?

Вурм молчал, но совсем недолго — этого времени хватило бы на два вздоха.

«В порядке, за исключением гематомы на затылке и нескольких мелких ссадин. Сотрясение мозга, но в легкой форме».

— Ты можешь что-нибудь с ним сделать?

«Сделать человека умнее свыше моих сил».

— Вурм!

«Сейчас, — в голосе паразита опять послышались ворчливые интонации, — Подожди немного».

Через несколько секунд Маадэр с удовольствием почувствовал, как рассасывается мучавшая его тошнота. Потом пропало давящее ощущение в висках, точно кто-то вывернул тяжелые стальные винты, которые вонзились в его череп. Думать стало легче. Воспользовавшись этим, Маадэр запустил руку в карман пиджака и обнаружил там крохотную склянку с жидкой горошиной цвета неспелой вишни внутри. Темнота не давала разглядеть ее истинного цвета, но в этом и не было нужды.

— Что ж, по крайней мере при мне остался шань-си, —

Мааэдэр открыл склянку, — Отбирать наркотики у беспомощного человека — настоящее свинство, хоть в чем-то они оказались джентльменами.

Запах шань-си был тонок и едва уловим. Казалось, он воспринимается не носом, а обнаженной слизистой оболочкой самих глаз. Капля шань-си столь мала, что ее можно и не заметить. Но, как и многие крошечные вещи, она может вместить в себя очень многое. Бездонный океан спокойствия. Мир, состоящий из тонко звучащих серебряных струн.

Шань-си был хороший, не чета китайской дряни по пятьдесят за грамм, Маадэр взял его у одного надежного человека из космопорта, перед самым вылетом. Точнее, за несколько часов до того несостоявшегося момента, когда он надеялся навсегда распрощаться с Пасифе. Капля шань-си — это совсем немного, она прочистит мозг, в котором после удара и возни Вурма все еще была изрядная сумятица, даст сил, приведет в порядок мысли…

«Не рекомендую», — сказал Вурм.

— Почему? — спросил Маадэр, хоть и сам знал ответ.

«Тебе нужна голова сейчас. Если ты забьешь мозг своей дрянью, то толку от нее будет не больше, чем от консервной банки с тухлым мясом».

— У меня нет эндорфинов, если ты еще не заметил. Сейчас мы в пост-эффекте, но он не будет длиться вечно. Еще два-три часа — и я буду корчиться от боли как лепр. Этот город напичкан чертовыми электромагнитными волнами, и каждая из них для меня — как хлыст!

«Как и для меня. Но никто из нас не знает, сколько времени придется тут провести. Не лучше ли оставить запас на тот случай, когда дело станет совсем плохо?».

Вурм был прав. У него было такое свойство — оказываться правым в самый неподходящий момент. Маадэр глубоко вздохнул, осторожно закрыл склянку и спрятал ее обратно во внутренний карман.

— Будем считать, ты уговорил меня, проклятый червь. А теперь, Бога ради, сделай что-нибудь с освещением!

«Я уж думал, ты никогда не попросишь об этом…»

Возникло головокружение, но совсем не такое сильное, как несколькими минутами раньше, и быстро прошедшее. Открыв глаза, Маадэр с удовольствием убедился в том, что способен видеть. Окружающее было зыбким, освещенным призрачным зеленоватым светом, но все же он мог ориентироваться в пространстве.

«Больше твоя сетчатка не выдержит, — равнодушно сообщил Вурм, — Здесь слишком темно. И сил у меня осталось не так

много. Ищи выход».

Помещение, в котором он оказался, Маадэр изначально представлял себе достаточно ограниченным, не больше десятка метров в ширину, и теперь убедился в собственной правоте. Глухие каменные стены в коросте старой штукатурки, низкий потолок с единственной лампой, голый пол, заваленный в углах каким-то хламом — все это напоминало забытый людьми склад старой постройки, возможно винный погреб или рефрижератор.

«Уютно, — сухо заметил Вурм, — Судя по уровню влажности и температуре, мы находимся под землей».

— Я чувствую электрическую проводку рядом. И достаточно сильное электромагнитное поле. Нельзя сказать, что это здание набито электроникой, но все же кое-что тут есть. А значит, мы не совсем в глуши. Возможно, окраина Восьмого.

«Или Девятый».

— Вряд ли, — сказал Маадэр, подумав, — В Девятом принято другое обхождение с клиентами, не думаю, что мне предоставили бы столько комфортное помещение, при этом не позаботившись о том чтоб лишить хотя бы пары конечностей. Нет, я надеюсь, что мы в Восьмом.

«И, конечно…»

— Нет, я не думаю, что тут замешаны наши добрые знакомые.

«Значит, ты достиг той степени известности, когда вопросом приобретения твоего скальпа задаются даже незнакомые тебе люди. Наверно, это можно назвать популярностью».

— Ненавижу, когда ты начинаешь шутить.

«А я ненавижу оказываться в сложном положении без намека на выход».

— Выход есть, — Маадэр кивнул на высокую стальную дверь, — Осталось лишь придумать, как им воспользоваться.

Дверь была заперта, как он и предполагал. Не было ни замка, который можно было бы открыть, ни кнопок, на которые можно было бы нажать. Маадэр вернулся к стене и сел по-турецки на пол.

«Скоро тебе будет не до острот. Мы не знаем, с кем связались в этот раз, кроме того, что они весьма настойчивы, смелы и, к сожалению, профессиональны. Меня это не утешает».

— Я мерценарий, — Маадэр снял плащ, скатал его и положил под голову, — Как говорили на Юпитере лет пять назад — «Если тебя никто не хочет убить, значит, ты плохо работаешь».

«Я думал, ты способен на оптимизм только объевшись эндорфинов».

— Если бы меня хотели убить — я был бы мертв, — Маадэр пожал плечами, — Можешь называть это оптимизмом. А теперь

не бубни, я рассчитываю пару часов вздремнуть. Предыдущая отключка меня не освежила, а силы могут понадобиться нам обоим.

«Спеть тебе колыбельную?»

— Справлюсь и сам…

То ли Вурм предпочел его не услышать, то ли сил и в самом деле оставалось не так уж много, но Маадэр отключился мгновенно, еще до того, как успел как следует устроиться на импровизированной подушке.

2

Вурм не умел будить мягко. Каждый раз, просыпаясь от его холодного прикосновения, Маадэр вспоминал казарменную сирену, вырывавшую его из сновидений много лет тому назад. Как обычно после экстренной побудки он несколько секунд смотрел перед собой, не понимая, где находится, потом вытер со лба пот, показавшийся холодным, как октябрьская роса.

— Когда-нибудь ты доведешь меня до инфаркта, старый паразит…

«Я подумал, тебе стоит проснуться».

— Не обязательно использовать для этого мое подсознание. Боги, мне снилось, что с меня сдирают кожу и варят в кипящем масле… — пробормотал Маадэр, ёжась, — Я уже когда-то запрещал тебе вмешиваться в мои сны!

«Если ты перестанешь орать, то услышишь скрип двери. Если тебе это неинтересно, мне несложно отправить тебя обратно в объятья Морфея».

«Дверь?..»

Вурм не ответил. Но теперь Маадэр слышал и сам. Кто-то возился с дверью с той стороны. Вероятно, старый замок за много лет порядком заржавел и теперь поддавался с сильной неохотой. Слушая, как он жалуется, Маадэр поблагодарил неизвестного тюремщика за то, что его странная темница не оборудована электронным замком. Состояние пост-эффекта почти закончилось, прикосновение любого электромагнитного поля ощущалось резью в челюсти и неприятным, но еще на грани терпимости, покалыванием в висках. Маадэр невесело подумал о том, что еще через полчаса или немногим больше эти ощущения будут вызывать мучения, от которых у него будет сводить сухожилия… Конечно, есть Вурм, но даже он не сможет удерживать боль достаточно долго.

Когда вспыхнул свет, Маадэр чертыхнулся. Вурм поспешно привел его сетчатку в обычное состояние, но все равно в течении нескольких секунд Маадэр был вынужден моргать, не в силах различить окружающую обстановку. Такие переходы всегда давались тяжело.

— Добрый вечер.

— Вечер? — отозвался Маадэр машинально.

— Одиннадцать часов по локальному времени.

Гость был один, в этом Маадэр был уверен. Он уже мог видеть контуры фигуры и, кроме того, обострившиеся чувства позволяли ему ощущать электромагнитное излучение вошедшего.

«Фонил» он достаточно слабо, по крайней мере для среднего жителя Восьмого: электронные часы на руке — Маадэру даже показалось, что он сможет определить модель — мобильный войс-аппарат в каком-то из карманов, что-то еще… Ни имплантатов, ни оружия с электро-детонатором, ни другой техники — то ли старомодность, то ли осторожность…

Когда зрение прояснилось, у Маадэра появилась возможность увидеть незнакомца. И глухо выругаться сквозь зубы.

Он ожидал увидеть кого-то себе под стать, какого-нибудь подпольного воротилу из Девятого, вечно хмурого, собранного и излучающего смертельную опасность одной лишь только манерой щурить глаза. Хищника, для которого умыкнуть человека из космопорта не сложнее, чем перехватить брошенную в рот ягоду. Какого-нибудь изрезанного шрамами головореза с дробовиком в одной руке и включенной паяльной лампой — в другой.

Вместо этого он увидел нечто совсем иное.

Костюм, столь нейтральный и по фасону и по цвету, что казался безликим, как глухая роба. Зачесанные на широкий пробор жидкие светлые волосы. Бледная рыхлая кожа, тоже невыразительная, как пустой лист еще не отпечатанного письма — ни родимых пятен, ни шрамов, ни украшений. Не выделялись на этом лице и глаза. Ничем не примечательные, тусклые, то ли светло-серого, то ли зеленоватого оттенка, они взирали на окружающее с безразличием старой равнодушной рептилии, отчего лицо их обладателя постоянно сохраняло сонное выражение.

Маадэр насторожился. Замкнутый мир Пасифе, состоящий из давным-давно устоявшихся пищевых цепочек и биологический ареалов самых разных существ, подавляющее большинство которых являлось внутривидовыми хищниками, успел научить его одному из главных законов выживания. Бойся того, кто не выглядит страшным. Опасайся того, кто не кажется опасным. Потому что самый смертоносный и опасный яд всегда заключен в самом простом и неброском сосуде.

Человек, вошедший в комнату, не выглядел опасным. Он выглядел скучающим. И Маадэра разглядывал совершенно безразличным взглядом, как существо непонятное, но в то же время не представляющее никакого интереса, оказавшееся здесь случайно и непонятно для чего нужное.

Маадэр решил заговорить первым. В ситуации, когда судьба сдает самые паршивые карты во всей колоде, остается уповать лишь на инициативу в разговоре. Иногда, перебив чужую мысль и завладев инициативой, можно ощутимо продлить свою собственную жизнь. Еще одно старое правило из делового свода

Пасифе — скорее всего, тебя не убьют, пока ты говоришь. Вопрос в том, что именно ты будешь говорить.

— Я думал, знаю многие здешние традиции, но подобный способ пригласить человека для беседы встречается мне впервые, — Маадэр кашлянул, — Надо сказать, действует он вполне безотказно.

— А вы уверенны, что оказались здесь именно для беседы?

Человек улыбнулся Маадэру. Улыбка у него была именно того сорта, который его всегда раздражал: мягкая, безразличная, ни к чему не обязывающая — стерильный корпоративный продукт без обозначения даты выпуска и производителя.

— Уверен. Если бы вы хотели меня убить, сейчас мой плащ уже стаскивал бы с холодного тела какой-нибудь бездомный из Девятого.

— Совершенно справедливое замечание, господин мерценарий. Вы здесь для разговора.

— В таком случае я надеюсь, что в следующий раз вы используете такси, — Маадэр потер затылок, — Согласен, это более консервативный метод по сравнению с тем, что вы используете, но в моем возрасте вредно гнаться за новшествами. Не говоря уже о том, что следующего приглашения моя голова может и не выдержать.

— У нас были основания полагать, что обычное приглашение вы проигнорируете.

«Вот черт. Что он имеет в виду, Вурм?»

«Мне откуда знать? Но пахнет от него скверно. Он отвратительно уверен в себе».

«Солгать?..»

«Не будь дураком. Он перехватил тебя в космопорту. И думаю, был достаточно умен, чтоб изучить билет в твоем кармане. Он знал, куда ты направляешься, Маадэр. Вопрос только в том, знает ли он причины твоего бегства».

«Нет, — зло ответил Маадэр, — Вопрос здесь только один. Кто он, черт возьми, такой?»

— Вы не ошиблись. Я не в той ситуации, чтоб безоглядно принимать приглашения. Дело в том, что я собирался на некоторое время покинуть Пасифе.

— Вот как? — незнакомец приподнял бровь, — Могу ли я осведомиться о причине? Неужели ваши дела пошли хуже?

— Нет, скорее всему виной климат, — Маадэр попытался изобразить безмятежную улыбку, — Боюсь, климат Пасифе успел меня утомить.

— Понимаю, о чем вы, — задумчиво произнес человек, все еще разглядывая его, — К этому климату непросто привыкнуть.

Иногда здесь бывает чересчур… жарко.

«Он что-то знает! — рявкнул Маадэр мысленно, — И я хотел бы ошибиться…»

«Я говорил тебе, что так просто все не закончится», — не удержался Вурм.

«Одного не понимаю — почему тут еще нет крепких ребят из „РосХима“…»

«Обрати внимание на акцент — он не местный. Не Ио и не Юпитер. Возможно, Ганимед…».

— Это Пасифе, — Маадэр постарался вежливо улыбнуться. Улыбаться он не любил и у него обычно это плохо получалось, — У нас тут часто бывает… жарко. После войны здесь оказалось слишком много людей. Люди, деньги… Когда в одном месте собирается много людей и много денег, это редко заканчивается чем-то хорошим.

Глаза незнакомца обладали неприятным свойством смотреть не моргая. Их взгляд был спокоен, даже дружелюбен, но это дружелюбие отчего-то заставляло отводить взгляд — точно он касался чего-то невыносимо холодного. Эти глаза рассматривали Маадэра с некоторым интересом, но без откровенного любопытства. Как интересную вещицу, которая стоит потраченных на нее нескольких минут.

Но не более того.

— Четыре дня назад это закончилось тем, что количество людей и денег на Пасифе несколько снизилось. Если быть точным, людей стало меньше на девять человек — они работали на корпорации «Чимико Вита» и «РосХим», денег — на тридцать тысяч рублей.

Маадэр почувствовал раздражение. Не вполне уместное, учитывая сложившуюся ситуацию, но оттого не менее едкое.

— Если не ошибаюсь, деньги вы уже вернули. Тогда переходите к делу. Если хотите сыграть, доставайте колоду карт. Играть в слова я не намерен.

Кажется, незнакомец даже обиделся этому резкому переходу.

На лице его появилась гримаса легкой брезгливости. Как у благообразного господина, которому попался волос в бокале с шампанским.

— Деньги не представляют для нас интереса.

Это «нас» Маадэр мгновенно оценил и принял к сведению, хоть и до того не сомневался, что странный человек в сером костюме мог иметь к нему, Маадэру, какой-то частный интерес. Сколько человек сейчас ждет своего патрона в соседней комнате? Есть ли при них огнестрельное оружие или только дубинки сродни той, которой его угостили в космопорту? Успеют ли они

ворваться в комнату, если Маадэр схватит этого странного типа за горло и попытается вырвать кадык?..

— Тогда что представляет для вас интерес?

— Этельберд Маадэр, мерценарий. Нам нужны его услуги.

Маадэр чуть не расхохотался, повезло, что Вурм придержал его голосовые связки. Если это попытка найма, то самая безумная на его памяти. И крайне странно обставленная. Однако действенная, решил он, немного помрачнев. Тяжело отказать нанимателю, когда он открывает перед твоим лицом набитый ассигнациями бумажник. И совсем невозможно отказать тому, кто держит твою жизнь в своих руках.

— Боюсь, вы обратились слишком поздно, — невозмутимо заметил Маадэр, — Дело в том, что я вынужден на некоторое время прекратить практику на Пасифе. Быть может, спустя пару месяцев… Однако я могу подсказать вам других мерценариев с прекрасным послужным списком, настоящих специалистов своего дела.

Незнакомец качнул головой. Движение получилось очень лаконичным, даже не жест, а едва угадываемый намек на него.

— Нам нужен Этельберд Маадэр. Замена неприемлема.

— В таком случае я вынужден вам отказать. Сейчас я не принимаю контрактов.

Незнакомец улыбнулся, тоже едва заметно.

— Как изменились времена. В прошлом вы, кажется, редко могли позволить себе возможность отказаться от контракта.

Маадэр вздохнул. Ситуация, в которой он оказался, изначально выглядела весьма неуютно и настораживающее, теперь же от нее пахло совсем скверно. В точности как мертвое тело, валяющееся где-то на обочине Девятого.

«Я могу накачать тебя адреналином, — шепнул невидимый Вурм, — И ты сломаешь ему шею быстрее, чем он успеет моргнуть. Потом выход. Мы можем управиться очень быстро».

Маадэр размышлял несколько секунд. Больше у него в запасе не было.

«Не подходит, — сказал он с сожалением, — Этот ублюдок не пришел бы сюда один и без оружия. Он расслаблен и ведет себя как хозяин положения. Значит, у него есть основания вести себя подобным образом».

«Он пугает тебя».

«Не без этого, — вынужден был признать Маадэр, — Его невозмутимость сбивает меня с толку. Мы, хищники Пасифе, привыкли ощущать выделения жертвы или соперника. Гнев, страх, неуверенность, блеф… От этого типа ничем не пахнет. Он знает, что я могу убить его за полторы секунды, но разглядывает

меня так спокойно, точно глядит на консервную банку. Это пугает».

«В таком случае играй по его правилам, пока не станет ясно, что он хочет».

«Именно этим я и собираюсь заняться».

Маадэр поднял руки в шутливом жесте.

— Сдаюсь. Вы знаете меня как облупленного. Мое имя, мой род занятий, даже, возможно, немного знаете мое прошлое.

— Возможно, я знаю ваше прошлое гораздо лучше, чем вы предполагаете, господин Маадэр, — спокойно заметил незнакомец, сохраняя расслабленную позу.

— Даже так? Что ж, тогда вы знаете о том, что у меня в последнее время возникли некоторые противоречия… корпоративного свойства. Поэтому я собираюсь покинуть Пасифе на некоторое время и не принимаю контракты. Извините, не знаю, на кого вы работаете, но вынужден ответить отказом.

— В вашей жизни было много противоречий, господин Маадэр.

— Вы настолько хорошо меня знаете? — усмехнулся Маадэр.

— Мы настолько хорошо вас знаем, — подтвердил незнакомец без улыбки, — Этельберд Маадэр, настоящая фамилия Йенч, оперативный псевдоним «Куница». Родился в девяносто шестом году, Земля, Роттердам. В четырнадцатом призван в армию Консорциума, где в течении двух лет проходил службу в разведывательном взводе. Позднее подписал контракт и еще три года служил в пограничном батальоне «Сипай», дислоцированном в районе Венеры. Позднее прошел ряд квалификационных тестов, получил звание хавильдара. Был досрочно представлен к званию субедара, но утвержден не был из-за неуставных отношений с сослуживцами.

Маадэр ощутил себя так, словно его вторично оглушили дубинкой по затылку. Только теперь темнота не спешила милосердно сомкнуться над ним.

— Эй!..

— В двадцатом году поступил в разведывательно-диверсионное училище при штабе сил планетарной обороны Консорциума, которое закончил с отличием восемью месяцами спустя. Был распределен в одно из подразделений третьего отдела ВСР — Военно-стратегической разведки Консорциума. После начала войны с Юпитером принимал участие в рейдах на Каллисто и Ио. Позднее перешел в сводный оперативный отдел тактического планирования и анализа, исполнял роль полевого агента. За операцию «Прозерпина» получил звание субедара и благодарность командования. После серьезного ранения,

повлекшего травматическую ампутацию левой руки, получил перевод в штаб корпуса ВСР, где занимался аналитической работой. Годом спустя, в рамках операции «Гастингс» получил еще одно ранение, задевшее нервную систему и приведшее к ее частичной дисфункции. Последние шесть лет служил в звании субедар-майора во втором батальоне КНТР — контртеррористической службы Консорциума Земли…

— Между собой мы называли ее Конторой, — Маадэр ухмыльнулся, отчаянно надеясь, что Вурм сможет взять под контроль работу надпочечников, — Славные были деньки!..

— …занимался выявлением и уничтожением юпитерианского подполья, обезвреживал глубоко законспирированных агентов и саботажников. В тридцать пятом году, выполняя задание в рамках операции «Каракалла», субедар-майор Йенч самовольно дезертировал, убив двух оперативных агентов КНТР и похитив орбитальный челнок. По неустановленным данным, скрывался на Юпитере, но после окончательного подавления сопротивления там, с помощью контрабандистов бежал на Пасифе, где сменил имя и получил лицензию приватного мерценария. Так что да, господин Маадэр, полагаю, можно считать, что мне кое-что о вас известно.

— Превосходно, — кивнул Маадэр, — Это все, что вы смогли заучить на память из моего личного дела?

— В вашем личном деле много пометок, — спокойно сказал незнакомец, глядя ему прямо в глаза, — За время службы агент Куница восемь раз привлекался к дисциплинарным взысканиям, пять раз находился на гауптвахте, трижды обвинялся в совершении уголовных и военных преступлений, около двенадцати раз участвовал в запрещенных дуэлях с другими офицерами, восемнадцать раз представал перед специальной комиссией по обвинению в превышении полномочий…

— Звучит как список достижений, — пробормотал Маадэр, — Меня даже подмывает произнести прочувствованную благодарственную речь.

— Полагаю, без этого можно обойтись, — спокойно произнес незнакомец, до сих пор не сменивший позы, — Вы дезертир, Йенч. Дезертир, убийца и предатель Консорциума Земли.

Маадэр поморщился.

— Теперь я мерценарий. Вы не представляете себе, до чего трудно найти работу предателя здесь, на Пасифе… Рынок вакансий слишком переполнен.

— Ваше специфическое чувство юмора тоже упомянуто. Но, если позволите, я пропущу ту часть, которая посвящена личным предпочтениям, чертам характера и психическим свойствам.

Слишком много неприятных деталей.

— Так всегда… — пробормотал Маадэр, — Стоит только дойти до самого интересного… Так значит, Контора меня не забыла?

— Контора ничего не забывает. И еще у нее нет привычки списывать утерянное имущество.

— Так значит, я — имущество?

— Несомненно, — ответил его собеседник, на миг прикрыв глаза, — Дорогое, качественное, в которое Консорциумом вложено много сил и средств.

Маадэр попытался расслабиться. Это оказалось сложно даже при помощи Вурма.

— Выходит, это операция по поимке? Неплохо. Весьма недурное исполнения, хоть и не безукоризненное. В свое время на Юпитере мы работали аккуратнее. Решили, значит, познакомиться со мной до того, как начнется официальная, так сказать, часть? Что дальше? Допрос? — Маадэр почувствовал легкую щекотку улыбки на губах, — Мне давно не приходилось бывать на допросах, даже стало этого не хватать. Интересно, насколько изменились методы Конторы за эти годы — признаться, я не слишком следил за прогрессом… Накачаете меня всякой дрянью, чтоб развязать язык, или дробление суставов по-прежнему еще достаточно эффективно?

Незнакомец не улыбнулся, но и не выглядел раздраженным. Он по-прежнему смотрел на Маадэра с легким интересом, от которого неприятным образом ныло в груди.

— Зачем? — спросил он просто, — Во-первых, методы химического допроса в вашем случае бесполезны. Да, Маадэр, я знаю и то, что в досье не значится. Мне известно, что в вашем поврежденном мозгу находится органический симбионт, точнее паразит. Весьма любопытная форма, надо полагать. Я знаю, что он дарит вам контролируемое управление всеми химическими процессами вашего тела. Отключает боль, нейтрализует негативное действие химических соединений… Не стоит волноваться, как я уже говорил, вы не представляете для меня интереса в этом отношении. Но я не ксено-биолог и не нейро-хирург.

«Вурм, пульс и дыхание?»

«Норма. Давление и зрачки тоже. Я полностью контролирую все внешние проявления, он не может знать, что ты волнуешься. Просто блеф».

«Такие, как он, чувствуют… Это ищейка, Вурм, это проклятая хитрая и ловкая ищейка, которая видит и понимает куда больше, чем показывает».

— Нет, Маадэр, если бы я действительно хотел что-то у вас узнать, мне бы не было нужды прибегать к сложным мерам воздействия. Эффективность — в простоте, помните?.. Мне бы хватило… — человек с неприятным взглядом оглянулся, словно ища что-то в пустой комнате, — Да, скажем, обычной электрической печи. Ваша нервная система не была полностью восстановлена, вы чувствуете сильную боль при соприкосновении с любым достаточно сильным электромагнитным полем, и оттого вынуждены постоянно глушить ее наркотиками. Через несколько часов вы бы сдались, — человек безразлично пожал плечами, — и рассказали бы все про свои контракты и своих нанимателей — разумеется, если бы это было мне интересно. Но мне это не интересно. Ваша деятельность как мерценария здесь, на Пасифе, безразлична Консорциуму.

— Неужели? — вырвалось у Маадэра.

— Вы — вымирающий биологический вид, Куница, — заметил человек, хладнокровно поправляя выбившиеся манжеты, — Социальный атавизм, переживший череду причудливых мутаций и доживающий последние годы здесь, вдали от гибельного света, в тени зловонных руин Пасифе. Вы знали, что на всех прочих планетах Солнечной системы деятельность мерценариев давным-давно запрещена?

Маадэр осклабился.

— Я, кажется, пропустил профсоюзную конференцию. Кроме того, не уверен, когда я в последний раз платил членские взносы…

— Мерценарий… Специалист по особым поручениям, частный детектив, телохранитель, курьер, личный шпион… А проще говоря, беспринципный наемник, не чурающийся нарушать закон и действующий в интересах своего хозяина, — Спрос на людей такого рода никогда не возникает на благополучных планетах. Вы как болезнетворные микроорганизмы, Маадэр, вы возникаете там, где возникает подходящая питательная среда. Там, где можно поживиться. Разруха, гражданские войны, мятежи, голод, бедность — вот питательные элементы, которые вам нужны. Именно поэтому мерценарии сохранились только здесь, на Пасифе. Этот спутник много лет поставляет вам лучшую в Солнечной системе пищу. Но эти времена скоро закончатся.

Маадэр не сдержал хищной острой усмешки.

— Двадцать лет назад мы считали также. Когда ловили юпитерианских подпольщиков, террористов и саботажников. Что достаточно чувствительно их прижать, и Пасифе превратится в спокойный провинциальный мир сродни Плутону. Что из него исчезнут порождения генетических мутаций и бракованного био-

софта, все эти хлодвиги, лепры, нарко… Так вот, не исчезнут. Даже если вы приведете сюда весь флот Консорциума и заставите его играть пушками на орбите. Вы сами превратили в Пасифе в выгребную яму, слили сюда отраву всей Солнечной системы. Поэтому здесь всегда будет работа для мерценариев, как бы они ни назывались. Но я слишком устал, чтоб рассуждать о будущем Пасифе, к тому же, у меня болит голова. Вернемся к нашей основной теме.

— Во-первых…

— Во-первых — кто вы?

Незнакомец сдержанно улыбнулся. Улыбка у него была вялая и прохладная — не эмоция, а сухое сокращение лицевых мышц, похожее на затихающие судороги умирающей рыбы.

— Моя фамилия — Нидар. Сахель Нидар.

«А он молод, — подумал Маадэр, машинально изучая лицо агента, — Лет тридцать, пожалуй. Интересно, в каком звании. Не субедар, конечно, уж больно расслабленно держится. Второй лейтенант? Лейтенант-полковник?.. Впрочем, сейчас это не играет никакой роли».

— Значит, коллега? — хмыкнул Маадэр, — Интересно. Вы, я, покойный Макаров… Того и гляди, Пасифе скоро превратится в санаторий для ветеранов-отставников Конторы…

— Вы не ветеран. Вы дезертир и военный преступник.

— Скажем так, мне надоело убивать и красть для Консорциума, — Маадэр с деланной беспечностью заложил руки за спину, — Я решил заниматься тем же самым, но уже в собственных интересах. Так значит, моя профессиональная деятельность для вас интереса не представляет?

— Ни малейшего, — подтвердил Нидар, — У вас попросту нет ничего такого, что могло бы меня заинтересовать.

— Напрасно. Например, я знаю, как стабильно выигрывать у игровых автоматов в «блэк-джек»…

Нидар пропустил шутку мимо ушей. Не проигнорировал — кажется, просто не заметил. Он вел разговор мягко и уверенно, со спокойствием опытного рыбака, который ведет лесу и не дает рыбе ни малейшего шанса сорваться с крючка. В его невыразительных глазах Маадэру на мгновенье померещился тот же блеск — холодный блеск зазубренной стали.

— Значит, трибунал? — спросил Маадэр безразлично, — Понимаю.

Но Нидар покачал головой.

— Кому какое дело до дезертиров, если многие успели забыть и саму войну? Конторе время от времени нужны показательные процессы, но ваш случай для этого не годится. Вы зря мните себя

опасным преступником, Маадэр. Вы шелуха, мелочь, синтетическая оболочка, которую вышвырнули на обочину, лабораторный осадок давным-давно забытой реакции. Контора не потрудилась бы и плюнуть, чтоб организовать вам показательный процесс. В лучшем случае вам бы просто устранили. Мимоходом, небрежно. Как вы сами когда-то устраняли перебежчиков и шпионов.

— Учтите, мне нужна будет секретарша, отдельный кабинет и новый плащ.

— Простите? — в невыразительных глазах Нидара промелькнуло удивление.

— Вы ведь хотите меня завербовать, — пояснил Маадэр, — Вы не хотите меня убить, вы не собираетесь меня пытать… И едва ли вы пригласили меня столь изящным способом, чтоб предаться совместным воспоминаниям о старых добрых деньках. Это говорит о том, что вы хотите меня завербовать для какой-то работенки, я прав?

Нидар улыбнулся.

— Вы проницательны.

— Я работал в Конторе еще в те времена, когда вы зубрили историю Консорциума в школе, — буркнул Маадэр, — Мне и самому приходилось использовать подобные методы вербовки в прошлом. Здесь же и на Юпитере. Разовая грязная работенка, так ведь? Что-то очень опасное, очень скользкое и очень неприятное. Что-то, с чем лучше не связываться самому. Я угадал? Конторе нужен серый исполнитель. Из числа достаточно опытных, чтобы быть полезным, но при этом такой, которого можно держать на железном поводке. И которого можно будет скормить без всякой жалости, если в этом возникнет необходимость.

Нидар задумчиво провел пальцем по щеке, на которой не было заметно ни единого волосяного фолликула.

— Ваше предположение совершенно верно. Контора в моем лице предлагает вам достаточно простую сделку. Разовая работа в обмен на безоблачную старость. Контора обещает забыть про ваше существование, Маадэр. Это очень щедрое предложение. Вычеркнуть вас из реестра дезертиров и предателей. Вы удивлены, что подобный реестр существует? Напрасно. Контора никогда не забывает про свое имущество, пусть даже дефектное и пропавшее.

— Что за работа? — сухо спросил Маадэр.

— Как вы и предполагали. Неприятная. Грязная. Разовая.

— Убийство? — осторожно спросил Маадэр, — Да бросьте!.. На этой планете наемных убийц больше, чем водителей такси. И половина из них убьет за порцию шань-си, не спрашивая даже

имени.

Нидар перевел на него свой равнодушный взгляд.

— Вам приходилось убивать?

— Вы знаете, чем я тут занимался. Но я не убийца, это не мое ремесло. Есть лучше меня, гораздо лучше.

— Если бы нам требовался убийца, мы смогли бы нанять настоящего профессионала. Вы не профессионал. Вы чертовски верткий, хитрый и ловкий тип, Маадэр, если умудрились прожить тут столько времени, особенно учитывая ваше прошлое, но это не делает вас чем-то выдающимся. Мне нужно от вас кое-что другое. Ваши знания. Способности к мимикрии. Ваши связи.

Маадэр напрягся.

— Не уверен, что понял.

— Вы стали здесь своим. В этом гниющем мире, полном отбросов, убийц… и этих… лепров, хлодвигов… Вы сжились с ним, Маадэр. Научились тут ориентироваться. Обучились правилам выживания. За последний год Контора потеряла тут четырех агентов — в два раза больше, чем на любом другом спутнике Юпитера. В этой клоаке выжить дано не каждому, но у вас это отлично получилось.

— Благодарю.

— У вас нет особенных умений, даже ваш мозговой паразит не делает вас по-настоящему выдающимся, у вас нет дисциплины, умения долгосрочного планирования, тактических задатков или лидерских качеств… Ваша эффективность в качестве обычного оперативного агента равнялась нулю. Но вы обладаете кое-чем другим, и это что-то неожиданно пришлось тут впору. Вы несдержанны, хаотичны, бессмысленно жестоки, откровенно недальновидны, жадны… Но именно на Пасифе это помогло вам вжиться в шкуру мерценария, беспринципного охотника за наживой. Вы стали здесь своим. Сроднились с этим миром.

Маадэр не знал, что на это ответить, поэтому ограничился неопределенным жестом, не имевшим никакого практического значения. Но Нидару сейчас не нужны были собеседники. Он неспешно мерил шагами комнату, умудряясь почти не производить звука, и, несмотря на то, что глядел он себе под ноги, Маадэр ощущал себя так, словно его держит на мушке какое-то большое и равнодушное чудовище вроде автоматического станкового пулемета.

— Вы стали своим. Свели знакомство с шулерами, контрабандистами, торговцами наркотиками и краденным биософтом, убийцами, вымогателями, ворами… Вы имеете с ними дело каждый день и, если учесть то, что я еще вижу вас перед собой, — Нидар остановился и указал на Маадэра ухоженным

пальцем, — весьма в этом преуспели.

— Слишком эмоционально, пожалуй. Я просто выживаю в агрессивной среде.

— Мне нужен человек, который знает Пасифе как свой родной дом. Тот, который не вызовет настороженных взглядов. Проще говоря, свой.

— Хотите сказать, у вас нет подготовленных агентов такого уровня?

Нидар нахмурился — впервые с начала беседы.

— Вы сами знаете оперативную обстановку. За прошедшее время тут мало что изменилось. В местном отделе есть талантливые агенты, но ни одному из них я бы не доверил то, что собираюсь доверить вам.

— Я польщен, будьте уверены.

Нидар бросил на него быстрый взгляд, и Маадэру внезапно перехотелось шутить.

— Велрод.

— Что?

— Велрод, — спокойно повторил Нидар таким тоном, точно одно это слово могло что-то объяснить.

Маадэр озадаченно пожевал губами.

— Если вы имеете в виду того самого Велрода, о котором подумал я, не считайте, будто что-то мне объяснили.

— А о каком Велроде вы подумали? — по-кошачьи вкрадчиво спросил Нидар.

Маадэр поколебался, но решил, что в его ситуации тянуть время достаточно бесполезно.

— Гэвин Велрод, — сказал он неохотно, — Полковник второго отдела КНТР, Контр-террористической службы Консорциума Земли. Работал сперва на Юпитере, потом здесь. Погиб в тридцать третьем.

— Кажется, вы достаточно хорошо его знали?

— Он был моим непосредственным начальником несколько лет. Полагаю, можно сказать, что я хорошо знал его.

— Вы помните, как он погиб?

— Разумеется. Разбился в служебном скайдере.

— На Пасифе?

— Да. За несколько недель до того, как Консорциум объявил о том, что не собирается захватывать Пасифе и превратил его в огромную свинью-копилку на орбите Юпитера. Такое иногда случалось. Слишком много оружия на руках у населения, слишком напряжены нервы. Кто-то всадил в орбитальный скайдер Велрода ракету из переносного зенитного комплекса, когда он заходил на посадку. На борту кроме него никого не было, скайдер

упал в десяти километрах от Восьмого. Останки опознаны медицинской службой. Это все.

— Кто в него стрелял?

— Так и не выяснили.

— Вы оставили смерть своего начальника без расследования?

— Дело не в этом, — Маадэр поморщился, — В те времена на Пасифе творилось черт знает что. Нападения Консорциума ожидали изо дня в день. Это здорово сказалось на нервах. Лоялисты, мародеры, какие-то психопаты-анархисты, никому не подчиняющиеся отряды планетарной обороны… Скайдеры падали каждый день. Правда, обычно старались подбить те, что перевозили деньги или ценный груз. Скорее всего, Велрод попал под огонь случайно. Кто-то принял его за вкусный кусок, парящий в атмосфере. И этот кто-то оказался вчерашним шахтером с зенитной ракетой в трясущихся от пост-эффекта руках. Вот и все.

— Нелепая случайность? — Нидар прищурился, — Я думал, служба в Конторе отучает людей верить в нелепые случайности, особенно если речь идет о чьей-то смерти.

— Напротив. Она приучает к тому, что вокруг каждого из нас нелепые случайности вьются как мухи над трупом. И если зазеваешься… Велрод был нелегалом, специалистом Конторы по грязным вопросам. Он имел дело с торговцами наркотиками, профсоюзными воротилами, наемными убийцами и продажными политиканами. Добывая информацию для Конторы, сложно сохранить чистые руки. С ним мог свести счеты кто-то из его подельников, агентов или приятелей.

— Но вы так и не выяснили, кто.

— Мы не выяснили, кто, — согласился Маадэр, — Наш отдел и без того потерял слишком многих людей в ту пору. И мы со дня на день ждали, что над нашими головами разверзнется ад. Но я надеюсь, что родственникам покойного полковника Велрода вручили жестяную звезду с какой-нибудь достаточно торжественной надписью.

— Вы знаете, какое задание он выполнял в день своей гибели?

Маадэр задумался, но думал не слишком долго для того, чтоб молчание могло показаться Нидару подозрительным.

— Нет. Он не имел привычки отчитываться перед младшими чинами.

— Ни малейшего предположения?

— У нас хватало работы. Мы выявляли центры сопротивления силам Консорциума, поставщиков оружия, осведомителей, двойных агентов, саботажников…

— Странно, что он не посвящал вас в свои планы, — Нидар

сделал несколько быстрых шагов и вдруг остановился, повернувшись к Маадэру всем корпусом, — Ведь фактически вы были его заместителем на протяжении последнего года его жизни. Ваши бывшие коллеги вспоминают, что между вами и Велродом установились весьма доверительные отношения. По слухам, он готовил вас в преемники.

— Мы часто работали в паре. Это было обычной практикой в нашем отделе. Один ведет, другой страхует. В некотором роде мы были напарниками, несмотря на существенную разницу в возрасте и звании. У Велрода был опыт. Огромный опыт, который он нарабатывал годами по всей Солнечной системе. У меня… у меня было упрямство и нрав молодого бультерьера. Хорошее сочетание.

— Значит, вы ничего не знаете про дела… неслужебного характера, в которых он мог быть замешан?

— Мы были в одной своре, но вы ошибетесь, если решите, что мы с Велродом были друзьями. В Конторе не бывает друзей, как вам известно. Судьба сдает карты не глядя. Могло случиться так, что мне приказали бы ликвидировать Велрода. Или ему — ликвидировать меня. И мы бы это сделали. Привязанности мешают службе. Мы с Велродом много работали вместе, но если вы хотите спросить, знаю ли я что-то о его незаконных делах, я могу ответить только одно — не знаю. Я не говорю, что он ими не занимался. Мы все занимались, так или иначе. Продавали украдкой служебную информацию, подкидывали объедки спецслужбам, бывало, накладывали руку на теневые платежи или шантажировали не в меру зарвавшихся шишек…

— Как ни странно, я верю вам, Маадэр, — Нидар провел пальцем по идеально ровному пробору в волосах, словно проверяя, ни отклонился ли он, — У вас мало достоинств, но инстинкт самосохранения развит отменно. Вы бы не колеблясь выложили все о своем бывшем начальнике, если б это могло спасти вашу жизнь.

— Мертвецы не стоят преданности, — коротко отрубил Маадэр, — А теперь выкладывайте, отчего это вас так озаботил Велрод. Старик оставил наследство, которое вы не можете поделить?

— Да, — Нидар в этот миг показался Маадэру непривычно серьезным, — Одно крайне неудобное и паршивое наследство… Вы когда-нибудь сталкивались с «Сиренью»?

Маадэр неопределенно пошевелил пальцами.

— Похоже на название борделя из Восьмого. Звучит слишком дорого для заведения, которое мне по карману.

— Это не бордель. Это препарат. «Сирень-2», если быть

точным. Тоже не узнаете?

— Био-софт?

— Да. Земная разработка двадцатых годов. Сама по себе настолько секретная, что человек, знающий это название, должен быть ликвидирован по категории «Три-Цэ», наравне с перебежчиками на поле боя или серийными убийцами.

Маадэр кисло улыбнулся.

— Благодарю за доверие. Но нет, мне не приходилось сталкиваться с «Сиренью» ни в каком виде. Как она действует?

Нидар несколько секунд молчал, разглядывая Маадэра с непонятным выражением. Из-за странного свойства его глаз любое выражение, которое возникало на лице агента КНТР, казалось непонятным. Каким-то неестественным, точно его нервная система, рассылая импульсы по волокнам мимических мышц, пыталась механически воспроизвести стандартную человеческую реакцию, но не слишком успешно.

— Как любой био-софт. Попадает в кровь, после чего его активные составляющие проникают в мозг и запускают определенную реакцию. Химическая программа для человеческих нейронов, не более того.

— Я знаю, что такое био-софт, — нетерпеливо прервал его Маадэр, — Я спрашивал о последствиях.

— Они наступают в течении двух-трех минут. Взрывное повышение выработки эритропоэтина, резко увеличивающее содержание гемоглобина в крови и кислородную емкость крови. Стимуляция мышечных рецепторов и увеличение скорости нервных импульсов. Увеличивает энергоснабжение на клеточном уровне, вырабатывая повышенное количество нуклеотидов. Значительным образом поднимает моторику и скорость реакции. Плюс заглушение боли и страха.

— Похоже на обычный боевой коктейль военного образца, — заметил Маадэр, — Мы использовали такие в армии и позже, в Конторе. «Мокша», «Третья луна», «Ноль-ноль». Хорошая штука, даже мертвеца превратит в машину для убийств, но лишь на час или два. Потом наступает отходняк, похожий на самый страшный из пост-эффектов шань-си, превращающий человека в раздавленного слизня. Но пока он не наступил… Черт возьми, я видел, как один парень из нашего взвода после двойной дозы «Мокши» преодолел метров сорок под ураганным вражеским огнем и убил троих — одному снес голову ударом кулака, остальным пальцами распорол животы — при том, что в нем сидело не меньше десятка пуль. Он упал только после того, как его собственная голова превратилась в ошметки после прямого попадания. Жуткая картина, знаете ли. Потом у нас были «Кая

дхату», уже здесь, после падения Юпитера. Эффект помягче, но после них по крайней мере не валяешься пластом двое суток как дохлый кот…

— С «Сиренью-2» вам сталкиваться не приходилось, иначе бы вы запомнили, — многозначительно пообещал Нидар, — Вам, конечно, знакомы и сопутствующие эффекты подобных стимуляторов?

— Вы имеете в виду эйфорию, легкость в теле, галлюцинации?.. Всего лишь побочное воздействие. Организм синтезирует огромные дозы окситоцина, дофамина, эндорфина и серотонина, чтоб смягчить шок и приглушить болевые ощущения. Необходимая мера, чтоб ускоренный метаболизм и реакции не контузили нервную систему.

— И, наверно, вы слышали о случаях, когда стимулирующий био-софт употребляли не для выполнения боевой задачи, а для получения… скажем так — удовольствия?

Маадэр пожал плечами.

— Случалось.

— У «Сирени» эта стадия воздействия выражена еще ярче. Беспричинная радость, эйфория, иногда — зрительные и слуховые галлюцинации. Проще говоря, человек, принявший этот препарат, на какое-то время становится самым счастливым убийцей на свете.

— Есть и третья стадия?

— Есть, — Нидар кивнул, — Но она наиболее короткая. Стремительное разрушение нейронов пневмотаксического центра. Как следствие — паралич дыхательных центров и биологическая смерть через два-три дня.

Маадэр, не удержавшись, присвистнул.

— Не хотел бы я отведать вашего варева.

— Это еще не все, — хладнокровно заметил Нидар, — Во время второй стадии организм, инфицированный нано-агентом «Сирени-2», сам становится его распространителем воздушно-капельным путем. Проще говоря, заражает всех окружающих.

Маадэр недоверчиво уставился на Нидара, но тот явно не относился к тем людям, которых можно смутить взглядом.

— Вы говорите о биологическом оружии.

— Да.

— Точно таком же, что синтезировал «РосХим».

— Есть существенные различия, но по своему предназначению и механизму воздействия они весьма похожи, — согласился Нидар.

— Вы… Стойте, — Маадэр перевел дыхание, потому что обнаружил в себе слишком большое скопление слов, которые

одновременно рвались наружу, не считаясь с объемом его легких, — То есть… Эта ваша «Сирень» — био-бомба, замаскированная под армейский боевой коктейль с ярко выраженными наркотическими свойствами? Конфетка с отравой?

— Конфетка с отравой, господин Маадэр. Вы вполне верно выразились. Ее разработали в конце двадцатых в марсианских лабораториях Консорциума.

— И у нее нет контролируемого механизма распространения? — недоверчиво спросил Маадэр, — Нет программируемого ошейника?

— Нет. Подобные технологии появились гораздо позже. У «Сирени» нет искусственных сдерживающих факторов, лишь естественные, которые постепенно глушат волну распространения спустя достаточно продолжительное время. По расчетам военных нейро-биологов, одна такая конфетка, как вы выразились, в обитаемом мире с плотностью населения как на Пасифе, станет причиной трех-четырех сотен смертей в течение следующего же часа.

Маадэр ощутил сухость в горле. Психосоматика, должно быть, Вурм не стал бы сушить без причины его слизистую.

— Велрод, — даже голос Маадэра прозвучал как скрежет несмазанных шестерней, — Сколько при нем было этой дряни?

Нидар взглянул на Маадэра с удивлением. Точнее, весьма талантливо изобразил это чувство своим невыразительным рыбьим лицом.

— Как вы догадались, что Велрод имел отношение к «Сирени»?

— Сложил два и два, — огрызнулся Маадэр, — Надо быть полным идиотом, чтоб не догадаться, к чему вы ведете. А идиотов на службу в Контору не берут. Сколько при нем было?

— Триста, — мягко произнес Нидар, — Три сотни доз.

«Рекомендую начать дышать, — проворчал Вурм, во время разговора не выдававший своего присутствия, — Я не могу снабжать твой мозг кислородом, если ты перестанешь втягивать воздух».

«Прости, я задумался».

«Есть о чем подумать».

«Еще недавно мне казалось, что „РосХим“ вырастили в своей лаборатории чудовище. Теперь же вижу, что по сравнению с варевом Конторы это были лишь тепличный ландыш. У игрушки Макарова хотя бы был механизм контроля и самоликвидации, ограничивающий нейро-эпидемию. Да эта штука может запросто выжечь половину Пасифе!».

Презрительная усмешка Вурма поцарапала своды его черепа.

«Я был бы тронут твоей сентиментальностью, хозяин, если бы доподлинно не знал, что центры сочувствия в твоем мозгу давным-давно превратились в кисты. Тебе плевать на население Пасифе, так ведь?»

«Допустим. Мною движет инстинкт самосохранения. Если на Пасифе разразится эпидемия, я хотел бы прочитать об этом в газете, а не наблюдать лично».

«А еще ты ничуть не удивился тому, что Контора стояла за разработкой био-оружия. Того самого, за которое полагается смертная казнь на всем пространстве юрисдикции Земли».

«Ты искал в моей крови следы гормона удивления? — буркнул Маадэр, — Будь уверен, ты его не обнаружишь. Я знаю, что такое Контора, Вурм. Я знаю методы, которыми она работает. Я сам на нее работал, черт возьми».

«Слишком напыщенно звучит. Скорее, ты был ее мелким манипулятором. Одним из многих тысяч».

Маадэр не стал спорить со своим внутренним голосом.

«Пусть так. Мне отлично известны грязные методы Конторы. Отчасти потому, что нередко я сам был их исполнителем. Нам приходилось заниматься многими вещами, в память о которых едва ли учредят почетные ордена. В интересах Консорциума Земли, разумеется. Нам приходилось ликвидировать людей, которых мы даже не знали — просто потому, что подозревали их в работе на службы безопасности Юпитера. Нам приходилось устраивать взрывы и теракты — чтоб обвинить в этом других или устранить побочную угрозу. Мы еще мы непрерывно лгали, предавали, доносили, пытали, похищали, мошенничали и заметали следы».

«Мы? Ты и Велрод?»

«Я — и все остальные. Мы думали, что Велрода шлепнули потому, что он потихоньку приторговывал на черном рынке Пасифе оружием. Тем самым, что Контора конфисковывала у подпольных ячеек самообороны и сумасшедших анархистов. У каждого из нас были дополнительные статьи доходов, которые мы не включали в декларации. Возможно, Велрод просто забыл с кем-то поделиться или перешел черту. Когда ты занимаешься подобными делами, нельзя зарываться».

«А теперь ты узнал, что твой бывший шеф наложил лапу на что-то несоизмеримо более опасное, чем пара ящиков со старыми стволами. И немного смущен».

«Смущен, — согласился Маадэр, — Но не этим, а тем, что Нидар мне это рассказывает. Он уже наговорил на три-четыре смертных приговора. Не считая того, что висит на мне со дня… выхода на пенсию».

«Ты нужен ему».

«Боюсь, что так».

Нидар стоял в стороне и молча наблюдал за Маадэром.

— Внутренний разговор, полагаю? — вежливо осведомился он, — Я не стал прерывать.

— Э?..

— Ваш мозговой паразит, — Нидар мягко коснулся пальцем лба, — Мне рассказали, что в вашем случае, образовав симбиоз с поврежденной и нестабильно работающей нервной системой, он стал следствием перманентных галлюцинаций и фактически повлек раздвоение личности…

— Речь не о нем, — Маадэр нетерпеливо мотнул головой, — Я хочу знать все о Велроде и «Сирени».

— Она была при нем в день его смерти. Все триста доз.

— Это невозможно. Я сам принимал участие в обследовании места крушения. Скайдер Велрода упал с большой высоты, уже горящим… На его борту не осталось предметов крупнее тарелки. Самой большой частью самого Велрода была кисть руки… Мы были там первыми, я и ребята из отдела. Но я не нашел никаких следов контейнера с био-софтом. Триста доз не спрячешь в кармане. Должен быть контейнер, емкость, хранилище. Хотя бы его фрагменты или куски. Но ничего подобного мы не находили. Тогда у меня не возникало вопросов на этот счет. Мы ничего не знали про «Сирень». Зато вопросы возникли у меня сейчас. И первый из них — почему она оказалась у него?

Нидар мягко улыбнулся ему.

— Мне кажется, вы и так знаете ответ на этот вопрос.

— Дьявол… Знал, но хотел ошибиться. Эта «Сирень» ведь не просто так выросла на Пасифе, верно?

Нидар вздохнул и некоторое время смотрел в сторону без всякого выражения. Словно в этот момент сам диалог с собственным мозговым паразитом.

— Тогда, в двадцать восьмом, даже Контора не знала, как обернется судьба Пасифе. Консорциум, сосредоточив на орбите штурмовой флот, тянул, и мы тоже тянули, пытаясь предугадать все варианты, включая самые неприятные. Пасифе вполне могла превратиться не в финансовый оазис планетарного масштаба, в груду шлака и радиоактивного пепла, если бы исполнительный директор Консорциума Земли отдал соответствующий приказ.

— И вы сочли за лучшее подготовиться ко всем вариантам сценария, — язвительно заметил Маадэр, — Запасти на Пасифе небольшой арсенал био-оружия, чтобы при случае пустить его в ход. Выжечь местное население без всяких плазменных батарей и орбитальных залпов.

Нидар не выглядел смущенным. Он и не был смущен.

— Согласно секретному приказу КНТР, мы должны были запустить «Сирень» в случае, если вооруженные силы Пасифе предпримут активное военное сопротивление флоту Консорциума. Метод был заранее отработан. Эти триста доз должны были быть распределены по арсеналам сил планетарной обороны.

— Разумно, — одобрил Маадэр, — В те времена боевые коктейли были на вес платины. Ваша «Сирень» нашла бы рынок сбыта, если не среди солдат, то среди ищущих кайфа нарков или лепров.

— Карта не сыграла, — Нидар поморщился, — Консорциум предпочел решить дело миром. Партия «Сирени-2» несколько лет хранилась в секретном тайнике на поверхности Пасифе, в любой момент готовая к использованию. Контора умеет быть терпеливой, как вам известно. Пять лет спустя, в тридцать третьем, стало окончательно ясно, что держать здесь подобный арсенал бессмысленно. Движение сопротивления оказалось слишком вялым и малоэффективным, чтоб применять против него столь серьезное оружие, как «Сирень». К тому же, многие руководители Конторы не без оснований нервничали, зная, что эта штука ждет где-то, законсервированная, своего часа. Было принято решение об утилизации груза.

— Прямо на Пасифе?

Нидар усмехнулся одной стороной рта.

— Не везти же его на Землю?.. Задание по утилизации было поручено самому опытному оперативному агенту КНТР на Пасифе, полковнику Велроду. С правом привлечения других исполнителей, если по завершению задания он гарантирует их устранение. Но Велроду не нужны были помощники. Он вызвался все сделать собственноручно. И через несколько часов после этого превратился в груду обожженной плоти.

— И вы не озаботились поиском био-софта?

— Будьте уверены, озаботились. Но не нашли ни единого следа. Велрод не посвятил в суть своего задания ни коллег, ни нелегальных агентов, которые на него работали. Да, мы перебрали их всех — и всех устранили. «Сирень» исчезла бесследно.

— До сегодняшнего дня, — спокойно заметил Маадэр.

Его неприятно удивило то, что водянистый невыразительный взгляд Нидара может превращаться в неприятный и пристальный. В переносицу точно ткнули раскаленной и ледяной иглой одновременно.

— Откуда вам это известно?

Маадэр поднял пустые ладони.

— Полегче, не пальните с перепугу. Просто предположил. И дураку понятно, что Контора не случайно озаботилась поисками подходящей кандидатуры. «Сирень» уже расцвела на Пасифе, так ведь?

Пристальный взгляд Нидара смягчился. Но приятным от этого не сделался.

— Четыре дня назад.

— Где?

— В Девятом. Трущобы. Жандармы зафиксировали ненасильственную смерть какого-то бродяги — паралич дыхания невыясненного генеза. Они бы не обратили внимания на такой случай, если бы в течении следующих трех дней в морг не поступило бы еще двадцать восемь человек с тем же диагнозом. Мы получили образцы и провели вскрытие нервной ткани. Это «Сирень». Судя по всему, активирована была одна доза, иначе тела уже вывозили бы из Девятого товарными вагонами.

— Контора, конечно, позаботилась о прикрытии своих грязных следов? — поинтересовался Маадэр.

— На какое-то время. Можно блокировать информацию на счет нескольких десятков покойников. Но на счет нескольких сотен или тысяч… Если «Сирень» распустится, городу не нужны будут газеты или слухи, чтоб об этом узнать. Город увидит это воочию.

От того, как спокойно Нидар это сказал, Маадэра передернуло.

— Значит, кто-то, кто увел «Сирень» у мертвого Велрода, почему-то решил, что настало время опустить росток в землю?

Плечи Нидара приподнялись на полсантиметра — едва выраженный признак напряжения.

— Вероятно. В данный момент Контора перерывает зловонное дно Пасифе, отыскивая всех, кто может быть причастен к этому. Уцелевших мятежников и террористов, отставников Конторы, просто случайных анархистов и безумцев. И пока безо всякого успеха. Тот, кто оказался достаточно умен, чтоб похитить сверхсекретный груз и убить одного из самых опытных агентов КНТР, не собирается выходить на свет. И хуже всего то, что мы не знаем ничего касательно его намерений. Что это, трагическая случайность или осмысленный теракт? Месть или тонкий расчет?

— Как на счет пробы сил? — Маадэр ухмыльнулся, с удовольствием отметив, что его ухмылка явно неприятна Нидару, — К примеру, ваша сверхсекретная отрава попала в руки мятежнику, стороннику независимости Пасифе от Консорциума. Несколько лет она лежала у него в кармане, пока он, отчаявшись

в прочих методах, не решил скормить вам же вашу разработку.

— Нелогично, — кратко ответил Нидар, — Люди погибли на Пасифе. Если его цель причинить неприятности Консорциуму, в его распоряжении было бы множество целей — Марс, Венера, Нептун, Земля наконец…

— Что означает сотня-другая смертей для фанатика? Зато сейчас, убедившись в том, что в его руках оказалась действительно смертоносная игрушка, ваш террорист вполне может попробовать пустить ее в дело по-серьезному…

Нидар хлопнул ладонью по стене. И пусть рука его выглядела мягкой и студенистой, вложенной в удар силы было вполне достаточно для того, чтоб переломать кому-нибудь шейные позвонки. Какую бы роль ни выполнял Нидар во всемогущей Конторе, обычным деловодом он определенно не был.

— Наш аналитический отдел выстроил уже десятки теорий. Но в каждой из них слепых пятен больше, чем дендритов у нейрона. Можно даже предположить, что нынешний собственник био-софта не представляет, что именно попало ему в руки и распродает «Сирень» как боевые смеси или наркотические коктейли.

Маадэр цокнул языком.

— В таком случае я на вашем месте отчаянно надеялся бы на то, что он окажется паршивым бизнесменом. На Пасифе наркотики, особенно довоенного образца — ходкий товар. Он сможет продать всю партию в пару дней.

— У нас нет пары дней, — твердо сказал Нидар, глядя в глаза Маадэру, — Все оперативные агенты Конторы сейчас перекапывают Пасифе вдоль и поперек. Все законсервированные много лет назад информаторы и спящие агенты призваны на службу.

— Значит, так и выглядит Страшный Суд, — Маадэр усмехнулся, — Призраки вроде меня возвращаются с того света. Мертвецы вновь становятся под ружье.

— Верно. Дезертиры, убийцы и военные преступники — списанные, уволенные, осужденные, приговоренные… Добро пожаловать на службу, господин Маадэр. Или господин Йенч. С этого момента вы вновь работаете на Консорциум Земли.

Маадэр издал короткий нервный смешок.

— Замечательно. В каком качестве? Надеюсь, дезертирство не считается основанием для прерывания стажа? Я ведь могу претендовать на звание подполковника по выслуге лет?..

— Не паясничайте, — брезгливо одернул его Нидар, — Вы не в том положении. И вы больше не агент. Я нанимаю вас как мерценария, как ищейку в трущобах этой отвратительной

планеты, если угодно. У вас нет никаких полномочий агента, только собственный нюх и собственная наглость.

— Не привыкать. Я привык работать в свободном режиме. Но я пока не знаю, на что я наткнусь, идя по следу «Сирени». Мне может потребоваться помощь Конторы.

Нидар покачал головой. Сантиметр налево, сантиметр направо.

— Ни помощи, ни связи, ни поддержки. Считайте это контрактом мерценария, который заключен с самим Консорциумом.

— Ну разумеется, — Маадэр плотоядно улыбнулся, — Вы ведь не хотите, чтоб я стал связующим звеном между Консорциумом Земли, благородно принявшим под опеку мятежный Пасифе, и смертельно опасным био-оружием.

Он рассчитывал хотя бы отчасти вывести Нидара из состояния душевного равновесия, но тот лишь поморщился.

— Вы ищете био-софт на свой страх и риск, собственными методами. А Консорциум со своей стороны не интересуется их законностью.

— Он и раньше не особо-то интересовался… — пробормотал Маадэр вполголоса, — Но считайте, что условия сделки я принимаю. Цена контракта, насколько я понимаю, не обсуждается?

— Не обсуждается, — подтвердил Нидар, — Находите «Сирень» или человека, который ей владеет — и получаете билет до любой планеты Солнечной системы на выбор.

Маадэр небрежно поковырял пальцем в зубах.

— А если не нахожу, отправляюсь под трибунал как дезертир и предатель.

— Приятно иметь дело с сообразительным и опытным человеком, — ни в глазах, ни в голосе Нидара не было и намека на сарказм, — Это здорово экономит время. Имеете просьбы или пожелания?

— Только одно, — Маадэр выставил указательный палец, — Мне нужна оперативная свобода. Никаких отчетов, никаких контактов с вашей стороны, никакого сопровождения. Проще говоря, никакого контроля со стороны Конторы.

Водянистые невыразительные глаза Нидара мягко засветились.

— Вы преступник, Маадэр. И один из самых скользких на Пасифе. Неужели вы думаете, что Контора отпустит вас на все ветра, не пытаясь контролировать исполнение контракта?

— Мне будет достаточно тяжело таскаться по городу с вашим хвостом. Допускаю, что у вас есть толковые ребята в местном

отделе, но это не Тритон и не Венера, Евгений Яковлевич, тут посторонний привлекает внимание через секунду после своего появления на улицах. А через две секунды он уже лежит с аккуратной дыркой между лопаток. Такие уж здесь нравы… Я и прожил здесь так долго только лишь потому, что здорово научился в них разбираться. Кстати, электроника тоже отпадает. Даже самый маленький «жучок» вызовет у меня через полчаса жуткую мигрень.

— На вас нет аппаратуры, да вы и сами, наверно, можете это почувствовать.

Маадэр несколько секунд озадаченно размышлял. Нидар молча наблюдал за ним.

— Пытаетесь понять, как мы будем вас контролировать?

— Э?.. Ну, да. Что-то вроде того. Не в привычках Конторы выпускать пташку из клетки.

— Никак. Как я уже сказал, вы полностью свободны в выборе действий и методов. Вы вольный мерценарий, которому не нужны отчеты и заверенные руководством планы. Полная свобода. Только в этом случае вы будете эффективны в полной мере.

— Интересно.

— И, конечно, вы хотите знать, каким образом мы заставим вас действительно заняться этим делом, не имея гарантий, что вы не шмыгните в ближайшую щель и не пропадете бесследно?

— Была, признаться, такая мысль.

Нидар вздохнул.

— Я специалист по чтению мыслей. У людей вашего типа, Маадэр, мысли всегда одинаковы. Так вот, никто не собирается вас контролировать или за вами следить. Вы сами в первую очередь будете заинтересованы в том, чтоб выполнить контракт.

— Серьезно?

— А я выгляжу недостаточно серьезно? Вы в западне, Маадэр, и сами это сознаете. Несколькими днями раньше вы умудрились впутаться в одно очень неприятное дело и тоже из-за био-софта. Именно поэтому вы столь поспешно пытались покинуть Пасифе при помощи наспех сделанных фальшивых документов.

Маадэр поморщился.

— Я бы назвал это коллизией корпоративных интересов.

— У Конторы есть свои уши во многих корпорациях. «РосХим» серьезно встревожен. Он потерял одного из своих лучших людей по безопасности. Плюс некоторый ущерб для репутации. «РосХим» стягивает на Пасифе боевиков. Специалистов по поиску и уничтожению. Не тех мальцов с пистолетами, которых вы раскидали. Профессионалов. Скоро на улицах Восьмого их станет больше, чем бродячих собак. Вы ведь

догадываетесь, что они с вами сделают, когда найдут?.. А они найдут, рано или поздно. Кроме того, остается «Чимико Вита», у которой к вам также скопилось немало вопросов. Намек понимаете?

— Дурак бы не понял, — проворчал Маадэр.

— Отлично. Помните, мы не контролируем вас. И мы не контролируем Пасифе. Ни одна сила во вселенной не может контролировать Пасифе. Но мы контролируем выход отсюда. Бутылочное горлышко. Не выполните контракт — горлышко останется закрыто. Вы не покинете Пасифе, даже если попытается пробраться нелегалом на какой-нибудь рудовоз. Космопорт в наших руках, помните об этом.

— А если выполню, получу билет класса «люкс»?

— И вернете обратно свои тридцать тысяч.

Маадэр слушал молча, не глядя на собеседника. Ощущение беспомощности зудело как огромный только что лопнувший ожог, мешая связно мыслить. А это сейчас было необходимо.

— Будьте уверены… — Маадэр поднялся и потер затекшие икры, — Связь?

— Никакой, — Нидар покачал головой, — Считайте, что действуете в полностью враждебной обстановке и без прикрытия. Когда возникнет необходимость, мы свяжемся с вами.

— Я могу идти? — уточнил Маадэр. Воздух запертого помещения сейчас казался особенно душным.

«Это не воздух, это заканчивается эффект шань-си, — подумал он, — Надо выбраться отсюда, пока хоть что-то соображаю».

Пост-эффект подходил к концу. Неприятное ощущение в висках превращалось в настоящую пытку — теперь невидимые стрелы электромагнитного поля Маадэр воспринимал как скрежещущую в голове фрезу, вгрызающуюся в череп изнутри.

— Один момент! — Нидар запустил руку во внутренний карман пиджака и, когда вытащил ее, на его узкой ладони мягко серебрился револьвер с коротким стволом. Маадэр узнал свой «Корсо», — Кажется, это ваше имущество.

Маадэр осторожно протянул руку, опасаясь подвоха, но Нидар беззаботно передал ему оружие рукоятью вперед. Привычный вес револьвера на мгновенье смутил Маадэра — тот был заряжен.

«Чего ты ждешь? — шепот Вурма родил покалывание в позвоночнике, — Это не йоки и, кажется, он не вооружен. Ты успеешь выстрелить первым».

«С него станется извлечь порох из патронов, — мысленно ответил Маадэр, убирая револьвер в кобуру, — Этот человек, кем

бы он ни был, умен и опасен. Если бы я мог хоть как-то угрожать ему, этого разговора бы не случилось».

«Поэтому ты примешь все его условия и уберешься отсюда как крыса с прищемленным хвостом?».

«Именно. И я постараюсь быть очень быстрой и осторожной крысой».

— Считайте, что вы меня наняли.

— Я был уверен в этом с самого начала, — Нидар улыбнулся ему одними губами, — Ступайте, Маадэр. Выход вы отыщете без труда.

За дверью обнаружилось другое помещение, такое же тесное и облупленное, как его камера. Ржавые прутья арматуры, толстый слой пыли на полу… Не было ни вооруженных людей, как ему представлялось, ни камер. Не было вообще ничего, кроме пустых каменных стен и злого шипения ветра снаружи. Это почему-то смутило и разозлило Маадэра. Ни зловещих фигур с серебристым блеском револьверов в руках, ни оперативников КНТР в матовых пластинчатых бронежилетах.

Все это время никто не охранял Нидара, не стоял у него за спиной, не держал опасного собеседника на мушке. Он работал без страховки, точно с самого начала знал, что ему ничего не грозит. Как работает в клетке дрессировщик тигров, хладнокровно и с полным осознанием того, что кровожадный зверь ничего не сможет ему сделать. Ловкий расчет. Хищник, видя, что жертва его не боится, начинает относиться к ней с настороженностью. Не понимая ее мыслей, но чувствуя внутреннюю силу непонятной природы, он в конце концов сам теряет волю и начинает испытывать перед дрессировщиком подсознательный страх.

Именно это и ощутил Маадэр, выходя в промозглые холодные сумерки Пасифе и оставляя за спиной человека с безразличным и бесцветным взглядом, человека вялого, непримечательного и не производящего особого впечатления.

Страх.

3

Восьмой принял Маадэра равнодушно и холодно, окатив холодным светом автомобильных фар, промочив дождем и пропитав кислым едким фабричным запахом, от которого легкие немилосердно саднили, словно пытаясь съежиться внутри грудной клетки. Это был тот город, с которым Маадэр уже успел проститься и который надеялся больше никогда не увидеть, разве что в виде пятна грязного света через иллюминатор взлетающего орбитального челнока.

Восьмой не торжествовал победу, не пытался насладиться унижением своего блудного сына, вернувшегося обратно без денег и в мокром плаще, пошатывающегося от накатывающих электромагнитных сполохов. Но не потому, что был добр к своим сыновьям. По своей природе Восьмой не испытывал никаких чувств, даже злости. Его дети были сотнями тысяч тон протоплазмы, беспрерывно циркулирующей в его агонизирующем, пронизанном кабелями-нервами теле.

Маадэр брел по улице, спрятав руки в карманы и пытаясь укрыть воротником подбородок. Восьмой равнодушно наблюдал за ним провалами окон, которые казались развороченными бубонными язвами на фоне изменчивых неоновых миражей, мерцающих на фасадах домов. Мимо него шли люди, которых он почти не замечал, даже если те задевали его плечами, тянулись кварталы — то ярко освещенные, наполненные рвущими слуховые нервы ритмами, то мрачные и молчаливые, похожие на угрюмые тысячелетние некрополисы, полнящиеся сухими костьми.

Вцепившись в фонарный стол, визжал в наркотическом трансе какой-то мужчина, судя по удивительно пристойному для этой части города костюму, корпоративный служащий или мелкий чиновник. Раскачиваясь и подвывая в пароксизме непонятного блаженства, он, скорее всего, даже не ощущал того, что его собственные глаза превратились в разбухшие, сочащиеся темной жидкостью, опухоли, выпирающие из глазниц. Гемофтальм, кровоизлияние в стекловидное тело, частый спутник некачественного корейского био-софта. Мужчина даже не подозревал, что ослеп, а если бы кто-то ему об этом сказал, не обратил бы внимания. Он казался дрожащей струной, пытающейся вплестись в невидимую мелодию, текущую в душном низком небе Восьмого, мелодию жуткую, беззвучную и гипнотизирующую.

В залитой неоновым светом витрине крутились, изгибая

фальшивые тела из синтезированной плоти, проститутки. Черты их, призванные быть завлекательными и манящими, выглядели столь гипертрофированно и неестественно, что вместо похоти зачастую вызывали лишь брезгливое удивление. Молочные железы казались огромными опухолями на тощих, обтянутых желтоватой кожей, телах. Суставы скрипели в такт движениям, точно изношенные механические узлы, по обнаженным лодыжкам струились разбухшие вены — верный признак нарушений кровообращения вследствие угнетенного метаболизма.

Никто из них не обратил внимания на Маадэра. Никто не взглянул на него. Никто не окликнул. Здесь, в этом городе, он не выглядел чем-то чужеродным, неестественным, напротив, здесь он был на своем месте. И ощущал себя так же.

— Я часть Восьмого, — пробормотал Маадэр, невидящим взглядом уставившись себе под ноги, — Плоть от его гнилой плоти. Кровь от его отравленной крови. Куда мне лететь, Вурм? Здесь мой дом. И он не хочет отпускать меня.

«Заткнись, — зло бросил Вурм, — И прими свое лекарство, если не хочешь сойти с ума прямо здесь. Я не собираюсь собирать твой мозг воедино, если его разорвет на части…»

Вурму было больно. Он корчился от электромагнитных вспышек видимого и невидимого спектра, скрежетал несуществующими зубами и посылал по спинному мозгу Маадэра раскаленные импульсы. Слишком много электроприборов вокруг. Слишком много автомобилей. Слишком много машин.

«Сейчас. Потерпи немного».

Маадэр на ходу достал склянку, вытащил пробку и, коротко вздохнув, вытряхнул на язык большую густую каплю. Шань-си быстро растворился, оставив тонкий, едва уловимый привкус чего-то сладко-соленого, похожего на кровь из разбитой губы.

Хороший товар, стоит своих денег… Мир, еще мгновенье назад бывший темным и угрюмым, пронизанный стальными нитями ледяного ветра, мечущегося между выщербленными зубами домов, стал меняться. Внешне он оставался прежним, но что-то вдруг возникло в нем, что-то невидимое, беззвучное, но ощущаемое новым, не имеющим ничего общего со зрением или обонянием, чувством. Точно в него вплелись тончайшие золотые нити, скользящие сквозь материю подобно извивающимся солнечным лучам. Они издавали гул, от которого в теле рождалась приятная истома, превращающаяся в теплый пот на груди.

Маадэр облизал губы, показавшиеся вдруг пересохшими, и с полминуты позволил себе стоять, запрокинув голову, ощущая как золотые нити вплетаются в его тело, в трухлявые кости и

безвольные мышцы. Самые прекрасные секунды, которые дарит шань-си.

Потом он с сожалением сказал:

— Вурм, блокируй.

«Надо ли?» — с неудовольствием отозвался тот. Вурм ощущал то же, что и он, но в совершенно других красках, не имеющих ничего общего с человеческими ощущениями. Но Вурм и не был человеком.

«Да. Если этого не сделать, я на несколько часов превращусь в безвольно растекшуюся медузу. А мне нужна голова на плечах, и хорошо работающая голова».

«Понял. Сейчас обрежу».

Гул пропал. Золотые нити, блеск которых уже стал явственным, угасли. На несколько секунд навалилась тошнота, под языком выступила горечь. Но Маадэр знал, что это можно вытерпеть.

«Готово. Никакого кайфа, но и никакой боли в ближайшие двенадцать часов».

— Подходит. Хоть я и не уверен, что двенадцати часов мне хватит.

«Тебя обманули, дурак, — проскрежетал Вурм с отвращением, — Безоружный человек напугал тебя, а потом взял на поводок. Так легко, что ты и дернуться не успел».

— Он вербанул меня, — проворчал Маадэр. В оглушительно клокочущем человеческом потоке не было нужды поддерживать мысленный диалог, — Точно так же, как я сам, бывало, вербовал других, когда работал в Конторе. Вербовка — это штука сродни сложному нейро-коктейлю с определенными дозировками. Немного надежды, немного страха, немного намеков… Впрысни в центральную нервную систему — и через минуту в твоих руках будет подрагивающая безвольная туша, согласная на все.

«На тебя было противно смотреть. Ты был похож на слизня. Мгновенно согласился на сотрудничество, еще и взял безнадежный контракт».

— Он был весьма убедителен.

«Ты даже не уверен в том, что он действительно из Конторы!».

— Ему не было необходимости демонстрировать жетон, Вурм. Поверь мне, он не самозванец. Этот Нидар, кем бы он ни был, и как бы его не звали на самом деле, опасная тварь. Знаю этот тип людей. Когда я смотрел на него, у меня кровь стыла в жилах, несмотря на его улыбочку. Никогда не любил иметь с такими дела, но сейчас, похоже, и выхода нет.

«Ты собираешься искать его пропавший товар?»

— Похоже на то.

«Ты идиот, — проскрежетал Вурм, Маадэр ощутил короткий болезненный укол в затылок, — Он совершенно запудрил тебе голову! Нам надо убираться отсюда! Прочь с Пасифе! В какие бы игры не играла Контора здесь, выиграет не тот, кто сорвет банк, а тот, кто первым смоется из-за стола!»

Маадэр остановился на перекрестке и некоторое время глядел на ржавую, обвитую слизкими пятнами плесени, сливную решетку.

— Легко противостоять тому, кто хочет тебя напугать. Легко спорить с тем, кто хочет тебя обмануть. Страх и ложь и деле вербовки — всего лишь инструменты. Но самый опасный из них — правда. Правда — это самое опасное оружие в арсенале любого агента, Вурм. Нидар использовал против меня правду.

«Что это значит?»

— Когда он говорил о том, что меня обложили, он не лгал. Мы оба понимали это. Пасифе лишь кажется большим, как только «РосХим» и «Чимико» возьмутся за меня всерьез, он мгновенно съежится, не оставив мне свободного места.

«Ты сам говорил, что в Девятом есть надежные места, в которых можно пересидеть опасность».

— Такие места стоят хороших денег, — вяло возразил Маадэр, вытирая подошву ботинка о край бордюра, — Ты забываешь о том, что их-то теперь у нас и нет. С тридцатью тысячами, возможно, я мог бы найти подходящее убежище на пару лет, но с пустыми карманами можно прятаться только в помойке. И, как ты знаешь, у меня неподходящая репутация чтобы просить услуги авансом.

«Это верно».

В тесном переулке, негромко переговариваясь, стояли несколько проституток. Похуже тех, что извивались в витринах, но и подешевле. Маадэра окликнули, ему показали кое-что из имевшегося в наличии, ему предложили нескучно провести пару часов, но он молча покачал головой, и повторного предложения не последовало. Учитывая его внешность, ему редко предлагали что-то дважды, по крайней мере, на улицах. Когда случались деньги, Маадэр пользовался подобными услугами, но обращался к специалистам, хоть и стоило это ощутимо дороже. За две сотни рублей внешность теряет свое значение. Молодые мальчики стоили еще дороже, развлечение не на каждый день, но иногда он мог позволить себе и это. Маадэр вздохнул — приятные мысли вели его не в ту сторону.

В соседней подворотне, столпившись и обмениваясь квакающими звуками, похожими на шлепки чего-то мягкого по

металлу, беседовали несколько лепров. Лепров можно было узнать по запаху, от которого Маадэра всегда передергивало, по тошнотворному запаху тронутой некрозом плоти, обвисшей на этих отвратительных подобиях человека. Он видел блеск глаз и отсвет на багровой, бесформенно вздувшейся коже лиц, напоминающей одну огромную, сочащуюся влагой, опухоль.

Лепры выползали на улицы ночью, солнечный свет, даже размытый и преломленный ядовитой атмосферой Пасифе, был им невыносим, обжигая ультрафиолетом кожу, и так похожую на один огромный ожог, и причиняя дополнительные страдания. Лепры были несчастными детьми Девятого, гниющими заживо потомками тех, кто испробовал на себе скверный био-софт первого поколения, генетический мусор в получеловеческом обличье. Беспомощные, слабые, отвратительно пахнущие, они собирались небольшими группами в темных закоулках Девятого или в подвалах, где беседовали на своем шлепающем языке, торговали продукцией черной фармакопеи и информацией или сидели, блаженно уставившись гноящимися глазами на звезды, находясь под оглушающей дозой наркотиков.

Утром все они исчезнут, как порождения ада, спугнутые солнцем, оставив после себя то, что обычно оставляет ночь в Девятом — россыпи гильз, осколки ампул, тряпье и бурые потеки на земле, притягивающие деловито жужжащих ленивых мух. Но ночью было их время.

Отсутствие шляпы было досадным — Маадэр то и дело поднимал руку чтобы привычно поправить поля, надвинув их на лицо, но встречал пустоту. Однако пенять ребятам Нидара за то, что они не прихватили и шляпу, было глупо. Кроме того, она наверняка потеряла пристойный вид…

Попрошайка с отвратительной язвой на щеке сунулся было к Маадэру, лепеча что-то заплетающимся языком, но тот предостерегающе выставил ладонь:

— Прочь!

Некоторые попрошайки имели привычку держать под лохмотьями нож или грубо заточенный штырь. Может, поэтому благотворительность в Девятом так и не стала распространенным явлением. Немногим дальше обнаружилась пара молодых уличных охотников — рваные засаленные плащи, черные платки на шеях, напряженные, деланно расслабленные позы. Маадэра они изучали исподтишка, но с явным интересом — он был одет несколько опрятнее обычных обитателей Девятого, но видимо не был похож на ту добычу, которая готова сама поделиться содержимым своих карманов. На всякий случай, подойдя поближе, Маадэр негромко обронил:

— Не советую.

Охотники сделали вид, что не услышали, но сразу поскучнели. Возможно, не стоило их останавливать, подумал Маадэр, не останавливаясь, может, стоило заманить их в переулок и там хорошенько обследовать. Впрочем, опыт подсказывал ему, что добыча в этом случае едва ли будет богаче пары ржавых пистолетов да ветхой одежды, годной разве что на тряпки. Нет, на улицах денег быстро не заработать. А деньги были нужны, хоть какие-то. Деньги открывают двери, закрывают рты и совершают множество других, очень полезных действий.

«Куда мы идем?»

«Не знаю. Кажется, мы просто гуляем, ожидая, пока мне в голову не придет какая-нибудь дельная мысль».

«Долго же нам придется гулять».

«Спрячь свое остроумие поглубже, старый ехидный червь».

Минуту или две Вурм молчал. Потом спросил:

«Ты знаешь, с чего начинать?»

«Для этого мне надо знать, с чем мы имеем дело. Если собираешься охотиться на медведя, нет смысла обшаривать заячьи норы. А я понятия не имею, с чем мы можем столкнуться».

«Не лги мне, — прошипел Вурм откуда-то из темного угла мозга, — Я же знаю, о чем ты думаешь. Ты уже начал строить теории. Расскажи мне».

«Мои теории не стоят кислорода и энергии, которые потребляет мой мозг на их создание. Я не знаю, кто убил Велрода, не знаю, у кого находится эта чертова „Сирень“, не знаю мотивов, причин, обстоятельств…»

«Ты не думаешь, что его убили нарочно, ведь так?»

«Не думаю, — согласился Маадэр, — Велрод был старым опытным хищником, куда более старым и опытным, чем я сам. И куда более жестким, если требовалось. Он бы не позволил какому-то нечистому торгашу или поставщику наркотиков превратить себя в кусок обгоревшего мяса. При всех своих недостатках он был превосходным тактиком и уничтожал любую возможную угрозу еще до того, как та успевала возникнуть. Но профессионалов сплошь и рядом уничтожают дураки. Те, которые действуют вслепую, без четкого плана, полагаясь лишь на слепую удачу и неожиданность, а не множество прогнозируемых факторов. Велрод вполне мог стать жертвой такого дурака. Накануне войны зенитный комплекс раздобыть было не сложнее, чем сейчас ящик контрабандного рома. И чем больше я думаю о судьбе Велрода, тем сильнее склоняюсь к мысли о том, что кто-то наудачу сшиб его скайдер вместе с содержимым. Попросту чтоб полакомиться уцелевшим грузом».

«А ты, кажется, действительно уважал его», — задумчиво произнес Вурм.

«Он научил меня всему, что я знаю. Меня в Конторе прозвали Куницей. Он же всегда был волком. Матерым, опытным волком. Мудрым и кровожадным одновременно. Он бы далеко пошел, Вурм. Возможно, когда-нибудь он мог бы стать руководителем всего юпитерианского отдела. Но судьба уготовила ему другое. Даже если ты быстр, решителен и смертоносен — что толку, если ты висишь на высоте в несколько километров, сжатый в огромном стальном яйце, а снизу к тебе приближается в мантии реактивного выхлопа сама смерть?..»

«Ты пафосен до отвращения».

«Это все шань-си… Итак, я думаю, что это любители. Они сбили скайдер Велрода и, конечно, успели поживиться его остатками до нашего прибытия. Возможно, в их руки попал не весь био-софт, полагаю часть его все же была уничтожена при падении. Но будем исходить из худшего…»

«И эта банда жадных шакалов, получив целый контейнер био-софта, оставила его в запасе на несколько лет? Не сожрала сразу же, не продала…»

«Да, это выглядит странно. Может, это был запас на черный день. Или софт несколько раз менял владельцев, на Пасифе это случается сплошь и рядом. Но, судя по тому, что „Сирень“ недавно внезапно зацвела, эта дрянь всплыла на поверхность где-то в городе. Надо сосредоточиться на том чтобы нащупать ее местонахождение. Ее — и ее владельцев».

«Варианты?»

«Какие варианты у уличного ублюдка, в руках которого оказалось целое состояние, пусть и в виде странных маленьких склянок?»

«Торговцы».

«Молодец, Вурм. Я вижу, что ты не зря жрешь мой мозг столько лет. Торговцы. У братьев Ерихо были свои каналы в мире био-софта в виде „Чимико Вита“, но уличным оборванцам пришлось бы искать другой путь. Поэтому торговцы. Разумеется, нелегалы».

«Их количество только в Девятом должно исчисляться сотнями, Маадэр».

«Я знаю. Но надо ли нам опрашивать всех?..»

Несколько секунд Вурм молчал, потом произнес только одно слово:

«Боберг».

Маадэр усмехнулся — вряд ли Вурм сообразил это сам, скорее всего, просто прочел его мысли. Некоторые существа

просто не способны вести себя честно.

4

Дом, к которому они подошли спустя немногим менее часа, выглядел практически так же, как и все прочие дома в этом переулке, то есть был в меру грязен и покрыт налетом грязи и ржавчины, за много лет превратившихся в подобие толстой чешуи. Однако у Маадэра был некоторый опыт в этом деле — он усмехнулся, подмигнув неприметному, ловко замаскированному в трещине, глазку объектива. Ему приходилось бывать тут не раз, поэтому о системе безопасности этого неприметного внешне дома ему было кое-что известно.

Не все — но достаточно много чтобы приближаться к двери медленно, вынув руки из карманов и держа их на виду. Жизнь в Девятом многих здешних обитателей сделала законченными параноиками, а Маадэр не любил нервировать людей. По крайней мере тех, которые держат его на прицеле.

Поднявшись по лестнице, скрипучей настолько, что походила на дряхлого, умирающего от остеопороза человека, он остановился перед дверью и несколько раз постучал. Интервалы между ударами и громкость были не случайны. Допустившего ошибку ждал неприятный сюрприз — за тонкими полусгнившими деревянными панелями, как было доподлинно известно Маадэру, были искусно скрыты две секторные мины направленного действия типа «Павлин» с управлением от электрической цепи. Маадэру в прошлом приходилось видеть, что подобного рода штуки оставляют от человеческого тела, поэтому стучал он всегда аккуратно и не сбиваясь. Предосторожность всегда окупается.

Дверь открылась через несколько секунд. Первым в образовавшемся проеме появился граненый ствол, уставившийся в лицо Маадэру любопытным черным глазом дульного среза. Маадэр медленно поднял руки и стоял так до тех пор, пока дверь не открылась полностью.

— Заходи.

Маленькая прихожая напоминала не столько жилое помещение, сколько первый рубеж обороны какого-нибудь древнего форта — мебели было немного и расставлена она была с таким умыслом, чтобы прикрывать обитателей дома в том случае, если гость откроет огонь, вошедший же находился в полностью простреливаемом эркере, вдобавок в лицо ему бил свет нескольких мощных ламп, мешая сориентироваться в обстановке. Лет пять назад, познакомившись с этим милым домом и его интересными обитателями, Маадэр прикинул, что для его штурма потребовалось бы не меньше взвода тяжелой тактической пехоты

при поддержке нескольких полевых орудий.

— Доброй ночи, — сказал он не опуская рук, — Смотрю, свет у вас горит… Решил заглянуть.

Шуток здесь не понимали. Кто-то, кого в ослепляющем свете было сложно разглядеть, подошел вплотную и стал обыскивать Маадэра. Обыскивал он достаточно профессионально и быстро, «Корсо» оказался вновь извлеченным из кобуры. Протестовать было бесполезно — наверх никого с оружием не пускали. Маадэр умел уважать чужие порядки. Как минимум в тех ситуациях, когда от этого могла зависеть его жизнь.

Пока один человек его обыскивал, другой держал Маадэра на мушке, полускрытый массивным письменным столом, возвышавшимся напротив двери как настоящий ДОТ. У него было неприятное лицо — все его черты казались спрессованными, сдавленными, какими-то не по-человечески острыми, как будто еще в младенчестве он испытал сильнейшую перегрузку, навек его обезобразившую. Маленькие и черные, как блестящие ягоды, глаза под массивными надбровными дугами откровенно изучали Маадэра.

«Хлодвиг, — заметил Маадэр, обращаясь то ли к самому себе, то ли к Вурму, — Вот кого точно лучше не нервировать!».

Вурм не ответил. Он не любил болтать попусту, а кроме того, сейчас и сам был напряжен.

Когда обыск был закончен, тот, что обыскивал, шагнул в сторону, освобождая для Маадэра узкую деревянную лестницу, тянущуюся наверх.

— Хозяин ждет, — только и сказал он. Но Маадэр не планировал вступать в беседу. Он стал подниматься, поглядывая назад. Он заметил, как хлодвиг нажал что-то, скрытое от его взгляда. Конечно, здесь должна была быть система оповещения — хозяину сообщали о незапланированном визите.

Лестница была старой и громко скрипела, Маадэр подумал, что при всем производимом им сейчас шуме нужды в оповещении хозяина совершенно не было — его, должно быть, слышно за полквартала… Наверху обнаружилась еще одна дверь, наверняка также скрывающая какие-нибудь сюрпризы. Но когда Маадэр осторожно надавил на нее, она бесшумно распахнулась.

Помещение, в которое он попал, разительно отличалось от прочих в этом доме. Здесь было чисто, что само по себе выглядело странно, мебели также было немного, но она была из самого настоящего дерева, что по меркам Девятого означало целую кучу денег, потраченную впустую. Маадэр прикинул, что вся здешняя обстановка тянула на пять-шесть сотен — для мерценария его уровня это означало месяц работы. Тяжелой

работы на улицах, за которую подчас норовили заплатить пулей, сэкономив монету, грязной работы, опасной работы… Но человеку, занимавшему этот импровизированный кабинет в течении последних нескольких лет, не было нужды работать мерценарием. Он работал в другой сфере.

— Куница! Вот кто пожаловал… Заходи, грязный бродяга!

Маадэр махнул рукой — здесь, наверху, это уже не было чревато выстрелом.

— Здравствуй, проклятый скряга. А ты по-прежнему боишься за свою старую задницу так, точно она сидит на целой куче золота!

Хозяин захихикал. Его возраст было трудно определить из-за нездоровой кожи желтоватого оттенка, испещренной глубокими, похожими на трещины, морщинами, но глаза его были глазами молодого человека — их взгляд был ясен и насмешлив. В сочетании с седыми волосами, торчавшими клочьями в разные стороны и бочкообразным телом, возвышавшимся за столом на высоком, сделанном на заказ стуле, скрюченной горбатой спиной и неуклюжими, несуразно маленькими руками, они производили странное впечатление. Этому человеку можно было с равным успехом дать и двадцать лет и шестьдесят. Настоящий его возраст Маадэру был неизвестен. Хозяин кабинета никому не называл дату своего рождения.

Исаак Боберг был нарко с рождения. Один из двадцати тысяч населяющих Пасифе несчастных, чье тело и разум были генетически изувечены еще в стадии эмбриона. Метаболизм нарко с момента своего рождения зависел от синтетических наркотиков, которые ему были так же необходимы, как и воздух, и которые поддерживали в нем что-то, напоминающее жизнь. Но если для обычного нарко они были проклятием, Исаак Боберг сделал их источником своего благосостояния, являясь одним уникальным, хоть и не зарегистрированным, случаем из двадцати тысяч.

— Шань-си? — он усмехнулся кривой усмешкой, наблюдая за тем, как Маадэр садится напротив, — Тебе ведь привел именно этот ветер, да? Я слышал, ты недавно взял у хромого Тауруса три грамма, вот уж не думал, что так скоро тебе понадобится подзаправка…

— В этом городе, как и прежде, нельзя продать даже грамм дряни чтоб тебе не стало об этом известно в тот же день…

— Информация — это деньги, Маадэр. Но она не колеблется с курсом, не знает инфляции и куда проще в обороте… Брось, я не думаю обижаться, если ты хочешь брать товар у Тауруса — старый Боберг тебе этим пенять не будет. Как знал, что увижу

тебя… — Боберг вытащил из ящика крошечный флакон, наполненный наполовину густой маслянистой жидкостью, чей цвет в колеблющемся освещении кабинета сложно было определить, — Китайцы называют это «тью лонг». Новый синтетический аналог шань-си, крепче змеиного яда и горячее крови старого врага. Сто сорок за грамм, но он того стоит… — Боберг засмеялся булькающим смехом, — Как раз для тебя.

Маадэру стоило труда оторваться от этого пузырька.

— Сегодня меня это не интересует.

Боберг покряхтел и спрятал склянку.

— Пусть… Значит, шань-си? Смотри, Куница, он съест твой мозг через пару лет…

— Есть едоки и кроме него… — пробормотал Маадэр себе под нос, — Спасибо, Боберг, но сегодня я пришел за другим.

— Вот как… Не припомню чтоб ты брал у меня что-то кроме. Изменяешь своим привычкам?

— Может, и так. Мне нужен био-софт. Стимулятор армейского образца.

— Необычное пожелание, — Боберг потер пухлые дряблые ладони, — Но выполнимое — для моего постоянного клиента. У меня осталось кое-что со старых времен. «Третья Луна» — желаешь? В армии ее называют «Кровосос»… Полчаса ты — неутомимый боец с реакцией гадюки, еще два часа тебя самого нет, а есть только бесконечное блаженство и ничего кроме.

— Блаженство может и подзатянуться, — хмыкнул Маадэр, — ты забыл упомянуть, что у «Третьей Луны» есть интересный спорадический эффект в виде инсульта, особенно у счастливых обладателей отрицательного резуса… Ты забываешь, что с этой кухней я знаком уже много лет. Нет, мне нужно кое-что другое. Кое-что редкое.

Боберг задумался, отчего морщины на его лбу углубились — не самая приятная картина.

— Хитрая куница, привередливая куница… Что же тебе надо? «Красная метка»? «Дьявол из Нью-Дели»?

— И не это. Эту дрянь можешь оставить для сопливых ублюдков, которым обычно сбываешь свой мусор. «Сирень». Ты слышал об этом? «Сирень-2».

Боберг думал несколько секунд, царапая столешницу из красного дерева плоским сухим ногтем.

— Мне неизвестно ничего с таким названием. Что это?

— Стимулятор. Старый, армейский. Сейчас его сложно где-то найти, но знающие люди говорят, что он… многого стоит. На Юпитер он не поставлялся, мог попасть только контрабандой.

— Не думал, что меня можно чем-то удивить, но сегодня тебе

это удалось. Сколько тебе нужно?

Маадэр изобразил задумчивость.

— Сколько можно найти. Как минимум десяток доз.

— У меня есть много людей тут, Куница. Между этими людьми есть каналы — те каналы, по которым движется вся дрянь на этой планете. Я могу кинуть слово и, кто знает, вдруг это слово кто-то услышит?.. Но учти, если эта дрянь столь редка, шансы не так уж велики. Но я могу попытаться. Могу свести тебя с продавцами, если они еще на Пасифе.

— Отлично. Именно на это я и надеялся. Приятно видеть, что в этом городе еще остались люди, способные на благое дело для ближнего.

Боберг расплылся в улыбке.

— Будем считать, что я делаю это из собственного интереса. Ты заинтересовал меня, а мой интерес тоже чего-то стоит.

— Чего он стоит в этот раз?

— Одна доза.

— Одна доза «Сирени»?

— Да.

— Высокая цена, — Маадэр следил за тем, как Боберг суетливо потирает ладони, — Ты в ней уверен?

Но тот, кажется, не заметил подвоха.

— Вполне.

— Тогда по рукам. Начинай искать.

— Допустим, найду. Как с тобой связаться, в твоей берлоге даже нет войса…

— Я навещу тебя через какое-то время.

— Буду ждать тебя, Куница.

— Надеюсь, не с пустыми руками…

Когда он шел обратно, в затылке возникло тяжелое давящее чувство, но не из-за Вурма — это Боберг, сидя за своим письменным столом, провожал его немигающим взглядом.

Внизу его встретили те же привратники, если степень их доверия по отношению к Маадэру и увеличилась, то не на столько чтобы не держать его на прицеле. Спрятав свой револьвер, Маадэр вышел на улицу.

«Ты действительно думаешь отдать ему кусок „Сирени“?» — спросил Вурм. Он редко задавал подобного рода вопросы, находя ответ самостоятельно в сознании Маадэра, но в этот раз ответа не было и у его хозяина.

«Не знаю. Предпочитаю отложить этот вопрос до того момента, когда био-софт окажется у нас».

«Некоторые вещи лучше планировать заранее».

Маадэр задумался.

«Боберг — хитрый и знающий себе цену ублюдок. Может, он и нарко, но мозгов у него в голове побольше многих тех, кто считал себя очень умным. Обманывать его — весьма недальновидное занятие».

«Конечно, ведь со старыми друзьями надо работать на взаимном доверии».

«Твой сарказм вызывает у меня изжогу, Вурм. Боберг держит в своих узловатых сморщенных ручонках добрую треть всех торговцев черного рынка. Если ты понимаешь, что это значит. Однажды я видел человека, который его подвел. Я имею в виду, действительно подвел».

«И что с ним?»

«Ничего. Проблемой было то, что его в тот день также видели и другие люди. Одновременно. Во многих местах города сразу».

«Это повод задуматься».

«Лишь один из них. Конечно, Нидар не обрадуется, если узнает об еще одной распустившейся „Сирени“, но есть ли у меня выход? Будем лишь надеяться, что не устроим эпидемию… Боберг все-таки нарко, а значит, наверняка решит попробовать „Сирень“ на зуб. Думаю, дальше границ его крепости зараза не выйдет».

«Ты поднял ставки».

«У меня не так много времени, чтобы я мог позволить себе играть на мизере. Меня больше беспокоит то, всплывет ли наша „Сирень“. Возможности Боберга велики, но все же не безграничны».

«Но ты выбрал именно его».

«Наш цветочек относится к редкому типу. На всем Пасифе никто не знает о „Сирени“. Продавать био-софт с неизвестными свойствами, потенциально опасный и с туманным происхождением — гиблое дело. Если по каналам Боберга они получат информацию о том, что кто-то активно интересуется именно „Сиренью“ и желает купить крупную партию — они должны на это клюнуть. Я думаю, они уже имели возможность проверить его — и убедиться в его опасности — это именно та недавняя вспышка заразы, о которой и говорил Нидар. У запретного плода оказался весьма странный вкус. И это повышает наши шансы — они постараются сбыть отраву при первой же возможности».

«Но не бесплатно».

«Полагаю, что нет. Только не спрашивай меня, откуда я собираюсь взять деньги».

«Я благоразумно молчу».

5

Дождь на Пасифе начинается внезапно. Еще секунду назад ночь казалась глухой, душной, пыльной — как плотное старое одеяло, накинутое на невидимую клетку — и вот уже слышен легкий шелест первых капель, который быстро превращается в монотонный перестук. Дождь не освежал — как и все дожди, на которые расщедривалось здешнее небо, он был пронизывающе холодным, состоящим из гибких металлических хлыстов, секущих незащищенную голову и шею наотмашь. И привкус у него тоже был металлический, какой-то медный, искусственный… Этот дождь не воспринимался, как падающая с неба вода, но другого здесь не знали.

Маадэр поежился и попытался втянуть голову в плечи, в очередной раз вспомнив утерянную шляпу.

— Собачья погода… — пробормотал он, — Даже на Ио такого не бывает.

Дождь разогнал почти всех ночных жителей Девятого, оставив только одинокие фигуры, тщетно пытающиеся вжаться в стены, под слабую защиту крыш. Здесь остались только те, для кого ночь была временем работы.

«Советую тоже убраться под крышу, — сказал Вурм равнодушным тоном, — Эта пакость, кажется, разъест даже сталь».

«Что-то серьезное?»

«Немного фонит, большое содержание тяжелых металлов и прочего — не рекомендуется для твоей формы жизни».

«Не смертельно».

«Если не боишься облысеть как колено, а заодно прихватить какое-нибудь славное онко-образование».

«Ну да, тебе же не нужна конкуренция…»

Брести по ночному городу под ледяным дождем было тяжело, Маадэр, чей плащ уже успел промокнуть почти полностью, отыскал относительно сухое место в развалинах какого-то дома и устроился на камне. Дождь на Пасифе может длиться долго. Дольше, чем сама ночь. Маадэр подсчитал оставшиеся в портсигаре сигареты — вышло немного — и закурил.

Отвратительная сырость пробиралась под одежду, заставляла неметь кожу, но просить Вурма понизить чувствительность рецепторов он не стал. Вурму, как и каждому живому организму, требовалось питание. Последний раз он ел часов двадцать назад, а значит, уже был очень голоден. Маадэр чувствовал этот чужой, нечеловеческий голод, который не мог удовлетворить, но ничего

не мог с ним поделать. В кармане плаща звенела мелочь, все, что осталось от тридцати тысяч.

«Так и будем сидеть?» — спросил Вурм вяло. Он не умел испытывать человеческих эмоций и не знал апатии, просто голод заставлял его экономить силы.

«Наверно. Вернуться домой мы не можем, сам знаешь».

«Можно рискнуть».

«Это не тот риск, который окупится. Я почти уверен, что меня там ждут. Основные силы „РосХима“, может, еще не успели подтянуться, но я не сомневаюсь в том, что наше логово под наблюдением. Мы не ночевали там уже четыре дня. Соваться сейчас — значит самим лезть в пасть. Это не годится».

«Глупо торчать целую ночью под открытым небом как какому-нибудь бездомному лепру».

«Прочитай мои мысли — у нас нет денег даже для того чтобы снять гнилой угол в ночлежке».

Дождь барабанил по крыше с напором, от которого звенела уцелевшая черепица. Словно тысячи тысяч крошечных, но очень злых насекомых, опустившихся с неба, долбили хитиновыми челюстями в такт, стараясь разворошить, прогрызть, смести те ветхие и уродливые убежища, которые построил когда-то человек. Маадэр курил, глядя себе под ноги, в большую черную лужу, которая волновалась как большая медуза.

Вурм молчал. Точно съежился и заполз в самый дальний и темный уголок в мозгу.

«А помнишь, так ведь когда-то и было, — сказал Маадэр чтоб подбодрить его, — Мы начинали с этого. Сами по себе, бегущие сломя голову, преследуемые на каждом углу, загнанные… Но тогда было гораздо хуже. Ни денег, ни оружия, ни каких-либо планов. Тогда мы были тут чужими. И тоже был дождь… Отвратительный, мерзкий дождь, как и все дожди здесь. Ледяной, пронизывающий насквозь. И мы с тобой шли прямо сквозь него, истощенные, обессиленные, слабые как мокрицы. Пусть судьба не побаловала нас, но в этот раз у нас в запасе осталось больше. Нам надо выдержать всего сутки. Тяжело, но по сравнению с тем, что приходилось испытывать — ерунда. Я залезу в какую-нибудь относительно сухую щель, и ты меня отрубишь часов на пятнадцать. Летаргический сон, а? Ты ведь еще способен на такое? Минимум кислорода, минимум калорий. Нам хватит сил на завтра…»

«А что завтра? — раздраженно перебил его Вурм, — Ты думал об этом? С небес опустится трап, по которому мы поднимемся к сияющим звездам?.. Закончится эта ночь — и начнется еще один день, который надо будет не просто пережить, с ним надо будет

бороться… Твоя невидимая погоня еще толком не началась. Ты знаешь, сколько нам потребуется сил? Сколько человек захочет продырявить завтра тебе голову — и сколько раз ты сможешь увернуться?.. Нам придется бежать, прятаться, драться, выжимать из твоего старого трухлявого тела все, на что оно способно… Последние сутки я держался только на химии, мы ведь думали, что достаточно будет вырваться с Пасифе — и все будет закончено. Мне нужна пища, Маадэр. И тепло».

Маадэр не мог не согласиться с этим, но рациональная часть его мозга, функционирующая в любой обстановке, хладнокровно подсказывала — рассчитывать не на что. Профессия мерценария и в лучшие времена не приносила больших денег на разоренной войной и нищетой планете. За контракты приходилось биться, вырывать их из рук таких же мерценариев, как он, но тогда он был сильнее, чем сейчас… Револьвер, шесть патронов, десяток сигарет да горсть мелочи — весь его арсенал.

«Тебя никто не наймет, — сказал Вурм, — У тебя слишком дурная слава, и ты сам об этом знаешь. Твое лицо слишком примелькалось за последнее время. А после того, как объявятся карательные силы „РосХима“, от тебя отвернутся даже те люди, которые прежде готовы были оказывать тебе хоть какие-то услуги. У тебя нет клиентов, нет друзей, нет союзников. Единственные союзники, на которых ты можешь рассчитывать — ублюдки вроде Боберга, но и они терпят тебя только потому, что живой ты пока им выгоднее, чем мертвый. Но долго ли это продлится?»

«Заткнись! — Маадэр отшвырнул окурок, коротко зашипевший где-то в луже, — От твоего нытья мало проку!».

«Ты не делал никаких запасов, ничего не откладывал на черный день. Ты жил как животное, не загадывая дальше утра. Ни убежищ, ни тайников, ни резервов. Теперь мы пожинаем плоды».

«Надо найти деньги, только и всего».

«Блестящий вывод».

Найти деньги ночью на улице Девятого… Маадэр с трудом сдержал улыбку, горькую, как осиный яд. В иные времена это прозвучало бы плохой шуткой. Но Вурм был прав, погоня только началась, она может тянуться еще долго, гораздо дольше, чем он может вынести, ему понадобятся все силы, если он хочет когда-нибудь увидеть этот отвратительный желтый булыжник с глупым названием кувыркающимся в открытом космосе.

Маадэр достал револьвер. Кобура тоже промокла, на гладком серебристом металле капли дождя казались свинцовыми, почти черными. Он задумчиво провел пальцем по стволу, оставив едва заметный матовый след.

Выход всегда есть. Ему приходилось бывать в ситуации еще

хуже. Выход есть. Пусть даже вспоминать о нем потом не будет желания. С ним случались и не такие вещи.

— Не получится, — сказал Маадэр вслух, не отрывая взгляда от оружия, — На улице ночь. Кого мне выслеживать? Бродяг? С них деньгами не разживешься.

«Или других охотников», — подсказал Вурм.

— С шестью патронами в барабане ввязываться в перестрелку? Проще проломить головой бетонную стену. Больше шансов на успех. Ночь — время охотников. И они редко ходят поодиночке. А я не могу выслеживать их — слишком мало времени, слишком мало сил. Надо что-то другое.

«Банальный грабеж уже не подходит?»

— В этой ситуации — нет. Лавки Девятого — это небольшие крепости, штурм которых сложно осуществим даже днем. Ночью они и вовсе исчезают, ночью на улицах не покупают, а берут даром… А если платят, то свинцом или кровью. Единственное, что функционирует круглосуточно — подпольные букмекерские конторы и торговцы наркотиками. Лезть туда без подготовки, в одиночку — то же самое, что прыгать в огромную мясорубку, надеясь только на удачу.

«Ты всегда был осторожен».

Маадэр не понял, было ли это сарказмом со стороны Вурма.

— Есть еще один вариант, о котором я думал, — сказал он неохотно, — Я оставил его на крайний случай.

«Этот случай наступил, тебе не кажется?»

— Возможно.

«О чем ты думал?»

Маадэр протянул было руку за портсигаром, но передумал и, глубоко вздохнув, произнес только одно слово:

— Коллекционеры.

Вурм насторожился. Маадэр ощутил щекотку, короткой юркой змейкой скользнувшей вниз по позвоночнику.

«Беру свои слова назад. Если ты действительно думаешь о том, что я сейчас чувствую, осторожности в тебе не больше, чем в пьяном самоубийце».

Маадэр фыркнул:

— Еще минуту назад ты был согласен на куда более опасную авантюру. Коллекционеры — это хороший вариант. Хороший в нашем случае, понятно. Их немного, у них обычно нет серьезной охраны, они не ожидают сопротивления. Если действовать быстро и решительно, можно отхватить свой кусок.

«Коллекционеры не путешествуют по городу ночью».

— Значит, мы их пригласим. Охота на живца — когда в последний раз мы участвовали в чем-то подобном?..

Вурм размышлял.

«Без меня ты не справишься».

— Бесспорно. У них есть неприятная манера оглушать своих жертв таким коктейлем, от которого человек пускает слюни как идиот еще несколько суток. При условии, что столько проживет, конечно… Мне нужно чтобы ты был начеку.

«Это не так просто. Я контролирую твою систему кровообращения, но я не могу управлять каждой клеткой. Если тебе впрыснут лошадиную дозу транквилизатора, я могу не успеть».

— Значит, ты успеешь.

«Твоя вера в мои силы обнадеживает. Да, мы можем попытаться».

— И попытаемся.

Маадэр вытер насухо револьвер относительно сухой полой рубашки и вернул его в кобуру.

Коллекционеры появились на Пасифе уже после войны и, наверно, могли существовать в таком виде только здесь. Маадэру приходилось встречать нечто подобное на других планетах Системы, но никогда и нигде коллекционеры не действовали так организованно, аккуратно и решительно, как на Пасифе.

Аккуратности требовала сама их работа. Они не коллекционировали старую утварь или вышедшие из употребление банкноты. На Пасифе был куда более ходкий товар. Они коллекционировали людей. Человеческие органы — всегда востребованный на рынке продукт — по крайней мере там, где человеческие легкие выгнивают без остатка к сорока годам, а печень превращается в кусок бесформенного месива еще раньше. Коллекционеры были гуманнее многих других обитателей Девятого — они никого не убивали. По крайней мере в обычном понимании этого слова.

Сложнее всего было найти тело, пригодное для трансплантации донорских органов. Таких на Пасифе насчитывалось не так и много — регулярные эпидемии болезней, обретших в новой для них атмосфере свежие силы, подчас помогали контролировать численность человеческой популяции лучше любых войн. Старые колонизаторы шутили, что живучее крыс оказалась только гонорея — и это в известной мере было правдой.

Болезни, путешествовавшие вслед за людьми от одной планеты к другой, зачастую причудливо мутировали в новых условиях, порождая непрогнозируемые всплески смертности. Новые формы туберкулеза, сифилиса, менингита и гепатита не обошли стороной и Пасифе. Беженцы и дезертира с Юпитера, Ио

и Ганимеда лишь ухудшили обстановку. Иногда болезнь, пощадив тело, словно в насмешку поселялась еще глубже, там, где ее не мог достать ни скальпель хирурга, ни облучающий луч. По статистике каждый двадцатый житель планеты был болен или являлся носителем генетических заболеваний, подаренных ему по наследству или в результате использования вредоносного био-софта.

Маадэр хорошо помнил эпидемию, случившуюся вскоре после того, как флот Консорциума подавил остаточное сопротивление сепаратистов. Груз био-софта, содержащий в себе вакцину от какой-то бушевавшей в то время болезни, кажется, легочной чумы, в результате неправильного хранения и воздействия неэкранированного излучения, за неделю выкосил не менее трех тысяч человек, превратив еще не менее двух в идиотов, чей мозг переварил сам себя. Синтезированные на подпольных фабриках стимуляторы, созданные во время войны по образцу земных аналогов, встраиваясь в иммунную систему человека, могли превратить внутренности в равномерно перемешанный фарш.

Поэтому работа коллекционеров была хлопотной, но хорошо окупалась.

Своих клиентов они находили сами — в госпиталях, казармах, публичных домах, иногда не брезгуя даже улицами Девятого. О том, что он является клиентом, человек как правило узнавал слишком поздно для того чтобы этому воспрепятствовать. Большая доза наркотического коктейля, подмешанная в еду или впрыснутая прямо на улице, быстро делала его сговорчивыми и согласным на все. Коллекционеры не лишали своих клиентов сознания полностью — это усложняло изъятие — но поддерживали в состоянии прострации на протяжении нескольких дней, а иногда и недель, постепенно пополняя свою коллекцию.

Они не знали, что такое сопротивление — пребывающие в состоянии перманентного наркотического опьянения клиенты не понимали происходящего и могли улыбаться, глядя, как из них вырезают органы. Жизнь их была не очень долгой — даже подключенные к аппаратам, обеспечивающим нужное давление и поступление кислорода, с сердцем, качающим физраствор вместо крови, через несколько дней они превращались в выгрызенные изнутри оболочки, от которых оставалась лишь кожа и костная ткань.

Впрочем, если клиент попадался из категории ценных, чьи органы можно было сбыть по высокой цене, а покупателя на них не находилось, коллекционеры могли «законсервировать» свой вклад на куда больший срок. Через несколько месяцев полу-

растительного существования такие клиенты необратимо теряли человеческий облик.

Маадэр вспомнил, как в начале тридцатых их отделу пришлось вскрывать одну «морозилку» — так на сленге называли убежища коллекционеров, по совместительству являющиеся и складами готовой продукции. Длинное, погруженное в полумрак помещение, в зыбком свете фонарей кажущееся каким-то сюрреалистическим, гротескным полотном Босха. Вдоль стен, как коконы каких-то чудовищных насекомых, покачивались тела, завернутые в прозрачную, удерживающую их на месте, сеть, как в паутину. Из их кожи, казавшейся посеревшей и дряблой, как у стариков, выходили пластиковые трубки, извивающиеся подобно пластиковым виноградным лозам. Маадэр сделал несколько шагов вперед, пытаясь определить, где заканчивается этот страшный склад живого товара, и внезапно выругался. Луч его фонаря бесцельно заплясал по стенам.

— Впервые? — Велрод тогда понимающе кивнул.

— Нет… Видел уже. Но не такие старые.

— Самым свежим тут месяца четыре. Видишь пролежни?.. Коллекционеров редко интересует кожа, они не занимаются ее пересадкой. Слишком дешевый товар.

— Их глаза…

— Я знаю. Кажется, что они на тебя смотрят, да? Двигаются, даже зрачки реагируют… Как будто они просто парализованы, но все чувствуют, видят нас, пытаются попросить о помощи…

— Да, — сказал Маадэр, взяв в себя в руки, — Что-то вроде того.

Велрод потыкал ближайшее тело стволом своего «смит-и-вессона». Без всякой реакции.

— Не обращай внимания. Это уже не люди. Скорее, биологические бурдюки, в которых хитрая машинерия поддерживает подобие жизни. Смотри, как глубоко ствол вминается в тело… Наверняка в этом парне ничего и не осталось кроме желчного пузыря да пары метров кишечника… Для коллекционеров это лишь теплокровные консервы.

Маадэр постарался не смотреть, как Велрод тычет стволом револьвера в рыхлые, но все еще вздымающиеся бока развешанных тел. Даже когда проработал в Конторе несколько лет, есть вещи, на которые не возникает желания смотреть лишний раз.

— Их уже не спасти?

— Этих-то? Ни единого шанса. Они давно разучились самостоятельно дышать или качать кровь, все это делают за них насосы. Они не вырабатывают кровяных клеток, они разучились

поддерживать иммунную систему, черт возьми, у многих и костей-то не осталось! Мыслей у них не больше, чем у консервированного лосося. Поганая смерть…

«Маадэр!»

«Что?»

«Мы теряем время».

Маадэр вынырнул из воспоминания, как из мутной, с отвратительным запахом, жижи.

«Потерянное время иногда позволяет не потерять голову. Я думаю, червь».

«Тогда думай быстрее, до рассвета четыре часа».

«В двух кварталах отсюда есть проститутка, которая работает на коллекционеров. Помнишь ее?»

«Да. Но ты не уверен в этом полностью».

«Ей не нужна реклама. Мы можем попробовать».

«Тогда давай попробуем. Я теряю силы с каждым часом, ты знаешь это. А значит, вероятность того, что я смогу тебя вытащить, постоянно уменьшается».

Маадэр знал это. Время — это то, чего всегда не достает.

Дождь казался еще отвратительнее, чем получасом ранее. Он стегал Маадэра своими тяжелыми гудящими плетями, заставляя сутулиться и прятать лицо в насквозь мокром воротнике плаща. Лужи под ногами казались густыми и блестящими, как ртуть, они и выглядели ядовитыми. Колючий ветер пробирался за пазуху и теребил онемевшую от холода кожу, вызывая болезненную неприятную испарину.

Если тебе приходится идти под дождем ночными улицами Девятого — дела твои действительно плохи.

В это время он уже должен был быть на Ганимеде. Легкий ужин в пристойном ресторанчике, бокал хорошего, не местного, вина, таблетка эндорфина, теплая постель… Потом опять космопорт — и уже Марс. Или Венера. Маадэр не любил загадывать заранее. Главное — как можно дальше отсюда. От скверной, отвратительной, затерянной в космосе планеты с названием, которое оставляет на языке привкус чего-то омерзительного и несвежего.

На Марсе и Венере будет не в пример сложнее, он знал это. Нет чистых нормальных документов, нет настоящего имени, даже от оружия придется избавиться. Придется строить с нуля новую жизнь, находить наркотики, менять устоявшиеся привычки, которые в его мире были единственной постоянной вещью. В конце концов, придется менять и профессию — в теплых краях Солнечной системы давным-давно забыли о том, что такое мерценарии.

«Возможно, имя можно будет и оставить, — подумал Маадэр, — Только слегка изменить. К примеру, мсье Мартрэ. Звучит достаточно изящно. И, конечно, этот мсье Мартрэ уже не будет мерценарием, ему нужна будет какая-нибудь другая, более аккуратная и чистая профессия. Лицензия частного детектива, например. Конечно, быстро ее не получить, но имея в кармане тридцать тысяч, можно рассчитывать на успех. Вряд ли на Марсе деньги Консорциума любят меньше, чем на Пасифе…».

«Прибереги свои мечты на другой раз, — грубо прервал его мысли Вурм, — Мы уже пришли».

Мог бы промолчать — Маадэр и сам об этом знал.

6

Он оглянулся, пытаясь обнаружить хоть кого-то, но вокруг был только залитый ледяной водой камень да мертвые провалы окон, обрамленные торчащим в рамах стеклом. Все живое давно спряталось туда, где его не могла достать ядовитая влага, исторгаемая отравленным небом Пасифе.

«Пусто. Никого. Еще одна ошибка, мой верный червь, еще одна…»

«Заткнись. Вон она».

У Вурма не было пальцев, которым он мог бы указать направление, но он никогда и не испытывал в них необходимости. Маадэр почувствовал его мысль как стрелку на невидимом компасе и развернулся в указанном направлении. Сперва он ничего не мог разглядеть, слишком темно было вокруг, но потом Вурм немного повысил чувствительность сетчатки, и он заметил в щели между домами что-то маленькое и шевелящееся, льнущее к камню.

Он хотел подойти, но она успела раньше.

— Кого-то ищете?

Маадэр смерил ее взглядом. Молодая для проститутки, тридцать с небольшим. Лицо ее, вероятно, когда-то было симпатичным, но ветра Девятого обточили его, сделав пугающе худым, костистым. Глаза под набухшими, покрасневшими веками казались двумя испуганными черными насекомыми, бегающими в крохотном, ограниченном прозрачной преградой, пространстве. Платье с глубоким вырезом, не скрывающее острых, как рыбья кость, ключиц, рваные чулки, мокрые, когда-то бывшие каштановыми, волосы… Когда-то она знала лучшие времена. У нее не было привычных черт уроженцев Пасифе, значит, нездешняя, на планете пару лет.

— Ищу, — сказал Маадэр, рассматривая ее, — Может быть, даже тебя.

Она попыталась кокетливо улыбнуться. Зубы у нее были плохие, серые, точно выкрашивающиеся как древний камень. Маадэр подавил желание сплюнуть.

«Кажется, она сидит на тяжелом эфедроне».

«Скорей всего, — безразлично отозвался Вурм, — Через полгода или год ее мозг окончательно спечется и, если она не успела загадить все остальное за пару лет здесь, отправится к своим же работодателям. Будет пускать слюну, вися в коконе на стене, как скрученная паутиной муха. Но я не думаю, что тебя волнует ее судьба».

«Она мне безразлична».

— Десятка в час, — быстро сказала женщина, приблизившись вплотную к Маадэру, — Четвертак за ночь.

Цена была серьезно завышена, возможно ради приличия стоило поторговаться, но Маадэр собирался побыстрее убраться с улицы туда, где будет хотя бы сухо. Кроме того, оплата чьих бы то ни было услуг в его планы не входила.

— Пойдет. Есть, куда пойти? Я не собираюсь плескаться в этом дерьме.

Она улыбнулась.

— Есть.

Рядом с щелью, в которой она пряталась, обнаружилась ветхая деревянная лестница, ведущая вниз. Оттуда тянуло тягучим гнилостным и терпким запахом, как от старой пищевой свалки. Маадэр секунду помедлил, прежде чем спускаться вслед за женщиной.

«Может, отключишь мои обонятельные рецепторы сперва?»

«Потерпишь. Мне нужны все силы, помнишь?.. Придется тебе помучаться какое-то время».

Маадэр вздохнул и стал спускаться. Спорить с Вурмом было бесполезно, да на это и не было времени.

Он оказался в небольшой комнатушке без окон. Источник отвратительного запаха остался загадкой — весь интерьер составлял старый, застеленный несвежей простыней диван, несколько стульев и колченогий стол. Здесь явно никто не жил, эту комнату использовали только для дела. И не в первый раз.

«Интересно, где она прячет инъектор, — подумал Маадэр, неохотно снимая с себя тяжелый мокрый плащ, — из одежды на ней почти ничего нет. Как она надеется меня отрубить?»

«Может, использует способ твоих друзей из Конторы? Он показался мне достаточно эффективным».

«Не думаю. Она не выглядит сильной, а клиенты у нее, должно быть, всякие… Коллекционеры не будут рассчитывать на то, что она сможет отправить своего клиента в нокаут одним ударом».

«У тебя будет возможность проверить. И, черт возьми, не заставляй меня брать под контроль твои лицевые мускулы, ты выглядишь неубедительно».

«Прости, я делаю все что могу. Она не в моем вкусе».

«Тебе случалось пользоваться услугами и дешевле. По сравнению с некоторыми она может показаться красавицей».

Женщина включила свет. Здесь была всего одна лампа, но света было достаточно чтобы она смогла рассмотреть его лицо. Увиденное ей явно не понравилось, Маадэр заметил, как

дернулся ее подбородок. Он ожидал подобной реакции — в некоторых заведениях ему приходилось доплачивать сверх оговоренной суммы. Но он давным-давно перестал об этом беспокоиться. В конце концов, его нанимали не за красоту.

Секунду или две она смотрела на него, с трудом скрывая эмоции, но потом все же приблизилась. Вряд ли ее работодатели поощряли чрезмерную избирательность при поиске клиента. Конечно, если она действительно работает на коллекционеров, в чем Маадэр не был полностью уверен. Что ж, если нет, он все равно ничего не теряет.

«Не буду говорить, что ты можешь приобрести, — смешок Вурма царапнул по нервам, — И я не уверен, что смогу защитить тебя от такого рода… инфекции».

«Если она одарит нас сифилисом, посмотрим, кто последний будет смеяться», — огрызнулся Маадэр и положил руки на плечи женщине. Кожа ее была неприятной на ощупь, влажная и какая-то скользкая, словно кусок потерявшей эластичность фабричной пленки. Она прильнула к нему и стала решительно срывать с него одежду. Вблизи пахло от нее еще хуже — запах давно не мытого тела объединялся со сладко-приторным ароматом какого-то парфюма и табака. Маадэр заставил себя сосредоточиться, как на задании.

«Считай это просто очередным контрактом».

Она быстро и тяжело дышала, ее твердые прохладные пальцы елозили по его телу, расстегивали пуговицы. Маадэр старался не отставать, думая лишь о том чтоб не слетела плечевая кобура. Конечно, оружие у него и так отнимут, но он как мог оттягивал расставание с револьвером, точно это могло быть действительно важным.

Обнаженной она, как ни странно, выглядела не столь отвратительно, ее фигуру можно было назвать даже приятной. Конечно, не чета тем, кто продает свое тело по полсотне за час, но все же… Маадэр поймал себя на том, что выполняет свою роль не механически, а даже с некоторым удовольствием. Кажется, Вурм хихикнул.

Потом она упала на диван, увлекая за собой Маадэра — и несколько минут они двигались в одном ритме, отрывисто дыша, как и всякие двое людей, слаженно выполняющих сложную и трудную работу.

Укол в бедро был еле заметным, Маадэр не сразу почувствовал его.

Сперва ему показалось, что его кожи коснулся острый ноготь, лишь спустя секунду, ощутив странное онемение в мышце, он понял, чем это было на самом деле. Маадэр рефлекторно

попытался отстраниться, но женщина обхватила его руками за шею и прижала к себе. Она оказалась на удивление сильной, он вдруг ощутил, как мало в легких осталось воздуха, как комната враз сделалась еще меньше, чем была, как все окружающее дрогнуло — и вдруг подернулось зыбкой волнистой рябью — точно изображение на плохо настроенном дисплее.

Чувствуя, как собственное тело вдруг делается тяжелым и неповоротливым, он захрипел и начал подниматься, но руки, служившие ему прежде без нареканий, руки, на чью силу он привык полагаться, превратились в два бесполезных отростка. Он смог лишь немного приподняться — и тут же рухнул обратно. Женщина, упавшая вместе с ним, взвизгнула.

Почему не действует Вурм?

Стены обступили его со всех сторон, комната закружилась, затрепетала перед глазами, в ней стало темнее и гораздо более душно. Маадэр с накатившим откуда-то из глубины стылым ужасом почувствовал, как его тело наливается отвратительной вязкой слабостью. По спине точно проползла раскаленная сороконожка, испещрив кожу кипящими огненными каплями пота.

Вурм!

Маадэр стиснул зубы и попытался подняться еще раз. Руки даже не шевельнулись. Они уже не принадлежали ему, они были частью распластанного на грязной простыне тела, теперь уже не имеющего с сознанием Маадэра ничего общего. Оно было просто большим и беспомощным организмом, как те киты, которых море выбрасывало на берег планет, которых Маадэр никогда не видел. Оно было окоченевшим скопищем клеток, не способным на реакцию. Оно было мертво.

Паника захлестнула его мутной тошнотворной волной.

Вурм не мог пропустить! Не мог ошибиться…

Все не может закончиться. Закончиться — так.

Он с трудом взял собственные мысли под контроль. Нельзя поддаваться панике. Не сейчас. Если тело парализовано, хотя бы разум должен оставаться чистым. Потому что кроме разума у него больше ничего нет.

— Грязная падаль… — он вдруг услышал ее голос. Его глаза были открыты, но он не мог управлять даже своим взглядом, однако чувствовал ее присутствие.

Потом комната перевернулась и он услышал сухой стук, с опозданием сообразив, что его бесчувственное тело только что сбросили с дивана. Маадэр отстраненно подумал, что это должно было быть больно — онемевшее тело ничего не чувствовало. Он мог видеть потолок и большую часть комнаты, мог дышать, хоть и

не управлял этим процессом — и больше ничего.

Он попытался мысленно коснуться Вурма. Но не уловил его присутствия. В его сознании не было ничего инородного. Сейчас оно принадлежало только ему и никому кроме. Это ощущение было новым. Оказывается, он успел привыкнуть к гостям внутри своего черепа. Точнее, к постоянному жильцу — Вурм уже давно не ощущал себя гостем.

«Теперь ты один. Возможно, Вурма тоже парализовало вместе с частью твоего мозга. Или он мертв. Мозговые паразиты тоже не вечны, дрянь, которую она мне вколола, могла его убить».

Женщина деловито оделась, потом подошла к Маадэру. Видимо, его зрачки расширились — ее лицо он видел очень смутно, как в густом тумане. Но мог разобрать выражение на нем. Такому выражению нельзя было обрадоваться.

— Падаль… — повторила она сквозь зубы, изучая его распластанное на полу тело, — Как тебе теперь? А? Кайф? Чувствуешь кайф? Ублюдок…

Она ударила его в бок ногой, но то ли удар был слаб, то ли чувствительность тела окончательно пропала — Маадэр ничего не почувствовал. В плечевой кобуре по-прежнему остался «Корсо», Маадэру даже показалось, что он чувствует его тяжесть. Но вряд ли это было настоящим ощущением, скорее лишь иллюзией. Кроме иллюзий у его сознания мало что осталось.

Забавно, его погубило то же самое, что и Велрода. Вера в собственный профессионализм. Готовя ловушку, он не предполагал, что сила, которую он в эту ловушку поймает, окажется куда серьезней. Дураки сплошь и рядом убивают профессионалов — просто потому, что не знают истинного положения вещей.

Если заставить шевелиться хотя бы одну руку… Вытащить револьвер — это совсем не сложно. Один выстрел. Пока она не успела вызывать тех, встреча с кем окажется для него последней. Маадэр попытался представить собственную руку, лежащую за пределами его зрения, каждый ее палец в отдельности. Всего лишь приподнять, перевести, опустить…

Но у него больше не было рук. Он смотрел в грязный потолок и мог чувствовать лишь, как слезятся глаза, не способные моргнуть.

Женщина оправила на себе мятую одежду — и на полу возле лица Маадэра что-то негромко звякнуло. Он не мог перевести взгляд, но рассмотрел боковым зрением какой-то маленький предмет неопределенного цвета, размером с детский палец. Конечно. Просто одноразовый компактный иньектор. Такой несложно спрятать на теле. Простой как пистолетный патрон и

маленький, как флакон губной помады. Иногда простые решения оказываются самыми правильными.

Он вдруг ощутил уже знакомый запах чужой плоти, перед глазами возникло женское лицо. Сморщившись, она ощупывала его тело, стараясь не глядеть в застывшие глаза. Смотреть в глаза мертвецу неприятно. Даже если в этом мертвеце еще сохранились остаточные чувства и мозговая деятельность. Через несколько часов это прекратится — и он окончательно станет грудой мертвой плоти, неспешно разбираемой на части своими новыми привередливыми хозяевами…

Часов? Маадэр хотел верить в то, что в его распоряжении будет столько времени. Но к чему время тому, кто не способен даже моргнуть?..

Она обыскивала его в спешке, осматривая в первую очередь карманы. У нее не было опыта в этом деле, но оружие и склянку с шань-си она обнаружила достаточно быстро. Кроме этого у него был лишь портсигар и мелочь в кармане плаща.

— Не помог тебе ствол, да? — она покрутила револьвер в руке, видимо прикидывая его стоимость, потом покачала головой и засунула его ему за ремень. Оружие оказалось еще ближе, в считанных сантиметрах от его руки, но Маадэр с грустью подумал, что с тем же успехом она могла бы вложить револьвер в его окоченевшие пальцы — толку от этого не было никакого.

Шань-си произвел на нее большее впечатление. Она сразу поняла, что это такое и, погладив склянку пальцем, улыбнулась.

— Вот это я оставлю себе, если ты не возражаешь. Что? — она сделала вид, что прислушивается, но едва ли услышала что-то кроме его хриплого размеренного дыхания, — Ах да, ты не возражаешь. Люблю щедрых клиентов. И спокойных.

Маадэр думал о том, до чего здорово было бы сейчас ощутить в ладонях ее худую грязную шею с испуганно бьющимися и теплыми змейками вен… Ему даже не потребовался бы револьвер.

Отойдя от его тела, она запустила руку куда-то в стену и вытащила небольшой войс-аппарат. Маадэр не почувствовал его присутствия при входе — наркотик в его крови все еще притуплял ощущения. Впрочем, сейчас это не играло никакой роли.

— Да, — сказала она в трубку, — Один есть. Что? Нет. Нет, нормально. Угу… Нет, — кажется, на другом конце невидимого провода кто-то умело задавал ей быстрые вопросы, — Не знаю, документов у него нет. Похож на военного, но старый… И уродливый. Со стволом, да… Бога ради, Вальтер, приезжай, я не хочу сидеть тут с ним до рассвета. А? Хорошо. Да. Я поняла. Да.

Она спрятала войс-аппарат и села на диван. Кажется, времени оставалось немного. Коллекционеры прибывают быстро, куда

быстрее экипажей скорой медицинской помощи, это часть их работы. Маадэр подумал, что и он сам скоро станет частью их работы. Даже частями. Страх, вгрызшийся было в его мысли зловонной пастью, исчез. Осталось только отвращение — к собственному телу, которое, в сущности, ни в чем не было виновато.

«Как глупо, — подумал Маадэр с тоской, — А ведь Нидар считал тебя специалистом по Пасифе. И зря считал. Ты думал, что до тебя в конце концов доберутся агенты Конторы или люди „РосХима“, а то еще какая-нибудь шваль, которой ты успел перейти дорогу за столько лет, а сдохнешь нелепо и глупо, по собственному почину самонадеянно сунувшись в западню. Причем не выполняя контракт, а пытаясь раздобыть пару сотен на расходы».

Поколебавшись, женщина достала взятый у Маадэра пузырек с шань-си и, откупорив пробку, вытряхнула оставшуюся там вишневую каплю себе на язык.

«А вот это ты зря, — подумал он почти равнодушно, — Едва ли когда-нибудь тебе доставалась дрянь такого качества — и такой концентрации… В лучшем случае тебе перепадал „малайский розовый“, а это совсем другое дело, детка… После твоего дрянного разбавленного эфедрона настоящий шань-си вытряхнет из тебя душу…»

О том, что это была его последняя доза, он не думал. Это уже было неважным.

Эффект начался почти сразу. Сперва ее лицо покраснело, веки набухли еще больше, а глаза стали слезиться. Она тяжело задышала — так, как несколько минут назад.

— Ублюдок… Ох… Хорошая дрянь. Но тебе, дорогой, она уже не достанется. Да… Чего смотришь? Чего смотришь, ты? Жалко? Ты скоро еще не то потеряешь… Черт возьми, да у тебя даже яйца отрежут!.. — она рассмеялась хриплым неестественным смехом. Даже сквозь туман Маадэр видел искаженные черты ее лица, — Не смотри на меня, падаль!

Она подошла к нему, наклонилась и протянула руку. Он подумал, что она хочет ткнуть пальцами ему в глаза, но она лишь закрыла ему веки, как мертвецу.

Он оказался в полной темноте, утратив важнейшее из оставшихся при нем чувств.

— Вот так! Ублюдок… Падаль…

Он мог слышать, как она упала на диван. Судя по всему, сейчас ее должна была накрыть основная волна. И она накрыла — Маадэр услышал, как женщина быстро задвигалась, словно в конвульсиях, несколько раз громко вздохнула и замерла. Не

смерть — шань-си даже в такой концентрации не способен убить — лишь глубокая пропасть для сознания, из которой она выберется в лучшем случае завтра.

«Если бы она не успела позвонить… — подумал он, — Если бы она только приняла чертово зелье до этого…»

Тогда у него был бы шанс, что его тело очнется до приезда коллекционеров. Но они не станут оставлять добычу мерзнуть в такую ночь, они прибудут уже скоро. И, возможно, он успеет поблагодарить судьбу за то, что его глаза теперь закрыты и не способны увидеть продолжение.

«Может, тогда ты наконец перестанешь скулить!»

Сперва он не понял, что это, а потом все его сознание содрогнулось в мысленном крике, осветив на мгновение темноту, в которой он находился:

«Вурм!»

«Я тут».

«Проклятый змей! Ты тут! О дьявол… Ты все это время был тут, да?»

«Я не мог упустить возможности наблюдать, как ты скорчился, такой беззащитный и жалкий. Считай это моей наградой за все то, что ты заставил меня пережить».

«Чтоб тебя разорвало! Ах ты мерзкий, скользкий, поганый…»

«А я думал, что по друзьям принято скучать… Успокойся, мы еще не закончили дело. Сосредоточься. Сюда едут коллекционеры».

«Что со мной, черт возьми?»

«Она вырубила твое тело — как мы и ожидали».

«Почему ты не помог?»

«Да успокойся ты… Я все сделал. Био-агент был блокирован. Если бы он подействовал, ты бы не мог испытывать даже это сомнительное удовольствие предаваться своему страху. Я просто тебя… обездвижил. Это было необходимо. Мы работаем с опытными людьми, хозяин. Я не хотел, чтоб она что-то заподозрила, поэтому сымитировал необходимую реакцию организма».

«Так я в порядке?»

«Почти в полном. Я разложил био-агент на составляющие и утилизировал силами твоего тела. Конечно, твоя печень тебе за это спасибо не скажет, но это уже мелочь, согласись…»

«Если ты наигрался, отдай мне мое тело обратно».

«Еще не время, — Маадэру почудились в голосе Вурма несвойственные тому извиняющиеся интонации, — Подожди немного».

«Что значит — не время? Эта шлюха отрубилась, у меня есть

несколько минут чтобы придти в себя, добраться до оружия и приготовиться к встрече гостей. Коллекционеры прибудут вот-вот, а я валяюсь кверху брюхом точно черепаха!..»

«Мы не должны что-то предпринимать до тех пор, пока не убедимся, что наживка полностью захвачена. Если здесь есть какая-то система наблюдения или…»

«Я бы почувствовал ее».

«Ты не почувствовал даже войс-аппарат в метре от собственного тела. Нет, Маадэр, мы не станем рисковать. Если им покажется, что что-то не так, они или изрешетят эту каморку, или попросту исчезнут. Это будет значить, что все было напрасно».

«То есть „рисковать“ и „лежать парализованным, ожидая прибытия банды профессиональных убийц“ — для тебя одно и то же? Вурм!»

Вурм не отозвался, и Маадэр понял — его компаньон не намерен отвечать. Когда Вурм принимал решение, он не был склонен к спорам. Проблемой иногда было лишь то, что его решения во многом влияли на самого Маадэра.

«Вурм! Ах ты дрянной мусорный червь, ты же не оставишь меня лежать вот так? Вурм! Дай мне хотя бы открыть глаза!»

Что ответа не будет — он понял сразу. Это значило, что нет смысла тратить силы и время на пререкания или тщетные попытки вернуть себе контроль над собственным телом. Это значило — надо готовиться к тому, что последует за этим.

Он ничего не знал о том, как действуют коллекционеры. Эта грань деловой жизни Пасифе никогда не была связана с порученными ему контрактами. Даже по здешним меркам коллекционеры считались невидимками, с чьими методами и работой познакомиться могли лишь их клиенты — и, как правило, слишком поздно чтобы рассказать о них кому-то еще. Конечно, существовали и гораздо более опытные специалисты по конспирации, но в их кругу незаконная трансплантация или похищение людей выглядели скорее легкомысленными шалостями, чем насущными делами.

Маадэр подумал о том, сколько человек явится по его душу. А точнее — по его тело. Несомненно, больше одного. В одиночку работают только специалисты, которые полностью уверены в своих силах — и в любой ситуации, что встречается довольно редко. Страховка важна в любом деле. Кроме того, одному, даже физически развитому человеку, будет затруднительно тащить тело в «морозилку». Двое? Трое? Маадэр прикинул, что во всяком случае — не больше четырех. Коллекционеры не передвигаются толпой, они рассчитывают все заблаговременно и не путаются друг у друга под ногами. Может, поэтому ему не случалось

прежде их видеть за работой.

Пусть — четыре… В барабане револьвера шесть патронов — это означало, что позволить себе более двух промахов он не мог. Маадэр с неудовольствием подумал о том, что как бы быстро Вурм не восстановил его чувства и подвижность, тело, погруженное на длительное время в искусственный паралич, все равно не сможет двигаться на том уровне скорости, который от него потребуется. Это значит — без адреналинового коктейля не обойтись… Маадэр не любил подобное вмешательство в свою нервную систему, оно стоило весьма неприятных ощущений, а кроме того — сильно опустошало как его, так и самого Вурма. Но в некоторых ситуациях без этого обойтись было сложно.

«Стрелять только когда все спустятся вниз, — подумал он, — Когда подойдут поближе. В первую очередь надо будет убрать тех, кто стоит у двери. Если хоть один успеет выскочить…»

Маадэр ощутил неприятный холодок под сердцем. Наверняка у двери есть надежный механизм блокировки — коллекционеры всегда держат свои владения неприкосновенными. Без всякой электроники, просто и надежно, в их духе… Если хоть один из них успеет покинуть каморку и захлопнет дверь, все дальнейшее будет очень и очень паршивым. В лучшем случае через какое-то время заявится еще одна команда, но уже не «грузчиков», а другого профиля. С несколькими патронами в барабане ему не вытянуть и минуты, здесь нет ни других выходов, ни укрытий, с точки зрения тактики — дело гиблое. Но, может, они даже не захотят лезть под пули…Достаточно залить внутрь несколько литров какой-нибудь горючей дряни и бросить спичку.

Иногда коллекционеры, когда кому-то удавалось их по-настоящему разозлить, могли действовать куда как оригинальнее.

Маадэр опять вспомнил еще одну «морозилку», которую они с Велродом вскрыли много лет тому назад. Человекообразные коконы вдоль стен, когда-то бывшие самыми настоящими людьми, морозный, чистый, как в крио-камере, воздух, пляшущие по стенам пятна фонарей, выхватывающие переплетения пластиковых трубок, похожие на клубки гигантских червей, и чьи-то посеревшие, покрытые пергаментной кожей, конечности…

— …вон там, — Велрод указал рукой куда-то вперед, — Видишь?

Маадэр не видел. Но чувствовал — ничего хорошего там обнаружиться не может. Жутковатый склад живой продукции напоминал ему логово земляной осы, где лежат, парализованные в нервный центр ее жалом, насекомые. Скоро из отложенных яиц вылупятся личинки — и примутся пировать еще живой плотью…

Маадэр потряс головой.

— Что это?

Сперва ему показалось, что там, куда Велрод указывает лучом фонаря, прямо на полу расположен какой-то большой и сложный механизм, но его контуры были слишком причудливы, чтоб он смог понять назначение странного устройства. Оно было, без сомнения, большим — и тянулось едва ли не на всю ширину коридора. И еще в нем не было металла, только блестящий пластик — и что-то еще, серое, тянущееся…

— Судя по всему, это Бергманн, — Велрод с интересом изучал загадочную находку, — Подойди поближе, не бойся. Тут уже нечего бояться.

Маадэр подошел. Загадочное устройство оказалось нагромождением емкостей самой разной формы, между которыми тянулись стеклянные и пластиковые трубки. Маадэр присмотрелся — по трубкам бесшумно что-то струилось. Желтое, багровое, серое… И еще тут царил неприятный запах — еще хуже, чем в самой «морозилке» — точно кто-то оставил здесь надолго рыбные консервы, и те уже начали приходить в негодность.

— Что такое Бергманн?

— Человек. Макс Бергманн. Не слышал? Должен сказать, сделано не без изящества, — Велрод покачал головой, — Мерзавцы умеют работать. Смотри, вон там его желудок… По крайней мере, мне так кажется. Это кишечник. Господи, сколько же метров он тянется… Эй, Куница!

— Порядок… — Маадэру пришлось сделать несколько глубоких контролируемых вдохов чтобы вновь открыть глаза, — Я просто… Я имею в виду, достаточно… необычное зрелище.

Велрод усмехнулся в усы.

— Этот парень пропал месяца три назад. Думаю, он был здесь все это время. Я подозревал, что коллекционеры сыграют с ним в «полную разборку» после того, что он выкинул, но не знал, где его держат. Видишь самую большую банку? Его мозг. Между прочим, чтобы поддерживать нужную температуру и питать все это оборудование, должно уходить куча энергии.

— «Полная разборка»?

— Только не говори, что не слышал. В эту игру коллекционеры обычно играют с теми, кто был с ними невежлив.

— Я только два года на Пасифе.

— Что, и слухов не слышал?.. — удивился Велрод.

— Не приходилось.

— Э, а когда-то это было популярное развлечение в этих местах… — Велрод вздохнул, — Между прочим, весьма сложная процедура, сродни искусству. Видишь, его сердце бьется, и все прочие органы тоже при деле, даром что разложены по банкам

как набор для супа. Для того чтоб провернуть такое нужен толковый опытный хирург, не говоря уже обо всей этой машинерии… Нет, в «полную разборку» играют не для удовольствия, а для воспитательного эффекта.

— Воспитательного… для кого? — уточнил Маадэр, стараясь не смотреть в сторону того, что еще недавно было Бергманном. Точнее, и сейчас им оставалось — к несчастью для него самого.

— Для всех. В первую очередь — для самого виновника. У него возникает много времени чтобы подумать о том, к каким неудобствам для других людей привели его необдуманные действия. Время ему предоставляют коллекционеры, желание возникает само по себе, уверяю. Жертву препарируют, обычно под общим наркозом и аккуратно размещают каждый его орган отдельно — при этом не нарушая функционирования. Хирургов, способных на такое, все меньше в наше время… Конечности, мышцы и все прочее, что не годится — просто отсекают. Череп трепанируют, грудную клетку распиливают…

— А органы чувств?

— Остаются. Большая часть. Посмотри туда.

Маадэр перевел луч фонаря туда, куда подсказывал Велрод — и сразу отвел его в сторону. Несмотря на это, еще несколько секунд ему казалось, что он продолжает это видеть — две небольших серовато-красных сферы, покачивающихся в банке с каким-то густым прозрачным раствором.

— Глаза. Двигаться, сам понимаешь, они не могут, мышц давно нет, но соединены со зрительным нервом, здесь все по-честному. Еще должны быть уши, но я их пока не вижу… Бедняга занимает добрых три квадратных метра… А при жизни он был щуплым и невысоким.

— Что он сделал?

— Он сделал глупость. Но я понимаю, о чем ты. У Макса Бергманна были затруднения финансового характера. Проще говоря, ему нужны были деньги. С чего-то подобного начинается много интересных историй на Пасифе, Куница… Каждая из этих историй развивается по-разному, но история Бергманна оказалась весьма короткой. Как ты уже, думаю, понял, он связался с коллекционерами. Если бы ему вздумалось продать что-то из своих органов, к примеру, почку, или глаза, все могло бы закончится неплохо для него. Есть ситуации, когда человек с радостью пожертвовал бы даже своими руками… Но этот недоумок умудрился продать коллекционерам свою жену.

— Жену?!

— Да. Это было глупой затеей, Макс, — Велрод обратился к разложенным в кажущемся беспорядке емкостям, — И у тебя было

достаточно времени чтобы это понять, не так ли? В общем, он продал свою жену этим шакалам. В этом нет ничего странного, такие случаи бывают… Подсыпал снотворного, дождался, пока она отрубится, позвонил… Проблемой было то, что в своих чувства он определился слишком поздно.

— Не понимаю.

— Когда прибыли коллекционеры — а они прибывают быстро — он решил, что не готов ее отдать. И это тоже было глупо. Если ты заказываешь еду в ресторане, заказ можно отменить. Если ты заказываешь чье-нибудь убийство — заказ почти всегда можно отменить, коли не спущен курок. Но если ты продаешь кого-то коллекционерам — это решение отмене не подлежит. Поэтому перед этим принято хорошо думать.

— И что дальше?

— Коллекционеры не приняли отказа, а несчастный Макс был скор на руку, и нрава самого горячего. Тем двум, которые прибыли за его женой, он всадил по пуле в грудь. Это было последней глупостью из всех, которые ему суждено было совершить в этой жизни. Уже на следующий день он был расфасован по дюжине банок… Ирония судьбы в том, что его жене в назидание жизнь сохранили. Чтобы она рассказала остальным, что бывает, если нарушить слово делового человека на Пасифе. Я слышал, ей преподнесли в подарок ее мужа — я имею в виду, те его части, в которых уже не было необходимости.

— Он жив… сейчас?

— Как видишь. Если это, конечно, жизнь. Обычно те, с кем играют в «полную разборку», выдерживают до полугода. Но разум человека слабее, чем его тело… Он способен выдержать эту пытку не более месяца. После этого все. Да и кто тут не рехнется…

— То есть он сошел с ума?

— Без сомнения.

— Тогда что нам с ним делать?

Велрод усмехнулся.

— А что по-твоему, Куница? Погрузить его на тележку и отвезти домой? Чтобы стоял у жены вместо аквариума? Посмотри на него — ему уже никто и ничем не сможет помочь… Кроме нас, разве что.

— Как?

— А как еще… — Велрод извлек из кобуры короткий автоматический пистолет и направил его на самую большую емкость, — Пока, Макс.

«…Маадэр!»

Он вздрогнул бы, если б у него было тело. Мысленный крик Вурма вновь заставил его вынырнуть из воспоминаний. Он был не

в «морозилке», он лежал на полу в каморке проститутки, крошечной, душной и тесной.

«В чем дело?»

«Для человека, который планирует дерзкую засаду, ты позволяешь себе слишком много времени проводить в царстве прошлого».

«Дьявол тебя раздери, я не могу даже видеть!»

«Но я оставил тебе уши, не так ли?»

«И что я должен был услышать? Дверь не открывали. Я слышу дыхание этой стервы, только и всего».

«Шум мотора. Кажется, прибыли новые хозяева твоего тела».

7

Ему следовало догадаться, что коллекционеры прибудут на автомобиле. Если подумать, это было вполне разумно. Никто не станет тащить ночными улицами обмякшее бессознательное тело — никто с осторожностью коллекционеров. Куда проще незаметно бросить его в автомобиль и вывезти в любом нужном направлении. Штука дорогая, особенно учитывая цены на топливо, но коллекционеры себе такую игрушку позволить могут, в этом Маадэр не сомневался.

Звук открывающейся двери он услышал без посторонней помощи. В комнату вошли люди, он не знал, сколько, но определенно более одного.

— Интересная картина, — сказал кто-то совсем рядом, — Один звонок — и два тела. Астра! Астра, черт тебя возьми! Кажется полная отключка… Вальтер, приведи ее в чувство.

Маадэр услышал несколько громких шлепков, видимо тот, кого звали Вальтером, пытался привести женщину в чувство с помощью пощечин. Ему это показалось весьма наивным — под таким кайфом можно отгрызть себе все пальцы, и то не почувствуешь — но он был лишен возможности сообщить им об этом.

— Отрубилась наглухо, — произнес другой голос, помоложе, — Не знаю, чего она нажралась, но, видимо, перестаралась… Даже пена изо рта, гляди… Думаю, нашла какую-то дрянь у клиента. Как он?

— В порядке, — Маадэр ощутил удар чем-то плотным по ребрам, видимо его пнули ногой, но боли не испытал и мрачно подумал, что в искусственном параличе есть хоть что-то удобное, — Астра не врала, красавчик тот еще…

— Если хлодвиг, просто сломай ему щею. Генетический мусор. Даже костная ткань непригодна.

— Не хлодвиг. Выглядит пристойно. Местный.

— Документы?

Маадэр ощутил прикосновение — его обыскивали во второй раз, но теперь уже — уверенно и со знанием дела.

— Клиент при пушке, — Маадэр услышал шелест извлекаемой стали, — Гляди-ка… Никогда такой не видел. Машинка-то Консорциума, судя по всему, хоть и потрепанная. Не очень она ему пригодилась, а?

— Дай посмотреть… Да, редкая штука. Я слышал, у земных кротов было что-то похожее.

— Кого-кого?

— Кроты. Люди внедрения. Агенты и прочая шваль… На пятидесяти шагах из такого вряд ли попадешь, но вблизи шесть дырок оставит одна в другой.

— И патроны непривычные.

— Не удивлюсь, если ардоритом начинены. Это такая волшебная пыль, которая вступает в реакцию с гемоглобином в твоей крови, раскаляя его до сверхвысоких температур. Понимаешь, что это значит?

Его собеседник был достаточно сообразителен.

— Кровь закипает прямо в теле?

— Скорее, сжигает все, что может гореть. Раненых после ардорита не остается. Химическая, чтоб ее, реакция. Лет десять назад, когда мы брали консорциумную крысу при такой пушке, про плен и не заикались…

— Спрячь обратно, — посоветовал его напарник, — Что сам клиент?

— Мерценарий — вон и татуировка. На богатого не похож.

— Богатых мерценариев не бывает. Но сохранился неплохо. Несем?

— Угу. А с ней что делать?

— В машину ее. Я ей много раз говорил, чем закончит. Видимо, судьба такая… Да и сколько ей оставалось…

— И то верно. Ну, сама себе срок сократила… В один прием осилим?

— Ни к чему, лучше два раза сходим. Давай сперва ублюдка.

Маадэр ощутил, как его тело меняет свое положение в пространстве, видимо его подняли и понесли. Кажется, их было всего двое — удачное обстоятельство.

«Никогда не ходите на опасное дело вдвоем, — говорил когда-то Велрод, — Два — плохое число. Во-первых, ты теряешь бдительность, полагаясь на напарника, который никогда не заменит тебе глаза на затылке. Упуская что-то из виду, ты приближаешь смерть вас обоих. Во-вторых — если на вас нападут внезапно, пусть даже это будет одиночка, его первый удар поразит цель с высокой вероятностью — а значит, ты останешься один на один с противником — и уже без численного превосходства».

Тогда Маадэру эта мысль показалась интересной, но слабо привязанной к действительности — он был на Пасифе уже несколько лет и считал себя если не специалистом, то по крайней мере не новичком в оперативной работе.

«Сколько же человек должно быть в группе?»

«Трое. Три человека имеют оптимальный сектор обзора, не перекрывая видимость друг другу. И они могут реализовать

большое количество тактических схем, смотря по обстоятельствам — к примеру, двое могут прикрывать одного или один — двух…»

«Тогда четверо — еще лучше?»

«Напротив. Люди числом более трех мешают друг другу, осознанно или нет».

«То есть три — идеальное число?»

«Не идеальное. Оптимальное. Когда-нибудь поймешь, Куница. Идеальное — это один».

Несли его недолго, видимо машину оставили перед самым домом. Маадэр почувствовал сотрясение и понял, что по всей видимости, уже находится внутри. Врядли это была легковая машина, в такой неудобно перевозить тела, а коллекционеры намерены прихватить и свою потаскуху… Скорее всего, полугрузовая, относительно просторная, с достаточно вместительным кузовом-фургоном.

— Как его показатели?

Второй коллекционер молчал несколько секунд.

— Порядок. Кровяное давление минимальное. Жить будет.

— А энцефалограмма?

— Нервная деятельность на остаточном уровне. Состояние стабильной кататонии. Наглухо парализован.

«Так вот почему ты не оживил меня, — сообразил Маадэр, — Догадался, что они изучат своего нового клиента?»

«Они специалисты в своем деле. А я не хотел, чтоб ты попался так нелепо и глупо. Так что пока придется тебе побыть в полу-отключке. Но я уже начал разогревать твое тело. Не пытайся двигаться!»

«Оно отреагирует, когда это потребуется? Мне нужна будет скорость».

«Твой пистолет по-прежнему у тебя за ремнем, тупица. От тебя не потребуется ничего сверхсложного — только дотянуться до него».

«Я ни черта не вижу. Я не могу стрелять вслепую».

«Подожди, я попробую кое-что сделать…»

Вурм замолчал и секунд десять что-то делал. Это «что-то» Маадэр ощущал сериями коротких, немного болезненных уколов в области лобных долей. Когда Вурм работал с его телом, это редко было приятно. Но, по крайней мере, за результат ему беспокоиться не приходилось.

Волной накатила темнота, еще более глухая, чем та, которая была перед ним последние полчаса, он потерял ориентацию в пространстве и собирался окликнуть Вурма, когда внезапно понял, что способен видеть.

Но мир, который он вдруг увидел, отличался от того, каким он обычно был. Этот мир был соткан из грубых штрихов всех возможных оттенков серого, точно перед глазами у Маадэра была картина, нарисованная углем, только картина эта шевелилась — каждый штрих едва заметно вибрировал, точно еще не утвердился окончательно в пространстве. От его созерцания немного кружилась голова, но зрелище в целом было насколько удивительным, что некоторое время Маадэр просто молчал.

«Ну как? — поинтересовался Вурм довольно, — Устраивает?»

«Нет слов. Я даже не хочу спрашивать тебя, как ты это сделал, но чтоб тебя разорвали раковые клетки, если мои глаза до сих пор не закрыты!»

«Для того чтоб видеть — глаза не обязательны… Ты стал летучей мышью, Маадэр».

«Погоди… Ты имеешь в виду… Отраженные волны и…»

«И колебания. Твоя нервная система в моих руках, как ты помнишь. Это было нетрудно. В каком-то смысле ты сейчас видишь звук».

«Я перестал завидовать летучим мышам. Здесь трудно ориентироваться. Каждый предмет будто… вибрирует, и у него очень зыбкие контуры».

«Для боя в ограниченном пространстве, который продлится, самое большее, три секунды, тебе должно хватить».

«Будь уверен, я стану самой опасной чертовой летучей мышью на этой планете. И, кажется, единственной…»

Коллекционеры принесли женщину. Теперь Маадэр мог видеть их, пусть даже и в таком, непривычном для себя, отображении. Они тоже были сотканы из шевелящихся черных и серых нитей, Маадэр мог даже различить угловатые, постоянно плывущие контуры лиц. Их дыхание образовывало облака непрозрачного пара, а слова превращались в неяркие вспышки, освещавшие окружающие предметы. Маадэр представил себе, как будет выглядеть в тесном замкнутом помещении выстрел и подумал о том, что привычного зрения ему все же будет не хватать.

«Не проще ли вернуть мне глаза, когда я буду готов? — спросил он».

«Нет, — отозвался Вурм, — Как только ты откроешь их, ты ослепнешь от яркого света. Конечно, я могу заняться этим, но предпочитаю в такой момент управлять непосредственно твоей нервной системой и в случае чего придти на помощь».

Маадэр задумался. Он видел внутренности кузова — тесное помещение, в котором он сам занимал едва ли не половину — но не задумывался об освещении. В этом мире, состоящем из серых

мазков, не было света.

«Снаружи яркий свет?»

«Да».

«Я вижу лампу наверху, но не могу определить, включена ли она».

«Поверь мне на слово — включена».

«Но ты же пользуешься только моими органами чувств, Вурм! Как ты можешь определить это?»

«Я контролирую и уровень меланина в твоем теле, идиот. А теперь замолчи».

Маадэр повиновался. Мысль о том, что кто-то чужой разбирается в его собственном теле на порядок лучше него самого, давно уже не вызывала былого раздражения. Вурм делал его эффективнее, это было главным.

Женщину положили рядом с ним, она по-прежнему была без сознания и Маадэр с некоторым злорадством подумал о том, что сейчас она, наверно, блуждает коридорами ужаса, из которых, окажись ее сердце неподготовленным к этому, иногда можно и не выбраться.

Один из коллекционеров забрался в кузов и устроился на скамье рядом с Маадэром, другой обошел автомобиль и забрался на водительское место. Все-таки двое, не трое. Кабина была отделена от кузова глухой стеной, верхняя часть которой представляла собой непрозрачную для глаза решетку. Маадэр мысленно улыбнулся — его новые глаза не считали ее преградой. Силуэт коллекционера на переднем сиденье был нечетким, рваным, но все же заметным.

«Начинаем через пять секунд, — деловито сказал он Вурму и с удовольствием почувствовал, как его тело начало оживать. Чувствительность еще не вернулась, но исчезла водянистая тяжесть в мышцах, кровь потекла быстрее, — Будь готов подстраховать меня».

«Я всегда рядом».

Маадэр постарался успокоиться и стереть все лишние мысли. Он чувствовал удары собственного сердца, и по ним, как по метроному, отсчитывал секунды. Секунды были медленными и неспешными.

«Четыре. Три. Два. Один».

Ощущения вернулись к нему скачком, на секунду вновь дезориентировав. Маадэр был уверен, что Вурм как мог пытался смягчить переход, но его тело было телом человека, и не более того. Сейчас оно казалось огромным, многометровым, сигналы мозга шли к его конечностям бесконечно долго, а может, это окружающий мир замедлил свое течение…

Рука коснулась рукояти револьвера не сразу — коллекционер, сидящий рядом, уловил краем глаза движение тела на полу. Он был достаточно сообразителен и опытен, но он не умел быстро действовать и, скорее всего, не умел быстро думать. Оставшиеся полторы секунды своей жизни он потратил на то, чтоб вскочить и запустить руку в карман.

Ствол «Корсо» плясал, словно находился в руке у пьяницы, Маадэр направил его в живот коллекционеру и потянул за спусковой крючок. Какое-то мгновение ему казалось, что силы руки не хватит, чтоб взвести тугой курок, и револьвер сейчас упадет на пол куском бесполезного металла. А вслед за этим в бесцветной вспышке исчезнет он сам.

Выстрел разорвал тишину и разметал ее клочья.

Маадэр увидел его как огромный черно-серый гриб, выросший из ствола револьвера и прыснувший во все стороны ворохом иссиня-черных извивающихся волокон. Коллекционер, успевший встать, рухнул обратно на скамью, подернулся серым… Маадэр выстрелил еще раз. В этот раз он, кажется, попал в грудь — коллекционер скатился на пол и замер. Его напарник за решеткой не мог придти на помощь — когда раздались выстрелы, он повернулся к двери, но открыть ее так и не успел — Маадэр направил на него револьвер и вновь выстрелил. Тонкая металлическая решетка не была серьезным препятствием и для пули — коллекционер выгнулся дугой и уткнулся лицом в приборную доску. Маадэр ощутил лицом теплую волну — внутри автомобиля на несколько секунд стало нестерпимо душно, это души коллекционеров взмывали в низкое небо Пасифе вместе с волной теплового излучения, в которую превратилась их кровь.

— Все, — сказал Маадэр в пустоту перед собой.

Непослушной рукой он нащупал замок и распахнул дверь. Свежий ночной воздух, смешанный с ледяной влагой, ворвался внутрь, но сейчас Маадэр обрадовался ему. Он прополз к образовавшемуся проему и, не удержавшись, вывалился наружу. Тело еще не подчинялось ему полностью.

«Сейчас пройдет, — пообещал Вурм, — И зрение я вернул».

Мир, как и прежде, был серым и черным. Маадэр коснулся ладонью мокрого асфальта и некоторое время смотрел на свои пальцы.

— Ничего не изменилось. Дьявол, ты опять что-то перепутал! Вурм! Верни мне глаза!

«Ты идиот. Снаружи ночь».

Маадэр хрипло рассмеялся. Это должно было глупо выглядеть со стороны — мужчина выпал из автомобиля в лужу, но вместо того чтоб подняться, лежит там и со смехом смотрит на

свои руки. Но наблюдать за этим было некому.

Он позволил себе еще несколько секунд бездействия, потом поднялся и залез обратно в кузов.

— Посмотрим, ради чего я пережил несколько не самых приятных минут в моей жизни… — пробормотал Маадэр, запуская руки в карманы коллекционера. От мертвеца несло паленым, едким, его лицо превратилось в один большой ожог, от которого Маадэр машинально отводил взгляд. Вряд ли этот несчастный ублюдок успел составить свое мнение об ардорите до того, как невидимый огонь выжег его изнутри, — Негусто, я ожидал более солидного улова.

«Ты сам чуть не стал уловом».

— Восемьдесят рублей наличными. Это едва ли стоило моего времени.

На голове мертвеца была не новая, но еще достаточно сохранившаяся фетровая шляпа с мягкими полями. Поколебавшись, Маадэр снял ее и, покрутив в руках, нахлобучил на свою голову. Он не любил присваивать вещи мертвецов, от которых еще пахло их прежними хозяевами, но ничего не мог с собой поделать. Головной убор на Пасифе был не столько предметом моды, сколько насущной необходимостью, хоть как-то позволявшей справляться с местной погодой, а также относительно прикрывать лицо. Маадэр не любил, когда его узнавали на улицах, и сейчас причина для этого была веской как никогда.

«Кажется, я опять становлюсь мародером, — подумал он, поправляя на голове непривычную шляпу, — Пожалуй, это можно считать понижением по карьерной лестнице».

Оружия у коллекционера не оказалось, Маадэр вывернул карманы и обнаружил лишь иньектор вроде того, что был у женщины. Коллекционеры или были слишком самоуверенны. Либо они не опасались сопротивления своих жертв, либо же были дураками. Маадэр склонен был поверить в первое.

Он забрался в кабину и осмотрел второго мертвеца. Тому повезло больше — тяжелая пуля вошла аккуратно в затылок и вышла через лоб, уже не так аккуратно. Но, по крайней мере он умер сразу. В его профессии это можно было считать и везением.

— Сорок шесть рублей… Господи, если в этом городе обеднели даже коллекционеры, верный знак — пора отсюда бежать…

«Ты можешь взять автомобиль. На черном рынке за ночь тебе не получить за него и половины, но все равно это добрых три-четыре сотни».

Маадэр покачал головой. Он хорошо знал правило мелких

хищников Девятого — никогда нельзя открывать пасть шире, чем требуется для того чтоб утащить добычу. И пусть добычей сегодня станет мелкая рыбешка, зато сам сохранишь голову…

— Я предпочитаю не связываться с громоздкими вещами. Автомобиль — слишком броско, слишком заметно. В Восьмом он не бросился бы в глаза, но тут выглядит как золотой зуб во рту лепра. Нет, с этим хламом мы простимся.

«Ты только что убил двух человек ради денег, которых тебе хватит в лучшем случае на пару дней».

— Я не собираюсь обустраиваться тут на зимовку. Этих денег мне хватит на крышу над головой, еду и эфедрин, а остальное нас с тобой сейчас беспокоить не должно. Раздобудем «Сирень» — и к черту отсюда…

«Ты ничего не забыл?»

— А?

«Женщина».

Маадэр негромко выругался.

— Вылетело из головы. Думаешь, это обязательно?

«Она видела твое лицо. Уверяю, забудет она его не скоро. Оставишь ее — еще до рассвета тебя найдут и заживо препарируют. Думай сам».

Маадэр вздохнул.

— Что ж, по крайней мере она умрет счастливой.

Он вернулся к автомобилю. Женщина лежала на прежнем месте, неподвижная и съежившаяся. Лицо ее было искажено, веки приоткрыты, глаза закатились. Едва ли то, что она сейчас переживала, доставляло ей удовольствие.

— Тем лучше… — пробормотал Маадэр, доставая револьвер, — Будем считать, что я оказал тебе услугу…

В холодной ночи одинокий выстрел треснул сухо и неприятно.

8

Человек, который сидел напротив Маадэра, не постарел за все это время ни на год. Это показалось ему странным.

На Пасифе быстро стареют. У тех, кто прибыл сюда в двадцать лет, седина появляется в двадцать пять. Те, кто здесь родился, до седины редко доживают. Он выглядел так, как десять лет назад — аккуратная борода, скрывающая массивный подбородок боксера, и очки в тонкой серебристой оправе, с которыми он делался похожим на добродушного, уже начинающего стареть, университетского профессора. Добродушие Гэвина Велрода было частью его фальшивой кожи, его маскировки. И он пробыл на Пасифе достаточно долго, чтобы его маскировку можно было считать удачной.

— Ты ошибся, Куница, — четко и безжалостно произнес Велрод, глядя Маадэру в глаза.

Маадэр ощутил неприятную сухость в горле.

— Я действовал по ситуации.

— Когда агент действует по ситуации, забывая про инструкцию, это значит, что ситуация требует решительных действий, а агент в состоянии контролировать ее любым доступным способом. Ты контролируешь ситуацию, Куница?

Куницей называл его только он. В отделе «Куница» было его оперативным позывным. Позывных было много, у каждого свой, время от времени агенты менялись своими именами, возникали другие… «Сойка», «Господин из Дрездена», «Снеговик», «Иоанн», «Квадрат» — в Конторе уважение к конспирации прививали в первую очередь. Но никто не называл ими друг друга в разговоре. Невысокий субедар по имени Этельберд Йенч стал исключением.

Маадэр не ответил. Велрод не любил задавать риторических вопросов, считая их тратой времени, но по его тону всегда можно было понять, требует ли заданный им вопрос ответа. Иногда вопрос требовал мгновенного ответа. Иногда наставник не торопил, но требовал полной в этом ответе уверенности. Люди, которые не были способны ответить на поставленный вопрос, в их отделе надолго не оставались.

— Три тела, — Велрод загнул три пальца. Пальцы у него были крепкие, смуглые, — Знаешь, сколько денег в тебя вложил Консорциум, Куница? Тебе таких денег в руках держать никогда не придется. Над тобой работали лучшие профессионалы, которые пытались превратить тебя в эффективный и надежный механизм, способный на самую тяжелую, самую жесткую, самую невыносимую работу. Ты собран их руками, Куница.

— Мне нужны были деньги… — Маадэр с неудовольствием услышал в собственном голосе извиняющиеся интонации.

Велрод покачал головой.

— Ты мог их добыть десятком способов, даже не имея оружия. С оружием количество способов, которыми можно добыть сумму ночью в Девятом, увеличивается во много раз! Ты выбрал банальный примитивный грабеж. Еще и с этой… ловлей на живца.

— Это показалось мне наиболее эффективным.

— Ты убил троих. Причем сделал это не как дорогой специалист, а как неуклюжий убийца-дилетант! На улице Девятого теперь стоит машина с тремя трупами внутри. Трупами коллекционеров. Как ты думаешь, какой первый вопрос зададут себе их хозяева, когда это увидят?

— «Интересно, можно ли из них вытащить хотя бы печень?..».

Велрод смерил Маадэра взглядом, от которого сами собой скрипнули, перетираясь друг об друга, зубы. Он ценил хорошую шутку, но полагал, что всякой хорошей шутке должно быть свое место. Как и всякому человеку. Люди, которым, по мнению Гэвина Велрода, в мире места не находилось, обычно исчезали очень быстро.

— Нет, Куница. Они спросят «Где тот человек, что их убил?».

— Я был осторожен, следов не осталось.

— Следы остаются везде и всегда, но не везде и не всегда рядом оказывается человек, который сможет их понять.

— Я исправлю свою ошибку, — торопливо сказал Маадэр, ощущая, до чего же воздух здесь тяжелый и пресный, — Я могу.

— Не исправишь, — Велрод вновь качнул головой, — Прощай, Куница.

И вынул руку из-под стола. Маадэр успел удивиться тому, что и пистолет Велрода ничуть не изменился за все эти годы, даже царапин не прибавилось, а потом…

Он не сразу понял, где находится. И некоторое время лежал, глядя перед собой в темноту. На языке остался сладковато-соленый привкус сна. Тяжелого, липкого сна, оставившего на теле слизкую испарину. Маадэр со вздохом поднялся и взглянул на часы. Они показывали восемь.

— Так я окончательно превращусь в параноика… — сказал он сам себе.

«Ты давно им стал», — Вурм отозвался так быстро, словно ждал чего-то в этом духе.

— Забавно, мне впервые приснился Велрод. Впервые за все эти годы. Твои проделки, могильный червь?

Вурм ухмыльнулся.

«Скажем так, я приложил к этому руку. Но я не

контролировал твой сон. Всего лишь вложил нужные образы, дальше твое подсознание сделало все само. Я просто подумал, что тебе будет неплохо пообщаться с бывшим начальником. Вспомнить его получше».

Несмотря на сон, Маадэр ощущал себя безмерно уставшим. Слишком уставшим, чтоб ругаться с собственным мозговым паразитом.

— Хорошая работа. Получился как живой, — Маадэр провел рукой по лицу, стирая с него тлеющую паутинку сна и окончательно возвращаясь в реальный мир, — Я долго про него не вспоминал. Не забыл, а просто… Не знаю.

«Он был из тех людей, которые врезаются в твою жизнь навсегда. А ты — старый дряхлеющий параноик, Маадэр».

Маадэр не услышал его, хоть Вурм и был единственным во всей Вселенной существом, чей голос мог настигнуть его где угодно.

— Сейчас бы мне пригодилась помощь Велрода. Он был хорош в своем деле. Даже не представляешь, насколько хорош.

«Я знаю».

— Ты не можешь знать этого, ты всего лишь крошечный мозговой паразит. Мы с тобой познакомились уже после того, как Велрод был мертв.

«Ты постоянно забываешь о том, что я имею неограниченный доступ к твоей памяти. Я вижу даже то, что ты сам давно забыл».

— И верно.

Маадэр начал зашнуровывать ботинки. Одеваться ему не пришлось — привычка спать одетым в любом месте за пределами дома все еще действовала. Проверив револьвер, он равнодушно подумал о том, что за последние годы сам превратился в скопище привычек. Часть из них отмирала, но часть въелась в плоть и кровь, сделавшись и его частью. Исчезнут ли они когда-нибудь, когда в них уже не будет необходимости? Или он обречен до конца жизни вести себя как тот, кем он давно не является?..

Маадэр достал тонкий стальной контейнер, похожий на пистолетный магазин, выщелкнул на ладонь крошечную белую капсулу эндорфина и отправил ее в рот. Иногда эндорфин — единственный способ избавиться от плохих мыслей.

«Каким он был?» — вдруг спросил Вурм.

— Кто?

«Велрод».

— Ты же сказал, что тебе доступна вся моя память.

«Иногда она не заменяет личных впечатлений».

Маадэр помедлил. Он чувствовал наступающую эндорфиновую волну, от которой на глазных склерах

запульсировали белые точки, похожие на крошечных мошек, а собственные пальцы становились непослушными и твердыми, как старые гвозди.

— Он был мои наставником. Когда я прибыл на Пасифе, он был первым, кого я встретил. Тогда он показался мне совершенно непохожим на агента Конторы. Он всегда отлично одевался. Он шил костюмы на заказ, представляешь? Тут, на Пасифе… Я никогда этого не понимал. Даже в Восьмом это было редкостью, а в Девятом и подавно бросалось в глаза сильнее, чем яркий фонарь посреди улицы. Он показался мне пижоном, самовлюбленным дилетантом.

«А ты был самоуверен».

— К тому времени я отслужил в «Сипае» и «Джахангире», да и Тритон… В общем, я считал себя опытным малым, а каждого, кто носил костюм и крошечный пистолет в потайном кармане — штабным самодуром. Наверно, так сперва думает каждый. Когда меня представили ему, он усмехнулся. Он был таким аккуратным, чистым… непонятным. Я сказал ему, сказал что-то обидное.

«Ты сказал — „А мне говорили, тут бывает опасно. Надеюсь, геморрой — единственная из серьезных опасностей“».

— Спасибо, Вурм. Ты и верно читаешь мою память как книгу. Так я и сказал. А он подмигнул мне и ответил — «Геморрой не единственная проблема тут, господин Йенч, скорее он станет проблемой для санитарной службы — ведь вашу задницу придется еще и искать…». Шестой отряд создавался именно тогда, и создавал его Гэвин Велрод, человек, который всегда носил хорошие костюмы. Я уже тогда знал кое-что о трущобах Девятого, и думал — каким образом этот проклятый хлыщ собирается там работать? Его же видно будет за версту! Но когда мы начали работать, я изменил свое мнение. Он действовал всегда очень аккуратно, предельно собранно, каждое его действие казалось просчитанным несколько раз, выверенным и своевременным. И еще он был незаметен. У него было такое свойство, секрет которого я не разгадал и спустя много лет. Можно было пройти в двух шагах — и не заметить. Он сливался с улицей как какой-то дьявольский хамелеон. И все это в своем извечном, шитом на заказ у хорошего портного, костюме из натуральной шерсти. Такой уж он был пижон…

«Кажется, ты по-настоящему уважал его».

— Пожалуй, так и было. Прошло много времени, прежде чем мне стало казаться, что я вижу настоящего Велрода — того, который находится за всеми бесчисленными слоями маскировки. Это был опытный и осторожный убийца. Хладнокровный, как крокодил, устроивший засаду на мелководье. Он мог шутить,

подмигивать, говорить всякие глупые вещи, но потом наступал момент, оп! — Маадэр изобразил двумя ладонями что-то похожее на закрывающуюся пасть, — и все. Для этого ему не требовалось усилие. Он просто действовал — и действовал так, что даже у меня, считавшего себя прожженным волком, на секунду замерзало сердце.

«Ужасно трогательно».

В другое время, Маадэр обратил бы внимание на эту шпильку, но сейчас, когда эндорфиновая волна захлестнула его и увлекла в мутную и горячую глубину, он слышал лишь свой собственный голос.

— Он совершил много жестоких вещей, но сам он ничуть не был жесток. Нет, я серьезно… Он просто был рационален. Когда ему приходилось убивать, это не было поступком действительно жестокого человека, он не испытывал при этом удовольствия, но это давалось ему необычайно легко. Он просто выполнял действие, которое должен был выполнить в этой ситуации. Так спокойно, как подкуривал сигарету. Это было в его натуре. Проклятый педант…

«Нидар сказал, он готовил тебя в преемники».

Маадэр рассмеялся. Собственный смех окатил его изнутри едкой кислотой.

— Возможно, так выглядело. Но я думаю, что Велрод был достаточно умен для того, чтоб не делать таких глупостей. Он готовил мою ликвидацию.

Вурм редко удивлялся. Но сейчас Маадэр явственно ощутил его удивление.

«Почему?»

— Обычное дело для карьеры в Конторе. Это не ресторан, Вурм, и не фабрика, тут не выбирают работника месяца, не выписывают карьерные баллы и не проталкивают наверх. Каждому руководителю нужен надежный проверенный человек, который прикрывает ему спину. Заместитель. Фаворит. Любимый ученик. Протеже. Какая разница…

«Это был ты».

— Это был агент Куница, достаточно проворный и хитрый, чтоб сохранить свою жизнь на протяжении нескольких лет тут, но недостаточно дальновидный и расчетливый. Это был я, Вурм. Если на протяжении долгого времени ты становишься тенью начальника, знаешь его информаторов, его проколы, его маленькие тайны, его теневые доходы — ты можешь прожить долго, но ты никогда не проживешь дольше него.

«Он думал о собственной безопасности».

— Вроде того. Никогда нельзя оставлять за своей спиной

человека, который знает больше, чем ему полагается. Кроме того, чем выше ты поднимаешься в Конторе, тем больше риск однажды оступиться и свернуть шею. В этом случае все твои подчиненные, помощники и заместители мгновенно превратятся в свору, которая не знает ни милосердия, ни снисхождения. Обычные правила человеческого общества. Если не выступишь против вчерашнего начальника — положишь козырь в карман противника, при случае тебя через пару лет смогут обвинить в пособничестве и соучастии. А ведь у любого агента КНТР в чулане хранятся скелеты. Иногда даже целые некрополи.

«Значит, он втайне готовил твою отставку?»

— Не сомневаюсь в этом. Велрод делал все обстоятельно, тщательно просчитывая и загодя. Он был человеком, привыкшим прогнозировать ситуацию на десять шагов вперед. И мое место в этой ситуации тоже было определено. Ему не нужны были тени за спиной. А я всегда бы оставался зловещей тенью для него, даже если бы Велроду вздумалось убраться на противоположный конец Солнечной системы. Думаю, мне оставалось что-то около пары месяцев.

«Значит, его смерть тебе здорово подыграла, а?»

— Пожалуй. Но отношения к ней я, как ни странно, не имею. Иногда мне не хватает Велрода, его звериного чутья, его опыта, его выдержки, но… В то же время я рад, что все закончилось именно так. Возможно, для самого Велрода это был лучший выход.

«Я снижу эффект той дряни, что ты съел, иначе всю ночь ты проваляешься тут, забывшись в воспоминаниях».

— Я думал, сейчас утро.

«Это вечер, Маадэр. Ты проспал целый день».

— Нда… — протянул он, — Хорошо меня вырубило.

События вчерашнего дня он помнил. Коллекционеры, три мертвеца в машине, ледяной дождь… Он добрался до какой-то дешевой гостиницы на другом конце города, снял номер, купил с рук немного эфедрина, покормил Вурма и себя самого…

— Нам нужно оружие, — сказал он вслух, — У меня в барабане два патрона с прошлой ночи. Надо раздобыть хоть что-то на первое время.

«У тебя не так много денег чтобы найти оружие. Про время я и не говорю».

— Верно, — признал Маадэр с сожалением, — Но новый чистый ствол мне и не нужен. Главное — чтоб он не развалился после первого же выстрела. Только вот незадача — идти к известным в Девятом ребятам, торгующим такими штуками, у меня желания нет. Там меня вполне могут ждать господа из

«РосХима».

«Ты параноик, я говорил тебе об этом?»

— Если ловишь мерценария, который употребляет наркотики и часто влипает в нехорошие истории — ищи его там, где продают наркотики и еще те свинцовые штучки, которые нужды, когда влипаешь в нехорошую историю… Тогда я побуду параноиком. Параноики дольше живут, знаешь ли. На счет подходящего ствола можно будет узнать у Боберга, старик много лет не занимается таким товаром, но, зная нашего скрягу… Конечно, есть еще старик Уэббли, но его я оставлю на крайний случай, в последний раз мы с ним расстались в прохладных чувствах.

Маадэр одел плащ, положил в карман контейнер с эфедрином и вышел из номера. Сейчас он ощущал только легкое головокружение и несколько неприятные ощущения в левом боку, там красовался умеренных размеров кровоподтек, оставленный ему коллекционером. Эфедриновое возбуждение зудело в его жилах, покалывало нёбо, копошилось в груди. Но это было не только наркотическим пост-эффектом.

Ощущение охоты, которого он так долго был лишен.

Вкус чужой крови во рту.

Сладкий запах воспоминаний.

9

В Девятом у гостиниц не было звезд. Отчасти потому, что земные традиции укоренялись на Юпитере и в его окрестностях долго и неохотно. Отчасти — потому, что здешние жители самостоятельно могли составить рейтинг. Если ты платишь за номер двадцать рублей — ты получаешь комнату, кровать, войс-аппарат и, за дополнительную плату, какой-нибудь дряни или девочку в номер. Если ты платишь десятку — ты получаешь кровать. Все остальные услуги клиент обеспечивает себе самостоятельно. Маадэр знал это, и даже находил весьма удобным. В прошлом ему не раз приходилось снимать комнаты в подобных местах.

В холле обнаружился исправный войс-аппарат. Маадэр снял трубку и, помедлив, набрал номер Боберга. Он терпеть не мог пользоваться подобными средствами связи, но принятый эфедрин давал возможность по крайней мере не беспокоиться о неприятных ощущениях.

Трубку сняли на шестом гудке.

— Куница, — сказал Маадэр негромко, — Что для меня?

На другом конце невидимого провода Боберг рассмеялся. Судя по всему, он был в хорошем расположении духа и поспешность Маадэра его развеселила.

— К чему спешка, Куница? Не прошло и суток. Только не говори, что ты принял дозу этой своей дряни и теперь без нее не можешь?

— Мало времени на болтовню. Ты нашел «Сирень»?

Боберг некоторое время молчал, точно специально испытывая его терпение. Он мог себе это позволить — и знал это.

— Я нашел твой цветок, Куница.

Маадэр глубоко вздохнул. Удовлетворение? Нет, он чувствовал что-то другое. Разочарование? Возможно. Разочарование от охоты, которая слишком быстро подошла к концу.

— Это точно она?

— Я видел маркировку, так что можешь не волноваться, не подделка. Старого образца, довоенный продукт… Тогда умели делать хорошую дрянь.

— Кто ее продает?

— Не спеши, Куница! — опять смех, — У тебя свои клиенты, а у меня свои. Но мои не любят внимания, как ты знаешь. Я сказал тебе, «Сирень» всплыла. Сперва все было глухо, я даже подумал, что это была какая-то шутка с твоей стороны… Ты человек

веселый, мог пошутить, а я старик и искать на улицах твою…

— Пожалуй, я приберегу жалость для того, кто в ней нуждается. К делу.

— В общем, когда я уже решил, что дело гиблое и про твою «Сирень» не знает ни одна живая душа на Пасифе, на меня вышел человек.

— Человек?

— Я не называю клиентов, помнишь?

— Готов поспорить, ты видел его впервые в жизни… — пробормотал Маадэр.

— Какая разница? Когда он узнал, что меня интересует его товар, а точнее не меня, а моего близкого товарища и старого друга…

— Думаю, ты сказал что-то вроде «у меня есть под рукой один идиот, который хорошо заплатит за твое зелье».

Боберг рассмеялся. Смех у него был как у обычного человека, искренний и громкий. Боберг умел получать удовольствие от жизни — всеми способами, которые она могла предоставить к его услугам.

— Ты хорошо меня знаешь, Куница… Ну да дело не в этом. Этот человек готов встретиться с тобой и продать твоей проклятой рассады.

— Сколько доз? — быстро спросил Маадэр.

— Он не уточнял. Но больше двадцати.

— Прекрасно. Это действительно прекрасно. Но почему он не решил провести сделку через тебя? Это сэкономило бы ему время, да и позволило бы не задумываться о безопасности. А ты, старый паук, смог бы заработать на этом пару процентов, так ведь?

— Ты несправедлив ко мне, Маадэр. Я предлагал ему это. Но он сказал, что встретится только с покупателем лично. Я не стал настаивать. Его правила. Я много лет веду дела и, сам понимаешь…

— Ты с готовностью обманул бы собственного внука, если бы не был слишком жаден для того чтоб завести хотя бы жену. Скажи мне имя, время и место.

— Ты всегда был слишком суетлив, — заметил Боберг, ничуть не обидевшись, — Но я тебя понимаю. Было время — и я сбивал ноги в кровь, бегая по улицам за какой-нибудь невзрачной склянкой. А теперь у меня есть дом и обеспеченная старость, по крайней мере за свою жизнь я могу не волноваться… Имя тебе ни к чему, я и сам его не знаю. Но он будет ждать тебя в половину одиннадцатого в Девятом.

— Адрес?

— Бывший склад компании «Бон-ва-Дэм». Это где-то на юго-

востоке. Думаю, ты найдешь.

— Я найду.

— Тогда удачи.

— Доброй ночи, Исаак.

— И Маадэр… — благодушный голос Боберга на мгновенье стал ниже тоном, отвердел, — Я надеюсь на твою добрую память.

— А я помню о своем обещании. Ты получишь свою дозу на пробу этой же ночью.

— Хорошо. Надеюсь, тебе повезет.

Боберг отключил свой аппарат, еще секунду Маадэр слышал в трубке лишь неровные щелчки помех, потом и сам повесил трубку.

— Странные дела, — сказал он тихо, себе под нос, — Если даже хитрый старикан вроде Боберга не сумел поживиться, это о чем-то говорит.

«Боберг тоже не всесилен».

— Он достаточно опытен, чтобы получить все то, что пожелает. Он берет тот товар, который ему нравится, и платит столько, сколько сочтет нужным. Если его, как и меня, заинтересовала «Сирень», но он был вынужден принять все условия нашего таинственного продавца, тот, видно, знает себе цену. Себе и «Сирени».

«Но это может быть и обманом. Допустим, если Боберг поднимает на уши весь черный рынок дряни на Пасифе в поисках какого-то загадочного стимулятора, может найтись человек, который этим воспользуется. И вместо смертельного зелья ты получишь какой-нибудь био-софт класса „Е“, лечащий пневмонию у младенцев».

— Конечно, когда ты покупаешь био-софт, никогда нет гарантии, что ты берешь именно то, что хочешь. Но врядли кто-то в здравом уме захочет играть в такие игры с Бобергом.

Маадэр взглянул на часы в холле. У него было два часа. Склад «Бон-ва-Дэм» располагался достаточно далеко, чтобы это время не показалось ему излишним. Он вышел на улицу.

Дождя не было, что он счел хорошим знаком, однако в этот раз промозглый вечер Девятого принес с собой туман. Туман на Пасифе не был тем проявлением погоды, которое ждали с нетерпением. В нем, как и в дожде, сосредотачивалось слишком много того, что считалось для человеческого организма если не смертельно опасным, то, по крайней мере, биологически вредным. Маадэр с удовольствием закурил сигарету и несколько минут стоял на крыльце, наблюдая за тем, как темный камень поглощает белесая, едва прозрачная пелена, опускающаяся, казалось, с самых звезд. Точно какие-то невидимые силы

заворачивали весь город в слой плотного полиэтилена.

«Как бракованный товар, — подумал Маадэр, — Который затем отправят на склад или в переработку. И верно, у этого города давным-давно вышел срок годности…»

«Да только он протянет побольше тебя, — подал голос Вурм, — Признайся, тебе и самому кажется, что в ближайшее время может приключиться какая-нибудь пакость».

«Мне это кажется с того самого дня, как я увидел в иллюминаторе Пасифе… И, надо сказать, это чувство не прошло и до сих пор. В таком деле пакость является непременным условием, надо лишь вовремя сообразить, с какого направления ее ждать».

«Безлюдный склад в самом дальнем уголке Девятого. Совсем не то место, где принято назначать деловые встречи».

«У торговцев нелегальным био-софтом с черного рынка есть свои представления о ведении дел».

«И убийство покупателя, при котором должна быть немалая сумма, вполне в эти представления вписывается, как ты знаешь. Это может быть ловушкой».

«Разумеется».

«Ты не знаешь, сколько их будет. Возможно, их там не один или два, а пятеро или даже целая дюжина. А у тебя два патрона в барабане — и больше ни оружия, ни планов. Ты считаешь, что хорошо подготовлен?»

«Ситуация и так складывается не в мою пользу, Вурм. Я на чужой территории и изначально в невыгодном положении. Если они захотят вместо био-софта предложить мне несколько грамм свинца и обшарить мои карманы, им не понадобится дюжина головорезов, хватит и одного с винтовкой… Я не собираюсь устраивать перестрелку, поэтому количество патронов не играет никакой роли. Если я увижу что-то, что подтвердит мои подозрения — я просто покину это место с той скоростью, которую ты сможешь мне обеспечить. И буду искать другие пути того, как можно подобраться к этой „Сирени“».

«Если в твоем организме не окажется столько свинца, что ты не сможешь оторвать его от земли».

«Ты — неискоренимый оптимист».

«Я могу сделать тебя быстрее, Маадэр, могу дать тебе силу, но ты слишком часто забываешь о том, что пули я останавливать не могу. И твое безрассудство однажды, рано или поздно, приведет тебя в такую ситуацию, в которой я ничего не смогу сделать».

«Раз мы оба до сих пор живы, это говорит о том, что пока нам везет, а?».

Вурм ничего не ответил. Иногда он мог казаться по-человечески обидчивым.

10

Нужный склад Маадэр нашел не сразу. Юго-восточный сектор Девятого представлял собой настоящее скопище самых разных построек, найти нужную среди которых не представлялось легким делом даже при свете солнца, ночью же это и вовсе казалось невозможным. Маадэр более получаса плутал между зданиями, прежде чем обнаружил то, о котором говорил торговец.

Неудивительно — внешне оно мало чем отличалось от остальных, просто еще один огромный ветхий каменный зуб в многострадальном теле Пасифе, темный и пустой внутри. Возможно, когда-то здесь кипела жизнь — Маадэр не помнил, чем занималась компания «Бон-ва-Дэм» до войны, а логотип, едва видимый в коросте облезающей краски, ничего ему не говорил.

Внутри он не обнаружил ничего такого, чего не ожидал бы увидеть. Обрушившиеся за много лет перекрытия, пол, усеянный осколками стекла и бетона, тянущиеся из стен, похожие на полусгнившие кости, остатки арматуры, свисающие истлевшие жилы кабелей и проводов… Опасения Вурма оказались напрасными — менее подходящее для засады место сложно было и представить. Несколько широких проломов в стене не позволяли надежно отрезать жертве пути отступления, а сохранившиеся стены делали невозможным поражение с большой дистанции. Единственной досадной неприятностью был туман. Темноту Вурм мог хотя бы частично нейтрализовать, но здесь он был практически бессилен. Маадэр почувствовал некоторое облегчение, засевшее с момента разговора с Бобергом крошечной колючей занозой где-то внутри. Не похоже, что его пригласили сюда для того чтобы убить. Тем не менее, старые привычки все еще оставались сильны — он досконально изучил помещение, приметил груды мусора, которые в случае неожиданных событий можно будет использовать в качестве укрытия, все выходы… У него был опыт самых разнообразных переговоров, поэтому он старался предусмотреть все варианты.

Деловые переговоры на Пасифе даже в самые лучшие времена отличались своей непредсказуемостью.

«Что дальше?» — поинтересовался Вурм, когда Маадэр, закончив рекогносцировку, устроился на холодной бетонной плите и достал сигарету.

«Буду действовать по ситуации».

«У тебя нет денег. Есть люди, которые не любят покупателей без денег».

«Я надеюсь, что мне не придется выкладывать деньги прямо

тут».

«Какие варианты ты еще видишь?»

Маадэр задумался.

«Например, я возьму одну дозу на пробу. Мне ведь надо знать, что я беру?..»

«А потом?»

«Потом попытаюсь организовать встречу с Нидаром. Пусть дальше работают его люди. Думаю, они выколотят из горе-продавцов и свой био-софт, и информацию, и последние зубы…»

«Не хочешь закончить операцию самолично?».

«Это не тот случай, когда я готов потешить свое тщеславие. Мне не будет обидно, если это дело закончу не я. В конце концов, я взял этот контракт не по своей воле».

«А как же месть»?

Маадэр сплюнул. Иногда глупо пытаться скрыть свои мысли от существа, для которого твой череп — родной дом.

«Какая месть?»

«Скорее всего, люди, который попытаются продать тебе „Сирень“, убили Велрода. Не говори, что не хочешь поквитаться с ними».

«Я не похож на мстителя-одиночку. А Велрод не был похож на моего отца или кого-нибудь вроде. Когда я узнал, что старого волка прихлопнули, я почувствовал облегчение».

«Но ты хотел найти его убийц».

«В этом нет ничего удивительного, я бы с удовольствием всадил пулю каждому, кто посмел причинить вред кому-то из нашего отдела. Можешь считать это корпоративной честью. И убийцы Велрода — не исключение. Но это не значит, что я собираюсь их выслеживать с риском разделить его судьбу, нет. Я сдам их Нидару — и буду знать, что они умерли достаточно неприятной смертью, чтоб дух Велрода можно было считать отмщенным».

«Не очень благородно», — Маадэр ощутил смешок Вурма.

«О благородстве я думаю в последнюю…»

«Замолчи. У нас гость».

«Где? — Маадэр привстал и осторожно огляделся. Несмотря на ночное зрение, которое ему предоставил Вурм, он никого не видел, слишком плотен был туман, — Ты имеешь в виду — гости?»

«Нет. Кажется, он один. Только что вошел через дверь. Я слышу его шаги».

«Ты можешь улучшить и мой слух, приятель…»

«Не сейчас. Я могу многократно усилить чувствительность твоего ушного нерва, но это ничего тебе не даст, у тебя нет опыта

восприятия волн такой длины. Это только собьет тебя с толку. Лучше просто будь начеку и слушай меня».

Маадэру оставалось только послушаться своего компаньона. На всякий случай он потушил сигарету, чтобы не выдавать незнакомцу своего местоположения, машинально проверил присутствие револьвера в кобуре. Что ж, если у таинственного продавца в отношении Маадэра имеются нехорошие планы, двух пуль ему хватит с головой…

«Однако, — подумал он секундой позже, — Если он пришел сюда один, это о чем-то говорит. Как минимум о том, что он весьма уверен в своих силах. Но где же остальная стая?»

Маадэр считал, что неплохо знает особенности небольших банд Пасифе — он имел с ними дело на протяжении достаточно значительного периода времени. И визит одиночки озадачил его. Банды Пасифе, если не считать спаянных с рождения выводков хлодвигов, не строились на принципах кровного родства, в них не было ничего от воинственных кланов Венеры или родов Марса. Как правило, это были небольшие отряды численностью до двух десятков человек, которых вместе держала лишь жажда наживы и страх за собственную шею. Жадность и страх иногда могут быть очень могущественными стимулами — даже когда требуется сплотить два десятка головорезов.

Происхождение у них было самое различное. Дезертиры, посчитавшие свою войну оконченной еще до того, как фрегаты Консорциума вышли на орбиту Юпитера, обычные мародеры, для которых война представлялась пиршеством, а разрушенные остовы городов — праздничным столом, разбойники, в которых недостатка не ощущалось даже до войны… Иногда встречались и хлодвиги, но реже всех прочих — они предпочитали действовать среди своих, и к обычных людям относились с подозрением.

Кроме страха и жажды было еще одно чувство, которое превращало стаю головорезов в сплоченный отряд — и этим чувством было недоверие. Никто и никогда не отпустил бы на встречу с покупателем одного человека, у которого в кармане было на несколько тысяч рублей био-софта. По крайней мере, такие случаи Маадэру не были известны и казались маловероятными. Он ожидал не меньше десятка гостей и теперь, слушая шепот Вурма, извещающий его о передвижениях незнакомца, пытался разобраться в ситуации.

Случайный гость?.. Не похож, да и вел он себя не как человек, который зашел сюда случайно. Независимый посредник? Банды никогда не имеют дел со сторонними людьми, они не доверяют даже друг другу.

«Будь это действительно шайка пустынных шакалов, тут было

бы куда больше народу, — подумал Маадэр, пытаясь разглядеть хотя бы силуэт незнакомца, — Они могли бы выслать вперед переговорщика, но все остальные сидели бы тут же и держали меня на мушке. Это странно».

— Эй! — вдруг крикнул тот, кого Маадэр не видел, — Я стою на месте. Выходи.

Маадэр вздрогнул. Он был уверен в том, что устроился достаточно надежно, чтобы его не обнаружили — по крайней мере, до того, как он сам сочтет необходимым дать о себе знать. Но его маленькое преимущество оказалось иллюзорным — и это было неприятно.

— Выходи, — повторил незнакомец спокойно, — Я слышу твое дыхание. Без оружия.

«Кажется, не только у тебя острый слух,»— мрачно сказал Маадэр Вурму. Тот не ответил, видимо тоже был сбит с толку.

— Я здесь, — сказал Маадэр громко, — Все в порядке.

Он поднялся во весь рост и несколько раз махнул рукой. Незнакомец был метрах в двадцати от него, Маадэр видел контур его фигуры. Когда тот подошел ближе, можно было разобрать, что он облачен в длинный плащ, а на голове, несмотря на глубокую ночь, широкополая шляпа вроде той, что была на самом Маадэре, но надвинутая на лицо. Рассмотреть, было ли в его руках оружие, пока не получалось.

«Не могу, — извиняющимся тоном сказал Вурм, — В этом тумане трудно что-то разобрать. Не хочу сжечь твою сетчатку».

«Сделай все, что сможешь».

— Вы — продавец? — спросил Маадэр.

— Возможно.

Незнакомец приближался, и достаточно медленно.

«Может, слух у него и великолепный, — подумалось Маадэру, — Но вот глаза самые обычные. Он знает, где я, но не видит меня. Что ж, хоть какое-то преимущество мне удалось сохранить».

— Меня интересует одна вещь…

— Я здесь именно поэтому, что знаю, что это за вещь.

Он говорил уверенно, даже с некоторым равнодушием. Маадэру никогда не нравились такие люди. Ощущая в собеседнике страх, он работал более уверенно.

— У вас есть «Сирень»? — спросил он прямо. И пожалел о том, что вовремя не переложил револьвер из кобуры в карман. Чтобы извлечь его ему потребуется полсекунды — довольно большой срок, если предполагаешь, что у твоего собеседника может быть пара козырей в рукаве. Или он умеет двигаться на четверть секунды быстрее.

— Вероятно.

— Это не совсем тот ответ, который мне нужен.

— А кто сказал, что я пришел сюда чтоб давать ответы?

Наглый. Уверенный в себе. Маадэр насторожился. Так ведут себя люди, имеющие основания верить в собственные силы. Проблемой было то, что он сам пока этих оснований не замечал.

— Боберг должен был рассказать вам о сделке, не так ли?

— Он и рассказал, — Маадэр услышал смешок, — Но от него я не узнал самого главного — кто вы такой и почему вас она интересует.

— Я наемный специалист.

— Решаете чужие проблемы?

— По мере возможностей. Сейчас моя проблема — это «Сирень». Если она находится у вас, эту проблему можно решить.

Человек подошел еще ближе. Теперь их разделяло не больше десятка шагов. Однако его лица Маадэр по-прежнему не видел. Он почувствовал себя неуютно. Таинственный гость или знал что-то, что ему знать не полагалось, или очень успешно изображал эту осведомленность. И еще он слишком уверенно держался.

Когда человек приходит ночью в уединенное место чтобы продать кое-что важное и дорогое, но при этом не имеет представления о сути товара и о личности покупателя, он не будет настолько уверен в себе. Если у него нет на то причин.

Маадэр осторожно, без резких движений, запустил правую руку за отворот плаща. Пальцы коснулись кобуры и заскользили по ней.

— Меня интересует сделка. Если вы пришли, значит и вас она интересует не меньше. Я не ошибаюсь?

Незнакомец некоторое время смотрел на Маадэра из-под полей шляпы. Маадэр видел его подбородок и губы. Кажется, тот улыбался.

— Возможно, меня интересует не сделка, а вы сами, господин Маадэр.

Маадэр ощутил легкий холодок металла под пальцами. Он коснулся рукояти и теперь осторожно вел руку дальше, пытаясь нащупать скобу спускового крючка.

— Я знал, что популярен в этом городе, — сказал он вслух, стараясь чтобы голос звучал спокойно, — Но меня не так уж часто узнают на улице.

— Быть может, даже более популярны, чем вам бы того хотелось?

— Не буду отрицать, — Маадэр начал вытаскивать револьвер. В эту секунду его заботило только то чтоб незнакомец с его дьявольски острым слухом не расслышал скрипа стали о кожу, —

Вы знаете обо мне еще что-нибудь кроме имени?

— Да. Ты стал слишком небрежен, Куница.

Незнакомец улыбался.

Маадэр рванул револьвер из кобуры. А потом мир привычно разделился на составляющие, смешанные в хаотическом вихре, не оставившем места для мыслей. Треск ткани. Запах оружейного масла. Силуэт незнакомца. Движение. Воздух, бьющий в лицо. Ощущение тяжести в руке.

Маадэр ощущал траекторию, по которой двигалась его рука. Одна небольшая дуга, крайняя точка которой будет располагаться напротив груди незнакомца. Понадобится небольшое усилие пальца и… Ударный коктейль Вурма, впрыснутый без предупреждения в кровь, делал очертания окружающего мира, и так тонущие в подсвеченной зеленым темноте нереальными, рваными, как некачественные театральные декорации. Незнакомец тоже двигался, но он был медленнее, гораздо медленнее.

Ощущение бьющего в лицо ветра. Огонь в крови. Пронзительный запах смерти, растекающийся в воздухе. Гул в ушах.

Мушка револьвера скользнула по груди незнакомца. Маадэр не стал медлить, его палец отреагировал точно в срок. Как обычно. Выстрел в состоянии многократно ускоренного восприятия выглядел как гигантский багрово-оранжевый цветок, расцветающий прямо из дула и медленно раскрывающий свои ослепляющие лепестки. Утробный грохот выстрела ударил по барабанным перепонкам — точно где-то рядом ухнул удар огромного стального молота.

Но незнакомца там уже не было. Несколько фрагментов времени, каждый из которых был куда короче секунды, Маадэр пытался отыскать его взглядом. Люди не умеют исчезать. И люди не могут так быстро двигаться.

А потом краем глаза он уловил какое-то движение, начал поворачиваться, одновременно перенося револьвер…

И мир вокруг него изменился еще раз. Он вдруг подсветился, но уже не зеленым, а молочно-серым, точно вокруг Маадэра в одно мгновенье сгустился густой плотный туман. И мир рассыпался ворохом звенящих осколков.

11

На Велроде снова был тот же самый костюм. Сделанный на заказ, узкий в талии, он имел многочисленные достоинства, но обладал и недостатком, особенно ощутимым в шестом отделе — под ним невозможно было спрятать бронежилет. Маадэр смотрел на этот костюм до тех пор, пока синие и черные полосы не стали сливаться в глазах. В горле было невыносимо сухо, язык царапал нёбо. От света огромных плоских ламп слезились глаза.

Ламп в больничной палате было множество, и все — нестерпимо-яркие.

— Очнулся, — удовлетворенно сказал Велрод, заглядывая ему в лицо. Глаза у него были внимательные, а взгляд иногда мог казаться почти мягким, — Молчи, не говори ничего. Живучая куница… Я уж думал, пойдешь на воротник кому-то… Знаешь, почему хорошо работать на Пасифе? Здесь настолько паршиво, что Ад после этого кажется чем-то вроде курорта на Луне. Поэтому начальство нас не торопится забирать по назначению, — он ткнул пальцем в потолок. Потолок был белым, как и все остальное вокруг. Пахло едко — какими-то лекарствами, спиртом, человеческим потом… — Две пули пришлись в живот, жилет тебя выручил, а другие две — в бок, между пластин… Легкое, печень… Еле вытащили.

Маадэр попытался кивнуть, и у него это даже получилось. Но глаза все равно пришлось прикрыть.

— Четверо. Один спереди и… Не успел. Одновременно. Одного уложил. Потом…

— Молчи, говорят! — прикрикнул Велрод, — Знаю я про твои похождения. Второму ты позвоночник перебил, видимо уже после того, как сам упал. Вряд ли жилец.

Маадэр улыбнулся. Это почему-то рассердило Велрода еще больше.

— Да что толку? Выжил чудом! Дурная у тебя голова, Куница, и рефлексы ни к черту… Я тебе что говорил? Что? А? Молчи… — он с шумом перевел дыхание, — Самоуверенный дурак. Думаешь, жилет тебе жизнь спас, а?

Маадэр попытался кивнуть, но в этот раз получилось хуже.

— Он тебя чуть не угробил, а ты… Ладно, — Велрод смягчился, — Умнее ты все равно не станешь, мозги вправлять поздно, но какое-то соображение же быть должно… Я не ношу жилета. С учёбки не носил. Знаешь, почему?

— Нет.

— Потому что когда надеваешь жилет — это означает, что

делаешь первый шаг навстречу смерти. Смерть у каждого своя, шагов до нее может быть и много, но этот — первый. Еще не понял? У меня отец на Марсе работал, инженером-монтажником. Поганая профессия, но платили тогда за это основательно… Строил «Арес-1» в Ацидалийском море, слышал о таком? Ну да без разницы… Работа под землей, в пещерах и пустотах, сила тяжести там как на Земле. А работать им случалось на приличной высоте. Если упал — все. Зарплату твои дети получат. Понял, а? И была у них там система страховки. Ничего сложного, как тысячу лет назад — трос на поясе закрепил и лазь, где хочешь. Оплошал — ну пролетишь пару метров, разве что синяк набьешь… Дело полезное, без этой страховки на наружные работы не выпускали.

Маадэр с трудом понимал смысл сказанного. Он чувствовал, что проваливается в какую-то влажную и зыбкую трещину, где нет ничего, кроме темноты.

— Только прошел месяц, посмотрели статистику и вдруг выяснили — те, кто обманом без страховки выходят работать, живут в четыре раза больше тех, кто на нее полагался. А знаешь, почему? — Велрод приблизил свое лицо, — Страховка — это твой враг. Она дает тебе ощущение безопасности, на деле ложное. Ты привыкаешь полагаться на нее, теряешь бдительность, внимание уже не то… А потом ты просто один раз ошибаешься. Например, забываешь ее закрепить. Или не выбираешь всю длину. Этого хватает, одной маленькой ошибки. А если ты не веришь никому на свете, даже страховке, значит ты полагаешься только на себя и свои силы. У тебя нет запасных рубежей и позиций отхода. У тебя нет прикрытия. Нет страховки. И опасность ты чувствуешь каждым нервом, каждой клеточкой…

Он говорил что-то еще, но Маадэр не слышал его — он уже был там, где звуков нет.

12

Потолок был белого цвета. Но не настоящего белого. Неприятно-белого, с какими-то едва заметными вкраплениями серого. Этот оттенок словно раздражал глазной нерв, на него было сложно долго смотреть. Хотелось закрыть глаза и провалиться туда, где нет ни звука, ни цвета. Но Маадэр заставлял себя не закрывать глаз. Почему-то сейчас ему казалось, что это важно.

Он попытался пошевелиться и ему это удалось, но радости он не ощутил. Сейчас он врядли мог ощущать что-либо вообще — мысли были плотные, тяжелые, непослушные — точно его накачали какой-то оглушающей смесью или крепко приложили по голове.

«Доброе утро», — сказал кто-то внутри его головы.

«Вурм?»

«Да».

«Где мы?»

«В госпитале. Конечно, насколько я могу судить. По крайней мере, все это оборудование…»

«Как мы сюда попали?»

«Не знаю. Некоторое время мне тоже было… сложно. И я едва справился».

«Не слышал чтобы в госпиталь забирали найденных ночью на улицах Девятого. Да и кто там будет их искать… Как мое тело?»

Вурм ответил не сразу.

«Ты имел в виду наше тело».

«Неважно. Как с ним?»

«В этот раз ему досталось ощутимо».

Маадэр наконец смог оторвать голову от подушки и оглядеться. Действительно, похоже на госпитальную палату. Маленькая комната с белоснежными панелями, скрывающими натужно шипящее и наверняка сложное медицинское оборудование. Узкая жесткая кровать, жалюзи на окнах, непривычный, с привкусом озона, воздух…

Только после этого Маадэр обнаружил, что его левая рука согнута в локте и притянута к туловищу тугой повязкой, под которой прощупывалось утолщение фиксирующего кокона.

«Я чувствую себя так, точно мою голову переехал асфальтоукладчик», — пожаловался он.

«Легкую мигрень тебе придется потерпеть, я еще не закончил работу».

«К черту мигрень. Чем нас угостили в этот раз?»

«Ардоритом».

«Что-о-о? — Маадэр закашлялся, кашель скрутил его внутренности в тугой узел, — Ты шутишь?»

«Ничуть».

«Если бы в пуле был ардорит, я бы поджарился изнутри. Но я чувствую себя единым целым, и подвижность осталась. Рука чертовски болит, и голова…»

«У меня получилось нейтрализовать ардорит до того, как он запек тебя в собственном соку. Полагаю, у меня есть основание ждать благодарности».

«Корыстолюбивый червь… Не верю, что ты сделал это».

«Сделал. И это было весьма сложно. В какой-то момент я даже полагал, что мы больше не увидимся».

«Но ты не мог такого позволить, конечно… Чей тогда мозг ты бы пожирал…»

«Пуля вошла в мышцу левого плеча, если тебе интересно».

«По крайней мере я успел повернуться… Дальше?»

«Дальше была кость. То, что осталось от твоего плечевого сустава перед тем, как ты установил протез. Пуля размозжила ее и прошла дальше. Но судя по тому, что я сейчас вижу, тебя собирали опытные хирурги, Маадэр. Все сделано на совесть. Я ускорю процесс срастания твоей костной ткани, но еще как минимум пару дней на свою левую можешь не рассчитывать».

«К дьяволу ее, у меня осталась правая».

«Мне тоже показалось, что тебя это утешит. Пуля, потеряв скорость, пробила грудную мышцу и остановилась между ребрами. Мелочи, всего лишь трещина, с которой я справлюсь за несколько часов».

«Пожалуй, можно сказать, что мне повезло, а?»

«Определенно. Не успей ты повернуться, или не попади пуля в кость — я бы ничего не смог сделать. Но в этот раз твоя шкура спасена моими усилиями, спорить не буду».

«Этот ублюдок даже не проверил, жив ли я. Впрочем, охотно его понимаю. Когда мне приходится угостить кого-то ардоритом, я тоже не проверяю…».

«Было темно. Он прекрасно натренирован и некоторые его способности можно определить как сверх-развитые, например его скорость и моторику, но в темноте он видеть не мог».

«Стрелял на звук?»

«Вероятно».

«Но это невозможно, — сказал Маадэр, чувствуя себя глупо, — Никто не может в темноте увернуться от пули, и при этом еще и поразить противника первым же выстрелом».

«Там, где заканчиваются ресурсы человеческого организма,

принято доверяться технологии… Возможно, он был под действием какого-то мощного био-софта. Хотя пока мне не приходилось слышать о чем-то с подобным эффектом. Помнишь био-зомби „Чимико Вита“?»..

«Они едва ли походили на людей. Просто био-машины в человеческом обличье, не способные мыслить, но способные грамотно и быстро убивать. Этот был не таким. Я бы даже сказал, что он определенно умен».

«Умнее чем ты — будь уверен… Кажется, к тебе гости».

Видимо, госпиталь был оборудован системой видео-наблюдения, или же автоматическая аппаратура, поддерживавшая жизнедеятельность, отрапортовала о его пробуждении. Маадэру не хотелось сейчас видеть человеческие лица, но он понимал, что без этого в любом случае не обойдется. Услышав шелест открывающейся двери, он повернулся на звук.

Человек, вошедший в палату, был ему знаком. Тем не менее, увидеть его здесь он не ожидал.

— Я ждал, когда вы очнетесь. Хорошо спалось?

— Благодарю, неплохо.

— Вы выглядите достаточно неплохо. Для человека, который должен был умереть дважды за эту ночь.

— Я мерценарий, господин Нидар. Свинец — часть моего рациона.

— У вас даже осталось ваше необычное чувство юмора, — Нидар улыбнулся.

— Да, доктора сшили его по кусочкам. Где я?

— Военный госпиталь в Восьмом.

— Не помню чтобы я обращался сюда за медицинской помощью.

— Ваше тело обнаружили этим утром на брошенном складе Девятого. Мне показалось, что оставлять вас там неразумно. Вы достаточно дорого мне обошлись, чтобы я мог позволить местным разобрать вас на запчасти. Вы еще нужны мне, Йенч. Кто в вас стрелял? Этот человек как-то связан с «Сиренью»?

— Связан?.. — Маадэр нахмурился, — Да, наверно можно сказать и так. Впрочем, вы, кажется, знаете его лучше меня.

— В каком смысле? — уточнил Нидар, — Выражайтесь яснее.

— Он же работает на вас. И вы поручили ему убрать меня. Согласитесь, я могу рассказать о нем куда меньше вашего.

В первый раз Маадэр мог наблюдать, как Нидар, пусть и на секунду, теряет свое самообладание. Он не краснел, не стискивал зубы, не моргал. Он просто немного наклонил голову и очень медленно, с расстановкой, сказал:

— Если это шутка, я начинаю опасаться, что ваш мозг все-

таки был поврежден.

Маадэр считал, что достаточно неплохо разбирается в людях. И тон Нидара он определил как настороженный — и весьма опасный для собеседника.

— Вы хотите сказать, что вчера на складе не ваш человек пытался пристрелить меня?

— Вы бредите, Йенч, — обронил Нидар, не сводя с него взгляда, — Я даже не знаю, где вы были и чем занимались.

— Я занимался покупками. И по чистой случайности могу сейчас говорить с вами. Если бы он видел в темноте хоть немногим лучше… Но он понадеялся на ардорит.

— Если бы я хотел вас убить, вы были бы мертвы, — просто сказал Нидар. Ему не требовались жесты или какая-либо интонация чтоб быть убедительным.

— Пожалуй, — этого Маадэр не мог отрицать, — Но я чего-то с самого начала подумал о человеке из Конторы.

— Основания?

— Этот подлец слишком быстр.

— Какой-то химический агент, стимуляторы…

Маадэр покачал головой.

— Тут что-то другое. Чувствуется хорошая школа. Человеческое тело — благодарная почва. Если оросить ее рассчитанной дозой химических удобрений, результаты могут превзойти все ожидания, но тело — это всего лишь плоть. Нервные волокна, мышцы, рецепторы… Чтобы управлять этим с максимальной эффективностью мало накачивать себя стимуляторами.

— Звучит резонно. Полагаете, за плечами вашего неудавшегося убийцы — профессиональная школа?

— О да. И он явно получал там хорошие отметки.

Нидар несколько раз провел ладонью по волосам, точно смахивая пыль. В этом не было нужды, его прическа и так была идеальна.

— Не думаю, что это поможет нам установить его личность. Это Пасифе, Маадэр. На один квадратный километр здесь приходится слишком много людей, чьи возможности были улучшены… за государственный счет. Дезертиры, отставники, бывшие члены всех возможных диверсионных и специальных групп — как наших, так и Юпитера — вчерашние солдаты… Это вольер с голодными рысями, среди которых не так просто выследить ту, у которой когти чуть длиннее, чем у прочих…

— Я привык сравнивать это место с аквариумом, — хмыкнул Маадэр, — Впрочем, неважно. Да, этот парень запросто может быть бывшим агентом спецслужб Юпитера или наших

собственных. Но меня смутил ардорит.

— Его сложно достать на Пасифе?

— Достаточно сложно. Вы знаете, что это за штука. Контора в прошлом любила использовать ардорит в «грязных» акциях, когда цель должна была быть уничтожена любой ценой и на меткий глаз и твердую руку полагаться не приходилось. Весь наш отдел снаряжал пули этой гадостью. Привычки живучи… Никогда не думал, что одним прекрасным вечером мне придется самому его отведать…

— Профессионал, использующий редкую смесь. Понимаю, почему вы подумали о Конторе.

— Это было первой мыслью. Увы, неверной. Могу констатировать, что контракт оказался куда более сложным, чем мне виделось изначально. Мы имеем дело не с бандой трусливых сопляков, которым единожды крупно повезло. Ситуация куда хуже. Не для меня, — Маадэр поймал внимательный взгляд Нидара, — Для вас.

— Поясните?

— Охотно. Это одиночка. Умный, расчетливый, осторожный.

— Это уменьшает его шансы. Если у него нет подручных, исполнителей, охраны — это значит, что он лишен укрытия и помощи. Одиночки долго не живут.

— Глупые одиночки долго не живут. А те, кто порядком в этом поднаторел, не нуждаются в компаньонах и охране. Когда я проходил стажировку, мне говорили, что один — это лучшее число из возможных. Люди погибают, когда в цепь спланированных действий допускают слабое звено, скованное из неоправданных надежд. Они надеются — на обстоятельства, на помощь, на товарищей — и гибнут. Одиночке это не нужно. Он не рассчитывает на то, что кто-то будет страховать его спину, что кто-то перевяжет ему раны или предоставит убежище. Он действует сам и только сам, поэтому не питает лишних иллюзий. Большая часть агентурных провалов — это связь. Рано или поздно агенту нужно связаться с другим агентом или руководством, и в этот момент он уязвим как никогда. Одиночке это не надо. Он блуждает в чужом мире как крошечная рыбка в бездонном океане, ему не надо подниматься к поверхности, чтобы глотнуть воздуха. Он верит только в себя, и ни в кого кроме.

Нидар понимающе кивнул.

— Но есть у него и слабые стороны. Там, где организация может допустить промах и уцелеть, пожертвовав своей частью, одиночка погибает. Его первая ошибка становится и последней.

— Поэтому он не делает ошибок, — заметил Маадэр, — Еще один стимул. Впрочем, кажется я пытался объяснить, что

ситуация для вас складывается весьма паршивая. Мне продолжить?

— Я слушаю вас.

— Дело в том, что вам объявили войну.

Нидар ничего не сказал. У него определенно не было привычки говорить необдуманно, каждое свое слово он взвешивал, точно на аккуратных медицинских весах. Маадэр подумал о том, что о таком собеседнике можно только мечтать. Однако сам он в эту минуту мечтал о другом.

— Что вы называете войной?

— Как и вы — боевые действия. И они уже начались.

Нидар прищурился.

— Одиночка объявил войну? Кому?

— Вам, — Маадэру понадобилось усилие чтобы сдержать улыбку, — Конторе. Земле. Консорциуму. Всем.

— Муравей бросает вызов слону? Интересно.

— Это очень ядовитый муравей. Может, у него не хватит яду, чтобы свалить слона замертво одним укусом, но как минимум с хоботом тому придется распрощаться…

— Хватит метафор, — Нидар выставил вперед жесткую ладонь, — Что вы думаете?

Маадэр вздохнул.

— Это террорист. И у него в руках — биологическое оружие. Он не будет его продавать, он будет его использовать. Я не знаю, как он завладел им, но в данной ситуации это не играет серьезной роли. Главное — я уверен, что он пустит его в ход.

— Я опять не вижу оснований так полагать.

— Он пришел как продавец на встречу, которую я ему назначил. Я просто пустил новость по каналам нелегальных торговцев софтом. Сказал, что желаю приобрести «Сирень». Он сразу же заинтересовался.

— Террористы не торгуют своим оружием.

— А он и не торговал. Ему просто стало интересно, кто и зачем идет по его следам. Он почувствовал чужое внимание, быть может впервые. И решил узнать, кому он нужен. Про «Сирень» никто и никогда не слышал в Девятом, если ей внезапно кто-то интересуется, и настойчиво, это не случайность…

— В этом случае он попытался бы выбить из вас информацию. Угрозы, пытки или…

— Да, это мне кажется странным до сих пор. И вот еще… Идя на встречу, он знал мое имя. Оба моих имени.

— Он…

— Назвал меня Куницей, как и вы. Само по себе это еще не странно, Куницу знают в Девятом. Очень немногие, но знают. И

он почему-то не убил меня сразу, хотя, оценивая его возможности, могу сказать, что он мог это сделать. Он начал пустой разговор и лишь через несколько минут, точно что-то сообразив, схватился за оружие…

Впрочем, он просто мог чувствовать угрозу с моей стороны. И решил стрелять первым.

— Допустим. Но чего он в таком случае добивается? Вы можете определить его цели?

— А какие цели можно накрыть, если у тебя в руках пара десятков миниатюрных биологических бомб?.. Это не подходящее оружие чтоб атаковать посольства, штабы или космопорт. Он будет использовать его на улицах. Каждый наркоман, принявший его дьявольскую пилюлю, будет превращаться в камикадзе, уносящего по нескольку сотен жизней. Похожим способом травят тараканов…

— То есть, его жертвами будут мирные жители?

— Конечно.

— Сумасшествие.

— Но весьма рациональное, надо сказать. Он мог бы выбросить на рынок весь свой смертоносный арсенал одним движением. Но его это не устраивало. Ему нужны максимально эффективные точечные удары. Та вспышка, о которой вы говорили — первая. Будут и другие. Он хочет максимально распространить стимуляторы, чтобы добиться наибольшего накрытия.

— Странные методы войны. Не похоже, что он стремится поквитаться с Землей — люди будут гибнуть здесь, на Пасифе.

— Я не знаю, чего он хочет. Не знаю его мотивов, мышления, характера. Я знаю лишь то, что он уверен в своих силах и очень эффективен. Если он решил развязать небольшую искусственную эпидемию — он с этим справится. Вы сами дали ему оружие. Самое опасное из всего придуманного человечеством арсенала. Заботливо привезли его сюда и хранили, не решаясь применить. А теперь оно в его руках. Считайте это своеобразной расплатой за прошлое. Ваше оружие повернулось против вас.

Сказанное не произвело на Нидара особенного впечатления. Он остался прежним — сосредоточенным, молчаливым, собранным. И все еще очень опасным.

Маадэру приходилось встречаться с людьми такого типа. Их он не любил больше всего. Отчасти потому, что прочесть их мысли было решительно невозможно. Такие люди никого не посвящают в свои размышления, они как вычислительные машины с закрытым контуром, в недрах которых рождаются решения, постороннему становящиеся очевидными только после

того, как будут выполнены.

Пока Нидар думал, Маадэр исподтишка наблюдал за ним.

«Ты хитрый и ловкий ублюдок, — думал он, — Возможно, даже лучший в своем роде. Если тебе понадобится убить меня, ты даже не моргнешь. Я для тебя лишь фрагмент, не имеющий самостоятельной ценности, ты распрощаешься со мной так же спокойно и обстоятельно, как делаешь все остальное. Проклятый бездушный выродок».

«Ты просто завидуешь ему, — заметил Вурм, до того с интересом слушавший беседу, но тактично остававшийся в стороне, — Он — воплощение того, чем ты уже никогда не станешь».

«Посмотри в его глаза. Это убийца — фанатичный, уверенный в себе, прекрасно контролирующий каждое свое нервное волокно».

«Как я и говорил. Зависть».

«Отчасти. Это элитный, редкий вид хищника. Меня пробирает мороз каждый раз, когда я смотрю на него. Поколения тщательнейшей селекции… Великолепная дрессировка… Рядом с ним я должен выглядеть как щенок».

«Но сейчас он практически беспомощен. К чему бритвенно-острые когти и стальные клыки, если не можешь дотянуться до врага?..»

«Ты прав, мой червь. Сейчас я нужен ему. И только поэтому жив».

Вурм собирался что-то добавить, но в эту секунду Нидар как раз вышел из состояния задумчивости.

— Надо действовать, — сказал он спокойно, бросив на Маадэра взгляд, от которого даже Вурм дернулся где-то у левого виска, — Если все действительно так, как вы полагаете, ситуация может быть очень… неприятной. Я соберу всех оперативных агентов, работающих на Пасифе. Их не так много, и их уровень недостаточен, но если мы хотим предотвратить эпидемию, нужно пользоваться любым шансом.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался Маадэр.

— Опередить его. Я думаю, он будет работать через нелегальных торговцев софтом.

— Торговцев?

— Да. Через разных — ведь он не будет сотрудничать дважды с одним и тем же.

— Еще бы. Торговцы обычно не любят, когда им продают товар, от которого их клиенты мрут десятками.

— Значит, ему нужны будут выходы на многих людей. Возможно, здесь мы сможем его накрыть, когда он начнет

подготовку ко второму удару.

Нидар повернулся к выходу. Его визит явно был закончен. Однако почти дойдя до двери, он все же обернулся.

— Что вы собираетесь делать?

— Лежать, — усмехнулся Маадэр, — Я уже поохотился.

— Верно. Что ж, отдыхайте. Вы добыли важную информацию и чуть не погибли. Вам определенно положен отдых.

— Я бы не хотел задерживаться здесь надолго… — Маадэр помедлил, — Мне тут достаточно неуютно, если вы понимаете, о чем я.

— Если вам нужны наркотики, это не проблема. Я скажу чтоб вам принесли нужную дозу.

— Я не о них. Не люблю оставаться на виду.

— Иногда лучше остаться на виду и сохранить голову. Эта палата охраняется, — Маадэр не стал спрашивать, кем, — и весьма надежно. Здесь вы в безопасности. Пожалуйста, не пытайтесь покинуть ее.

«Трогательная забота, — подумал Маадэр невесело, — Но вполне понятная. Я принадлежу ему даже в большей степени, чем мог бы принадлежать коллекционерам. А он, без всякого сомнения, рачительный и осторожный хозяин. Имущество ведь полагается бережно хранить — пока оно приносит пользу».

Он поднял свою здоровую руку в жесте нарочитой покорности.

— Как скажете.

Нидар вышел не прощаясь. После того, как за ним закрылась дверь, стук шагов сразу прекратился. Маадэр не сомневался в том, что агент такого уровня может перемещаться практически бесшумно, но все же полагал, что дело тут в хорошей звукоизоляции.

13

Выждав несколько минут, Маадэр встал с кровати. Его левая рука, висящая в плотном коконе повязки на плече, походила на сломанную ветку дерева. При малейшем движении кость ныла так, словно кто-то засадил внутрь нее сверло и теперь рывками его проворачивал на малых оборотах. Конечно, можно было попросить Вурма убрать этот неприятный эффект, но Маадэр смолчал — помощь Вурма может потребоваться ему в куда более сложной ситуации, тратить его силы на пустяки было неразумно.

Маадэр изучил собственную руку и был вынужден признать, что от нее едва ли будет толк — по крайней мере до того, как Вурм ее подлатает. Пальцы повиновались, но не более того — в драке такая рука не помощник, только балласт, несмотря на всю заключенную в полимерных волокнах силу.

Его собственная одежда обнаружилась в шкафу. Маадэр счел это хорошим знаком, слишком уж мало удовольствия было бежать из госпиталя в больничной пижаме. Морщась от боли в руке, он принялся натягивать брюки.

Вурм следил за его действиями из своего логова внутри черепа.

«Не думал, что в твоем возрасте можно бояться врачей, — заметил он не без ехидства, — Настолько не любишь больничную атмосферу?»

— Не собираюсь здесь задерживаться здесь и лишней минуты. В госпиталях отчаянно неприятный дух, он действует мне на нервы.

«Здесь тепло, пища и наркотики. Полный пансион. Бежать обратно? Чтобы опять бродить под ледяным дождем без рубля в кармане и с последним патроном в стволе?..»

Маадэр натянул брюки и попытался затянуть ремень. Сделать это, используя лишь одну руку, оказалось неожиданно сложной задачей.

— Срок моей жизни определяют не врачи и лекарства, — пробормотал он, ожесточенно сражаясь с ремнем, — Срок моей жизни определяет лишь Нидар.

«И ты полагаешь, что уже исчерпал всю свою полезность?»

— До самого дна. Я дал ему наводку, этого достаточно. Больше я ничего сделать не в силах. И он это понимает.

«Он, кажется, не в той ситуации, когда разбрасываются фигурами».

— Велрод всегда учил меня думать наперед, — буркнул Маадэр, хватая рубашку. Она успела высохнуть в госпитале, но

все равно была отвратительно грязна и местами украшена винными пятнами крови, а левый рукав оказался отрезан начисто, — Но я слишком редко следовал его совету. В этот раз куница будет умнее.

«Он мог убить тебя прямо здесь, если бы хотел».

— Он не убийца. Точнее, не тот сорт убийц, что хватаются за пистолет или удавку. Не сомневайся, Нидар уже убил меня. Просто списал со счета. Пометил как расходный материал. Так же холодно и равнодушно, как приглаживал волосы. Вопрос лишь в том, когда среагирует исполнитель.

«Госпиталь — это не улицы Девятого. Не так-то просто убить здесь человека, не оставив следов».

Маадэр лишь пренебрежительно фыркнул.

— Куда проще, чем ты думаешь. Нам с Велродом приходилось проворачивать такие номера не раз. Здесь годится все, хоть незаметная инъекция во сне, хоть инсценировка самоубийства. Старые мерценарии часто не в ладах с рассудком, удивится ли кто, если мне вздумается выброситься из окна?.. Кстати, на счет окон — возможно, это хороший путь для побега.

«На всех здешних окнах — решетки толщиной с палец. Даже если я дам тебе достаточно сил, ты скорее порвешь сухожилия, чем выломаешь их».

— Что ж, дверь для меня тоже достаточно хороша.

«Оружие?»

— Пусто. Револьвер вытащили, пока я дремал. Они же не дураки.

«Твоя подвижность сильно ограничена. Ты и бежать-то не сможешь».

— Значит, сделай так, чтоб я смог, — грубо приказал Маадэр, накидывая одной рукой плащ, — Впрысни в кровь норадреналина, он приглушит боль.

«Даже если я впрысну в твою кровь авиационное топливо, это ничего не изменит. Ты слаб, Маадэр. Слаб и безоружен. Если тебе встретится один охранник, может и повезти. Но что, если их окажется больше?»

Маадэр нетерпеливо дернул головой.

— Второго шанса Нидар мне не даст. Надо бежать, пока он верит в мою слабость. Если меня поймают, то оглушат такой дозой транквилизатора, что не поможешь и ты. Или по старинке перережут сухожилия.

«У тебя отличное впечатление о коллегах».

— Если ты столь впечатлителен, мой червь, не стоит углубляться в подвалы моей памяти, особенно тот их участок, который посвящен работе в шестом отделе. Мне приходилось

заниматься вещами куда более неприятными.

«Сокровища твоей памяти могут заинтересовать разве что дряхлого сексуального извращенца. Но, кажется, я знаю, как нам раздобыть оружие».

— Внимаю тебе, о мудрый змей.

«Так-то лучше. Помнишь, как мы выбирались из подвала в „Портикусе“ пару лет назад?»

Маадэр нахмурился.

— О дьявол, еще бы. Но после этого я не мог ни есть, ни пить еще три дня.

«В этот раз я буду осторожнее, снижу концентрацию».

— Ты уверен, что это твой лучший вариант?

«Если хочешь, я могу собрать весь кальций твоего организма и попытаться вырастить из пальцев трехдюймовые когти. Но здесь есть свои слабые стороны. Ты лишишься всех зубов, а кости станут столь хрупкими, что перестанут выдерживать вес».

— Пожалуй, предыдущий вариант мне нравился больше, — поспешно заметил Маадэр, рефлекторно потирая челюсть, — Начинай немедленно. И постарайся сделать это без слишком… неприятных ощущений.

«Тогда закрой рот наконец!»

Маадэр повиновался. В конце концов, беседовать с Вурмом он мог и мысленно. Он нахлобучил на голову шляпу и попытался сделать глубокий вдох. Учитывая, что собирался сделать с его телом Вурм, стоило подготовиться к этому или хотя бы снять напряжение.

Вурм не терял времени.

Маадэр чувствовал, как во рту скапливается горькая слюна и неприятно жжет под ложечкой. О том, что сейчас происходит в его ротовой полости, он не хотел и думать. Все-таки хорошо, что некоторые заботы можно переложить на компаньона. Слюна начала становиться более вязкой, густеть и распространять зловоние, схожее с запахом чего-то гниющего. Во рту воцарился отвратительный запах, сам по себе вызывающий тошноту — точно он пережевывал чьи-то не до конца разложившиеся останки…

«Есть. Я синтезировал нужный объем. Только постарайся ничего не проглотить — не хочу лечить твою язву».

«Ты заботлив, я ценю это».

«Шевелись. У тебя двадцать секунд».

Маадэр подошел к двери, помедлил несколько секунд, разминая ноги, потом решительно ее открыл.

За дверью обнаружился широкий коридор привычных для госпиталя цветов — белого и зеленого. Врачей здесь не было, видимо палата располагалась в том участке здания, в котором

забота о пациентах не ценилась чрезмерно высоко. Зато охрану он увидел сразу.

Первый, коренастый грузный мужчина лет сорока пяти, сидел в кресле напротив двери и мусолил в руках газету, читать которую не пытался даже ради маскировки. Второй обнаружился еще ближе — прогуливался по коридору, разминая ноги. Оба не выглядели опасными, но Маадэр, много лет отдавший службе в Конторе, никогда не обманывался несоответствием формы и содержимого.

Первым среагировал стоящий в коридоре. Он шагнул навстречу, мягко, но уверенно преграждая ему путь.

— Простите, господин Маадэр, но врач пока не рекомендовал вам передвигаться. Вам требуется период восстановления. Возвращайтесь обратно, пожалуйста.

Маадэр кивнул, повернулся и, внезапно, закатив глаза, привалился к стене. Кажется, Вурм даже вызвал кровотечение из носа для большей убедительности, но это было определенно излишним — охранник уже метнулся к нему, чтоб подхватить Маадэра и уберечь от падения.

Когда он оказался достаточно близко, Маадэр повернул к нему голову и, набрав в грудь воздуха, хладнокровно плюнул ему прямо в лицо. Смесь, изготовленная Вурмом, отличалась непонятным цветом, она была коричневой, как старая, затянутая тиной вода. Маадэр едва не зашелся в кашле, исторгнув из себя эту зловонную субстанцию, в рот словно плеснули раскаленным свинцом — это ее остатки вступили в реакцию с воздухом.

Плевок был более чем удачен — коричневая жижа окатила лицо охранника, на мгновенье превратив его в какое-то подобие странной древне-африканской маски. Охранник от неожиданности отшатнулся и поднял руки к лицу, еще не понимая, что произошло. А еще через мгновенье он закричал, когда над его лицом появились тонкие белесые струйки дыма. Но Маадэр этого не видел.

Второй охранник, начавший подниматься, был слишком медлителен. Ему хватило времени, чтоб понять, что происходит, но его тело было слишком грузно, чтобы вовремя отреагировать. Или слишком старо. Маадэр сделал два быстрых шага и, сместив центр тяжести на левую ногу, нанес ему сильный удар в живот стопой правой. Охранник рухнул на колени, согнувшись пополам и широко открыв рот. Этот бой был для него закончен. Маадэр хлестко ударил его открытой ладонью снизу в челюсть. Этого хватило — тело выгнулось и растянулось на полу, разметав руки. Нокаут.

Маадэр повернулся к первому охраннику, но тут его участие

уже не требовалось — тот неподвижно лежал на полу, скорчившись в странной позе. От его лица, покрытого отвратительной на вид коркой, поднимался едва заметный дымок. Что-то едва слышно потрескивало.

«Болевой шок, — констатировал Вурм, — Чисто».

Маадэр позволил себе расслабиться. Что ж, видимо Нидар единственный раз в жизни недооценил противника. В этом не было ничего удивительного. Кто способен предположить, что безоружный человек с едва ли не оторванной рукой способен за несколько секунд справиться с двумя крепкими парнями?.. Но в следующий раз Нидар подобной ошибки не допустит, в этом Маадэр был уверен.

— У меня такое чувство, как будто я выпил вместо кофе чашку напалма, — пожаловался он, помахивая ладонью у рта чтобы остудить пылающее горло, — Я не претендую на изысканный букет, но ты бы мог сделать свое чертово зелье и помягче.

«Не ной. На этой планете есть много людей, которым пришлось куда хуже, чем тебе. И за эту минуту их количество увеличилось на два. Шевелись».

Маадэр уже обыскивал ближайшего охранника. Карманы оказались пусты, ни документов, ни аппаратуры, но под пиджаком обнаружилось нечто массивное и приятно оттягивающее руку. Маадэр извлек из кобуры пистолет и присвистнул — это была не миниатюрная игрушка вроде привычного «Корсо», а тяжелый, уродливый в своей странной и грозной форме, «Фалангиум».

— Это госпитальная охрана или силы противовоздушной обороны? — Маадэр покачал головой, взвешивая в руке оружие, — В наше время никому бы не пришло в голову вооружаться подобными гаубицами. Готов поспорить, эта штука способна разорвать человека пополам.

«Ты чуть это не проверил на собственном опыте».

— Они были медлительны, как старые ослы. Я мог бы справиться с ними и без твоей помощи.

Вурм не ответил, издав нечто вроде смешка. Видимо, у него было на этот счет собственное мнение, которое он не посчитал нужным сообщать.

Маадэр положил тяжелый смертоносный механизм в карман плаща, в другой отправил два запасных магазина, внутри которых, как личинки каких-то странных металлических насекомых, уютно жались друг к другу патроны. Каким бы ни было оружие, его наличие всегда успокаивало.

«Что дальше?»

— Центральный вход. Едва ли Нидар поставил там охрану.

«Я не об этом. Ты только что своими руками порвал свой единственный билет с Пасифе. На что ты рассчитывал после этого?»

Маадэр задумался. И произнес лишь одно слово:

— Боберг.

«Чем тебе может помочь старый нарко? Хочешь, чтоб он назначил тебе еще одну встречу с неизвестным господином? Учти, если в этот раз он всадит пулю тебе в голову, я не обещаю, что смогу сохранить ее содержимое, по крайней мере в первозданном виде».

— Не язви. Мне не нужна встреча, мне нужен сам Боберг. Он должен знать о нашем таинственном друге больше, чем говорит. Информация — это его капитал, а наркотики — лишь приятное дополнение. Если он общался с тем ублюдком, который чуть не поджарил нас, должен знать о нем нечто большее.

«Вполне может быть, — согласился Вурм, — Но ты знаешь Боберга. Он скорее отгрызет сам себе руки и ноги, чем поделится с кем-то вкусным куском, не получив ничего взамен».

— Еще бы. Поэтому я сделаю ему весьма ценное коммерческое предложение.

«Какое?»

— Приставлю эту здоровенную пушку к его гнилой голове и спущу курок, если он не выложит мне все, что знает.

Маадэр нашел лестницу и стал быстро спускаться, на всякий случай надвинув шляпу на лицо. Эта мера была излишней — навстречу ему никто не шел. Единственный охранник в больничном холле был занят тем, что озабоченно тер пальцем пятно у себя на ботинке.

«Самый безрассудный и дурацкий план из всех возможных, — проскрежетал Вурм, — Он несуразен, он самонадеян, он совершенно не учитывает изменившихся обстоятельств, он…»

Маадэр мысленно подмигнул Вурму.

— Считай, что это мой стиль.

«Ты идиот! — яростный возглас Вурма лишил его равновесия, как увесистая пощечина, даже уши на миг заложило, — По твоему следу идет „РосХим“. Обнаружив твою пропажу, Нидар немедленно примет меры по твоему устранению. За тобой уже охотятся коллекционеры. И если тебе кажется, что в последнее время ты ощущаешь запах паленого, могу тебя заверить, это не галлюцинация твоего мозга, это оттого, что под тобой уже горит земля, а твоя заднице медленно подкапчивается!»

Маадэр подавил желание ухмыльнуться.

— Меня греет твоя забота, Вурм. Но в этот раз нам придется

хорошо рискнуть, если хотим покинуть Пасифе. Придется действовать, а не покорно дожидаться следующей сдачи карт.

«До сих пор твой риск имел под собой хоть какие-то основания, но теперь… — Вурм сделал паузу, точно ему тоже нужен был воздух для того, чтоб продолжить тираду, — Черт возьми, ты умудрился восстановить против себя самых могущественных людей Пасифе. И собираешься приобрести еще одного смертельного врага, старого Боберга? Тебе мало всех прочих? Может, он и кажется недалеким жадным старикашкой, но ты прекрасно знаешь, что пальцы у него стальные, и эти пальцы сломали хребет не одной сотне самых дерзких и самоуверенных хитрецов!»

Маадэр вежливо кивнул охраннику, проходя мимо него к входным дверям. Тот замер, озадаченно глядя в удаляющуюся спину в грязном, не успевшем как следует высохнуть, плаще. Возможно, даже не подозревая, что его собственная жизнь сейчас находится на указательном пальце Маадэра, крошечная, как насекомое. На том самом пальце, который поглаживал спусковой крючок спрятанного в кармане плаща пистолета.

— В другой ситуации я бы с тобой согласился, — пробормотал он себе под нос, чтоб слышал только Вурм, — Старый Боберг — последний человек, с которым я хотел бы поссориться. Но игра обернулась против нас, Вурм. И «Сирень» — наш единственный шанс сохранить жизнь. Наш спасательный конец. Наш баллон с кислородом. Наша страховка. Успеем раньше всех остальных взять «Сирень», значит, спасемся. Не успеем — нас смахнут, как фишки с игорного стола под конец партии, и уже неважно кто, головорезы «РосХима» или озлобленные коллекционеры. «Сирень» для нас — это все. И раз старый Боберг единственный человек, который ведет к «Сирене», мы возьмем его немощное тело, наполненное горячей кровью, высосанной Пасифе, и хорошенько вздернем.

Убедить Вурма было тяжело. Не проще, чем убедить рассосаться засевший в артериях мозга тромб.

«Допустим, Боберг выдаст тебе имя человека, который завладел „Сиренью“. Допустим, ты сможешь найти его. Допустим, ты сможешь его убить и завладеть био-софтом. И без того уже огромное количество допущений, несоблюдения любого из которых чревато твоей смертью. Допустим. Но что ты будешь делать после этого, с „Сиренью“ на руках? Вспомни дело Зигана. Био-софт — это не слиток золота. Как только ты его найдешь, проблемы не закончатся. Они только начнутся».

— Когда она будет у меня, я снова поговорю с Нидарым. Уже иначе.

«Я предполагал что-то в этом роде. Но твое сумасшествие все же непредсказуемо».

— О, это не сумасшествие, а трезвый расчет, дружище. В обмен на «Сирень» я смогу выхлопотать себе билет с этой дрянной планеты.

«Торг с дьяволом?»

— Торговать не любит только смерть, все остальные оставляют хоть какой-то шанс…

«И насколько велик сегодня твой?..»

Маадэр распахнул дверь и оказался на улице. В лицо пахнуло холодным, как змеиная кожа, ветром. На Пасифе опускалась ночь. После аптечных и острых запахов госпиталя воздух казался почти пресным. Но Маадэр все равно с наслаждением вдохнул его.

— Я думаю скоро это узнать.

14

Дом-крепость Боберга выглядел ничуть не более гостеприимно, чем в предыдущий раз. Он возвышался над прочими домами Девятого как средневековая укрепленная башня, не хватало разве что бойниц и подъемного моста. Но едва ли его обитатели испытывали необходимость в столь архаичных приспособлениях. Маадэр не сомневался в том, что они и без них могли отразить нападение многократно превосходящих сил противника. Конечно, если бы на этой планете отыскался столь недальновидный противник…

— Как чувствовал, что настанет день, когда мне придется брать его штурмом… — вздохнул Маадэр, разглядывая неприступный дом с безопасного расстояния, — Кажется, все эти годы старый Боберг не скупился вкладываться в безопасность. Очень выгодное вложение средств на Пасифе…

«Не в том случае, когда по твою душу заявилс мерценарий-неудачник, едва стоящий на ногах и без одной руки, — едко заметил Вурм, — Проводишь рекогносцировку?»

— Вроде того, — согласился Маадэр.

Он пристроился на крыше в нескольких домах от логова Боберга и теперь разглядывал темную каменную громаду через парапет. Зрелище было достаточно внушительным даже на расстоянии. Не дом — настоящая крепость, шедевр современного фортификационного искусства. Маадэр был достаточно опытен, чтоб замечать то, чего не замечали другие. Дом Боберга лишь внешне мог производить впечатление постаревшего, осевшего и неухоженного, с готовыми лопнуть перекрытиями и перекошенными дверными проемами. Внутри он был укреплен достаточно серьезно, чтоб выдержать полноценный штурм силами нескольких тактических взводов Консорциума при поддержке пары легких полевых орудий. За ветхим камнем находились броневые листы, а почти полное отсутствие окон компенсировалось великими множеством камер и датчиков движения, чьи зудящие электромагнитые хвосты Маадэр ощущал краем сознания.

Боберг был умным стариком. Он знал, что при том роде деятельности, что он ведет, стоит подготовиться к самому неприятному развитию событий и превратил свой дом в настоящую крепость. Излишняя мера предосторожности — за последние двадцать лет, насколько помнил Маадэр, на Пасифе не отыскалось ни одного дурака, готового напасть на старого нарко.

— Штурм изнутри мне не под силу, — наконец вынужден был

признать Маадэр, — У старого паука очень нервные охранники и, что еще хуже, к своей работе они относятся с большим вниманием. Ты же помнишь, сколько там внутренних рубежей обороны. Меня разоружат еще до того, как я успею кого-нибудь свалить.

«Как по мне, твои шансы добраться до Боберга минимальны при любой тактитке, — проскрипел недовольно Вурм, — Ты устал. Мы оба устали. У тебя сломана рука. Ты не боец, Маадэр».

— Присмотрись, червь, ты видишь то же самое, что и я?

«И гораздо лучше тебя. Но не спешу делать выводы».

— Окно на втором этаже. Всего метра три от земли. Если я правильно помню внутреннюю планировку, это должен быть кабинет Боберга. Странно, что оно открыто. На моей памяти оно всегда было закрыто бронещитом. И вряд ли из-за того, что Боберг опасался простуды.

«Удивительная беспечность для самого подозрительного человека на Пасифе, верно?»

— Это похоже на приглашение.

«На приглашение в ловушку».

— Я думаю, что смогу забраться туда, — прикинул Маадэр, — Не так уж и высоко…

«Не меньше трех метров, идиот!»

— Допустим. Но посмотри на фасад, Вурм. Внешняя оболочка дома давно пошла трещинами, там есть уступы и места, на которых я смогу зацепиться даже одной рукой. Если бы еще и найти подход в слепой зоне камер…

Вурм клацнул зубами. И хоть зубов у него не было, звук получился до крайности неприятный.

«Ты собрался штурмовать логово Боберга снаружи? С одной рукой?»

— Толку от меня немного, — согласился Маадэр, машинально сгибая и разгибая пальцы правой руки, — Но, полагаю, это удачное стечение обстоятельств. Если я смогу заявиться в кабинет к Бобергу, возможно, удастся избежать небольшой войны.

Вурм ничего не сказал, но в его молчании явственно ощущалось презрение. Он даже не собирался спорить.

Вновь оказавшись на улице, Маадэр стал приближаться к дому Боберга. Несмотря на то, что его подгоняло колотящееся, не сдерживаемое Вурмом, сердце, делал он это очень неспешно, то и дело останавливаясь. Несмотря на то, что в его крови еще оставалось порядочно эндорфина, он ощущал дремлющие электромагнитные импульсы по периметру дома — верный признак следящих устройств или датчиков. Далеко не все из них

были безобидны — Маадэр не удивился бы, обнаружив пару закладок со взрывчаткой. Когда дело доходило до безопасности, Боберг мог выглядеть настоящим параноиком. Тем странее выглядело распахнутое окно его кабинета, которое притягивало взгляд.

Чтобы определить мертвый сектор камер, Маадэр потратил около часа. Тяжелая, хлопотная работа, вознаграждением за которое стала немилосердная мигрень. Ему приходилось прислушиваться к каждому электромагнитному голосу, до тех пор, пока внутри черепа не начинало звенеть, а из носа не капала кровь. Он составил мысленную карту сторожевых рубежей Боберга и медленно, шаг за шагом, преодолевал их, скрываясь в тени карнизов или перебираясь через соседние полуразрушенные строения. Тяжелая, выматывающая работа. Двадцатью годами раньше он справился бы с этим за четверть часа. Сейчас, приблизившись почти вплотную к цитадели нарко, Маадэр ощущал себя так, словно давно умер и лишь усилиями Вурма его мертвое тело каким-то образом удерживается на ногах. К тому моменту, когда он наконец добрался до фасада здания, сил оставалось так мало, что пришлось привалиться к холодному влажному камню всем телом.

«Ты дряхлеющий слабак. И если ты до сих пор жив, это моя заслуга».

Маадэр не стал удостаивать компаньона ответом. Его путь был еще не закончен, а лишним временем он не располагал. Изучив стену, он осторожно стал подниматься по ней.

Боберг уделял своей безопасности много внимания, но, видимо, слишком верил в технический прогресс, что сослужило ему плохую службу. Нашпигованный аппаратурой дом, казавшийся неприступным, был слишком стар, чтобы служить по-настоящему надежной крепостью — в его стенах образовалось множество прорех и выщербин, которые человек с определенным навыками мог использовать в своих целях. Маадэр двигался медленно, предпочитая бесшумность скорости. Умение не торопиться, сдерживать удары своего сердца во все времена было основополагающим для любого охотника, вне зависимости от того, на кого он охотился.

Он находил подходящие места, которые можно было использовать в качестве опорных точек, стараясь прижиматься к стене и не выдавать себя даже скрипом подошв. Он не занимался подобным достаточно давно, от непривычных усилий легкие клокотали в груди, сердце неровно билось об ребра, лицо заливало горячим потом. Вурм предпочитал не помогать ему, злорадно наблюдая за его мучениями.

Оказавшись у окна первого этажа, забранного толстой сеткой, Маадэр осторожно заглянул в него и увидел прихожую, в которой бывал не один раз. Оба телохранителя Боберга были на рабочем месте, один сосредоточенно изучал экраны мониторов, другой, хлодвиг, развалился в кресле, предпочитая дремать. Маадэр подумал, а выходили ли они вообще когда-либо из дома, или же Боберг держит эту парочку цепных псов постоянно внутри. Зная Боберга, он бы этому ничуть не удивился. А вот самого Боберга в ближайшем будущем и в самом деле ожидал сюрприз.

«Будет забавно, если ты сейчас сорвешься…»

Маадэр бросил взгляд вниз, чего, наверно, не стоило делать. Высота, конечно, не смертельная, но если не рассчитать сил… Он представил, как ветхий камень выскальзывает из руки и падает вниз, а секундой позже он теряет опору и летит вслед за ним. Вурм способен на многое, иногда даже на чудеса, но мгновенно сращивать сломанные кости он не умеет.

«Заткнись».

«Ты испугался. У твоего страха неповторимый вкус, я сразу его чувствую».

«Приятного аппетита. Надеюсь, ты заработаешь себе несварение».

Несколько раз ему пришлось сделать перерыв. Левая рука не помогала, лишь мешала, топорщась бесполезным отростком и задевая камень. Стоило сделать неосторожное движение — и боль колючими клещами впивалась в кость, сладострастно дробя ее в осколки. Маадэр стискивал зубы, некоторое время отдыхал, прижимаясь к холодному камню, и продолжал свой путь. Если Вурм рассчитывал на то, что он станет ныть, ему предстояло разочароваться.

Но и Вурму была не чужда жалость. Маадэр почувствовал, как его тело становится легче, мышцы, еще недавно нывшие от нагрузки, заработали слаженно и сильно, а сломанная рука перестала обращать на себя внимание.

— Спасибо, — буркнул он, не останавливаясь.

«К твоим услугам», — только и сказал паразит.

Добравшись до открытого окна, Маадэр задержал дыхание и, приникнув к массивному подоконнику, заглянул внутрь. В кабинете Боберга и верно горел свет. В этом не было ничего странного — хитрый нарко утверждал, что способен спать лишь днем, и то не больше двух часов в сутки. Маадэр склонен был этому верить — при лошадиных дозах поглощаемых Бобергом наркотиков нервная система давно должна была перестроиться на иной, не вполне человеческий, ритм. Но столь же постоянным Бобрег был и в вопросе собственной безопасности. Как человек

умный и расчетливый, он не питал иллюзий относительно количества своих врагов, оттого в его доме двери и окна всегда были заперты намертво. Маадэр резонно рассудил, что если старый ублюдок и изменил своим привычкам, то это весьма удачное стечение обстоятельств.

В кабинете горела лампа. В ее свете Маадэр видел контур тела Боберга — тот сидел за своим столом, низко склонившись, то ли читая какие-то бумаги, то ли изучая что-то лежащее перед ним. Однако Маадэр не считал его нарочито расслабленную позу поводом для того, чтобы расслабиться самому. Он не без оснований полагал, что в столе у Боберга найдется тревожная кнопка, на зов которой быстро отзовутся дежурившие внизу головорезы. Это значило, что охоту следовало вести по всем правилам.

«Давай!» — шепнул он мысленно.

Вурм понял его правильно. Небольшая, хорошо рассчитанная порция норадреналина выпарила из вен слабость и усталость. Маадэр почувствовал, как его тело начинает тихо звенеть от переполняющей его энергии. Окружающие предметы приобрели зыбкий голубоватый контур, дыхание участилось. Эйфория, которую принес на своих волнах прилив сил, была похожа на ощущения, даримые эндорфином, но куда мягче. Маадэр улыбнулся — и ночь ответила ему порывом ветра, который уже не казался холодным. Однако долго поддерживать такое состояние Вурм не мог, следовало спешить.

Маадэр оказался внутри одним мягким бесшумным прыжком. Если бы Боберг попытался хотя бы протянуть руку — он сломал бы ее одним движением, быстрее, чем тот сообразил бы, что происходит. Но нарко остался недвижим. Возможно, неожиданное вторжение застало его в редкий момент сна, но обострившийся слух Маадэра не чувствовал чужого дыхания.

Он приблизился чтобы рассмотреть то, что сперва показалось ему причудливым, искажающим бликом лампы. И замер, не дойдя до стола нескольких шагов.

— Ах ты старый хитрый уродец… — пробормотал он, покачав головой, — Я предполагал, что ты закончишь свои дни подобным образом, но не думал, что так скоро.

Увиденное заинтересовало и Вурма.

«Не могу сказать, что он стал выглядеть лучше, чем при жизни, но облик его определенно изменился. Ты не ощущаешь голода? Этот проклятый запах…»

— Помолчи хоть сейчас.

«…и хрустящая корочка… Нет, в таком виде он все же нравится мне куда больше, вынужден это признать».

— Это не огнемет. На мебели и полу нет отметин. Ардорит… Старого хитреца выжгло изнутри.

«Ты выглядел бы так же, если бы не я — помнишь?..»

— Из-под меня не натекло бы столько горелого жира… Черт, даже ботинки хлюпают…

«Но проделано ловко, согласись».

— Не спорю. Кто бы ни ухлопал Боберга, сделано не без изящества. Он умудрился не всполошить охрану внизу, значит, был или достаточно коварен или достаточно опытен.

«Он мог бы подмешать ардорит в пищу, но Боберг был слишком подозрителен, чтоб принимать от кого-то еду или выпивку».

Маадэр присмотрелся, хотя в эту минуту он предпочел бы смотреть на что-нибудь другое. В отличии от Вурма он считал, что смерть изменила Боберга не в лучшую сторону.

— Я вижу в его шее отверстие. По диаметру похоже на пулевое.

«Значит, старые добрые пули, а? Глушитель?»

— Возможно. Когда имеешь дело с ардоритом, есть много вариантов. К примеру, он мог зажать патрон в пальцах и вбить его прямо в старину Боберга. У нарко очень мягкая плоть… А оболочка патрона — из хрупкого, быстро разрушающегося материала. А мог…

Маадэр вздрогнул — где-то внизу раздались несколько быстрых ударов по дереву. Он не сразу понял, что это кто-то колотит во входную дверь. Вероятно, какой-то поздний гость Боберга, решивший некстати нанести затворнику-нарко деловой визит. Маадэр нахмурился. Не удивительно, что он не сразу распознал источник звука — стучали явно неправильно, не с теми интервалами. В доме Боберга закончиться это могло только одним.

«Пора уходить, — шепнул Вурм, — Не знаю, что за безмозглый идиот решил придти в гости, но сейчас определенно начнется стрельба, и нам с тобой лучше удалиться на безопасное расстояние».

— Не торопись… Во-первых, кто бы сюда не сунулся, ребята Боберга сумеют убедить его, что он ошибся адресом. Во-вторых, я не собираюсь уходить так быстро.

«Хочешь что-то найти?»

— Возможно.

«Убийцы не всегда настолько вежливы, чтоб оставить визитку. Но ты сейчас думаешь о том же, о чем и я. Боберга убил тот парень, который чуть не превратил в жаркое тебя самого на старом складе. Владелец „Сирени“. Настоящий владелец».

— Я все же огляжусь. Очень часто люди оставляют памятные сувениры на месте убийства, даже не подозревая об этом. Отпечатки, следы…

«Мы даже не знаем, как он оказался здесь».

— Знаем. Он явился на встречу с Бобергом. И не в первый раз, если тот его принял. Они уединились в кабинете, как обычно, а потом наш шустрый друг прикончил старика, открыл окно и скрылся тем самым путем, которым мы сами сюда попали. Просто, хоть и не без изюминки. Увы, все придумано до нас…

«Ты слышишь?»

— Что?

«Какой-то звук внизу. Сложно определить».

— Я удивлен только тем, что не слышу выстрелов. Неужели они сломали незваному гостю шею? Забудь о нем, Вурм. Что нам сейчас надо, так это понять, почему наш приятель со склада поджарил Боберга. Это ведь серьезное дело. Если он пошел на такое, он должен был знать о последствиях.

«Инстинкт самосохранения. Наш садовод испугался, что ты выбьешь из Боберга все, что тот знает. Например, имя или описание внешности. Разумная предосторожность».

Маадэр стал перекладывать бумаги на столе мертвеца. Без всякого толку — настолько подозрительный человек, как Боберг, не мог оставить свое истинное богатство, информацию, в доступном виде. Все листы, которые брал Маадэр, были исписаны крохотными уродливыми закорючками, судя по всему, особым шифром Боберга. Шифром, ключ от которого старый нарко, похоже, унес за собой в могилу.

— Инстинкт самосохранения здесь не при чем, — возразил Маадэр, с раздражением швыряя документацию Боберга обратно на стол, — Садовод не мог знать, что я выжил. Он ведь выстрелил в меня ардоритом, помнишь? У убийства Боберга должна быть другая причина.

«Может, у Садовода было плохое настроение?»

— Или ему просто не понравилось, что кто-то еще в этом мире знает про «Сирень», — Маадэр помрачнел, — Поэтому Садовод сперва убил вероятного покупателя, а потом вернулся к посреднику. Два выстрела — два мертвеца.

«Непохоже это на почерк террориста, — проворчал Вурм, — Насколько я знаю террористов Пасифе, они наоборот любят раздуть панику и раздуть слухи, преувеличив тем самым свое могущество».

— Это может быть террорист другого рода, — неохотно заметил Маадэр, — Не из тех безмозглых анархистов, с которыми мы прежде имели дело. Настоящий фанатик. Человек, желающий

сохранить втайне свое оружие — до тех пор, пока он не будет готов использовать его.

«Взгляни правде в глаза — наш таинственный Садовод может быть обыкновенным психопатом».

— Не исключено, — согласился Маадэр, — Обладание оружием такой разрушительной силы окончательно перемололо его нейронные связи, превратив в законченного шизоида. Быть может, он уже возомнил себя императором Юпитера или…

«Тихо».

— Что еще? — недовольно спросил Маадэр. Ему как раз показалось, что он случайно задел хвостик какой-то верткой, постоянно ускользающей мысли, беспокойно вьющейся в мозгу.

«Скрип ступеней. Слушай».

В ушах щелкнуло, Маадэр поморщился — когда Вурм спешил, он переставал обращать внимание на мелкие особенности человеческого организма. Окружающий мир наполнился звуками. Даже не наполнился — просто все эти звуки, ранее присутствовавшие, но сокрытые, неявные, стали вдруг заметны и очевидны.

Он почувствовал себя внутри огромного барабана, где малейший шорох благодаря акустике обращается оглушительно-шипящим ветром. Маадэр слышал оглушающие, рождающие в груди вибрирующий рокот, удары своего сердца. Шипение воздуха в собственных легких. И скрип дерева под чьими-то осторожными медленными шагами. Кто-то поднимался по лестнице в кабинет.

«Охрана пустила к Бобергу посетителя, зная, что он занят с другим?» — Маадэр благоразумно не воспользовался ртом, чтобы задать этот вопрос, в сущности бывший риторическим.

«Ты не знаешь всех посетителей Боберга. Может, это важный гость».

«Если так, он может расстроится, увидев своего приятеля в таком неприглядном виде. Я бы на его месте точно расстроился».

«Вот поэтому я и говорил тебе бежать отсюда, пока была возможность…»

«Не паникуй. Сейчас мы поговорим с другом господина Боберга. Кто знает, кто он таков и что ему известно. Возможно, это кто-то из его осведомителей с улиц — это было бы кстати… Кто-то ведь вынюхал для Боберга „Сирень“!»

«Ты самоуверен, как и прежде».

«Приятно это знать».

Маадэр отошел от двери, стараясь не производить ни малейшего шороха, и медленно, точно разряжая мину, вытащил пистолет. Непривычно тяжелый кусок металла со сложной

начинкой. Однако очень простой в применении. Рукоять «Фалангиума» явно была рассчитана на человека с куда более массивной ладонью, да и баланс был откровенно неудобен, никакого сравнения с изящным и привычным «Корсо». Но Маадэр привык считать, что любой инструмент, оказавшийся в его распоряжении, лучше полного отсутствия какого бы то ни было инструмента.

Неизвестный сделал еще два или три осторожных шага, и замер перед дверью. Эта странность в поведении не понравилась Маадэру. Если гость знает, что хозяин его ждет, он не станет медлить у двери.

Если хозяин ждет.

Маадэр почувствовал легкий укол между лопатками.

Боберга извещали о визитере, когда тот находился еще в прихожей, под прицелом направленного на него оружия. И он слишком хорошо знал покойного, чтоб быть уверенным в том, что у этого правила не может быть исключений. Боберг слишком дорожил собственной жизнью, пусть даже в итоге это не помогло спасти ее.

Но никакого предупреждающего сигнала Маадэр не услышал.

А потом дверь брызнула в комнату с сухим треском, рассыпаясь ворохом щепок. Вурм отключил сверх-острый слух, но недостаточно быстро — акустический удар накрыл Маадэра, заставив его отшатнуться. В его уши точно вогнали две огромные стальные спицы, с оглушительным скрежетом встретившиеся где-то в мозгу. Маадэр зарычал и поднял «Фалангиум», ловя в прицел едва угадываемый темный силуэт, застывший в дверном проеме. Спусковой крючок поддался мягко и плавно, и какую-то секунду, какую-то крошечную песчинку времени, Маадэру казалось, что за этим ничего не последует. Но потом кабинет сотряс грохот — это «Фалангиум», изрыгнув в стороны два оранжевых огненных сполоха, выплюнул свой свинцовый снаряд. Маадэр временно оглох и не слышал выстрела, но ощутил лицом сотрясение воздуха. Сильнейшая отдача едва не вырвала пистолет из руки — для того чтобы удержать в ладони эту небольшую пушку требовалась и в самом деле незаурядная сила…

Маадэр увидел, как кусок дверной коробки размером с футбольный мяч исчезает в ореоле древесной пыли. Окажись на этом месте человеческое тело, у него был бы шанс значительно уменьшиться в объеме. Но тела там не оказалось.

Точнее, оно оказалось совсем в другом месте.

Пистолет вдруг вылетел из руки Маадэра, но это не было следствием отдачи, он не успел выстрелить второй раз. Зато он ощутил вспышку боли в правом запястье — его точно огрели

стальной плетью, отчего оно стало непослушным, чужим.

Он попытался отдернуть руку, но тело, даже усиленное стараниями Вурма, не успело отреагировать вовремя. Второй удар пришелся под дых и с хрипом выбил из груди дыхание. Маадэр закашлялся и попытался отстраниться, прикрывая опущенными локтями живот, но эта попытка была запоздавшей и бесполезной с самого начала. Боль настигла его еще раз, на этот раз клюнув остро отточенным зазубренным клювом в бедро. Правая нога онемела, точно в мышцы впрыснули жидкий раскаленный металл, растекшийся до самого колена.

Неизвестный был не просто готов к схватке, он ждал ее. И теперь действовал, опережая его на шаг, а то и несколько. Маадэр попытался контратаковать, но эта попытка была рождена отчаяньем, а не реальной необходимостью — он тут же получил несколько болезненных ударов и окончательно утратил инициативу.

Вурм, правильно оценив обстановку, дал ему все, что мог дать, безжалостно высасывая все резервы организма и свои собственные. Маадэр двигался на пределе возможностей человеческого тела, его сухожилия звенели от нагрузки, а кровь в жилах стала сверх-жидкой и обжигающей изнутри. Но тот, чьего лица он не видел, ничуть не уступал ему. А может, и превосходил. Он двигался плавно и вместе с тем уверенно, ни мгновения не оставаясь на прежнем месте. Каждое его движение было мягко, но заканчивалось сокрушающим ударом — так гибкая океанская волна раз за разом сокрушает каменный мол, и откатывается обратно, чтобы снова обрушиться на него.

Сломанная рука не давала Маадэру возможности использовать ее, лишь стесняла движения и отзывалась болью на каждое попадание. Попаданий было много. Слишком много. Очередной удар, пропущенный Маадэром, пришелся в подбородок и оглушил его. Он попытался уклониться от следующих, но время было упущено. В голове лопнуло огромное красно-лиловое солнце и его осколки со звоном прыснули в стороны. Маадэр успел заметить, как на него падает потолок, комната крутанулась перед глазами, точно ее сотряс внезапный удар землетрясения…

Он пришел в себе через несколько секунд. Машинально попытался подняться, не смог, и только тогда понял, что ему мешает какая-то странная тяжесть, расположившаяся на груди. Тяжесть оказалась человеком. Он сидел на Маадэре, ловко придавив коленями его плечи и всматриваясь в его лицо.

Он был не молод, но и явно не стар — лет, наверно, тридцати с небольшим. Внимательные серые глаза, низкий лоб, коротко

стриженные бесцветные волосы… В нем не было никаких примечательных черт. Возможно, он в них и не нуждался.

— Один-ноль, — Маадэр поморщился — боль, которую прежде заглушал Вурм, расползалась по телу, — А ты молодец. Нет, правда. Мне понравилось. Повторим?

Незнакомец ударил его, спокойно и обстоятельно, ладонью наотмашь. Лицо его не изменило своего выражения. Он не наслаждался чужой болью, ему нужно было что-то другое. Маадэр ощутил неприятный солоноватый привкус во рту.

— Лучше не шутить, да?

— Я спрашиваю. Ты отвечаешь, — голос у того оказался низким, даже приятным. Без акцента, свойственного рожденному вне пределов Пасифе, — Если ты отвечаешь правильно, тебе не будет больно.

— А если неправильно? — уточнил Маадэр, уже жалея о неуместном вопросе.

Но незнакомец не разозлился и не удивился. Он запустил руку в карман потрепанного пиджака, в который был облачен, и вытащил что-то небольшое и продолговатое. Маадэр замер, глядя на изящный предмет в его пальцах, кажущийся дрожащим замороженным лунным бликом. Стальное лезвие, хищное и тонкое, как змеиный язык, заплясало над его лицом.

— Тогда будет больно. Я отрежу твои губы, твой нос, твои уши. Затем выколю твои глаза. Мне нужен только твой язык, всем остальным я готов пожертвовать. Если этого будет мало, я срежу твой скальп. В коже головы много кровеносных сосудов, но их повреждение не вызывает мгновенной смерти. Человек может жить до получаса без скальпа, ты знал об этом?

Маадэр заставил себя издать неестественный смешок.

— Ты умеешь расположить к себе слушателя. Что если я отвечу на все вопросы?

— Я дам тебе быструю смерть.

Маадэр заглянул в его глаза и счел это предложение достаточно щедрым.

— Кто ты?

Возможно, стоило солгать — у Маадэра было много имен, часть из которых стала настолько привычными, что он мог считать их своими собственными. Но он не видел в этом смысла. Человек, сидящий на его груди и держащий нож над его лицом, не просто продемонстрировал, что настроен серьезно. Он и в самом деле был настроен самым серьезным образом.

— Этельберд Маадэр. Приватный мерценарий.

— Ты убил Боберга?

— Нет. Когда я пришел, он уже был… таким. Хочешь кусочек

посочнее?

Лезвие мелькнуло серебристой струной, Маадэр услышал лишь тонкое шипение собственной кожи. Боль была достаточно сильной, чтоб еще некоторое время у него не появлялось желания говорить. А еще он, кажется, лишился мочки уха.

— В следующий раз, когда ты захочешь пошутить, лишишься всего уха целиком. Я спрашиваю. Ты отвечаешь. Ясно?

— Да, — пробормотал Маадэр, — Ясно.

Вурм что-то приглушенно бормотал в недрах его мозга. Возможно, резкое напряжение и последующий нокаут здорово дезориентировали его, на время заставив выйти из игры. Маадэр едва не заскрежетал зубами. Кажется, он остался без помощника — именно в тот момент, когда помощь ему нужна как никогда. Паршивое положение.

— Где человек, с которым разговаривал Боберг перед смертью?

— Не знаю, я не видел его.

— Ты знаешь, кто это?

Маадэр хотел было сказать что-то язвительное, но вовремя передумал. У человека, нависавшего над ним с остро оточенным ножом в руке, не было чувства юмора от рождения, или же оно было вытравлено сложным комплексом био-софта.

— Нет, я не знаю, кто он, — осторожно произнес Маадэр, — Не знаю его имени и никогда не видел в лицо.

— Где он сейчас?

Вопросы, которые задавал человек, были очень просты. Настолько, насколько это вообще возможно. Они не оставляли пространства для маневра уклонения, двусмысленных формулировок и игры словами. Человек, отрезавший Маадэру часть уха, явно не впервые в жизни проводил полевой допрос. И пусть делал он это без изящества, свойственного специалистам Конторы, Маадэр не мог не признать его эффективности.

— Понятия не имею. Я думаю, он вышел отсюда через окно. Я его не встречал.

— Ты знаешь, где он может быть или куда направляется?

— Нет.

— Ты встречал его раньше?

— Нет. Не думаю.

— Хорошо. Ты ответил на все вопросы.

В глазах незнакомца появилось что-то, что очень не понравилось Маадэру. Что-то похожее на отблеск света на отполированном клинке. Маадэр понял, что сейчас произойдет, поэтому быстро спросил:

— А про «Сирень» ты разве узнать не хочешь?

Человек насторожился. Темные глаза несколько раз озадаченно мигнули.

— «Сирень»?

— Да, тот самый цветок, из-за которого в последнее время столько шуму, — Маадэр обнаружил, что разговаривать непринужденным тоном крайне сложно, когда твоей щеки касается отполированное лезвие ножа, — Я ведь оказался тут только из-за этой проклятой «Сирени». Подозреваю, и ты тоже. Разве не так?

— Что это такое?

— То, из-за чего все началось, — Маадэр улыбнулся, хотя в его положении явных причин для улыбки не было. Но он не смог удержаться, — Я не знаю, кто ты и почему ищешь этого Садовода, но не сомневаюсь, что тебе нужно то же самое. Я ведь не ошибся?

Глаза незнакомца, прежде темные и блестящие, стали непрозрачными, словно матовыми.

— Ты ошибся, мерценарий. Я не знаю, о чем ты говоришь, но мне это неинтересно.

Маадэру показалось, что он видит тончайшую сверкающую кривую — тот путь, который спустя мгновение совершит лезвие. Она тянулась сверху вниз и проходила через его горло. У него было мало времени, поэтому он опять заговорил:

— Хорошо. Честно говоря, это уже и неважно. У меня есть просьба. Если… ты не возражаешь.

К этому человеку вряд ли часто обращались с просьбами. Вряд ли к нему вообще кто-то обращался.

— Что?

— Для начала брось нож — он меня нервирует. А потом ты ответишь на мои вопросы. Поверь, у меня они тоже есть и, вероятно, их куда больше, чем у тебя. Назовем это взаимовыгодным обменом. Я даже готов предоставить тебе те же условия — если мне понравятся ответы, я подарю тебе смерть, которая не будет тебе в тягость.

Кажется, он был не очень умен. Размышлял он дольше, чем это требуется умному человеку. Маадэру пришлось его поторопить:

— Чувствуешь твердое внизу живота? Это ствол. Я подобрал его, пока мы играли в вопросы и ответы. Нравится? Не опустишь нож — я с удовольствием выверну тебя наизнанку. Ну как?

Он действительно был очень быстр. Быстрее самого Маадэра. А еще — ловок, сноровист и умел. Наверно, он умел выполнять свою работу — и хорошо с ней справлялся. Но умом он все же не блистал. И это в итоге стоило ему жизни.

Маадэр видел, как лопнула его голова — точно перезревшее

яблоко, упавшее с большой высоты, из того места, где она прежде была, забили тягучие черные струи, на секунду превратив обезглавленное тело в какое-подобие небольшой нефтяной вышки. Даже лишенное головы, оно некоторое время отказывалось падать — пока Маадэр не спихнул его ногой. Оно рухнуло на спину — пустая и вытряхнутая человеческая оболочка.

Маадэр с отвращением вытер лицо. Если стреляешь из такой позиции, нет ничего странного в том, что окажешься в крови с ног до головы. Тяжелая пуля вошла в тело немного пониже лопатки. Ее энергии хватило чтобы разворотить грудную клетку и, покидая ее, сорвать с плеч и расколоть как глиняный горшок голову.

Уронив пистолет, Маадэр лежал и смотрел в потолок. Он чувствовал себя слишком измотанным, чтобы подниматься на ноги.

«Отлично, — заметил Вурм. Он тоже был слаб, подъем и недолгий поединок измотали и его, — Ты убил того, кто мог тебе хоть что-то рассказать».

— Он уже примеривался, как полоснуть меня своей бритвой. Может, я ничего и не узнаю, зато все части моего тела по-прежнему соединены вместе, а это уже наполняет меня оптимизмом. Размышлять было некогда.

«Будешь жить. Обошлось без серьезных повреждений — только гематомы и ушибы. А еще у тебя не хватает половины уха. Кровотечение я остановил, но не ожидай, что твое лицо стало от этого симпатичнее».

Маадэр скривился.

— Меня и до этого с трудом можно было назвать красавчиком. Но уха жалко. Может, ты сможешь регенерировать его со временем?

«Может, и смогу, — согласился Вурм, — Но только когда мы окажемся в безопасности. А до этого пока еще очень далеко».

— Я чувствую себя так, словно простоял на ногах все двенадцать раундов, — пожаловался Маадэр, — Причем против карьерного экскаватора.

«Правила, по которым ты играешь, не предусматривают удара гонга или передышки, в течении которой тебя обмахивают полотенцами ассистенты. Поднимайся на ноги».

— Ты уверен, что все кости целы? Потому что мне они говорят об обратном.

«Твое нытье отвратительно».

— Я подумываю о том, чтобы принять твой совет и убраться отсюда. Расспрашивать, кажется, здесь больше некого. Впрочем… Ты же умеешь вгрызаться в мозг, а, Вурм? Может, как в старые добрые времена — я засуну палец кому-нибудь из них в голову,

а…

«Не будь идиотом. У одного из них мозг стал меньше печеной картошки, а у другого — рассеян ровным слоем по всей комнате. Здесь нечего искать… О».

— Что? — спросил Маадэр, которому не понравилось это «О», — В чем дело?

«Наверно, ты удивишься. В общем, к нам приближается еще один посетитель. Кажется, этим вечером дома у господина Боберга должна была собраться славная компания. Может, он рассчитывал разложить партию в бридж?..»

— Ничего не слышу. В последнее время ты слишком часто экспериментировал с моим слухом. Давай-ка отсюда убираться, дружище. Не знаю, кого ждал Боберг, но не уверен, что выдержу еще одну беседу вроде предыдущей… Не исключено, это напарник того ублюдка, который валяется на полу без головы. Не хочу проверять, стоит ли он своего товарища. Вытаскивай нас наружу, червь.

Маадэр взялся за подоконник, но прежде, чем он успел оказаться по ту сторону окна, кто-то окликнул его:

— Куница!

Это было слишком неожиданно. Маадэр замер, на всякий случай направив ствол пистолета в сторону лестницы.

— Уберите оружие. И отойдите, черт возьми, от окна. Ночь слишком темна, а я не хочу сломать шею.

Маадэр опустил пистолет и вздохнул.

— Заходите, Нидар. Здесь не заперто.

15

Оказавшись в кабинете, Нидар первым делом с интересом осмотрелся. Как и несколько часов тому назад, он был облачен в элегантный, с иголочки, плащ и был без оружия. Однако он никогда не производил впечатления человека, которому оружие действительно может понадобиться.

— Милая обстановка, — произнес он с некоторым намеком на улыбку, обозревая интерьер, — Два трупа внизу, два вверху… И, конечно, господин Маадэр собственной персоной.

Маадэр выдавил нечто, напоминающее улыбку.

— Не поверите, случайно зашел. Мы со стариком Бобергом, бывало, любили посидеть вечером у камина, спеть вместе рождественские куплеты, выпить горячего пунша…

От взгляда Нидара подобие улыбки на лице Маадэра обвяло, как тронутое биологической заразой растение. При том, что этот взгляд не выражал ни злости, ни укоризны, только лишь легкое удивление, выносить его было удивительно трудно. Точно ощущать шевеление насекомого на собственной груди.

— Могли бы пригласить и меня, — мягко заметил он, снимая шляпу. Пробор на его голове, как и прежде, был безукоризненным, а плащ, несмотря на хмурую ночь Пасифе, смотрелся свежим и выглаженным, точно только что из прачечной, — Может, я и служащий Конторы, но тоже умею ценить хорошую компанию. И, насколько я вижу, этим вечером здесь было довольно весело.

Он осторожно переступил растекшийся остов Боберга, стараясь не испачкать дорогие лаковые ботинки в луже коричневого горелого жира, и брезгливо смахнул рукавом со стола кусок черепной коробки человека с ножом.

— Я не был уверен, что вы любите вечеринки в таком духе, — пробормотал Маадэр, — А те двое внизу, они…

— Охранники Боберга. Зарезаны. Чистая работа.

Нидар придирчиво осмотрел стул Боберга и, убедившись, что он не заляпан кровью, непринужденно уселся на него.

— А это, если не ошибаюсь, господин Боберг?

— Он самый. Вы удачно зашли, в жизни не помню, чтоб он так хорошо выглядел.

— Ага, — сказал Нидар и прикрыл глаза, точно задумавшись о чем-то.

Маадэр почувствовал, что у него не выдерживают нервы. Когда-то прочные и крепкие, как литая вольфрамовая проволока, они, кажется, за последнее время порядком истончились.

Слишком много событий, слишком много новых знакомств, слишком много поводов забыть про существование маленького камешка, болтающегося на орбите Юпитера…

— Какой дьявол занес вас сюда? — буркнул он, — Вы ведь заявились не для того, чтоб пожурить меня за бегство из госпиталя, так ведь?

Нидар открыл глаза и взглянул на него с вежливым удивлением. Как обычно, в его присутствии Маадэр чувствовал себя до крайности неуютно. Как если бы оказался заперт в клетке с существом инопланетного происхождения, которое наблюдает за ним равнодушно и с легким презрением, как за грудой легко предсказуемой протоплазмы.

— Вы самоуверенны, Куница. А самоуверенность — корень глупости. Разумеется, я знал, где вас искать. Все ваши контакты, деловые и прочие связи известны Конторе. И Исаак Боберг, разумеется, тоже. Чтобы понять, какой именно нелегальный торговец софтом и наркотиками мог предоставить вам свои услуги, мне не потребовались долгие размышления. Впрочем, могу сказать, что вы управились весьма споро. Я надеялся, что вас задержат в госпитале хотя бы на несколько часов. Между прочим, вы опять стали моим должником.

— Я?

— Угу. Один из моих людей пострадал незначительно, другой же — в весьма неприятном состоянии. И все потому, что вы решили действовать, не дождавшись меня. Весьма неосмотрительно, ведь так?

— Возможно, — проворчал Маадэр. Теперь ему и в самом деле показалось, что он действовал слишком поспешно и грубо, — Но, кажется, мы договорились о том, что я работаю самостоятельно и методы выбираю также сам.

Нидар неспешно кивнул.

— Именно. И теперь, глядя на результат использования ваших методов, я думаю, так ли мне выгоден контракт с вами?..

Таким тоном обычно рассуждают о невыгодной покупке. Прежде чем швырнуть ее в мусорное ведро. Маадэр пожалел о том, что не выбрался в окно, пока была возможность.

— Мои методы помогли мне кое-что узнать.

— Вы ничего не узнали, Куница. Ваше небрежное предположение о том, что мы имеем дело с фанатиком-одиночкой, не тянет даже на полноценную теорию.

— Садовод…

— Кто?

— Садовод. Мы… Я привык так называть человека, который наложил руку на ваши цветочки, — неохотно сказал Маадэр, —

Так вот, это именно Садовод ухлопал беднягу Боберга.

— Понимаю, почему вы сделали подобный вывод. Ардорит?

— Он самый. Садовод, судя по всему, поклонник старой школы. Он знает методы Конторы и частично даже ее арсенал. Возможно, он сам из числа вышедших на пенсию… вроде меня.

Нидар покачал головой. В выражении его лица Маадэру померещилась легкая укоризна.

— Вы же не думаете, что вы единственный отставник КНТР, к которому мы обратились? Первым же делом я проверил дела всех агентов, которые служили на Пасифе и остались живы по настоящий момент. Ни один из них согласно своему уровню доступа или личным свойствам не мог оказаться… Садоводом.

Маадэр пожал плечами и обнаружил, что этот жест непросто дается с забинтованным плечом.

— Вот как. И много кандидатур у вас было в списке?

— Позавчера их было восемнадцать, — мягко ответил Нидар, глядя куда-то в сторону, — Сегодня список сократился до одного-единственного имени. Вашего имени, Куница.

Маадэр застыл, не сводя взгляда с расслабленно сидящего в чужом кресле Нидара. Хотя в этот момент предпочел бы скорее разглядывать обезображенные останки хозяина кабинета.

— Вы уничтожили всех служащих Конторы на Пасифе? За два дня?

— Необходимая мера, — Нидар поджал губы, — Никто из них не был связан с «Сиренью», но мы тоже заметили, что почерк Садовода совпадает с классическим почерком Конторы. Нелегко работать против своих вчерашних коллег, Куница. Но мы умеем работать на опережение.

Маадэр осклабился:

— Меня, значит, оставили напоследок? А что, если я и есть Садовод?

Но на лице Нидара не шевельнулся ни один мускул.

— Вы не Садовод. Если бы у нас были в этом хоть какие-то сомнения, уверяю, сейчас я бы находился здесь в обществе трех мертвецов, а не двух.

«Мне нравится его чувство юмора, — заметил Вурм, с интересом прислушивавшийся к их разговору, — И он разбил тебя по всем фронтам».

«Заткнись, червь. Я пытаюсь сосредоточиться».

«Ты так долго уверял себя, что ведешь собственную игру, а на деле лишь играешь роль мальчишки-посыльного для Конторы и Нидара. Он — тот, кто расставляет фигуры. И если ты жив, то только потому, что зачем-то ему еще нужен».

Маадэр небрежно уселся на подоконник и вытащил

портсигар.

— Между прочим, — заметил он, пытаясь вытащить губами сигарету, — Я знаю кое-что о личности Садовода, что вам пока неизвестно.

— Что же вы знаете, Куница?

— За ним охотитесь не только вы. Видите этого человека в углу?.. Да-да, того самого, чей череп можно продавать в отделе детских игрушек в качестве головоломки. Этот самый джентльмен тоже жаждал встретиться с Садоводом.

— Возможно, его подельник или…

— И он ничего не знал о «Сирени».

Нидар замолчал и некоторое время сосредоточенно разглядывал собственные ногти.

— Значит, на Пасифе есть еще кто-то кроме Конторы, кто желает заполучить голову Садовода. Или его товар. Не самые обнадеживающие новости.

— Боитесь конкуренции? — усмехнулся Маадэр, и почти сразу об этом пожалел, увидев легкую улыбку собеседника.

— Нет. Это говорит лишь о том, что Садовод опаснее и опытнее, чем нам казалось. У него на хвосте не только Контора и вы, Маадэр. За ним охотятся и другие люди. При этом он до сих пор умудрился не только никому из нас не попасться, но и делать удачные контр-выпады, лишающие нас любых зацепок. Если он одиночка, то одиночка необычайно талантливый и уверенный в себе. Он столкнул лбами своих преследователей и вновь ускользнул.

— Он незауряден, — согласился Маадэр, — И даже вызывает некоторое уважение. Если он действительно играет сольную партию, его талантами можно только позавидовать.

— У вас есть предположения относительно того, кто еще идет по следу «Сирени»?

— Ни малейших, — честно ответил Маадэр, — Искать на Пасифе подобных людей — то же самое, что искать возбудителя гепатита в яме, куда сваливают больничные отходы. Здесь обрело корни множество самых разных организаций со всей Солнечной системы, многие из которых достаточно серьезны или достаточно влиятельны, чтоб вступить в игру. И я говорю не о транс-планетарных корпорациях. Черт возьми, если вы поглубже запустите руку в то месиво, которое называется Пасифе, обнаружите целые кланы наемных убийц, банды ветеранов юпитерианской войны, сообщества вымогателей, мафиозные триады Консорциума и черт знает, что еще. Не говоря уже о не в меру жадных одиночках и наемных специалистах.

— Вы его обыскивали?

Маадэр отвлекся, обнаружив, что Нидар указывает пальцем на выпотрошенное обезглавленное тело.

— Нет. По-вашему, он носит удостоверение?

— Не знаю, но я бы проверил. Просто из профессионального интереса.

— Проверили бы, если б не боялись запачкаться… А ладно. Мне уже мараться сильнее некуда.

Маадэр наклонился над мертвецом и стал проверять его одежду. На это не потребовалось много времени, но и улов оказался невелик — дешевый механический хронометр, пачка сигарет с зажигалкой, еще один нож, брат-близнец уже ему знакомого — Маадэр брезгливо выбросил его в окно — простой серебряный браслет…

Нидар не выглядел разочарованным.

— Что ж, я возьму его отпечатки пальцев и образец ДНК.

Маадэр лишь махнул рукой:

— Хоть требуху себе захватите. Только я не уверен, что вы найдете в базе Конторы кого-то, кто совпал бы образцами.

— Кроме базы данных Конторы есть и другие, — деловито пояснил Нидар, вытаскивая из кармана плаща хромированный несессер с аккуратно уложенными миниатютрными инструментами — щипчики, лезвия, зажимы, — Армейские базы, жандармские, частные…

Что вы делаете?

— А что по-вашему? — фыркнул Маадэр, — Снимаю с него браслет. Не знаю, серебро это или нет, но за него удастся выручить десяток рублей… У меня период финансовых затруднений, если вы не заметили. Раз уж вы по собственной воле стали добровольным опекуном моих денег…

Нидар презрительно скривился.

— Я полагал, у вас есть запасы и тайники на черный день. Оставь я вам такой большой куш, вы бы испытали соблазн спрятаться получше вместо того, чтоб искать Садовода. Или подкупить кого-нибудь, чтоб сбежать с Пасифе. Этого я позволить не мог.

— Конечно, я вкладывал выручку в ценные бумаги… — съязвил Маадэр, — А дьявол, врос намертво… Что ж, нож придется кстати.

— Держите, — Нидар небрежно достал из бумажника несколько новых банкнот и положил их на стол, — Не терзайте мертвеца, Куница, он свое получил.

Но Маадэр, осклабившись, продолжал работу.

— Эта погань едва не нарезала меня на мелкие кусочки. Я заработаю на нем, пусть даже это будет рубль… Ого. Смотрите,

как интересно.

— Что? — Нидар тоже склонился над трупом, но осторожно, не желая пачкать в крови ботинки.

— Вот, — Маадэр указал острием ножа на участок кожи около запястья, с которого только что снял браслет, — Причудливые шрамы. Видели такие?

— Не могу сказать точно.

— А я могу, — Маадэр улыбнулся, впервые за последние сутки с облегчением, — Не правда ли, эти шрамы походят на латинские буквы «T» и «S»?

— Да, сходство есть. Вам знакомо это сокращение, Маадэр?

— Вполне знакомо. Оно звучит как «Taciturna Silentia». Латынь. «Глубокая тишина». Простите, у меня вопрос. Вы, случайно, не нанимали в помощь мне еще кого-нибудь? Просто чтоб облегчить работу? К примеру, группу профессиональных убийц?

— Нет, — сухо ответил Нидар, изучая странные шрамы, — Контора слишком консервативна и редко доверяет методам аутсорсинга.

— В таком случае могу отчасти вас успокоить. В вашей партии не появилось нового игрока. Тот, кто идет по следу Садовода вместе с нами, не претендует на «Сирень». Он претендует лишь на голову самого Садовода.

— Это убийца?

— «Тактурния Силентия» — это целая организация убийц.

— Хороших? — осведомился Нидар с таким нейтрально-вежливым выражением, точно спрашивал у официанта, хороши ли сегодня стейки.

— Сложно сказать. Здесь у нас на Пасифе не проводится соревнований между убийцами. Но если измерять в количествах голов… Да, я бы сказал, что хорошие.

— Расскажите, что знаете.

— Не много. Я работал в шестом отделе, мы таким не занимались, мы были больше по политической части — сепаратисты, мятежники, анархисты…

— Я знаю больше деталей из вашей биографии, Куница, чем мне бы хотелось. Что вам известно про «Тактурнию»?

Маадэр вздохнул. Нидару не требовался нож, чтобы объяснить серьезность своих намерений.

«Радуйся, ты сэкономишь на ушах…»

— Это остатки гвардии Юпитера. Когда даже последним идиотам стало ясно, что война проиграна, а фрегаты Консорциума на орбите — вовсе не декорации, многие из тех, у кого осталась голова на плечах, а кроме нее — и погоны, решили

покончить с военной жизнью. Вполне понятное желание. Никто не хотел оказаться в концентрационных лагерях Консорциума или в застенках Конторы… Это были самые разные люди, от вчерашних призывников до тех, кто уже успел отработать не один год в так называемых подразделениях специального назначения. Вы мало знаете о Пасифе, но кое-что, конечно, слышали… «Черный грач», «Литания Ио», «Прелум», «Каламус»…

По тому, как прищурились глаза Нидара, Маадэр понял, что эти названия не были для него не пустым звуком. Неудивительно. Даже разбитые Консорциумом, рассеянные по десяткам планет, лишенные руководства и техники, эти остатки армии Юпитера в свое время испортили ему много крови.

— Большую часть этих отрядов успели эвакуировать с Юпитера буквально в последние дни перед тем, как Земля официально заняла планету. Не знаю, куда они делись. Здесь об этом ходит много легенд… Но были и те, кто остался. Отход надо прикрывать, как известно…

— «Солнечные Гиены», — произнес Нидар утвердительно.

— О, не думал, что вы про них слышали. Скорее они принадлежат местной истории… Да, они остались — когда уходили все прочие. Заняли оборону в комплексе космопорта и четыре дня сидели там, не давая транспортам Земли сесть и выгрузить тяжелую технику. А когда канониры Консорциума обрушили на них с орбиты настоящий огненный дождь — подожгли и взорвали все, что могли.

— Они были перебиты.

— Большая их часть, полагаю. Но были и те, кто ушли. Они не были сумасшедшими или смертниками, они просто выполняли свое последнее задание. И, выполнив, растворились. Если знаете, тут после войны царил настоящий хаос. Для обученного человека спрятаться было нетрудно.

— И какое отношение они имеют к этой вашей…

— «Тацитурния Силентия». Ходят слухи, что ее основали уцелевшие «Солнечные Гиены». Те, которых мы не успели задушить, когда была возможность. Точнее вы. Мы, мерценарии, стараемся держаться подальше от политики.

— То есть наши бывшие противники из числа вооруженных отрядов Юпитера образовали секту ночных убийц и теперь по какой-то причине желают устранить того человека, который нам жизненно необходим?

— По крайней мере, все выглядит именно так. Ребята из «Тацитурнии» не занимаются вымогательством или кражами. Не их профиль. Их нанимают, когда надо кого-то быстро и эффективно убрать. Это они умеют. По слухам, конечно — я

никогда не имел с ними дела. И, надо сказать, вполне этим удовлетворен…

— Полагаю, теперь ситуация переменится.

— Что вы имеете в виду? — не понял Маадэр.

— Этой ночью вы убили одного из членов группы. Думаю, с этого момента между вами и «Тацитурнией» установятся новые деловые отношения.

Маадэр хотел было огрызнуться, но сдержал себя. Сейчас ему нужна была сосредоточенность и ясность мысли.

— Я продолжу поиски.

— Надеюсь на это. Контракт должен был выполнен при любых условиях. Это же, кажется, дело чести?..

— Вроде того, — мрачно ответил Маадэр и шагнул к окну. Воспользоваться для выхода дверью ему не хотелось — мало ли кто караулит на улице, не все убийцы действуют поодиночке…

— Куница! — окликнул его Нидар. Когда Маадэр повернулся, он по-прежнему беззаботно сидел на стуле, глядя на него, — Я надеюсь, что ничего подобного больше не повторится. Вы поняли, о чем я. Выкинете что-то в этом духе еще раз — и контракт будет разорван. С известными вам последствиями.

— Не сомневаюсь… — буркнул Маадэр себе под нос и, перемахнув подоконник, начал спускаться по знакомым выбоинам в стене.

Но когда он машинально бросил взгляд через окно в кабинет, тот был уже пуст.

Видимо, у господина Нидара этим вечером еще имелись дела.

16

В Девятом сложно было найти хороший ресторан. Может, потому, что ресторанов здесь никогда не было, как не было и многих других вещей, хорошо известных на остальной части планеты. Тем не менее, если у тебя есть несколько рублей, ты можешь найти место, где набьешь свой желудок даже глухой ночью — это Маадэр знал.

Рассчитывать в подобной забегаловке хотя бы на сублимированное мясо было бы глупо, Маадэр, поколебавшись, взял две порции хайдая и рыбное пюре. Зал был почти пуста — даже коренные обитатели Девятого в такое время занимались иными делами, поэтому поздний ужин предстояло скоротать без компании.

Маадэр сел за стол, поставил на него поднос и некоторое время с отвращением смотрел на его содержимое. Губчатые черно-зеленые брикеты хайдая пахли отвратительно, водорослями, из которых наполовину и состояли, и чем-то маслянистым. Пюре выглядело не лучше, оно было серым и своей консистенцией больше напоминало разварившуюся кашу. Таблетка эндорфина, проглоченная часом ранее, могла примирить с подобным отвратительным зрелищем, но аппетита она, увы, не стимулировала. Маадэр, вздохнув, взялся за вилку. Что ни говори, а для того чтобы жить, нужна энергия. Ему и Вурму, причем Вурму даже больше. Лишенный возможности есть человеческую пищу, тот усваивал все необходимые ему элементы из крови хозяина. Это облегчало процесс кормежки, однако Маадэру приходилось есть за двоих, что в некоторых ситуациях доставляло неудобства.

— Приятного аппетита, — пробормотал Маадэр.

«Я могу отключить на время твои вкусовые рецепторы».

— Пожалуй, не стоит. Каждая составляющая этой дряни настолько отвратительна сама по себе, что одним вкусом тут не обойдешься… Иногда я даже завидую тебе. Эх, а мы могли бы в эту минуту впитывать белки и углеводы из цыпленка под соусом ру и бутылочки охлажденного «Риванера»…

«А могли бы кормить кладбищенских червей. В вопросе питания я предпочитаю золотую середину».

— Ты, как всегда прав, Вурм. Сегодня мы живы — и этому можно радоваться. На завтра у нас гарантии нет.

«У нас мало времени, это верно».

— Э нет, мало времени у нас было два дня назад. Сейчас у нас его и вовсе нет. Я чувствую затылком дыхание наших друзей

из «РосХима». Наверно, они даже не надеялись на такую удачу — Маадэр собственной персоной разгуливает по городу, как мишень на стрельбище. Может, мы живы только из-за этого, а? Пока они перетряхивают притоны, убежища и схроны, мы временно в безопасности, пока находимся в городе?

«Тебе виднее».

— Пора нам убираться отсюда, вот что я скажу… Ночь близится к концу, мы пережили и ее. Сколько таких ночей у нас впереди? Одна? Две?.. Я всю жизнь жил, не загадывая на будущее. Потому что считал, будто оно у меня есть. А теперь я в этом уже не так уверен. Пасифе — одна большая ловушка. Зловонная яма. Здесь никогда и нигде не будет безопасно.

«Ты сам говорил. Наш билет отсюда — „Сирень“».

— Да, — согласился Маадэр, — Но она также далека от нас, как и Марс. Мы по-прежнему ничего не знаем. Бродим как вслепую. Сколько людей мы опросили за эту ночь?

«Двадцать два».

— Двадцать два… Никто из них не знает про «Сирень». Даже не слышал. Кажется, старина Боберг был единственный толковым торговцем на этой планете… И про ее нынешнего хозяина мы тоже ничего не знаем.

«Фактов всегда достаточно. Но факты — это лишь кирпичи. Пока ты их не объединишь, ничего не выйдет, даже если их у тебя несколько тонн…»

Маадэр замер с вилкой у рта.

— Ах ты мелкий негодяй…

Вурм не умел улыбаться, но Маадэр и без этого мог чувствовать его эмоции.

— Копаешься в моей памяти?

«Она в равной мере принадлежит нам обоим».

— Но ты выбрал эти слова отнюдь не случайно.

«Возможно».

Маадэр усмехнулся.

— Велрод повторял мне это не один раз.

«Ты часто думаешь о нем в последнее время. Эти воспоминания плавают по поверхности твоей памяти как нефтяное пятно на болоте».

— Я ловлю себя на мысли, что сейчас он был бы кстати.

«Он мертв. И ты имел сомнительное удовольствие собирать его остатки в пластиковый кулек. Есть места, откуда не возвращаются, Маадэр. Он жив только в твоих воспоминаниях».

— Он был силен, Вурм. Гораздо более силен, чем я когда-либо мог стать. И если тогда, много лет назад, он столкнулся с тем, с кем я имею дело сейчас, столкнулся — и проиграл…

Умение здраво оценивать собственные силы — полезная черта. Я прикидываю, что же светит мне. Наш неизвестный друг, должно быть, очень интересная персона…

— Садовод?

— Угу, — Маадэру пришлось сделать паузу, чтоб выудить из зубов разваренный рыбий хрящ, — Надо вспомнить наши старые методы. Методы Конторы, я имею в виду. Обобщить всю доступную нам информации и скомпоновать на основе нее структурную психологическую модель Садовода. Тогда мы сможем предположить, как он размышляет и как действует.

«Это мы знаем и так, — проворчал Вурм, тоже не испытывавший удовольствия от трапезы, — Размышляет он быстро, а действует решительно».

— Давай заложим первый камень, — Маадэр отщипнул бурую крошку от брикета хайдая и осторожно положил ее на грязную потертую столешницу, — Он силен и опытен. Прошел хорошую школу. Это не био-машина, не лишенный мозга убийца в человеческом теле. Возможно, протезирование или какая-то стимуляция, но не более того…

«Ты сам говорил Нидару о том, сколько на Пасифе вьется такого рода людей, включая наемников и беглецов со всей системы».

— Он местный. Наша беседа на складе была коротка, но я точно помню, что говорил он без акцента. Это не заезжий наемник, не дезертир откуда-нибудь с Сатурна, он много лет провел на Пасифе. И хорошо знает здешние реалии.

«Ты выстраиваешь свою кладку из глины, а не из камня. У тебя нет никаких оснований для столь смелых допущений».

— О, они у меня есть. Ты помнишь, как Садовод назвал меня при нашем первом и последнем разговоре?

Вурму не было нужды что-либо помнить — в его распоряжении была память Маадэра.

«Куница. Он назвал тебя Куницей».

Маадэр удовлетворенно кивнул, положив рядом с первой вторую крошку.

— Именно. Сперва я не обратил на это внимания — не до того было… А потом вспомнил. Он назвал меня тем именем, которое мало кому известно.

«Ты скромничаешь. Об агенте Кунице еще лет пять назад даже слухи ходили…»

— Но не так уж много людей на этой планете знают, что агент шестого отдела КНТР Куница и приватный мерценарий Маадэр — суть одно и то же. Улавливаешь?.. Нет, конечно полную тайну сохранить было невозможно. О прошлом господина

мерценария кое-кому известно. Но я всегда считал, что таких людей не так уж и много. По крайней мере, не больше дюжины. И тут оказывается, что Садовод меня прекрасно знает. Вот ведь сюрприз!

«Это еще не значит, что он вхож в местные тайные ложи, Маадэр. Возможно, вам довелось встречаться еще тогда, когда ты хранил в шкафу военную форму. Он запомнил тебя и, спустя много лет, узнал на складе…»

— Я достаточно сильно изменился с тех пор, — Маадэр скривился, — И не в лучшую сторону. Меня давно никто не узнает. Хотя красавцем я не был и ранее… Нет, едва мы с ним были знакомы. Кроме того, на складе было темно — я не видел его лица.

«Вы могли быть знакомы ближе, чем ты думаешь…»

— О чем ты?

«Шестой отдел. Что если вы работали вместе?»

Маадэр задумался.

— Исключено. В шестом отделе было одиннадцать человек, включая меня и Велрода. Когда я решил удалиться в отставку, в нем оставалось лишь четверо. Тауруса застрелили в тридцать пятом. Обрегон умер от передозировки стимуляторов годом раньше… Сердюкова и Фроммера я застрелил собственноручно, старый Руби ушел в запас после ранения… Осталось четверо. Четыре человека, которые могли помнить агента Куницу. Даже если кто-нибудь из них дотянул до нынешних времен, его должны были ликвидировать люди Нидара. Ты же слышал, он зачистил все концы. Все, что тянулись к Конторе. Кроме того, среди моих сослуживцев не было никого, кто бы смог стать Садоводом. Не тот потенциал. Садовод куда более профессионален, чем любой из них. Он стал бы достойным противником для Велрода, но увы…

«А сейчас ты наложил груду кирпичей безо всякого смысла. Где вывод, Маадэр?»

Маадэр вздохнул.

— Я думаю, Садовод не имеет отношения к Конторе. Я имею в виду, он не состоял на службе Консорциума. Он просто ловкий малый, переживший войну на Юпитере, возможно, успевший отслужить в спецслужбах. Достаточно талантливый, чтоб перенять тактику и опыт КНТР. После войны, вероятно, ушел в подполье. Нередкая картина, знаешь ли… Оккупационное правительство Земли никогда не любило бывших юпитерианских шакалов.

«А дальше?»

Маадэр положил на стол третью крошку. Впритык в двум предыдущим.

— По его следу идут убийцы, причем связанные в прошлом как раз с армией Юпитера. Совпадение ли?

«Может и быть им — а уж при твоей привычке так вольно обходится с фактами…»

— Я думаю, он ренегат. Дезертир. Работавший на Юпитер во время войны, но потом дезертировавший, вынужденный стать одиночкой. Мой коллега и в то же время — моя полная противоположность.

«Хорошая новость. Может, у вас будет шанс обменяться воспоминаниями за бутылочкой мозельского… Это ведь так трогательно — когда бывшие противники встречаются через несколько лет после окончания войны».

Маадэр оскалился.

— Только после того, как я увижу его мозги на стене!

«Он быстрее и сильнее нас. Впрочем, ты это, наверно, заметил».

— Ты брюзжишь не как мудрый змей, а как старый червь из сгнившего яблока, — отмахнулся Маадэр, — Сейчас у нас есть какой-никакой, а козырь. Он думает, что я мертв, помнишь? Это дает нам преимущество.

«Лишь временное, я полагаю. Если он старожил и настолько хорошо знает подноготную Девятого, вскоре он услышит о тебе. И решит вопрос окончательно».

— Это значит, что мы должны успеть раньше.

Маадэр смахнул ладонью крошки со стола и поднялся.

«Кажется, ты опять что-то задумал. Но я не уверен, хочу ли я спрашивать, что именно», — пробормотал Вурм.

— Ты роешься в моих мыслях, червь. Так прочитай их.

17

Маадэру приходилось видеть восход солнца на многих планетах, и каждый раз это выглядело по-разному. Возможно, дело было в разнице между химическим составом атмосфер, силе тяжести, климатических особенностях, а может и в чем-то ином — Маадэра это никогда не интересовало.

Он любил наблюдать восход на Земле, особенно тот его момент, когда серое небо на горизонте начинало стремительно светлеть, выдавливая из себя раскаленную каплю цвета ожога или расплавленной меди. На Юпитере это выглядело иначе, там солнце не выплывало, а просто рождалось в небе, точно сотканное в душном, пропитанном пылью, воздухе из зыбкого марева, разлитого над горизонтом.

Рассвет на Пасифе выглядел не так примечательно. Если бы Маадэр захотел сформулировать свои впечатления от него, собранные за несколько лет, он легко бы вместил их в одно слово — грязный.

В этом рассвете не было ничего багрового, торжественного или трогательного, даже солнце, неохотно расчищавшее себе путь между свинцовыми пластами облаков, было непохоже на само себя, как будто этот крошечный вертящийся в ледяной пустоте космоса булыжник освещала какая-то своя звезда, злая и нетерпеливая. Ее отсвет ложился на землю рваными пятнами серовато-алого цвета, издалека похожими на начавшую свертываться кровь. Воздух, еще пропитанный ночной влажностью, оставляющей металлический привкус на языке, стремительно нагревался, но его тепло было неприятно — оно не столько грело, сколько иссушало, заставляло пересохшие глаза слезиться, а язык — царапать нёбо. Маадэр не любил ночь на Пасифе, но день был ему неприятен еще больше.

Ночью у него, по крайней мере, было преимущество перед прочими обитателями планеты, пусть и дарованное Вурмом, днем же, в свете грязного злого солнца он чувствовал себя беззащитным.

Прикрыв лицо полями шляпы, он старался дремать, используя оказавшееся в его распоряжении время и стараясь не обращать внимания на тряску. Если в Девятом электроника еще не использовалась повсеместно, Восьмой был нафарширован ей под завязку. Казалось, сквозь сталь и камень проходят миллиарды невидимых металлических нитей, спутывающихся где-то внутри этого проклятого города в какой-то дьявольский электромагнитный клубок. Излучение здесь было везде, оно

висело в воздухе как кислотная взвесь, оно пряталось в земле, оно мельтешило вокруг и от него не было спасения. Маадэр, несмотря на принятую пару часов назад таблетку эндоморфина, здесь чувствовал себя отвратительно.

Точно в челюсть вогнали ржавый, покрытый заусенцами и сколами, тупой ланцет, который неспешно проворачивался, вгрызаясь все глубже и глубже. Маадэр старался не открывать глаз, отрешиться от окружающего мира под убаюкивающее покачивание автобуса, но все равно ощущал окутывающее его электромагнитное поле каждой изнывающей от боли клеткой тела. Часы, мобильные войс-аппараты, миниатюрные компьютеры, камеры, электронные стимуляторы и протезы, двигатели, тысячи и тысячи нужных и бесполезных устройств, делающие пребывание в Восьмом невыносимым.

Вурм мог снять боль если не целиком, то значительно, но он молчал, и Маадэр, кусая губы, старался справиться собственными силами, не унижаясь перед компаньоном. Не исключено, что Вурм сейчас наблюдал за ним со злорадством, ожидая, когда его помощь станет насущной необходимостью — в мозгу Маадэра он был тем гостем, чье местонахождение всегда было неизвестным.

«В вашем случае, образовав симбиоз с вашей поврежденной и нестабильно работающей нервной системой, он стал следствием перманентных галлюцинаций и фактически повлек раздвоение личности…» — так сказал Нидар. Маадэр хмыкнул, стараясь абстрагироваться от зудящей в кости боли. Он давно бросил попытки понять, что из себя представляет Вурм. Ему было достаточно того, что он на его стороне. Вурм не был его другом или верным союзником, он существовал лишь в качестве паразитарной формы жизни, питающейся клетками его нервных тканей. И, как и всякое живое существо, он был наделен инстинктом самосохранения, заставлявшим Вурма защищать свой дом. И в этом их интересы полностью совпадали.

Был ли Вурм галлюцинацией, плодом поврежденного мозга, пораженного биологическим захватчиком? Маадэр не любил размышлять на эту тему. Но и уйти от нее было невозможно. Как невозможно уйти от себя самого.

В автобусе Маадэр чувствовал себя неуютно, ограниченное пространство, наполненное ритмичным гулом и едким запахом бензина, всегда действовало на него дурно, однако автобус был наиболее приемлемым видом транспорта в Восьмом — по крайней мере в его конструкции не было электро-двигателя. Передвижений по Восьмому пешком при свете дня Маадэр старался избегать — в отличие от гниющей клоаки Девятого здесь жандармы были не диковинкой, а обычным, в порядке вещей,

явлением. И встреча с ними, без документов, но с нелегально добытым оружием и полным контейнером эндоморфинов потенциально ничем хорошим окончиться не могла.

Была и другая причина путешествовать скрытно — камеры наблюдения, которые Маадэр подмечал автоматически. Если лет пять назад они только появлялись на улицах, то теперь без них редко обходился хоть один квартал. Маадэр же не горел желанием остаться запечатленным в невидимых объективах.

Бывать в Восьмом ему приходилось редко. Его клиенты обычно происходили из Девятого, где услуги мерценария пользовались определенным спросом, по крайней мере в старые времена. В Восьмом мерценарии постепенно становились редкостью, как на прочих планетах Консорциума. Здесь просто не было проблем, которые решить мог лишь мерценарий, а с бытовыми мелочами вполне неплохо справлялись местные воры, вымогатели, телохранители и убийцы.

Маадэр, поглядывавший в окно чтобы отвлечься от боли, подумал, что татуировка мерценария здесь выглядит так же нелепо и странно, как пиратская — в центре старого Лондона, или татуировка узника Дахау в рейхсканцелярии древней Германии. Это был не его город. Чужая вода, в которой плавают другие рыбы, привычные к иному корму. В последнее время он ощущал себя здесь скованно и неудобно — как рыбешка, бултыхнувшаяся из океана в глубокую отстоявшуюся пресную лужу.

Боль достигла того предела, когда перед глазами ползут, перетекая один в другой, зеленые и фиолетовые круги. Маадэр потянулся за контейнером, но внезапно, еще не успев его коснуться, почувствовал облегчение. Боль не исчезла, но сделалась мягче — как будто кто-то прикрыл обнаженные, звенящие от напряжения нервы толстой и плотной тканью. Маадэр едва не застонал от удовольствия.

«Спасибо, Вурм, — сказал он мысленно, — Я знал, что в твоем крошечном теле бьется большое и доброе сердце».

Вурм рассмеялся, и от его смеха в затылок точно вонзили две сотни крошечных серебряных булавок.

Спустя немногим более получаса Маадэр покинул автобус. Улица, на которой он оказался, не выделялась ничем примечательным среди прочих улиц Восьмого, но из-за обилия стекла и пластика Маадэр ощутил небольшой приступ дезориентации, похожий на тошноту. Дома здесь были слишком высокими, куда выше, чем привычные ему, их причудливые ребристые формы напоминали ему силуэты каких-то чудовищных кристаллических полупрозрачных растений. В своем потрепанном

плаще он должен был выглядеть тут по меньшей мере неуместно.

Однако нужный дом он нашел сразу. Ему приходилось здесь быть, хоть и достаточно давно. Тогда, несколько лет назад, он не думал, что ему придется переступить порог вновь.

Небольшой двухэтажный особняк выглядел опрятным и ухоженным, не очень выделяясь среди своих гигантских собратьев. Но дверь, хоть на первый взгляд это и не было заметно, кто-то успел укрепить листовой сталью, а также смотровым глазком, скорее всего перископической конструкции. Кто-то, кто еще не успел расслабиться в мягком климате Восьмого.

Маадэр по привычке постучал, хоть здесь и была кнопка звонка. Он старался обходиться без помощи электрических устройств там, где это было возможно. Из привычки это давно превратилось в образ жизни.

— Кто? — спросили из-за двери, хотя Маадэр стоял напротив смотрового глазка.

— К господину Уэббли, — кратко сказал Маадэр.

«В списке глупостей, которые ты совершил за сегодня, эта — самая большая, — пробормотал Вурм, пока хозяин, кряхтя, отпирал засов, — С другой стороны, день только начался и, возможно, тебе представится иной шанс… Если ты выйдешь отсюда живым».

Маадэр не успел ответить — дверь открылась. Внутри было темно, оттуда донесся тяжелый запах чего-то затхлого, несвежего. Так может пахнуть в заброшенном доме, который посещают лишь крысы. Еще пахло густым запахом крепкого табака, и он перебивал все остальные. Ощутив его, Маадэр улыбнулся.

— Здравствуй, старый бандит, — сказал он, — Не ожидал?

— И ты здравствуй, Куница, — ответил ему хозяин медленно. Он был коренаст, лет пятидесяти, смотрел настороженно, точно вспоминал, кто пожаловал к нему в гости, — И верно, странная встреча. По дружбе или по делу?

— Где дружба, там и дело… — сказал Маадэр, стараясь держаться непринужденно, что не очень получалось под прицелом внимательных темных глаз, — Пустишь в свою берлогу?

— Ну что ж, заходи… — Уэббли посторонился, пропуская его внутрь и не сводя с него взгляда.

— Все нормально? — уточнил Маадэр на всякий случай.

— А почему нет?

— И я не помешал?

— Если и помешал, ты все равно влезешь внутрь, к чему спрашивать?

— И верно, — Маадэр рассмеялся, — Действительно, к чему…

Он решительно зашел внутрь. Внутри и впрямь было душно — несмотря на то, что архитектура дома предусматривала достаточное количество окон, все они были закрыты, а некоторые для надежности еще и заварены стальными полосами. Из-за этого, или из-за стрекота нагнетающих воздух насосов интерьер походил на внутренности какого-нибудь подземного убежища, в котором присутствие человека — лишь эпизодическое явление.

Маадэр окинул взглядом обстановку. Ничего лишнего. Ни мебели, ни техники, ни оружия на виду. Как будто оказался в большом двухэтажном склепе.

— У тебя спартанский вкус, — заметил он, — Весьма похвально. Редко кто из мерценариев…

Удар пришелся в живот и был достаточно силен, чтобы отшвырнуть Маадэра в сторону и на несколько секунд сделать окружающий мир еще более темным. Кажется, он врезался в стену и упал. По крайней мере, когда Маадэр смог открыть глаза, он лежал на полу. У него ушло некоторое время чтобы набрать воздух в легкие, и сделал он это не без труда. Он чувствовал себя так, словно в его внутренностях взорвался крупнокалиберный снаряд. Когда зрение вернулось полностью, он заметил нависающую над ним фигуру и три глаза, внимательно изучающих его сверху. Два из них были темными, прикрытыми густыми седеющими бровями, третий оказался металлическим, в диаметре миллиметров пятнадцать.

— Ты или слишком глуп, Куница, или слишком хитер, — прогудел Уэббли, без труда удерживавший одной рукой массивный дробовик, направленный в лицо Маадэру, — Я знаю тебя достаточно долго, чтобы считать, что ты не так и глуп.

Маадэр благоразумно удержался от каких бы то ни было движений или жестов.

— Я… Я пришел к тебе как к старому приятелю, Дэниэл.

— Приятно слышать. Но у меня уже есть старый приятель, Куница, его зовут «Ремингтон» и, боюсь, я не смогу его сдержать, если он захочет разнести твою поганую голову вместе с твоим лживым языком как гнилое яблоко. Говори, зачем пришел, и живо!

— Вот уж не думал, что ты все еще в обиде на меня…

— Я? В обиде? — Уэббли прищурился, — Бог ты мой, нет, кто тебе сказал? Или ты имеешь в виду нашу последнюю встречу полгода назад, на память о которой я сохранил две пули в бедре, и одну в груди?

— Ты знаешь, что в этом была не моя вина!

— Одна из этих пуль срикошетила от кости и превратила мой кишечник в десять фунтов первосортного фарша. Ты знаешь, что я тогда чувствовал, старый приятель?

— Я не мог тебе помочь.

— Но ты мог быстро бегать. И продемонстрировал это. Ты всегда был хитрым и скользким, как крыса.

— Ну, ты ведь за это меня и любишь, разве нет?

Лицо Уэббли еще некоторое время оставалось серьезным, потом он улыбнулся, обнажив крепкие и крупные, тронутые табачной желтизной, зубы.

— Паршивый ты шельмец! Вставай, чего разлегся!

Маадэр поднялся, Уэббли поставил свой грозный дробовик в угол и заключил гостя в объятья, от которых у того угрожающе заныли ребра. Уэббли мог выглядеть почти стариком, но силы в его руках оставалось еще достаточно.

— Кулак у тебя прямо как прежде, — заметил Маадэр, потирая живот, — И манеры ни к черту. Впрочем, ничего другого и я не ожидал. Глупо было думать, что жизнь на пенсии изменит твою сволочную натуру.

Уэббли усмехнулся. Его глаза могли смотреть не так грозно, но добродушное выражение было им незнакомо.

— На пенсии я или нет, а мир так и остался огромной свалкой, в которой если что и меняется, так только к худшему. А старого мерценария так просто не изменишь… Выпьешь со мной?

— Не откажусь.

— У меня осталась бутылочка старого «Краун Роял» — в голову бьет получше, чем джеб портового грузчика… Заходи, Куница. Это прихожая, живу я там.

Вторая комната отличалась на удивление ухоженным видом. Сразу чувствовалось, что тут, в отличие от остальных помещений, кто-то обитает. Впрочем, интерьер и здесь был скудным — кроме потрескавшегося дивана, служившего хозяину, видимо, и кроватью, здесь находился только шкаф, стол, информационная панель с войс-аппаратом и оружейная пирамида.

— По-казарменному живешь, смотрю…

Уэббли лишь пожал плечами.

— Я был мерценарием двадцать три года. За это время я не научился ценить живопись или мебель из редких пород дерева, дом для меня — угол, в котором я чувствую себя в безопасности, не более того.

— А на счет пули… Это правда?

— А то! Половина моего брюха теперь состоит из полимерных трубок и прочей дряни.

— Извини, — сказал Маадэр.

— Ничего, случается. К тому же, с тех пор меня перестали мучить запоры. Требуха-то моя, надо сказать, свежестью не отличалась…

Уэббли достал откуда-то небольшую бутыль темного стекла, поставил на стол, там же спустя секунду оказались и два грязных стакана.

— Открывай, Куница. Мне пока звонок сделать надо. Не бойся, не по твою душу.

Уэббли снял трубку войс-аппарата, и, передав Маадэру бутылку, набрал какой-то короткий номер.

— Алло, Штайр? Здравствуй, старый ублюдок… Слушай, не приду я к тебе нынче. Раскладывайте партию без меня. Что? Нет, гости. А? Да, можно и так сказать… Друг… Старинный… Не обессудь уж. А я уж потом… А? Нет…

Пока он говорил, Маадэр разлил виски в два стакана и закурил сигарету. В комнате не было пепельницы, но серые холмики пепла на полу явно указывали, что хозяину она была ни к чему.

«Я удивлен, что он не вышиб тебе мозги первым делом, — заметил Вурм, — Наверно, в тебе есть какое-то очарование».

«Старого Уэббли очарованием пронять не проще, чем бурого медведя-шатуна… Но спорить не буду, он повел себя как джентльмен».

«А ты едва не свел его на тот свет».

«Это было давно, стоит ли вспоминать?..»

Вурм не ответил. В вопросах человеческой морали он редко высказывал свое мнение.

Уэббли закончил разговор и вернулся к столу.

— Ну, мерценарий, за удачу! Чтоб удача была с нами, а мы с ней!

Виски действительно оказался неплох. Маадэр хотел было попросить Вурма проверить его химический состав, но передумал. Во-первых, хозяин пил из той же бутылки, а принять превентивное противоядие он бы не успел, во-вторых, Вурм в таких ситуациях всегда действовал без напоминаний.

— А теперь выкладывай, Куница, — сказал Уэббли, коротко выдохнув и отставив стакан, — Только не говори, что решил проведать старого друга, а то я передумаю и таки украшу твоими мозгами прихожую.

— В первую очередь — оружие.

— В жизни не поверю, что ты шляешься по городу безоружным.

Маадэр вытащил из-под плаща тяжелый «Фалангиум» и бросил его на стол. Уэббли лишь присвистнул.

— Во времена моей молодости чем-то подобным вооружали орбитальные фрегаты.

— Твои комментарии мне не нужны. Мне нужно оружие. Скажем так, я поссорился с одним человеком…

— …а у того, видимо, оказался танк, — перебил Уэббли, — Ладно, понял. Ствол будет. Знаю твой вкус, но «Корсо» у меня нет. Есть «Тор» — хорошая армейская машинка. Старая, неприхотливая. Берешь?

— Беру.

Уэббли вышел из комнаты и отсутствовал не более минуты. Когда он вернулся, у него в руках был черный автоматический пистолет, распространявший кислый запах оружейного масла.

— Не новый, но работает исправно, сам проверял и смазывал. Двести.

— Двести рублей за пистолет?

— Наценка за услуги, — Уэббли подмигнул, — Сам понимаешь…

— В любой подворотне Девятого я купил бы новый за полсотни!

Уэббли пожал плечами.

— Но ты сейчас не в Девятом. Ты сейчас у меня, Маадэр. А это значит лишь одно. Тебя наконец взяли за твою крысиную шею, и теперь тебе очень страшно. Настолько, что больше идти тебе не к кому. Кроме твоего старого доброго друга Уэббли. Так?

— Ты пропил еще не все мозги… Да, меня и в самом деле несколько прижали обстоятельства, — признал Маадэр.

— Настолько, что ты боишься обратиться к прежним знакомым?

— Настолько. Вот деньги, — Маадэр вытащил две банкноты, полученные от Нидара и, разгладив, положил на стол, — Но кроме ствола мне требуется кое-что еще.

— Как я и думал. Что же тебе надо?

— «Тацитурния Силентия».

Уэббли уставился на него долгим внимательным взглядом. И уже без улыбки.

— Прости, кажется, я не расслышал. Кишечник-то мне почистили, а вот уши…

— Мне кажется, расслышал. Мне нужна «Тацитурния», Дэниэл. Ты ведь помнишь, что это такое?

Уэббли кивнул.

— Моя память еще при мне. Но ты выбрал странную тему для своих шуточек.

— Уверяю, я серьезен. Мне надо выйти на «Тацитурнию».

— Какой вздор… Если тебе понадобилась серьезная помощь,

есть люди, которые справятся с твоей проблемой куда быстрее. И дешевле. Подумать только, Куница ищет наемных убийц… Не думал, что доживу до такого. Теряешь хватку?

— Я тут не при чем. И мне нужен не заказ. Я хочу поговорить.

Уэббли усмехнулся.

— Замечательно. Почему я?

— Ты самый старый мерценарий из всех, что мне известны, — просто ответил Маадэр, — Когда я получил лицензию, ты уже вышел на покой. И Пасифе ты знаешь, как свои пять пальцев.

— Есть люди, которых не стоит трогать без дела, Куница. И я не шучу. Эти люди очень не любят внимания. Тебе ясно?

— В моем положении нет выбора, Уэббли. Точнее, есть, но он небогат — или я нахожу кого-то из ребят «Тацитурнии», с которым могу поговорить по душам, или меня находят завтра где-нибудь в переулке, и вряд ли одним куском. Не упрямься. У тебя должны быть выходы на них, я же знаю. Ты самая опытная гиена в этой части Солнечной Системы. Хоть что-то тебе должно быть известно.

Уэббли вновь достал бутылку, налил в свой стакан и молча выпил. Пистолет он рассеянно засунул за ремень.

— Это опасные люди, — сказал он негромко, — Если ты свяжешься с ними, да еще и с целью поболтать, тебя найдут не одним куском, Куница, тебя будут находить вновь и вновь месяц подряд… Я имел кое с кем из них дело, врать не буду.

— Они действительно так сильны, как о них треплют?

— Что? Черт возьми, это лучше убийцы на этом дрянном булыжнике под названием Пасифе! — Уэббли треснул стаканом об стол так, что тот едва не лопнул, — И да, они действительно так сильны.

Маадэр вздохнул. Старый мерценарий был упрям, даже забросай он его сотнями доводов, это едва ли решило бы исход дела. Но как раз их в его распоряжении и не было, привести хотя бы один взвешенный разумный довод, почему ему нужна «Тацитурния» было затруднительно. Он посмотрел в глаза Уэббли, с удовлетворением заметив, как они на мгновенье дрогнули, точно инстинктивно хотели метнуться прочь, избегая его взгляда. Как будто Уэббли чего-то боялся.

— Мне нужны эти парни, — просто сказал Маадэр, стараясь говорить тихо и монотонно, — Я не могу сказать тебе, зачем. Не могу сказать, почему. Но я должен с ними встретиться. За мою безопасность можешь не волноваться, если она действительно тебя волнует, я не собираюсь встречаться с ними в полночь где-нибудь в глухом аппендиксе Девятого. У меня еще остался инстинкт самосохранения. Нет, я буду разговаривать с ними на

своих условиях. И они их примут. Очень захотят принять.

Уэббли задумчиво покрутил в руке пустой стакан.

— Я не понимаю, к чему тебе это и что вообще происходит тут в последние дни, но старое правило Пасифе гласит — если ближний твой решил сложить свою безмозглую голову — не мешай ему. Я дам тебе «Тацитурнию», Маадэр.

Что-то в его словах показалось Маадэру странным. Как звякнувшее фальшивым металлом звено в цепи.

— Постой, — сказал он, пытаясь сосредоточиться, — О чем ты? Что происходит?

Уэббли сам уставился ему в глаза.

— Заканчивай с шань-си, Куница. Эта дрянь растворяет мозг получше средства против засоров в трубах.

— Последние несколько дней я был несколько занят. У меня было не очень много времени, чтоб следить за новостями.

— Поэтому ты не знаешь, о чем трубят все центральные каналы вот уже часов десять кряду?

— Понятия не имею.

Уэббли покачал головой.

— Какая-то скверная штука в Девятом. Похоже на эпидемию. Ухлопала почти три сотни человек за пару часов. Как тебе?

Маадэр ощутил, как в его желудке медленно плавится острый ледяной ком.

— Болезнь?

— Кто ж тебе скажет… Никаких результатов еще нет, но у меня есть людишки в госпиталях этой дыры, через них кое что узнаю. Эти люди задохнулись. Так быстро, что не успели даже выйти из своих домов. Двести восемьдесят мертвецов, один к одному. Как тебе?

Маадэр почувствовал, как его позвоночник превращается в обледеневший сталагмит.

— Я не слышал об этом. Эпидемия, значит?

— Говорю же, никто толком не понимает. Принцип действия похож на некоторые довоенные образцы био-софта, какое-то там ущемление каких-то центров в мозгу… Но любому идиоту известно, что активные агенты био-софта не могут передаваться между людьми! Сейчас там паника… Весь квартал окружили жандармы и штатские крысы КНТР, перекрыли наглухо. Противогазы, фильтрующие установки, со скайдеров распыляют реагенты… Как на войне, а? — он криво усмехнулся, — Ходят слухи, что правительство Земли испытывало там какой-то новый образец биологического оружия, а теперь хочет замести следы. Я, понятно, в такое не очень верю, но… Эй!

— Что? — спросил Маадэр.

— Лицо у тебя глупое.

— Не обращай внимания, это врожденное…

«Он сделал это!»

«Держи себя в руках, Маадэр».

«Садовод вырастил еще один цветок на Пасифе. И ты знал, что он это сделает».

«Он крупно играет, — был вынужден согласиться Маадэр, — Будь его желание, половина Восьмого превратилась бы в мертвецкую».

«Только не говори, что тебя интересуют судьбы жителей».

«Не больше, чем судьбы тараканов. Здесь речь не о том. Он сознательно нанес еще один удар. Неужели он продолжает свою войну с Землей? Как глупо, спустя столько лет… Или это месть? А может, организовав панику и санитарное оцепление, он попросту пытается улизнуть?.. Сколько сейчас времени, Вурм?».

«Два часа пополудни».

«Уэббли говорил, это случилось часов десять назад. Значит…»

«Сегодня на рассвете. Ничего странного, учитывая, что био-софт наверняка был продан наркоманам Девятого. В такое время они редко спят».

«Я не об этом. Той ночью я был у Боберга, у мертвого Боберга. Если люди начали умирать на рассвете, это значит, что свою отраву они получили той же ночью. И, скорее всего, за полночь. Садовод ухлопал Боберга, спокойно ушел и, спустя несколько часов, продал свое зелье кому-то».

«Несколько странно, — согласился Вурм, — Ведь он должен был знать, что Боберг проявляет к „Сирени“ явный интерес. Он мог сбыть дозу старому нарко, чтобы увеличить площадь поражения. Если бы эпидемия вспыхнула сразу в двух местах, Нидар мог бы и не успеть блокировать ее».

«Да, Вурм, именно так. Вместо этого Садовод спокойно убивает Боберга и удаляется, чтобы отнести био-софт какому-нибудь другому скупщику дряни. Если он действительно псих и собирается уничтожить всех людей на планете, его действия выглядят нелогичными. Он совершает единичные удары по только ему понятной схеме. Как будто у него есть цель… Ты можешь сделать меня умнее, а, Вурм? Я чувствую себя отчаянным тупицей».

«Я не могу напрямую воздействовать на связь нейронов в твоем мозгу, слишком капризная материя. Но могу увеличить снабжение кислородом, если тебе это надо».

«Забудь, я пошутил. Не надо быть гением, чтоб понять, что происходит. Надо просто нащупать одну-единственную деталь,

которая все прояснит… Садовод не псих. По крайней мере, не в обычном понимании этого слова. Не человек, помешанный на месте Консорциуму или самому Пасифе. Он проклятый ублюдок, ловкий и уверенный в себе, но не псих. Когда я пойму, по какому принципу он наносит свои удары и чего хочет добиться…»

Из внутреннего диалога Маадэра вырвал какой-то резкий звук. Звук, источником которого не мог быть ни один из предметов в комнатушке Уэббли. Как будто кто-то провел огромной ладонью по песку… И еще это напоминало шелест автомобильных шин.

Маадэр рефлекторно повернулся в сторону окна и заметил крышу автомобиля, а в нем — несколько людей. Трое или четверо. В шляпах и невзрачных плащах.

Мозг в таких ситуациях действовал сам, рефлекторно отсылая команды конечностям. Подчас он умел анализировать обстановку куда быстрее медлительного неуверенного рассудка, и принимать единственно верные решения. Маадэр быстро протянул руку к лежащему на столе «Фалангиуму», но пальцы, коснувшись прохладного металла, замерли, так и не подняв оружие.

— Не двигайся, Куница, — сквозь зубы сказал Уэббли. В одной руке он продолжал держать пустой стакан. В другой — пистолет, направленный ему в лицо, — Ты человек неглупый. Дернешься — умрешь сразу. Потерпишь — проживешь еще какое-то время.

— Угу, — сказал Маадэр, убирая руку, — Понял.

18

Уэббли медленно убрал со стола «Фалангиум», не спуская с Маадэра глаз. Выглядел он спокойным, но по тому, как были прищурены его глаза, Маадэр подумал, что старик сейчас по-настоящему напряжен.

Где-то недалеко, в соседней комнате раздался негромкий звук — кто-то открыл входную дверь. Потом раздались шаги. «Трое или четверо, — подумал Маадэр почти равнодушно, — Никакой разницы».

— Это ты им звонил, да? — спросил он у Уэббли.

Тот развел руками.

— Возможно.

— Грамотно сыграл. Даже меня обвел вокруг пальца, а я не первый год топчу Пасифе. Мне кажется, ты рано вышел на пенсию Уэббли. Ты мог бы еще работать и работать…

— Кончай болтать. Ты всегда был крысой, Маадэр, жадной, наглой и хитрой крысой, которая могла сожрать твои пальцы, когда ты отвернешься. Я надеюсь, что ты долго не проживешь, но сегодня это решать буду не я. К сожалению.

«Он меня ненавидит, — подумал Маадэр, глядя в глаза Уэббли, в которых горела тусклая, с желтизной, искра, — Ненавидит по-настоящему. Неужели из-за той истории?.. Впрочем, есть ли теперь разница?»

«Мы можем рискнуть, — сказал Вурм, помедлив, как будто не очень охотно. Видимо, сам понимал ситуацию не хуже, — Как думаешь?»

«Забудь, — отозвался Маадэр, — Я бы не решился на такой трюк и в старые времена, рефлексы у Уэббли с годами хуже не стали. А учитывая компанию джентльменов за спиной, преграждающих путь к единственному выходу, я склонен не предпринимать никаких действий. По крайней мере, в ближайшее время».

Их действительно оказалось трое. Все в плащах, не одинаковых, но схожих, новых, не мятых, фетровых шляпах. Они выглядели неброско, но при этом не походили на призраков. Просто трое мужчин среднего возраста, спокойных и молчаливых.

Двое из них расположились по сторонам от двери, в руках у них были компактные пистолеты-пулеметы, которые легко спрятать под полой плаща. И по тому, как они расположились, Маадэр понял, что пускать их в ход эти ребята умеют. Возможно, лучше многих других на этой планете.

Третий подошел ближе и, сняв шляпу, опустился на диван.

Чтобы освободить ему место, сам Уэббли поспешно поднялся. Маадэр мимоходом подумал о том, что это не похоже на старого грубияна, тот всегда отличался презрением к любой опасности. Видимо, в этот раз опасность превысила некий определенный барьер. За которым человеческий страх уже не имел существенных отличий.

— Добрый день, — сказал человек, устраиваясь напротив Маадэра.

Он был немолод, это сразу бросалось в глаза. Несмотря на то, что седина в его волосах практически не встречалась, лицо принадлежало человеку лет пятидесяти, если не больше. Маадэр никогда не считал себя специалистом по физиогномике, он хорошо умел читать мысль по лицу собедника, сами черты которого никогда не казались ему важными. Но сейчас, вежливо изучая неизвестного гостя, он подумал, что это лицо определенно должно принадлежать человеку волевому, уверенному в себе и немного уставшему. Было что-то в немного поджатых губах и дряблых, полуопущенных веках, что позволяло предположить об огромном невидимом грузе, лежащем на плечах этого человека. В общих чертах лицо мало что могло сообщить, на нем не было ничего по-настоящему примечательного кроме глаз. Глаза были холодными, серо-зелеными и казались равнодушными, отчасти из-за прикрывающих их век, но было в них и что-то такое, что заставило Маадэра почувствовать себя неуверенно.

— И вам, — сказал он, стараясь вести себя спокойно и даже немного развязно, — Хорошая сегодня погода, верно? Я даже удивлен, почему Уэббли позвал вас, джентльмены, провести время в этой душной комнате.

Неизвестный смотрел на Маадэра с интересом, но интерес этот был вялым, скучающим — так энтомолог может разглядывать хорошо знакомое ему насекомое, упавшее в стакан с чаем.

— Меня зовут Бернарделли, — сказал он негромко и добавил, — Матео Бернарделли.

— Этельберд Маадэр к вашим услугам, мерценарий.

— Я не нуждаюсь в услугах мерценария. Но я представляю организацию, про которую вы, возможно, слышали.

— «Тацитурния Силентия»? — догадался Маадэр.

Человек, назвавший себя Бернарделли, одобрительно кивнул. Судя по его манере себя вести, он ценил понимающих, схватывающих на лету, собеседников. А еще в его взгляде мелькнуло нечто такое, из-за чего Маадэр понял — его собственная жизнь отныне будет длиться ровно сколько, сколько времени он сам сможет оставаться понимающим и схватывающим

на лету.

— Все верно.

— В таком случае, позвольте выразить вам свое восхищение, — Маадэр сделал жест, словно снимал с головы шляпу. На всякий случай, довольно медленно, чтоб у двух джентльменов со стволами по бокам от двери не возникло соблазна превратить его в рваное месиво вместе со старым стулом Уэббли, — Красиво сработано. Нет, действительно, очень недурно. Перехватили меня, как выпавшую из гнезда пташку. Я впечатлен.

Человек, назвавшийся Бернарделли, поморщился.

— Замолчите, — негромко попросил он, — И имейте мужество контролировать свой страх.

«Для этого у меня есть отдельный орган, — подумал Маадэр, ощущая бессильную, не имеющую выхода, злость, — И зовут его Вурм. Но послушаем, что ты мне скажешь, лощеный ублюдок. Раз не изрешитили от входа, значит, тебе есть, что спросить. Или что сказать. Выкладывай, черт возьми!»

Бернарделли долго, не меньше минуты, молча стоял напротив Маадэра, разглядывая его. И хоть он молчал, Маадэру очень быстро стало неуютно находиться в одном помещении с ним. Тяжелый человек, неприятный человек. В Бернарделли чувствовалось нечто большее, нежели просто уверенность или сила. Это было похоже на какое-то электрическое напряжение, гудящее в его жилах. Если бы Маадэр не чувствовал каждый предмет с электромагнитной аурой в помещении, он поклялся бы, что ощущает пробегающие под плащом убийцы электрические змейки. С этим человеком не стоило спорить. И говорить. Людей вроде Бернарделли не полагалось даже видеть.

— Виски? — осторожно предложил Уэббли. В обществе молчаливых убийц даже старый мерценарий ощущал себя крайне неуверенно, даже держался с несвойственной ему подобострастностью.

— Нет, — Бернарделли даже не повернул головы в его сторону, — Сейчас меня интересует только господин Маадэр. И то, что он скажет.

Никто не привязывал Маадэра к спинке стула, но под взглядом Бернарделли он почему-то ощущал себя так, словно его обездвижили или снова накачали транквилизатором. Тяжелый, недобрый взгляд. Не безразлично-рыбий, как у Нидара, другого свойства. Похож на тяжелый плотный бархат, совершенно непрозрачный и способный скрывать под собой что-угодно.

— Вы знаете, почему вы здесь, господин Маадэр?

«Будь осторожен, — шепнул Вурм, — Этот парень выглядит

опасно. И ему не нужны лишние слова».

Маадэр мысленно чертыхнулся. Он и без помощи Вурма составил о собеседнике сходное впечатление.

— Догадываюсь, — лаконично сказал он вслух.

Бернарделли сделал несколько коротких шагов вокруг его стула. Удивительно, он не обладал коренастой фигурой, но при этом каждый его шаг казался тяжелым и каким-то вкрадчивым. Как скрип тяжелой мраморной плиты, которую опускают на могилу.

— Этой ночью вы убили нашего человека, господин Маадэр. Это было в Восьмом, в доме человека по имени Исаак Боберг.

Говорил он неспешно, слова стыковались друг с другом тяжело и увесисто, без щелей.

— Это было случайностью, — Маадэр выставил вперед ладони, — Случайный конфликт интересов, если можно так выразиться. Ваш человек напал на меня, а я…

— Если вы еще раз заговорите прежде чем я разрешу вам, я забью по гвоздю в ваши колени и локти, — произнес Бернарделли.

Это сказано было без злости и раздражения, спокойным тоном, каким обычно говорят «Я захвачу с собой зонт».

Маадэр молча кивнул.

— За убийство человека из «Тацитурния Селентия» полагается смерть. Это правило не знает исключений. Поэтому лгать вам я не собираюсь, из этой комнаты вы живым не выйдете.

Он сделал паузу, как бы давая собеседнику привыкнуть к этой мысли.

— Вы сделали неправильный выбор, когда пришли сюда, но теперь судьба предоставляет вам последнюю возможность выбрать. Вы умрете или быстро и легко, или медленно и очень неприятно. Возможно, вы кое-что слышали о наших методах. А возможно, и нет, тем лучше для нас. Некоторые из них действительно можно назвать жестокими. Я не садист, но в мире так устроено, что самые жестокие методы являются и самыми эффективными. Нельзя спорить с опытом. Вы догадываетесь, почему я предложил вам два варианта?

Маадэр собирался еще раз кивнуть, но понял, что вопрос не был риторическим.

— Кажется… — произнес он, с трудом протолкнув слово через пересохшие губы, — Кажется, понимаю. Вы хотите от меня что-то узнать.

— Верно, — Бернарделли даже коротко улыбнулся. Он общался с Маадэром терпеливо и снисходительно, как взрослый уверенный человек — с ребенком, который, даже отличаясь

определенной сообразительностью, все равно не способен понять сложный материал с первого раза, — Мне нужна информация от вас. Если я получу ее, вы получите большее из того, на что могли рассчитывать. Быструю и безболезненную смерть. Быстрая и безболезненная смерть — нечастый подарок на Пасифе.

Маадэр был склонен с ним согласиться. Впервые увидев лицо Бернарделли, он не рассчитывал и на это.

— Если же вы будете упрямиться, нам придется действовать другими методами.

— Догадываюсь, какими, — пробормотал Маадэр, рефлекторно потирая оставшуюся часть уха, — Перекинулся парой слов с вашим специалистом…

Бернарделли поморщился.

— Нет, ничего подобного. Никто не станет зажимать вашу голову в тиски или дробить молотком суставы. Профессионал никогда не работает на таком уровне. Поверьте, в распоряжении нашей организации есть куда более эффективные и действенные способы. Например, био-софт. Вы даже не представляете, насколько интересные образцы можно синтезировать, если не гнаться за сертификацией… У нас есть одна интересная разработка, которая позволяет за несколько часов превратить всю жидкость внутри человеческого тела в энзимы, растворяющие любую биологическую ткан. Довольно медленно растворяющие. Человек переваривает сам себя в ужасных мучениях. Говорят, его поначалу разрабатывали как средство против артрита, но где-то на этапе разработки произошел сбой… Вы превратитесь в кровавую кляксу, Маадэр, но перед этим расскажете мне все, что знаете, а когда закончите, будете рыдать оттого, что больше не в силах ничего мне поведать.

«Блеф, — проворчал Вурм в глубине его сознания, — Даже если у них есть что-либо подобное, я почти наверняка смогу нейтрализовать активные нейро-агенты до того, как они вдоволь похозяйничают в твоем мозгу».

«Едва ли это нас выручить, — мрачно ответил Маадэр, — Этот Бернарделли похож на человека с развитой фантазией. Он в силах придумать и другие методы. Много других методов, Вурм. Если мне суждено умереть на Пасифе, я хотел бы сделать это с пистолетом в руке, а не подобием препарированной школьниками лягушки».

«Звучит весьма напыщенно. Кроме того, лгать своему внутреннему паразиту — совершенно бесполезное занятие. Если ты о чем-то и думаешь на пороге смерти, так это о том, как бы улизнуть в этот раз».

«Я не сомневаюсь в том, что у них есть заплечных дел

мастера с большим опытом. Рано или поздно они найдут способ, как причинить мне боль. А твои силы тоже не бесконечны. Когда они закончатся, я не смогу держать язык за зубами».

— Так что вы скажете, господин Маадэр? — почти мягко спросил Бернарделли, — Согласны ли вы сотрудничать с нами на наших условиях?

— Полагаю, что да.

— Вы умный человек, господин Маадэр. Я люблю умных людей. С ними работать проще всего. Итак, вы догадываетесь, что именно я хочу от вас узнать?

— Нет, — рефлекторно солгал Маадэр.

— Плохо. Это плохо. Значит, вы все-таки недостаточно умны. Соссо, прострели ему коленную чашечку, — один их безмолвных охранников у двери шагнул вперед, поднимая свое оружие, — Извините, но я лишь поддерживаю тот уровень беседы, который вы выбрали. Могу посоветовать вам закрыть глаза. Конечно, боли это не уменьшит, но вы по крайней мере не увидите, как остатки вашего колена разлетаются по всей комнате. Тяжелая разворачивающаяся пуля — не очень гуманная штука. А некоторых это пугает…

— Я знаю! — выкрикнул Маадэр, инстинктивно прикрывая ладонями колени, — Знаю! Вам нужен человек!

Бернарделли приподнял бровь.

— Я всегда считал, что люди склонны недооценивать истинную силу боли. Многие считают, что боль — это лишь запрограммированная биологическая реакция нервной системы. На самом деле, боль двигает цивилизации и меняет историю… Может, у вас есть предположения, что за человек нам нужен, господин Маадэр?

— Тот, что убил Боберга.

— Вы что-то о нем знаете?

— Немногое, — Маадэр кисло улыбнулся, — Ни имени, ни лица. Знаю лишь, что он крайне опытен и опасен.

— Вы работаете на него? — быстро спросил Бернарделли.

«Солгать? — Маадэр мысленно скривился, — А есть ли смысл?»

Ему подумалось, что в следующий раз охранник может выстрелить без приказа. Он представил себе сухой треск, с которым тяжелая свинцовая лепешка разрывает его суставную сумку…

— Напротив. Я ищу его.

— В мире много совпадений. Судьбе свойственна ирония, господин Маадэр. Минуту назад я готов был отдать приказ убить вас. Однако, казывается, мы ищем одного человека, —

Бернарделли широко развел руки, словно приглашая присутствующих улыбнуться этой странной случайности, но охранники даже не изменили поз, а Уэббли так и застыл в углу с пистолетом в руке, — Не правда ли, забавная причуда судьбы?

— Да, — сказал Маадэр, хотя и не склонен был считать сложившуюся ситуацию забавной причудой судьбы, да в судьбу и не верил, — И верно. Забавная.

— Что вам надо от этого человека?

Улыбка, секунду назад обозначившаяся на лице Бернарделли, пропала. Он уже смотрел пристально, прямо в глаза, всем своим видом показывая, что ему чрезвычайно интересен ответ на заданный вопрос.

«Правду!», — рявкнуло где-то в голове.

Такому человеку нельзя лгать. Он высосет досуха, потом сомнет и выкинет. Слишком серьезен. Слишком опасен. И слишком умен. Такого не задобришь и не купишь, его можно только убить, но сейчас это невозможно.

— Био-софт, — сказал Маадэр, глядя в пол, — У него находится контейнер с био-софтом, который мне нужен.

— Даже так? Как интересно. И что это за био-софт?

— «Сирень-2».

— Не слышал о таком прежде. Я думаю, раз вам известно название, то известно и кое-что другое. И вы наверняка захотите мне об этом рассказать.

«Я хочу взять пистолет, приставить к твоему высокомерному лицу, спустить курок и наблюдать, как лопнет голова», — подумал Маадэр. Но вслух сказал:

— Это биологическое оружие земной разработки. Смертоносное, эффект передается от одного человека к другому. Угнетает центры дыхания в мозгу, смертность стопроцентная. Со мной заключил контракт один клиент, чьего лица и имени я не знаю. Он нанял меня отыскать «Сирень», пока ее не применили. Я знаю, что сейчас она находится у человека, которого вы ищете. Мне не нужен он сам, мне нет дела до того, почему вы его ищете. Это ваше дело, господа, и я отношусь к нему с уважением. Но мне нужно то, что он похитил. Все прочее, включая его жизнь, в ваших руках.

Бернарделли молчал достаточно долго. Молчали и все остальные — никто из присутствующих не был в силах нарушить тишины. Но они, по крайней мере, не были вынуждены смотреть в невыразительное лицо Бернарделли, ожидая своей участи. Тишина, воцарившаяся в доме Уэббли, показалась Маадэру тяжелой, удушающей тишиной. Чем-то вроде плотной прорезиненной ткани, в которую прячут мертвое тело жандармы.

Он попытался понять что-то по лицу Бернарделли, но без малейшего успеха — лицо убийцы, как и прежде, ровным счетом ничего не выражало. Даже не лицо — маска, обтянутая живым человеческим эпидермисом.

Маадэр вдруг подумал, что, возможно, действительно живет последние минуты.

Мысль о смерти была не нова, за годы, проведенные на Пасифе, она успела стать привычной спутницей. Иногда она пробовала острым коготком на прочность его нервы, но каждый раз, чувствуя ее приближение, Маадэр ощущал еще что-то. Точно какую-то преграду, которая мешала ей утвердиться в его сознании. Эта мысль всегда оставалась чужеродным объектом, с которым он до конца не мог свыкнуться — и это словно хранило его самого от пуль и клинков.

Сейчас он чувствовал это иначе. И смерть, всегда ходившая рядом, щурившаяся, как уличный кот, заглядывающая в лицо, вдруг оказалась ближе, чем он думал. Маадэр ощутил исходящее от нее ледяное дыхание.

«Не паникуй! — голос Вурма ужалил неожиданно, — Прекрати. Ты поддался страху».

«Есть основания».

«Твое сердце стучит как сумасшедшее. Я уменьшил частоту сердцебияния и снизил давление. Но я думал, что у тебя нервы покрепче».

«Мы в беде, Вурм. Мы часто бывали в переделках, но сегодня — последняя из них. Я чувствую его мысли. Он убьет нас спокойнее, чем открывает бутылку вина. Как только поймет, что я ничего не знаю о Садоводе и бесполезен для них».

«За последние дни ты столько раз оказывался под прицелом, что должен был к этому привыкнуть. Сложная ситуация еще не безнадежна».

«Мне осталось жить минуты две, я чувствую это. Сейчас он думает, но думает не обо мне, о чем-то своем. Когда он закончит, то убьет меня. Я словно читаю его мысли… Это конец, Вурм! Без шанса на успех, без лазейки. Это наше последнее дело».

«Я знаю, — сказал Вурм. И Маадэр расслышал в его голосе обреченность, которой прежде не замечал, — Да, скорее всего мы не выйдем из этого дома. Но что с того? Для мерценария хорошая смерть — погибнуть с десятком пуль в спине. Мы уйдем весело, как жили. Пусть только этот ублюдок отдаст приказ или достанет ствол — я впрысну тебе в кровь коктейль, которого ты никогда не пробовал и никогда уже не попробуешь. Я выжму из твоего тела все, до грамма. Ты будешь двигаться как молния и твоя нервная ткань и мышцы будут растворяться, поедать сами себя, не

выдержав метаболизма такой скорости. Ты успеешь убить хотя бы одного из них. Двух — если повезет. Трех — врядли. Четверых никогда. Твой мозг не выдержит такой нагрузки, но смерть от инсульта врядли хуже смерти от пули».

«Последний танец? — Маадэру захотелось достать сигарету, но для этого пришлось бы опускать руку в карман, что показалось ему рискованным, — Что ж, если взглянуть на это дело трезво, рано или поздно это должно было случиться».

«Жалеешь о чем-то?»

«О пляжах Марса, которые никогда не увижу. Но, знаешь, я думаю, что там не так уж и красиво, как в рекламе…»

Бернарделли очнулся от своих размышлений. Его лицо было непроницаемо, вряд ли хоть один человек на всей планете взялся бы сказать, что он решил. Но у Маадэра на этот счет не было особенных иллюзий.

— Спасибо, господин мерценарий. Вы сообщили мне достаточно интересные новости. Я не отступаю от своего слова.

Он неторопливо достал из-под полы револьвер, удивительно не идущий к его облику — совсем небольшой, хромированный, едва ли не дамский. Но по тому, как была потерта рукоять, а также по многочисленным царапинам, было ясно, что оружие это проверенное и часто используемое. Глядя на него, Маадэр почувствовал, как на спине выступает жгущий как кислота ледяной пот.

Бернарделли взвел курок. Он сделал это быстро, но Маадэру казалось, что прошло несколько минут. Все окружающее обрело необычную четкость, замерзло, он точно смотрел на весь мир сквозь тронутое морозными узорами кристально-прозрачное стекло. И чувствовал, как бьется внутри собственное сердце, полное горячей живой крови.

«Я начинаю, — сказал Вурм мягко, как не говорил никогда раньше, — Твой выход, Куница. Сейчас начнем».

Маадэр смотрел, как хромированный металл приближается к его лицу и с отчаяньем, рождающим отвратительный тошнотворный привкус на языке, понимал, что в эту минуту он как никогда хочет жить.

— Стойте, — сказал он. Точнее, сперва он заметил, как остановилось движение револьвера, потом глаза Бернарделли, обращенные к нему, а только потом услышал свой собственный голос.

— Да?

— Я… Я не все сказал.

Бернарделли был сама невозмутимость.

— Для последней просьбы не та обстановка. Я не чту

подобных ритуалов.

— Нет… Дело не в этом. В общем… На самом деле я не мерценарий. Я агент КНТР.

Молчание длилось добрых полминуты. За это время Бернарделли успел покрутить в руках револьвер и положить на ладонь, а Маадэр — немного собраться с мыслями.

— Редко кто может похвастаться тем, что удивил меня за один день дважды, — медленно сказал Бернарделли, — Значит, вы — тайный агент Консорциума?

«Ты идиот, — сказал Вурм, напряженный до предела, — Он собирался убить тебя как мерценария, влезшего не в свое дело, а теперь убьет как засланца Земли».

Но у Маадэра не было времени на внутренний диалог.

— Да, — сказал он, с удовлетворением почувствовав, что голос повинуется ему гораздо лучше, — Шестой отдел. Работаю здесь уже десять лет. Мерценарий — прикрытие, легенда. Лучшая маскировка сейчас на Пасифе.

— Отлично. Мне давно не приходилось видеть ищеек Земли, — в глазах Бернарделли, прежде сонных и равнодушных, загорелась холодная белая искра, — А ведь в былые времена наши пути часто пересекались… Я лично убил троих. Но знаете что, господин Маадэр, вы не похожи на агента… Я имею в виду не только ваш внешний вид, но и ваш образ действий. Те люди из Конторы, с которыми у меня случалось недолгое знакомство, были куда как осторожнее. Впрочем, ни одному из них это особо не помогло.

— Я действую в одиночку. И я знаю достаточно много. Если вы — глава «Тацитурния Силентия», то вас зовут не Матео Бернарделли, это я могу сказать совершенно точно, — Маадэр говорил быстро, боясь, что его перебьют. Маленький хромированный револьвер по-прежнему лежал на ладони Бернарделли, он тоже чего-то ждал, — Вы — майор Самуэль Зауэр, командир отряда «Солнечные гиены». Вам пятьдесят четыре года, и вы приговорены судом Консорциума к смертной казни еще много лет назад. Нам не приходилось встречаться, наш отдел работал в другом направлении, но кое-что мне известно, как видите. В прошлом я взял двух ваших людей, один из них был убит при задержании. Тогда у вас еще не было вывески «Тацитурния», верно?

Бернарделли смотрел на Маадэра с определенным интересом. Кажется, он даже улыбался. Но улыбка не красила его лицо, напротив, подчеркивала острые черты и холодную глубину непроницаемых глаз.

— Прекрасно. Смерть в качестве простого мерценария претит

вам? Вы сами признались мне, что являетесь агентом Земли и состоите в организации, которая уничтожила мою родину, а меня и моих близких желает уничтожить. Достаточно смелый поступок. Чего вы ожидаете теперь?

Маадэр постарался выдержать его взгляд — и выдержал, хоть и не без труда.

— Война закончилась, господин майор. Давайте судить как деловые люди, а не как солдаты. Может, это и не польстит вашему самолюбию, но Контора давно забыла про вас и ваших бойцов. Может, когда-то «Солнечные гиены» и защищали независимость Юпитера, но взгляните правде в глаза, от них ничего не осталось. То, чем вы сейчас командуете — не партизанское подполье, а клан профессиональных убийц в поисках наживы. Наверняка, вы по привычке и называете себя воинскими званиями давно не существующей армии, только сути это не меняет.

— Весьма прочувствованная речь для приговоренного к смерти пса Консорциума.

Маадэр понял, что надо нажать. Сделать последнее усилие, сродни тому, какое делаешь, сжимая в руках чужую шею. Пережать последнюю бьющуюся вену.

— Вы давно перестали быть его врагом, — сказал он жестко, — Консорциуму нет до вас дела. На службе Консорциума состоят тысячи убийц самой разной квалификации и моральных качеств. Вы были опасны лишь до тех пор, пока были убийцей с политическими мотивами. Убийцы, работающие из жадности, для Консорциума опасности не представляют.

— Вы потратили две последние минуты своей жизни на никчемную речь. Крайне неосмотрительно, господин Маадэр.

— Я надеялся, что вы поймете очевидное, — Маадэр выдавил кривую ухмылку, — Консорциум давно забыл про вас и про ваших людей. Но может быстро вспомнить, стоит вам нарушить шаткое равновесие.

— Убив вас? — осведомился Бернарделли, не выпуская револьвера из руки.

— Да. Стоит Консорциума узнать, что бывшими юпитерианскими мятежниками убит агент спецслужбы, ситуация изменится быстрее, чем ваши люди успеют снять свои дурацкие шляпы. Это будет объявлением войны. Пасифе вновь, как двадцать лет назад, будет наводнен агентами КНТР.

Бернарделли презрительно улыбнулся. Острая получилась усмешка, слабо подходящая к его деловому костюму старомодного кроя. Ей бы больше подошел закопченный, висящий лохмотьями мундир майора планетарной обороны с щегольскими

золотыми петлицами Армии Обороны Юпитера.

— С вашей стороны крайне любезно беспокоиться об этом. Мы выдержали свору земных крыс тогда, выдержим и сейчас.

— Может, и выдержите, — согласился Маадэр, — Но потеряете множество своих людей. Как потеряли в предыдущий раз. Снова без тени шанса на победу. В обмен на мою жизнь вы, господин майор, щедро заплатите другими. И, уверяю вас, в этот раз Земля не станет размениваться на мелочи. В этот раз вам не удастся отсидеться где-то в заброшенных шахтах. Планетарная блокада, тотальная чистка, нейтрализация всех сочувствующих Юпитеру. Я не говорю о том, что Консорциум вас уничтожит. У вас за плечами опыт, а ваша организация весьма живуча. Но на несколько лет вам придется забыть про свою деятельность и думать только о том, как сохранить голову на плечах. А теперь подумайте, стоит ли это моей жизни?

Бернарделли все еще баюкал в ладони хромированный револьвер. Вздумай он выстрелить, даже Вурм едва ли успеет придти на помощь. У вояк Юпитера всегда были отличные рефлексы, даже у отставных. А если предположения Маадэра были верны, этот мог дать фору многим другим. Хотя бы потому, что не превратился в свое время в жирный пепел на поверхности планеты, как те, другие. Еще один чудом выживший биологический вид, нашедший себе прибежище в пробирке с питательной средой под названием Пасифе.

— Я всегда считал, что пуля — лучший стимулятор, — Бернарделли взглянул на Маадэра с уважением, наигранным или искренним, — Лучше кофеина и прочих алколоидов. Весьма прочувствованная речь, господин консорциумная крыса, поздравляю.

— Он мастер болтать, когда дело касается его шкуры, — буркнул из своего угла Уэббли, — Но стоит кому-то подпалить его хвост…

Маадэр поднялся. Стволы пистолетов-пулеметов мягко качнулись в руках охранников, сопровожая его движение.

— Сейчас мы идем по одному пути, за одной целью, — твердо сказал он, пытаясь отвести взгляд от маленького хромированного пистолета в чужой ладони, — Признаю, что я нанес вашей организации некоторый ущерб, однако всегда лучше думать на перспективу. Если Контора и «Тацитурния Силентия» сейчас вопьются в глотки друг другу, может, вы и не проиграете. Но в поднявшемся хаосе вы наверняка упустите того человека, по следу которого идете. Пока оперативники Конторы и последние защитники Юпитера будут трепать друг друга, этот человек скроется из виду. Не мне вам говорить, как легко замести следы,

находясь в зоне боевых действий.

Бернарделли некоторое время размышлял, поглаживая тонким желтоватым пальцем подбородок. Маадэр подумал о том, что если он примет решение пристрелить его здесь и сейчас, то сделает это, не тратя времени на слова. Просто поднимет руку, и все. Хлопок — и усеянная кровавыми звездами ледяная темнота. Пуля летит быстро, но не достаточно, возможно он даже успеет услышать скрежет костей собственного черепа…

Бернарделли неожиданно спрятал револьвер и поднялся.

— Я сохраню вам жизнь, — сказал он негромко, — Но не думайте, что вы спасли ее собственным языком. Ваша болтовня тут не причем. Когда ваши фрегаты орбитальными бомбами превратили половину Юпитера в огненное озеро, я не боялся. И никто из моих парней не боялся, смею вас заверить. Так что пугать нас мощью Консорциума — весьма наивная попытка. Земля слабеет, господин Маадэр, она уже слаба как дряхлый ожиревший кот, забывший, как извлекать когти. И ваши угрозы весьма нелепы. Я дарю вам жизнь только лишь для того, чтоб вы смогли передать своему командованию мое послание. Бывают ситуации, когда слова передают суть лучше свинца.

— Пожалуйста, — Маадэр беспечно махнул рукой.

Если не Вурм, его бы сейчас трясло от пережитого напряжения. Но Вурм — умница Вурм, молодец Вурм, надежный помощник Вурм — вовремя принял под контроль слабое человеческое тело.

Бернарделли приблизил к Маадэру свое лицо. Достаточно близко, что он разглядел пугающие провалы угольных зрачков и ощутил слабый запах дорого итальянского одеколона:

— Человек, убивший Боберга — наш. Не идите за ним, если не хотите сами оказаться добычей. Что бы он ни сделал Конторе, лучше забудьте о его существовании. Забудьте напрочь.

Бернарделли надел шляпу. Точно это было знаком, его охранники спрятали оружие под плащи. Вышли они втроем, не попрощавшись. Но Маадэр не стал пенять им за эту невежливость. Снаружи заурчал двигатель, вновь раздался шелест шин — и все стихло. Маадэр опустил было руку в карман чтоб вытащить наконец сигарету, но Уэббли, все это время не спускавший с него оружия, рявкнул:

— А теперь убирайся! Видит Бог, сам бы тебя прихлопнул, подлая тварь… Контора, да? Земля? Мрр-разь…

Он тяжело дышал, морщинистое лицо налилось кровью — и это неожиданно рассмешило Маадэра.

— Коллега, к чему же оскорбления? Уж ты-то знал, что я работал в КНТР во время войны.

— Ты говорил, что ушел… дезертировал. А оказывается, ты все время был тут их ушами?.. Живо выметайся. Он подарил тебе жизнь, — Уэббли кивнул в сторону двери, — А я ничего не обещал. Не проверяй моего терпения, Куница.

Уэббли был прав, Маадэр пожал плечами, нарочито медленно подкурил сигарету и вышел.

На улице, несмотря на навалившееся вездесущее электромагнитное поле, он почувствовал облегчение. Может потому, что воздух здесь казался более свежим.

С удовольствием сделав несколько глубоких затяжек, Маадэр поднял воротник плаща, повернулся и зашагал про тротуару.

«Куда теперь?» — спросил Вурм без особого интереса.

Маадэр ответил лишь одним словом:

— Домой.

19

Место, которое Маадэр привык называть своим домом, располагалось на окраине Восьмого — бывший промышленный район, от которого после войны уцелели лишь каркасы зданий и огороженные площадки с остовами устройств непонятного назначения. Здесь практически не было жилых домов, а те, что еще оставались, редко могли похвастаться наличием одновременно и кровли и стен. Этот район не был густо населен и в лучшие времена — слишком далеко от торговцев дрянью и оружием, от публичных домов, подпольных казино и баров. Но если для кого-то это было недостатком, Маадэр считал это несомненным преимуществом.

И еще — здесь почти не знали электричества. Старые силовые кабеля выгнили, столбы электроопор напоминали хирургические иглы, воткнутые в плоть, старые и ржавые, со свисающими нитями проводов. Здесь не было телевизоров, войс-терминалов и бытовых компьютеров, здесь зачастую даже обычная лампа служила предметом гордости. И Маадэра это устраивало.

К дому он шел не своим обычным маршрутом — несколько раз прошел переулками, замирая в густой тени домов, даже сделал небольшой крюк. Ему нравились эти места, нравились даже не столько своей безлюдностью, сколько аурой, атмосферой запущения и той особенной неподвижности, которая сковывает члены умирающего существа. Здесь можно было не встретить ни единого прохожего за всю дорогу. Здесь уже много лет не видели жандармской униформы. Сюда никогда не рисковали заезжать автомобили. Эта часть города была мертва — давно и окончательно мертва. И никакое чудо, никакая магия не могла ее воскресить.

«Может, мне потому и нравится этот район? — мысленно усмехнулся Маадэр, перешагивая грязную маслянистую лужу, — Потому, что здесь я могу ощущать себя живым. Потому что все окружающее давно и безнадежно мертво». Он с удовольствием втянул в себя липкий ночной воздух. Здесь не было кислого гнилостного запаха, царившего в Девятом, здесь пахло пресноватой бетонной крошкой, ржавым железом и землей. Сквозь остатки асфальта, точно дробленого тысячами танковых гусениц, поднималась трава. Не такая, как на Земле, вялая, сероватого оттенка, но это была трава.

«Кажется, чисто, — мысленно сказал он, наблюдая за собственным домом с противоположной стороны улицы, — Конечно, если работают специалисты, обнаружить себя они дадут

только когда сами этого захотят…»

«Возможно, мне стоит тебя предупредить — ты совершаешь один из глупейших поступков в своей жизни».

«Ты слишком часто мне это говорил, Вурм».

«А ты слишком часто это делал. Ты прекрасно знаешь, что за домом могут следить. Возвращаться туда опасно. Слишком много людей в этом городе за последние несколько дней захотели снять с тебя скальп. „РосХим“ и „Чимико-Вита“, теперь еще наверняка коллекционеры, Контора, „Тацитерния“… У тебя всегда был дар притягивать неприятности, но в этот раз ты явно переоцениваешь свои силы».

«Спасибо, старик».

«Чего ради возвращаться в дом, который ты покинул навсегда? В этом нет смысла».

«Там в тайнике оружие, которое я оставил. Безоружным я себя чувствую отвратительно. А путь к торговцам оружием мне сейчас заказан».

«Это менее рискованно, чем светиться таким глупым образом».

«Расслабься, червь. Если бы я хотел совершить самоубийство, я бы выбрал другой способ. Но сейчас дом кажется мне наиболее безопасным местом из всех. Меня ищут уже несколько дней. И дом они должны были проверить в первую очередь. Они также знают мои повадки и уверены, что я бросил свою нору навсегда. Мерценарии не испытывают привязанности к домам, часто их меняя… Кто бы сейчас не выслеживал меня, они будут перетряхивать те места, где я мог бы быть — дешевые гостиницы, моих знакомых и коллег, платные схроны… Никто не поверит, что хитрый мерценарий, ускользнувший от смерти, сам вернется к себе домой. Потому что таких дураков нет. А они меня дураком не считают…»

«Обыскав дом, они могли оставить „жучок“ или камеру — просто на всякий случай».

«Ты сам понимаешь, что я почувствую ее еще за квартал. Нет, все-таки в некоторых болезнях можно найти что-то приятное или хотя бы полезное… Не переживай, мы не задержимся тут надолго. Одна ночь, не более».

«Что изменится за одну ночь?» — мрачно поинтересовался Вурм.

«Не знаю. Может, я стану умнее. Хорошо бы».

«Не могу тебе помочь».

«У меня нет следа, Вурм. Нет зацепки. Такое случалось и раньше, но раньше у меня хотя бы было время. Теперь у меня нет и его. Завтра или даже сегодня Садовод может нанести еще один

удар. Этот дьявольский био-софт будет расходиться быстрее, чем конфеты в детском саду. И в следующий раз Нидар может не успеть. Рано или поздно не успеет. И тогда Пасифе превратится в чумную яму».

«Если тебя это успокоит, шанс полного уничтожения населения планеты невелик. В Восьмом есть убежища, есть карантинные станции…»

«В Девятом нет. Если грянет эпидемия, я имею в виду „Сирень“, добрая половина людей погибнет».

«Тебя это трогает?»

«Не очень. На войне я видел, как погибали десятки тысяч за раз. Нет, меня трогает только то, что я могу оказаться среди них».

«Мне не приходилось пробовать „Сирень“, но я надеюсь, что у меня получится ее обезвредить».

Маадэр устало улыбнулся.

«Да, ты как и прежде готов защитить меня своей грудью. Но только в этот раз может не сработать. Вряд ли ты успеешь в короткое время выработать в моей крови эффективный контр-агент, а при большой концентрации этой дряни в воздухе — скорее всего не успеешь и отфильтровать».

Вурм никогда не лгал, и не имел склонности к спасительным иллюзиям.

«Скорее всего, — сказал он, — Но, по крайней мере, смерть будет быстрой и без особых мучений. Просто удушье. Мы видели смерти гораздо более неприятные».

«Даже сейчас, спустя несколько дней, мы все еще не знаем ничего о человеке, за которым охотимся. Он опытен и умел — это мы знали с самого начала. Он, по всей видимости, одиночка. Имел какие-то дела с „Солнечными гиенами“, может, еще во времена войны. По крайней мере, достаточно им насолил, чтоб они помнили его и много лет спустя. Что еще?»

«Знает и уважает методы Конторы, хоть никогда в ней и не служил».

Маадэр на миг замер, привалившись плечом к стене дома. Показалось, что впереди, в подворотне, шевельнулась какая-то тень. Холод многотонной каменной глыбы проник сквозь плечо в тело и сжал сердце тяжелыми ладонями. Чертовски, оказывается, неудобно встречать опасность с пустыми руками… Маадэр несколько раз вдохнул и выдохнул, прежде, чем сообразил, что это всего лишь ночной морок — болтающаяся на ветру створка двери.

Вурм издал колючий презрительный смешок.

«На твоем месте я бы боялся не только его. Только представь, что захочет сказать тебе Нидар».

«О чем ты?»

«Ты назвался агентом Конторы. Ты рассказал убийцам с Юпитера о том, что Контора идет по следу Садовода. Ты рассказал про био-софт. Если Нидар и подписал заранее твой смертный приговор, будь уверен, этой ночью он для верности подпишет его еще трижды…»

Вурм был прав. Он совершил то, что во времена службы называлось нарушением должностных полномочий. Скользкая формулировка даже в том случае, когда у тебя есть удостоверение Конторы — вмонтированная в кость капсула с определенным набором изотопов. И смертоносная для заочно-осужденного дезертира. Если Нидар обнаружит, что Маадэр открыл карты Конторы ее заклятому врагу…

«Но я спасал обе наши жизни, — неохотно подумал Маадэр, — И раз это сработало, способ уже был неплох. Другое дело — чем он обернется для нас всех. Бернарделли отнюдь не дурак, что бы ни говорили про юпитерианцев и отставных служак. У него на плечах голова, а не просто кусок нервной ткани в футляре из костей. Теперь он знает, что у его заклятого врага, Садовода, на руках имеется нечто крайне опасное. И, значит, крайне ценное. Представь себе, какую игру он затеит, если доберется до „Сирени“. Господи, это то же самое, что дать пироману канистру бензина и коробок спичек!..»

«Он половину своей жизни боролся с Консорциумом на стороне Юпитера. Он не станет использовать био-софт на Пасифе».

«На Пасифе или Юпитере — нет. Но он может заняться смертоносным ремеслом садовода на других планетах Консорциума. Нептун, Венера, Марс. Земля, наконец… Мы только что сдали ему козырного туза, Вурм. И если он не пристрелил меня на месте, то только лишь потому, что сам растерялся. Но, уверен, эту ошибку он при следующей нашей встрече обязательно исправит…»

«Не думаю, что ты ее планируешь».

— А что мне остается? — пробормотал Маадэр вслух, — Нидар давно списал меня в расход. Исполнителей после такой работы не оставляют. Возможно, в этой ситуации «Тацитурния» — мой единственный выход.

«Они способны проложить тебе пусть с Пасифе?»

— Для этого им потребовалась бы эскадра суборбитальных штурмовиков. Но они явно разбираются в маскировке, раз продержались здесь столько лет.

В этот раз ему удалось удивить даже Вурма.

«Ты будешь искать покровительства организации

профессиональных убийц?»

— И самого дьявола, если это спасет мою шкуру. Уэббли был прав, стоит подпалить мне хвост, и я начинаю метаться как крыса. А у крыс не очень-то развиты моральные принципы. Я буду работать на того, кто обеспечит мне безопасность.

«Знаешь… — задумчиво протянул Вурм, — Чем сильнее вокруг пахнет „Сиренью“, тем меньше шансов, что хоть кто-то на этой планете может чувствовать себя в безопасности».

Маадэр не знал, сколько лет его дому и никогда этим не интересовался.

Судя по мощному фундаменту, глухим стенам без окон и сохранившимся перекрытиям, он помнил еще довоенную жизнь — те времена, когда Пасифе был всего лишь крохотной шахтерской колонией, не претендующей даже на роль промышленной перевалочной базы в окрестностях Юпитера. Возможно, до того, как стать штаб-квартирой и убежищем мерценарию, он служил административным зданием или изолятором — об этом говорил основательные каменные стены и два выхода, смотрящие в разных направлениях. Если дом Боберга со стороны напоминал хорошо оснащенную крепость, обиталище Маадэра скорее походило на чудом уцелевший зуб, сжатый со всех сторон осколками челюсти. Его фортификацией Маадэр никогда не занимался, полагая, что чем грознее и неприступнее выглядит дом, тем больше найдется желающих разузнать, что же внутри. Однако некоторые меры по обеспечению безопасности он все же принимал.

Подойдя ближе, он убедился в том, что неведомые гости успели тут побывать — фрагмент пола возле двери выглядел так, словно его в упор размололи несколькими залпами картечи. На деревянном настиле обнаружилась подсохшая буроватая лужа. О ее составе не требовалось гадать.

Покидая свой дом — навсегда, как он полагал — он оставил визитерам сюрприз. Под полом было несколько раскатанных пластин аммонсипала, одного из самых эффективных взрывчатых веществ, которые только можно найти на черном рынке, поверх которых он насыпал слой разного металлического мусора — стальных обрезков, рубленных гвоздей, шайб… Маадэр соорудил нехитрый механизм, замыкающий контакт детонатора при открытии двери. Фокус старый как мир, но неизменно эффективный.

«Кому-то любопытство стоило жизни, — заметил Вурм, — Не похоже на работу профессионалов».

— Не думаю, что тут работали профессионалы. Опустевшие дома интересуют многих — мародеров, гробителей, бездомных

нарко, не обязательно лишь профессиональных убийц и супершпионов.

Дверь была взломана. Неаккуратно, наспех. Маадэр осторожно приоткрыл ее, прислушался и, убедившись, что внутри стоит тишина, зашел.

Здесь явно побывали посторонние, но поживы не нашли. По крайней мере, в прихожей все осталось по-прежнему. Мебели тут не было и в лучшие времена, а сейфом или чем-нибудь в этом роде Маадэр не обременял себя и подавно.

— Чисто, — сказал он удовлетворенно, снимая плащ и привычно вешая его на вешалку — вбитый в стену гвоздь, — Мой милый дом. Никогда не думал, что буду по нему скучать. А сейчас он кажется мне самым безопасным местом во Вселенной.

«Ты еще не проверял под кроватью, — буркнул Вурм, раздраженно ерзающий на своем месте, — Учитывая, скольким людям на Пасифе нужен сейчас твой скальп, там должна найтись дюжина убийц».

Первым желанием было зайти в кабинет — так Маадэр называл небольшую комнатушку рядом с прихожей, где располагался единственный в этом доме стол — и достать оружие. В одной из стен был оборудован небольшой аккуратный тайник, вмещавший револьвер и пару коробок с патронами. В прежние времена там же хранилась склянка с шань-си, документы и наличность, но, сбегая, он оставил лишь пистолет, все остальное прихватив с собой. Есть места, куда не предполагаешь больше возвращаться.

В старом серванте обнаружилась полупустая бутылка джина, оставленная здесь с неделю назад. Грабителей она, видимо, не заинтересовала. Маадэр сорвал зубами пробку, развалился в старом продавленном кресле и сделал глоток. Джин был скверный, местного производства, по вкусу — щедро сдобренное кислотой отработанное масло. Но сейчас это не имело значения.

Алкоголь не притупил восприятия, не облегчил мыслей. Напротив, подстегнул затаенные страхи Маадэра, заставив его стиснуть зубы.

— Мы что-то упускаем, Вурм, — пробормотал он, опустив голову на грудь, — Мы опять что-то не замечаем, приятель. Какую-то важную деталь, которая связывает их всех. Безумного террориста с полными карманами смертоносных бомб. Картель профессиональных убийц. Спецслужбы Консорциума. Мертвый наркоторговец. У меня опять возникает желание, что нас закрутило водоворотом сил, в которых мы даже сознаем.

«Ты выживший из ума параноик, — Вурм пожал бы плечами, если б они у него были, — Наркоман, садист, психопат и

мошенник. И ты еще жалуешься, что чего-то не понимаешь?»

— Должно быть что-то, что мы пропустили, — не слыша его, пробормотал Маадэр, — Точно пустая клетка, предназначенная для отсутствующей на доске фигуры. Клетка без птицы. Отзыв без пароля. Понимаешь?

«Фрагмента картинки, чтоб сложить головоломку?»

Маадэр фыркнул.

— Нечто подобное я бы сказал нанимателю, если бы хотел выжать из него дополнительную сотню. Но в этом деле мы работаем сами на себя, червь.

Маадэр запрокинул бутылку, но сделать глоток не успел. Потому что кто-то из соседней комнаты громко сказал:

— Эй, Куница! Ты уже закончил трепаться сам с собой?

Бутылка выпала из его руки, с глухим стуком коснулась пола, но не разбилась — закрутилась и отлетела в угол. Он вскочил, рука бесцельно шарила в пустой кобуре. Револьвер. Так и не забрал из тайника. Проклятый идиот.

Голос доносился из кабинета.

— Если закончил — заходи. В твоей каморке отвратительно сыро, а я уже не в том возрасте, чтоб мои кости долго это терпели.

Маадэр сделал шаг к входной двери. Она была полуоткрыта, сквозь небольшую щель можно было увидеть асфальт улицы и тонкую сероватую полоску неба. На то чтоб выскочить наружу уйдет не больше секунды. Потом — переулки…

— Бежать не советую. У нас с тобой никак не получалось толком поговорить, не хочется упускать случай, верно?

«Маадэр?..»

«Голос мне знаком».

«Маадэр!»

«Не похоже, что у меня есть выбор».

«Возможно, именно сейчас ты делаешь выбор между жизнью и смертью».

Маадэр подождал секунд пять — чтобы сердце успело выровнять ритм — и, поправив воротник рубашки, зашел в кабинет.

Там тоже не произошло существенных изменений. Вся обстановка состояла из письменного стола, продавленного кресла для клиента, испускавшего застаревший несвежий дух, и стенного шкафа, где обычно не хранилось ничего кроме мелочи. За письменным столом — его столом! — сидел человек. И улыбался, глядя на него.

— Здравствуй, Куница, — он по-приятельски подмигнул, — Извини, что без приглашения, но, надо думать, ты не откажешь

старому другу в крове? Жутковато у тебя тут, кстати. Как в берлоге. Впрочем, понимаю, издержки профессии… А ты изменился за эти годы. Постарел. Впрочем, кого из нас красит время… Ну что же ты? Заходи, выпей со стариком. Или, может, хотя бы поздороваешься для приличия?

Маадэр сглотнул. На миг у него возникло ощущение, что Вурм что-то сделал с его носоглоткой — там словно застрял огромный липкий ком. Пришлось прочистить горло.

— Здравствуйте, — наконец смог произнести он, все еще стоя в дверном проеме, — Здравствуйте, Велрод.

20

Велрод неспешно достал из-за пазухи маленькую темную бутылочку, наполнил два грязных стакана, взятые из ящика стола, полупрозрачной янтарной жидкостью.

— Коньяк. Настоящий, с Земли. Не та дрянь, что гонят здесь из целлюлозы… Мой приятель поставляет контрабандой. Бери.

Маадэр подошел ближе, покорно взял стакан. Наверно, если бы Велрод предложил ему застрелиться, рука слепо стала бы шарить в кобуре — все мысленные контуры отключились напрочь, оставив лишь звенящую пустоту в сознании. Пустоту, которая очень быстро наполнялась самыми черными подозрениями и колючими мыслями, до тех пор, пока не стала походить на клубок колючей проволоки.

Велрод и в самом деле изменился. Лицо постарело, осунулось, на лбу пролегла глубокая неровная морщина, а на скуле появился небольшой бледный шрам, которого Маадэр прежде не помнил. Даже костюм отставного агента изменился. На смену щегольской тройке из вискозы пришло куда менее броское облачение — обычный потрепанный пиджак и такие же брюки. Точно ядовитые дожди и радиоактивные туманы Пасифе за долгие годы смыли с него внешнюю позолоту.

Маадэр деревянной рукой поднял стакан, выплеснул половину себе в рот. Вкуса он не разобрал — что-то сладковатое, бьющее в нос…

— За нас, — кратко произнес Велрод, легко закидывая содержимое стакана себе в рот, — За нас с тобой, Куница. Видит космос, в этот раз мы с тобой угодили в неплохую переделку.

Маадэр сел напротив Велрода. Кресло было глубоким, мягким. Забавно — за все время, что оно стояло тут, Маадэр никогда в нем не сидел. Зато в нем сидели многие другие люди, иные из которых давно в земле. Но сейчас он не думал об этом.

— Что дальше? — спросил он осторожно, сам толком не зная, о чем говорит.

— Дальше? — Велрод прищурился, по дряблым векам побежали многочисленные старческие морщинки, но взгляд остался по-прежнему ясным, — А что, по-твоему, может быть дальше? Еще один раунд? Еще одна глава? Это конец, Куница. Все уже закончилось. И, надо сказать, ты сам многое сделал для того, чтоб все закончилось именно так.

«О чем он?»

«Понятия не имею, — ворчливо отозвался Вурм, — Но лучше бы тебе взять под контроль мышцы челюсти, если не хочешь, чтоб

слюна капала на пол. Ты выглядишь глупо».

Маадэр и чувствовал себя глупо. Как человек, привыкший перемещать фигуры по шахматному полю, но на середине партии обнаруживший, что игра идет в шашки.

— Я старался, — Маадэр кисло улыбнулся, — И как у меня получалось?

Велрод поморщился.

— Ожидал от тебя большего. Гораздо большего. В конце концов, когда-то я считал тебя своим учеником, и не самым плохим, заметь. А ты… — Велрод скривился так, точно благородный вкус коньяка вдруг показался ему едким и неприятным, — Ты не оправдал моих надежд, Куница. В каком ты сейчас звании? Все еще субедар?

— Когда-то был субедар-майором, — машинально отозвался он, — Но…

— Нет, Куница, — взгляд Велрода был ясен и чист, — В каком звании ты сейчас?

— Я думал, вы знаете, — осторожно сказал Маадэр, — Я давно уже не в Конторе. Сбежал. Уже после вашей… э-э-э…

— Перестань, — Велрод выставил вперед ладонь, — Легенда подобного рода хороша для провинциальных жандармов, но не пытайся скормить ее мне. Трата времени.

Маадэру показалось, что он оказался в каком-то бесконечно абсурдном и глупом сне, но при этом липком и засасывающем. Он сидит в собственном кабинете и смотрит в лицо мертвеца, обвиняющего его во лжи. Может, Вурм, сам того не желая, повредил хрупкую нейронную паутину, составляющую его личность?..

«Перестань нести чепуху. Ты не галлюцинируешь, а это — не пост-эффект от твоих наркотиков. Все происходит на самом деле».

«Спасибо, Вурм. Но может, на всякий уколешь меня булавкой?»

Он даже не вздрогнул, когда Вурм ужалил его в бедренный нерв. Продолжал сидеть и смотреть на Велрода.

«Он думает, что я по-прежнему работаю на Контору? Что мое бегство было лишь хитрой легендой с целью внедрения агента Куницы на самое дно Пасифе?»

«Не могу его за это упрекать, — заметил Вурм, — В другом свете эта версия выглядела бы вполне логичной».

«В другом свете Велрод мертв. Мертв уже много лет».

— Тебе идет играть мерценария, — вдруг произнес Велрод, — Нет, я серьезно. Ты всегда был жаден, беспринципен и коварен. Даже на самую малость жаднее, беспринципнее и коварнее, чем

следует быть работнику Конторы. Нет, я серьезно. Лучшая маскировка — та, что дает нам высвободить свои истинные чувства. Фальш всегда будет распознана, грим смыт, невидимые чернила проступят. Куда проще вместо маски носить собственное лицо.

— Как вы нашли меня?

Велрод пренебрежительно пошевелил пальцами. Пальцы у него были изящные, узкие, сильные. Пальцы, привыкшие к сложной и тонкой работы. Он и сам был таким — сложнейший механизм для сложной и тонкой работы.

— О, ничего сложного. Господин Боберг был так добр, что рассказал, кто именно интересуется моей персоной. Отыскать, где живет мерценарий по имени Маадэр, труда не составило. Знаешь, а я ведь только на складе понял, что мерценарий по имени Маадэр и мой старый добрый друг Куница — одно и то же лицо. Кстати, это обгоревшее лицо должны были найти жандармы поутру. Но не нашли. Тебе удалось обмануть ардорит?

— Кого из нас красит время? — язвительно отозвался Маадэр, — Даже ардорит теряет свои качества, если хранить его слишком долго.

— Намек оценил, — Велрод сдержанно кивнул, — Но уверяю тебя, я сохранился куда лучше. Уж, по крайней мере, лучше всех вас. И все еще достаточно хорошо играю в ту игру, в которую вы умудрились ввязаться.

— Откровенность за откровенность. Почему вы живы?

Велрод удивился. Даже приподнял брови.

— А с чего я должен был умирать?

— Я… Я видел то, что от вас осталось. В сбитом скайдере.

— И что от меня осталось кроме нескольких килограмм размазанной по кабине подгоревшей требухи?

— Мы сделали пробу. Генетический тест показал, что ткани были ваши.

— Ох, Куница… Ты всегда мнил себя дальновидным хитрецом, но готов был купиться на самый пустяный фокус. Анализ!.. Я думал, ты догадаешься.

Велрод достал из-под стола левую руку, распрямил пальцы, покрутил в воздухе. Кожа на ней была необычной, слишком розовой, матовой на вид. Как у детских кукол. Пальцы сгибались и разгибались медленно и как-то механически, точно вся рука была каким-то затейливым механизмом на заводском конвейере.

— Протез, — Велрод усмехнулся, — Честно говоря, сперва я хотел отрезать правую, но смалодушничал. Привык к ней… К тому же, пришлось бы переучиваться стрелять… Неприятное было дело, признаться. Я накачался обезболивающими из бортовой

аптечки. Помогали они весьма слабо, надо сказать, ведь мне надо было оставаться в сознании. А из инструментов у меня был только автоматический резак. Знаешь, такой есть в спасательных наборах — пилить обшивку, ремни… Одной руки было мало, пришлось пожертвовать мышечной тканью кое-где. Потом, конечно, ее нарастили, но в тот момент было весьма неприятно. Я едва не отрубился от потери крови и болевого шока. Оставались мелочи — спуститься в безлюдном районе, заложить в скайдер с моими сувенирами пару килограмм аммонсипала и… Грохнуло красиво. Так я ушел в отставку.

— И не с пустыми руками, — машинально добавил Маадэр.

Почти тотчас он пожалел об этом. Взгляд Велрода сверкнул, как вспышка диверсионного контактного лазера в безвоздушном пространстве.

— Да, я прихватил кое-что на память. Это была моя страховка на случай непредвиденных обстоятельств. На случай тебя.

«Сирень» была средством самозащиты Велрода? Маадэр подавил желание помотать головой, чтоб разогнать густой рой бессмысленно жужжащих и трепещущих жесткими крыльями мыслей. Этого не могло быть, потому что…

— С «Тацитурнией» вы связались для этого же? Для страховки?

Велрод посерьезнел. В отличие от мрачно-равнодушного Бернарделли он никогда не считал нужным скрывать эмоции.

— О чем ты, Куница?

— «Тацитурния Силентия». Что за дела вы с ними вели?

— Дела? С «Тацитурнией»? Я еще не выжил из ума, чтоб вести с ними какие-то дела. Нет, дело не в тех противоречиях, что были между нами в прошлом. Мы ведь когда-то прилично их потрепали на Юпитере, а?.. Нет, это всего лишь соображение безопасности. Иметь дело с «Тацитурнией» — то же самое, что иметь дело с акулой, причем самому засовывать руку ей в пасть. Почему ты решил, что нас с майором Бернарделли что-то связывает?

— По всей видимости, он решил это сам, — заметил Маадэр со злорадством, — Потому что его организация идет по вашему следу.

Он отпил из стакана. И в этот раз почувствовал вкус, чему запоздало этому обрадовался — коньяк был действительно неплох. Но того, что происходит, он по-прежнему не понимал. Мало того, что картина, которую он выстроил, лопалась и рассыпалась, как старая фреска, он случайно сообщил Велроду информацию, которую тот сам не знал. Вскрыл дополнительную карту.

Велрод напрягся, но по-настоящему обеспокоенным не выглядел.

— Пусть ищут. Я прячусь на Пасифе не один год. Спрячусь и от его крыс. Хотя знаешь… Отчасти это мне даже приятно. Льстит моему самолюбию. Ребятам из «Тацитурнии» мелочь не заказывают, раз уж Нидар расщедрился на заказ… По всей видимости, для него это стало делом принципа. Упрям как капитан Ахав. А я уже скоро достаточно поседею, чтоб походить на белого кита…

Маадэр поперхнулся едким коньяным запахом.

— Так Нидар знает, что вы живы?

Велрод взглянул на него с брезгливой жалостью. Как смотрел много лет назад на своего нескладного подопечного, зеленого оперативника по имени Этельберд Йенч, уже успевшего заработать десяток шрамов и репутацию упрямого до безрассудства бультерьера, но еще не получившему кличку Куница.

— Ты сильно поглупел с момента нашей последней встречи. Разумеется, знал. Не мог не знать. Ладно, закончим. Хорошо было посидеть с тобой, вспомнить старые деньки. Знаешь, для стариков вроде меня ностальгия становится лучшим наркотиком, куда там вашим синтетикам…

Он опустил руку в карман пиджака и, еще прежде, чем она показалась обратно, Маадэр знал, что увидит в пальцах. Потому не удивился, увидев приглушенный оружейный блеск револьвера. Тоже «Корсо» вроде его собственного, но другая модель, с более длинным стволом. Револьвер лениво поднялся, словно изучая низкий прокопченный потолок кабинета, и уставился в грудь Маадэру.

— Все так и кончится? — глухо спросил Маадэр.

Велрод удивился.

— Ну разумеется. Все так и должно кончиться. А ведь я знал это давным-давно. Не знал только, когда. Предчувствие, что ли. Не могли мы просто так с тобой разойтись. Может, ты и глуп, но какой-то талант в тебе все же был. Предрасположенность. А потом… Знаешь, есть старая как мир штука — ученик всегда предает своего учителя. Я не мог допустить, чтоб ты предал меня. А ты бы рано или поздно это сделал. Мне следовало закончить с тобой еще до того, как я ушел в отставку. Но не закончил.

— Отдайте «Сирень» мне, — произнес Маадэр сквозь зубы, чувствуя грудью прикосновение холодной оружейной стали, несмотря на разделяющее их с Велродом расстояние, — Нидару нужен био-софт. Не ваша жизнь. Ваша «Сирень».

Велрод приподнял бровь.

— «Сирень?» А почему ты думаешь, что она сейчас у меня?

— Вы работаете один. Работать одному — значит никому не верить. И ничему. Вы бы никогда не оставили ее где-то.

Велрод опустил свою искусственную левую руку в карман плаща и вытащил оттуда что-то небольшое и блестящее. Простой контейнер, размерами формой похожий на портсигар. Маадэр не мог отвести от него взгляда.

— Изящная вещица, а? А сколько внутри!.. Еще двадцать девять доз, между прочим. У меня в пальцах целое кладбище, если подумать об этом. Как думаешь, сколько трупов хватит Нидару? Дюжина? Две? Три?.. Может, тысяча?

— Он ублюдок, — согласился Маадэр, — И у меня от него мороз по коже. Но мертвецы ему не нужны.

— Он фанатик, — Велрод почесал стволом револьвера щеку, — Ради того, чтоб добраться до меня, он превратит весь Пасифе в усеянный человеческим фаршем обломок мертвой породы. Я — его цель. А цель для таких, как он, оправдывает любые средства. Он сам подожжет город, если это поможет ему прижать меня. А ты всего лишь его недалекий цепной пес…

«Паршивый же у нас получается разговор, — с тоской подумал Маадэр, пытаясь не вжиматься рефлекторно в спинку кресла, — Он болтает, а я отчаянно тяну время, сам не зная, для чего».

— Я никому не служу. Нидар сам вышел на меня и…

— Замолчи, — Велрод поморщился, ствол револьвера вновь уставился в лицо Маадэру, — Не оскорбляй своего учителя столь глупой ложью. Я учил тебя не этому. Извини, время кончилось.

Стараясь не совершать резких движений, Маадэр медленно поставил на стол не осушенный до дна стакан. То ли Вурм вновь дал ему обостренное чутье, благодаря которому он слышал скрип сухожилий Велрода, напрягающихся на спусковом крючке, то ли это было болезненной игрой воображения.

— Могу я попросить об услуге?

Велрод молчал несколько секунд.

— Услуга, Куница? Я собираюсь разнести тебе голову в твоем собственном кабинете, а ты просишь меня об услуге?

— Вроде того, — Маадэр выдавил неуверенную улыбку, — Этот ствол в твоей руке… Он ведь заряжен ардоритом, верно?

— Не люблю рисковать.

— Вы и меня этому научили. Но я повидал слишком много мертвецов, гашпигованных ардоритом, чтобы понять, это не самая приятная смерть.

Велрод, казалось, искренне заинтересовался.

— Вот как? Гражданская жизнь тебя разбаловала, Куница.

Раньше ты не был так привередлив. Раньше тебе годилась любая.

Маадэр кивнул.

— Да, я испортился с возрастом. Но если бы вы…

Револьвер уставился точно ему в глаз.

— Ты ведь не думаешь, что сможешь обмануть меня, так? Что выкинешь какой-то фокус, а я из жалости подарю тебе лишнее время?

— Не верю, — согласился Маадэр. Он и в самом деле не верил, — Но я бы не хотел умирать как крыса в горящем мусорном баке. Я не собираюсь вас обманывать или тянуть время. Просто мне показалось, что есть способ, который устроит нас обоих.

— Вот как? — глаза Велрода блестнули, — Какой?

— «Сирень» — спокойно и твердо сказал Маадэр, — Ваш био-софт. Полагаю, одной дозы мне будет достаточно.

Велрод внимательно смотрел на него, не опуская револьвера. По его проницательному, немного заострившемуся лицу, сложно было что-то прочесть. Как по лицевой панели компьютерного блока, внутри которого просчитывается какое-то сложное уравнение со множеством переменных.

— Зачем тебе это, Куница?

— Всегда мечтал умереть от удовольствия, — Маадэр смущенно усмехнулся, — «Сирень» убивает не сразу. Сперва она дарит несколько минут блаженства, разве не так? К тому же, вам это выгоднее, чем мне. Мое тело после смерти станет разносчиком заразы. Источником еще одной маленькой нейро-эпидемии. Вы не просто покажете Нидару, что живы, вы уязвите его в самое больное место.

Велрод пожевал одними губами, о чем-то размышляя.

— Что ж, звучит интересно. Полагаю, подобный поворот послужил бы нашей обоюдной выгоде…

«Старый трюк? — настороженно осведомился Вурм, — Симулировать воздействие био-софта и отрубить тебя?»

«Да. Провернуть этот трюк с Велродом будет сложнее, чем с коллекционерами. С одной стороны, он не знает про тебя и про твои возможности. С другой — он невероятно, отвратительно хитер. И у него особенное чутье. Чутье дьявола».

«Пода сигнал — и я накачаю тебя адреналином под завязку».

Маадэр мысленно покачал головой.

«Никакого адреналина. Ты даже не представляешь, насколько Велрод ловок, не обращай внимания на возраст, это фальшивка. Достаточно будет того, что он уйдет отсюда, оставив мое мертвое тело в покое».

— Я готов, — вслух произнес он, протягивая Велроду

распахнутую ладонь, — Молитву читать не стану.

Но Велрод шутливо погрозил ему пальцем:

— Извини, Куница, я уважаю твое желание умереть с комфортом, но в этот раз придется тебя огорчить. Я тут подумал… Не люблю идти на поводу у тех, кого убиваю. Кроме того… Подумай сам, твоя смерть ушла бы впустую. Кто тебя найдет здесь, на окраине города, в ветхой лачуге?.. Твое тело сожрут крысы без всякой для меня пользы. А это нерационально. Может, у тебя есть другое желание?

Маадэр зарычал. Мысленно, так, что слышал лишь Вурм. Но постарался сохранить внешнее спокойствие.

— Тогда просто дай мне выпить.

— Уж это с легкостью, — не опуская револьвера, Велрод свободной рукой поднял наполовину опустошенную бутылку и разлил содержимое по стаканам, — Хорошая дрянь, верно? После такой и умирать не жалко…

«Вурм?..»

«Понял тебя. Сейчас».

Маадэр поспешно взял один из стаканов. Янтарная жидкость казалась густой и тягучей.

— Тост? — предложил Велрод насмешливо.

— Не возражаю.

— Тогда за моего ученика, — Велрод тоже взял стакан, посмотрел через него на свет, улыбнулся, — За моего лучшего ученика, которого я потерял. В добрый путь, Куница.

Маадэр запрокинул стакан.

Коньяк был отличный, Велрод не врал. Было в его запахе что-то благородное, с пронзительной ноткой, неповторимое. Что-то непередаваемо-органическое, что не могло родиться на орбите Юпитера, в дальнем уголке Солнечной системы, где все синтезированное, пресное, дрянное. Привыкус мертвого растения, понял Маадэр, вот что делает земной коньяк таким особенным.

Наверно, даже в Восьмом он должен был стоить приличных денег. Осушив стакан, Маадэр со вздохом отставил его и еще несколько секунд с прикрытыми глазами прислушивался к послевкусию.

— Отличная штука, — сказал он, — Обязательно закажу себе такой же на Марсе.

— Только если тебя занесет туда в следующей жизни… — мягко сказал Велрод. «Корсо» в его руке уставился в грудь Маадэру. На лице отставного агента было сожаление. Ему действительно было жаль, что все закончилось именно так.

Маадэр поймал себя на мысли о том, что и ему жаль Велрода.

Что ж, старый наставник при всех своих недостатках во

многом оказался прав. Ученики действительно предают своих учителей.

— Аккхкхк…

Велрод побледнел, его вдруг повело в сторону, как пьяного, утратившего контроль над равновесием. Сильные руки обвисли, стали непослушными. Велрод попытался вновь поднять револьвер, но тот лишь плясал из стороны в сторону, словно налился неподъемной тяжестью. Велрод тяжело задышал и попытался опереться о стол, но покачнулся и рухнул на пол, издав сухой стук.

По его телу прошла крупная дрожь. Но глаза все еще были открыты. Маадэр подошел поближе, чтоб видеть мельчайшие детали его агонии. Она не обещала быть долгой. В широко распахнутых глазах Велрода метался страх, отчего они выглядели светлее, чем обычно. А может, подумалось Маадэру, всему виной стремительно разрушающаяся сетчатка…

— Мне тоже жаль, что все закончилось, — вздохнул Маадэр, нагибаясь над ним и осторожно вынимая из безвольной теплой руки револьвер, — Извините, Велрод. Знаете, я ведь тоже хотел вас убить. Не сейчас, еще раньше. Думал занять ваше место. И очень обрадовался, когда вышло по-моему, хоть и иначе. А потом вы сами все испортили. Мертвецам нечего возвращаться в мир живых, даже если это Пасифе. Они вечно все портят.

Велрод попытался что-то сказать, но из его рта вырвался лишь глухой хрип. Лицо покраснело, на висках вздулись жилы.

— Что? — Маадэр сделал вид, что прислушивается к неразборчивому хрипу умирающего, — Ну разумеется. Я вас отравил. Гадаете, как? Конечно, вы были слишком подозрительны, чтоб принять что-то из моих рук. Вас погубила самонадеянность. Вы ведь всегда были уверены, что на шаг впереди меня, так? Что ж, могу вас поздравить, вы опередили меня и в смерти.

Кажется, Велрод уже ничего не видел. Его выпученные глаза покрылись сетью лопнувших капилляров. Но пульс, крошечный, нитевидный, еще оставался. Маадэр приблизил губы к уху умирающего.

— Стаканы. Край моего был пропитан контактным нейротоксином. Вы даже не обратили внимания, что я взял не свой. Я бы рассказал вам, как у меня получилось выработать этот токсин и нанести его на стекло, но, боюсь, у вас нет столько времени…

Велрод замер, дрожь исчезла. Он смотрел на Маадэра и глаза его медленно становились прозрачными. Как две ледышки из мутной воды, тающие под солнцем. А потом закончилось и это. Как закончился сам Велрод.

— Он был хитер, — Маадэр спрятал чужой револьвер в кобуру, — Может, слишком хитер?.. Мне тоже казалось, что кто-нибудь из нас прикончит другого. Но я никогда не думал, что мне доведется убивать уже мертвого Велрода. Черт, Вурм, ты понял хотя бы половину из того, что он нес?

«Немногое. Судя по всему, он был уверен, что ты все это время продолжал службу в Конторе и охотишься за ним по прямому приказу Нидара».

«Ну, на счет Нидара он отчасти оказался прав. Но в остальном…»

«Не жди от меня ответов, Маадэр».

«Он сказал, что „Сирень“ — его страховка. Страховка от чего, Вурм? Ведь он официально был мертв! За столько лет его не смогла найти ни одна ищейка. И потом… Кто на самом деле натравил на его след парней Бернарделли?..»

«Возможно, тот, кому очень нужно было убрать Садовода. И тому, кто не очень верил в твои успехи».

— Нет, — возразил Маадэр вслух, — Нидар не заказывал Велрода «Тацитурнии».

«Ты действительно в этом уверен?»

— Еще как. Никто из «Тацитурнии» не знал про «Сирень» — ни рядовые исполнители, ни сам Бернарделли. Нидар никогда бы не мог допустить чтоб Садовода-Велрода убрали и био-софт оказался бы в руках злейших врагов Земли. Значит, есть кто-то другой. Кто-то, кто смертельно ненавидел Велрода, но был совершенно равнодушен к «Сирени».

Вурм ухмыльнулся. Неприятное это было чувство — ухмыляющийся Вурм. Что-то вроде легкого инсульта.

«Прочитаем мысли твоего бывшего начальника? Нам давно не приходилось ковыряться в чужих мозгах…»

— Сам знаешь, это бесполезно. Даже неповрежденный мозг — это не открытая книга, в которую можно заглянуть. Обычно сохраняются лишь последние фрагменты памяти, в данном случае бесполезные.

«Я знаю, Маадэр. Просто подумал, что тебе будет это приятно».

Вурм засмеялся.

Контейнер, оставленный Велродом на столе, был на удивление тяжел. Открыв простую, без замка, крышку, Маадэр обнаружил внутри ампулы — длинные иглы тончайшего стекла, внутри которых можно было разглядеть био-агент. Его был так мало, что он казался не толще волоска. Когда имеешь дело с био-софтом, нет нужды использовать целые миллиграммы… Маадэр машинально пересчитал ампулы — двадцать девять.

— Что за черт… — пробормотал он, — Но ведь должно быть двадцать восемь! Велрод успел использовать две ампулы.

«Возможно, изначально их было больше?»

— Контейнер рассчитан ровно на три десятка. Но как Велрод мог использовать одну ампулу чтобы вызвать две вспышки «Сирени» с интервалом в несколько дней?

«Вряд ли он тебе это расскажет, даже если ты хорошо его попросишь».

Маадэр со щелчком закрыл контейнер.

— Ладно, не время забивать этим голову. Товар уже у нас, мало того, его доставили на дом. Теперь моя единственная забота в том, чтоб избавиться от него, заодно сохранив голову.

От тела Велрода исходил слабый электромагнитный сигнал, который Маадэр почувствовал с самого начала. Он быстро обыскал труп и не ошибся — в кармане обнаружился компактный войс-аппарат. Помедлив несколько секунд, Маадэр стал набирать номер. Когда на другом конце невидимого провода ответили, он коротко сказал:

— Уэббли, это Куница. Передай Бернарделли, что мне надо с ним встретиться.

— Да я твой поганый язык вырву и…

— Скажи ему, что у меня «Сирень». Если ты не передаешь ему это в течении двух минут, я думаю, что он сам с удовольствием вскроет твое жирное брюхо и посмотрит, сколько там осталось требухи.

Связь прервалась. Маадэр бросил войс на стол, достал сигарету и подкурил ее. Самое важное было сделано.

«Ты можешь ошибиться».

— Возвращаться к Нидару с био-софтом — значит совершить самую большую ошибку. Он знал, что Велрод жив. И зачем-то направил по его следу именно меня. Что-то темное творится тут, дружище.

«Демонстрируешь свое хваленое чутье?»

— Велрод решил сбежать со службы и прихватил с собой эту дрянь… И я не думаю, что он хотел продать ее и сколотить капитал. В собственном доме не торгуют ядерными бомбами. «Сирень» была гарантией его безопасности, на тот случай, если Контора решит не отпускать в отставку своего лучшего агента. Но Нидар затеял какую-то сложную игру. В которую некстати ввязался я.

«Не только ввязался, но уже и порядком смешал порядки на доске. Попутно сам превратившись из пешки как минимум в слона. Имея на руках „Сирень“, ты сможешь рассчитывать на… определенное уважение со стороны других игроков. И, возможно,

даже диктовать условия».

— У меня лишь одно условие. Я хочу жить. Если для этого придется остаться на веки вечные тут, на Пасифе, это, в конце концов, не самый плохой расклад. Я выторгую у Бернарделли свою жизнь в обмен на «Сирень».

«Не имея ни малейшей гарантии того, что он не уберет тебя сразу после того, как получит био-софт».

— Ты прав — ни малейшей. За это я и люблю свою работу — всегда есть простор для приятных неожиданностей…

Войс-аппарат издал тонкий неприятный гудок.

— Уэббли?

Но это был не Уэббли.

— «Сирень» у вас?

Этот голос был ему знаком. Очень спокойный, негромкий, очень лаконичный. Маадэр ощутил, как враз заныли зубы — несмотря на то, что голос предводителя убийц исходил из войс-аппарата, от него все равно веяло чем-то холодным и неприятным.

— У меня.

— Где человек, у которого она была?

Маадэр бросил взгляд на тело Велрода. Лежа лицом вниз, облаченное в костюм из дешевой ткани, оно уже не выглядело могущественным или зловещим. Скорее, жалким, осунувшимся, ничем не примечательным. Как любое тело на улицах Девятого.

— Он мертв.

Бернарделли ответил не сразу.

— Его убили вы?

— Да. Не могу сказать, что убил, я действовал в порядке защиты…

— Не имеет значения. Я хочу вас видеть. Вас и «Сирень».

«Кажется, он не очень расстроен, — подумал Маадэр, — Впрочем, понятно, сколько бы ему ни заплатили за убийство Велрода, „Сирень“ стоит куда, куда больше…»

— Где мы можем встретитбся? — спросил он ровным тоном.

— Я пошлю за вами машину. Прямо сейчас. Где вы находитесь?

— У себя в офисе. Это одиннадцатый сектор Де…

— Я знаю.

Раздался негромкий щелчок — разговор оборвался.

— Что ж, — сказал Маадэр, откладывая войс-аппарат, — По крайней мере вести дело с опытным человеком всегда приятно. Как думаешь, я успею выкурить сигарету?

21

Ему хватило времени на сигарету.

Когда Маадэр услышал негромкое урчание мотора снаружи, она уже превратилась в окурок, хотя и продолжала дымиться. Бернарделли не блефовал, когда говорил, что адрес ему известен. Маадэр накинул плащ, положил во внутренний карман контейнер, который внезапно показался еще тяжелее, проверил револьвер.

Возможно, стоило назначать встречу на своих условиях. Например, здесь же. Но он понимал, что по большому счету это уже не имело никакого значения. Будет он жить, или нет, сейчас мог решить только один человек на всей планете. Играть с которым определенно не стоило.

Автомобиль был неброский, старой модели, но на улицах Девятого он выглядел удивительно неуместно. Как дорогой полимерный протез на теле нищего бродяги. Когда Маадэр приблизился, дверь открылась. Стараясь не совершать резких движений, он забрался внутрь. К его удивлению, там был только водитель — молодой мужчина с ничего не выражающим лицом. Приставлять к Маадэру охрану Бернарделли, видимо, счел бессмысленным. Да и к чему охрана для того, кто сам лезет тебе в пасть?..

Маадэр не назвался, но у водителя определенно были инструкции на его счет. Как только дверь закрылась, машина мягко тронулась.

Двигатель у нее все же был электрический, поэтому всю дорогу Маадэр ощущал себя как в кресле у дантиста. Он бы с удовольствием прикрыл глаза, но не мог этого сделать — ему было нужно знать, куда он держит путь.

К его удивлению поездка оказалась недолгой. Машина быстро покинула пределы одиннадцатого сектора и, немного пропетляв, остановилась на окраине Девятого. Этот район был малознаком Маадэру, но внешне мало чем отличался от любого другого района города. Те же дома, ветхие, местами превратившиеся в нагромождения битого кирпича и бетонных перекрытий, те же люди, настороженно наблюдавшие за автомобилем из окон. Маадэр очень сомневался в том, что могущественный шеф ордена тайных убийц вынужден был ютиться в подобном районе. Скорее всего, место было выбрано специально для встречи. Похвальная предусмотрительность.

— Здесь, — кратко сказал водитель, останавливая машину около ничем не примечательного дома, сохранившего не только

внешнюю обшивку, но и потеки давно засохшей краски, — Второй этаж.

Маадэр кивнул ему и вышел. Самый обычный дом. Разве что окна прочно заколочены, не зияют, как прочие на улице. Автомобиль сразу же отъехал. Тоже верно, зачем ему болтаться на улице и привлекать внимание…

Внутри было довольно темно — забитые оконные проемы пропускали лишь малую толику света, ламп же здесь не было. Маадэр врядли смог бы найти лестницу самостоятельно, но он всегда мог рассчитывать на помощь Вурма.

— Поднимайтесь сюда! — крикнули сверху.

— Спасибо… — пробормотал Маадэр, с трудом поднимаясь по старой скрипящей лестнице.

На втором этаже было не в пример комфортнее. Здесь не было толстого слоя пыли на полу, как внизу, видимо встречи здесь проводились регулярно. Темноту разгоняла большая электрическая лампа. Она давала сухой оранжевый свет, из-за которого лица всех присутствующих казались желтоватыми, выцветшими, как на старых фотографиях.

Присутствующих было немного — кроме самого Маадэра в комнате находились четверо. Одного из них Маадэр знал — это был Бернарделли. Сидя в удобном кресле, не вяжущемся с бедной обстановкой комнаты, в которой давно никто не жил, бывший майор курил небольшую черную сигару. На Маадэра он бросил быстрый взгляд, в котором не было особенного интереса. Двое охранников стояли у окна, Маадэр не мог сказать, те же они или другие. Если и другие, то похожи на прежних как братья близнецы, включая цвет плащей и манеру себя вести.

Четвертый гость этой комнаты врядли оказался здесь по своей воле. По крайней мере так подумал Маадэр. Как и Бернарделли, он сидел, но не в кресле, а на высоком стуле, привязанный к нему прочной толстой веревкой. И выглядел он достаточно паршиво для человека, которому нравится здесь находиться. Лицо было разбито, жестоко, били не один час. Оно превратилось в оскаленную маску из свисающих лохмотьев кожи, нос стал бесформенным, глаза казались сочащимися нарывами. Но он был в сознании. Увидев Маадэра, вдруг запрокинул голову и попытался что-то сказать, но поперхнулся собственной кровью и захрипел. Когда-то на нем был, вероятно, строгий деловой костюм, теперь представлявший из себя потерявшее цвет тряпье. Что-то в нем показалось Маадэру знакомым, но он отвел взгляд. Какие бы дела не решал в этом тихом месте Бернарделли, он был уверен, что вмешиваться в них определенно не стоит.

— Контейнер, — просто сказал Бернарделли, когда Маадэр

приблизился. Он действительно умел был лаконичным.

Маадэр осторожно вытащил контейнер и положил его на столик возле Бернарделли. Тот протянул руку, медленно открыл его, обнажив два ряда тусклых капсул, и некоторое время молча смотрел.

— Спасибо, господин Маадэр, — наконец произнес он, — Я ценю вашу услугу.

— Есть люди, которым приятно оказать услугу.

Бернарделли посмотрел ему в глаза.

— Судя по вашему голосу, вы ожидаете, когда я спрошу, во сколько вы сами ее оцениваете.

— Я…

— Все в порядке. Задавайте.

— Я действительно подумал, что «Тацитурния»… В общем, некоторая скромная помощь мне бы не помешала. Скажем так, ответная услуга.

— Что вам надо, Маадэр?

— Защита.

— Успели обзавестись врагами тут, на Пасифе?

— Слишком большой коллекцией, — согласился Маадэр, — С некоторых пор это меня гнетет.

Бернарделли понимающе склонил голову.

— На Пасифе нажить врагов нетрудно. Я знаю это, поскольку занимаюсь этим постоянно — наживаю врагов. Это моя работа. У меня много врагов, Маадэр. Есть сильные враги — те, схватки с которыми я избегаю. Есть слабые враги — они ждут, когда я развернусь к ним спиной. Какие враги у вас?

— Э… Ну, в общем, это достаточно разнообразная публика. «РосХим», «Чимико Витта»…

— Однако. Вы не размениваетесь на мелочи, как я вижу.

— Это больше случайность… Возможно, меня ищут и коллекционеры.

— Интересно.

— И еще… — Маадэр набрал воздух в легкие, — Контора.

Бернарделли посмотрел на него с интересом, словно собираясь задать вопрос, но промолчал, и Маадэру пришлось продолжить.

— При нашей последней встрече я забыл сообщить, что больше не являюсь действующим агентом. Я вышел в отставку.

Бернарделли затянулся и выпустил в сторону лампы тонкую извилистую струю дыма.

— И теперь не без основания полагаете, что бывший работодатель не захочет так просто с вами расстаться?

— Моего бывшего работодателя зовут Нидар. Он может

выглядеть неказисто, но поверьте, связываться с ним не стоит. Он и вас проглотит мимоходом, если дотянется. Просто по старой памяти.

— Нидар? — Бернарделли вдруг улыбнулся, — Сахель Нидар?

Маадэр растерялся.

— Он самый. Вы с ним знакомы?

— Отчасти, — сдержанно ответил Бернарделли, махая в воздухе рукой, чтоб развеять дым, — Дело в том, что он любезно принял мое приглашение. Очень великодушно с его стороны. Честно говоря, мы с ним успели поболтать до вашего прихода. Господин Нидар, желаете что-то сказать господину Маадэру?..

Окровавленный человек, привязанный к стулу, поднял голову и встретился налитыми кровью глазами с Маадэром. Тот вздрогнул.

Нидар?

— Мы быстро поладили, — заметил Бернарделли, — Господин Нидар превосходен как рассказчик. Вы не поверите, сколько интересных историй он рассказал мне за последнее время.

«Он крепок, — мысленно пробормотал Маадэр, разглядывая искалеченное и едва живое существо, бывшее когда-то прежде Сахелем Нидаром, резидентом Конторы на Пасифе, — Очень крепок. Любой другой на его месте уже лишился бы рассудка».

«Впечатляет, — согласился Вурм. Для того, чтоб рассмотреть некогда всемогущего Нидара, ему пришлось воспользоваться глазами Маадэра, — Честно говоря, я даже не представляю, как он до сих пор жив».

— Господин Нидар любезно сообщил мне вашу биографию, Маадэр, — голос Бернарделли гудел завораживающе, хоть и негромко, — Как и то, что вы много лет назад предпочли выйти в отставку. Вы давно уже не агент, так ведь? Всего лишь штрафник, вымаливающий пощаду.

Возражать было бесполезно. Маадэр почувствовал глухое отчаянье. Бернарделли оказался несоизмеримо более опасным человеком, чем виделось ему поначалу. Не просто бывший майор юпитерианской армии, довольствующийся ролью босса в клане высокопрофессиональных убийц. За ним маячило нечто большее, как за спиной палача маячит тяжелый обух топора. Он смог похитить резидента КНТР на Пасифе, а это само по себе было невероятным событием. Для этого надо было обладать не просто опытом и коварством на зависть покойному Велроду, для этого надо было быть самим дьяволом во плоти.

— Все верно, — спокойно сказал Маадэр, — Все, что сообщил

вам господин Нидар относительно меня, скорее всего является истинной правдой.

Бернарделли удовлетворенно кивнул.

— Люблю честных людей. Экономят время. Но кое-чего господин Нидар рассказать мне не сумел. Я боюсь, у него повреждены голосовые связки… Не знаю, появится ли у него еще охота беседовать. Поэтому я ожидаю услышать кое-что и от вас. Вам ведь тоже кое-что известно об этой страннейшей истории, которая закрутилась у нас тут на Пасифе. Ведь верно? Расскажите нам, Маадэр. Расскажите о том человеке, у которого вы забрали «Сирень».

— Вы говорите о Велроде?

— Его имя мне неизвестно. У меня была лишь фото-карточка — и еще немного скудной информации. Очень странный, но очень интересный заказ. Возможно, самый интересный на моей практике. У меня ушло целых четыре дня, чтоб найти след вашего Велрода. И то, благодаря старому нарко по имени Боберг.

— Кто сделал заказ? — собственный голос показался Маадэру почти чужим, — Кто открыл охоту на Велрода?

Бернарделли молча потушил сигару в пепельнице.

— Вы еще не догадались? Ее открыл господин Нидар.

Маадэр уставился на окровавленного Нидара. У того шевелились губы — кажется, он пытался что-то сказать.

— Нидар заказал вам Велрода?

— Да. За достаточно хорошую сумму.

— И ни словом не обмолвился про полный контейнер смертельно-опасного био-софта?

— Ни малейшего намека.

— Дураки… — вдруг неожиданно четко сказал Нидар, глядя на них налившимися кровью страшными глазами, — Ду…

Один из охранников шагнул вперед и коротко ударил его в челюсть. Нидар пошатнулся вместе со стулом и уронил голову на грудь. На пол упало несколько густых капель.

Бернарделли погрозил своему подчиненному пальцем, тот покорно отошел.

— Признаться, картина получилась сложной. Может, у вас, господин Маадэр, получится ее понять. И рассказать мне. Вы ведь попытаетесь?

Маадэру захотелось оказаться далеко за пределами этого дома. Далеко за пределами этой планеты.

«Следующим на стуле буду я, — подумал он, — Следующим буду я… И тогда они узнают все, что захотят».

Для Бернарделли, казалось, чтение чужих мыслей не было значительно сложностью.

— Если вы расскажете нам все, что знаете, это будет по достоинству оценено, — сказал он мягко, — Господин Нидар не хотел с нами сотрудничать. Нам пришлось отрезать все пальцы на его ногах чтобы он осознал свои заблуждения. Поэтому постарайтесь строить разговор правильно.

— Возможно, я догадываюсь, что тут… здесь произошло, — вздохнул Маадэр, — Лишь в общих чертах, без деталей. У меня была возможность посмотреть на это дело с… разных точек зрения.

Бернарделли принял расслабленную позу. Хотя его тело и прежде не выглядело напряженным.

— Я слушаю вас.

«Накачай мне в кровь побольше кислорода, Вурм. Кажется, мне предстоит длинный рассказ».

«И если он окажется достаточно хорош, может, даже вытащит нас отсюда, — буркнул Вурм, — Начинай».

Маадэр прочистил горло, хотя никакой нужды в этом не было. Лишь подсознательное желание отсрочить начало неприятного рассказа. Неприятного рассказа, стоившего жизни многим неприятным людям. И вполне способный стать его собственной эпитафией, вне зависимости от того, что будет значиться на могильной плите.

— Человека, которого я убил, звали Гэвин Велрод, — Маадэр старался не смотреть в сторону окровавленного Нидара, — Он служил в шестом отделе КНТР здесь, на Пасифе. Выявлял агентов Юпитера, мятежников, террористов и революционеров. Он был моим начальником.

Маадэр обнаружил, что несмотря на повышенное содержание кислорода в крови каждое слово дается ему с трудом. И здесь Вурм ничем не мог ему помочь. Досконально разбирающийся в химии и метаболизме человеческого тела, он не умел синтезировать слова. Но именно слова были тем, что могло их сейчас спасти.

— Он не один год проработал на Консорциум. И проработал неплохо. Он был профессионалом. Но иногда даже профессионалы начинают беспокоиться и размышлять о собственном будущем. Велроду было, о чем поразмыслить. Он принимал участие в войне с Юпитером, давил подполье, организовывал или саботировал бесчисленное множество выступлений, акций, терактов и провокаций. А еще у него было чутье. И это чутье в какой-то момент подсказало ему, что он перешел черту. Черту, за которой каждый байт информации превращается в дополнительный камень, привязанный к ногам. Консорциум не отпускает на пенсию людей, знающих так много,

как полковник Гэвин Велрод. Он знал, что его ликвидируют. Может, я, может, кто-то еще. И он принял решение покинуть Контору.

Нидар снова пришел в себя. Он слушал Маадэра молча, время от времени роняя на пол темно-багровые капли. Его руки, намертво привязанные к подлокотникам кресла стали темно-алыми из-за притока крови. Но едва ли они сейчас доставляли ему серьезное беспокойство.

— Полковник Велрод не собирался бежать наспех, он не был дураком. Он знал, что ради него КНТР перевернет весь Пасифе до самого дна. Даже имитация собственной смерти не была бы для него надежной защитой. Поэтому он решил подстраховаться по-крупному. Так, чтоб на всю оставшуюся жизнь избавить себя от вмешательства Консорциума.

— «Сирень», — утвердительно произнес Бернарделли, — Та самая «Сирень».

Контейнер все еще лежал на кофейном столике возле его кресла, но Бернарделли не проявлял к нему интереса, даже не смотрел в его сторону. Поразительная выдержка, подумалось Маадэру. Его самого контейнер жег даже сквозь ткань плаща.

— Да. «Сирень». Именно в тот момент, когда полковник Велрод размышлял о том, как лучше всего оставить службу, Консорциум дал ему последнее поручение. Поручение, после которого, как он мгновенно понял, живых исполнителей не остается. Слишком уж щепетильный вопрос. Найти законсервированное впрок биологическое оружие, много лет прождавшее своего часа на Пасифе, и увезти подальше или же уничтожить. Он сразу понял, что это его шанс. Другого такого ему бы не выпало. Оставалось только красиво уйти. И Велрод ушел, пожертвовав рукой, но получив вполне равноценную замену — смертоносный контейнер и полную свободу. С этого момента он мог самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

— И все это время он провел на Пасифе.

— Едва ли из-за того, что привязался к нему. Велрод ненавидел Пасифе не меньше, чем я сам. Но он как никто другой знал, насколько хорошо Контора контролирует «бутылочное горлышко». Генетический код мог выдать его, к тому же, не очень-то ему хотелось рисковать контейнером с био-софтом… Велрод остался на Пасифе. Не знаю, чем он занимался на протяжении нескольких лет, он был человеком большого числа талантов, и все они так или иначе были востребованы. Не думаю, что он выращивал хайдай или ремонтировал кондиционеры.

Бернарделли потер пальцем лоб.

— И никто за все эти годы…

Маадэр впервые решился перебить его.

— Знаете, какое самое лучшее число? Один. Когда работаешь один, риск провала сведен к минимуму. Когда нет ни компаньонов, ни подручных, ни начальства, можно многое позволить. Полковник Велрод всегда был одиночкой. А для одиночки с его квалификацией выжить на Пасифе не так уж сложно. Ни связей, ни контактов, ни прошлого. Его метод выживания, который он выбрал. Возможно, куда совершеннее моего собственного.

— Но не идеален.

— Не идеален, — согласился Маадэр, — Велрод где-то ошибся. Не знаю, где и когда, но это стало фактом. Где-то в непроглядных глубинах Конторы взвыли сирены, и иммунная система исторгла из себя легион фагоцитов, одним из которых и был Нидар.

Привязанное к стулу тело вдруг зашевелилось. Несмотря на то, что оно больше напоминало побывавший в пасти у акулы кусок мяса, каким-то образом оно сохраняло в себе сознание или крохотную его искру, достаточную для того, чтоб воспринимать происходящее вокруг.

— Д-дураки… — выдохнул Нидар, хлюпая собственной кровью сквозь обрывки губ, — Мы знали. С самого. Начала. И ты дурак, Куница. Экспертиза… Анализ… Мы знали, что… Велрод жив.

Голова Нидара опустилась на судорожно вздымающуюся грудь.

Маадэр подождал еще несколько секунд, ожидая, не последует ли чего-то еще, но агент КНТР, кажется, истратил последние запасы своих сил.

— Это не меняет дела, — заметил он, отворачиваясь от полумертвеца, — Как бы то ни было, Контора начала настоящую охоту за полковником Велродом и его опасным багажом. Охоту, в которой нет запрещенных видов оружия или неспортивных методов. Охоту, ради которой можно принять в союзники хоть вчерашнего дезертира, хоть заклятого врага. Во временные союзники, разумеется. Любой человек, хотя бы услышавший слово «Сирень» по окончанию подлежал ликвидации. Консорциум всегда на удивление чистоплотен в такого рода делах…

— Дальше, — кратко приказал Бернарделли.

Дальше… Маадэр мысленно вздохнул. Чем дальше он ступал, тем более зыбкой становилась почва под ногами. И хоть сейчас ему в лицо не смотрел ни один ствол, он чувствовал, что любой шаг может стать последним. И плевать, с каким-то неожиданным отрешенным спокойствием подумал он, прогулка и так слишком

затянулась…

— Долгое время поиски велись крайне осторожно, без излишнего шума. Контора слишком боялась того козыря, который Велрод спрятал в рукаве. Пока у него находилась «Сирень», тронуть Велрода означало тронуть часовую бомбу с взведенным механизмом. Одна ампула — вспышка смертельной болезни. Три — эпидемия. Тридцать — гибель половины населения планеты. Конторе пришлось смириться и долгие годы играть по заданным полковником правилам. Нащупывать его, не решаясь бросить в бой основные силы.

— Но потом все изменилось.

— Верно, господин Бернарделли. Несколько дней назад охота началась всерьез. С облавами, егерями и гончими. Не знаю, почему. Быть может, к власти в Консорциуме пришли другие люди, которые решили задушить «Проблему Велрода» любыми средствами. А может, у кого-то просто кончилось терпение.

— И господин Нидар объявил сбор охотников.

Маадэр хмыкнул.

— Он сам был единственным охотником, а мы с вами — всего лишь загонщиками и приманкой. Он ловко все это провел. Убедил меня в том, что я буду самостоятельной ищейкой, что мои таланты помогут найти потерянное… Нидар прав, я был дураком. Поверил в эту чушь. На самом деле я был всего лишь отвлекающим фактором. Меня пустили по следу Велрода, зная, что он гораздо опытнее, хитрее и способнее меня. Зная, что он жив и напряжен, как дикий зверь. Что он переломит хребет любому, кто подберется к нему достаточно близко. Я же даже не знал о том, что он жив, действовал вслепую, шел напролом… Рано или поздно я должен был привлечь к себе его внимание. Так и случилось.

— В чем же смысл? — поинтересовался Бернарделли. Слушал он с вежливым вниманием, при этом оставаясь молчаливым. Он задавал вопросы словно нехотя, только когда Маадэр делал паузу в рассказе.

— В вас, — Маадэр перевел дыхание, — В «Тацитурния Силентия». Именно вам отводилась роль застрельщиков. Я должен был лишь побеспокоить Велрода, заставить его вылезти из берлоги, расшевелить. Я с этим справился. Когда Велрод узнал, что кто-то деликатно наводит справки о его «Сирени», он сразу понял, что кто-то пришел по его душу. Он назначил мне встречу на складе и попытался убить. У него не было и тени сомнения, что я служу в Конторе, а практика мерценария — лишь ширма, прикрытие… Убрать же Велрода должны были ваши люди. Согласитесь, в этом есть ирония — Нидар втайне нанимал на

грязную работу своих злейших врагов, преемников ненавистных Земле «Солнечных Гиен». Это позволяло, во-первых, провернуть все в тишине. Во-вторых… Я думаю, у них был план ликвидировать вас и вашу организацию, якобы за уничтожение офицера КНТР Гэвина Велрода…

Нидар хрипло рассмеялся. Маадэру не верилось в то, что человек в его состоянии способен на что-то подобное, но тот буквально трясся на стуле от душившего его смеха.

— Куница… Вы ни черта так и не поняли…

Он опять стал задыхаться. Судя по всему, у него были сломаны ребра и каждое слово давалось ему дорогой ценой.

— Хорошая версия, — признал Бернарделли, сидевший на прежнем месте и переводивший взгляд с Маадэра на Нидара и обратно, — Но она не учитывает двух нюансов.

— Каких?

— «Сирень». Если бы Нидар доверил нам убийство Велрода, био-софт оказался бы в наших руках, — Бернарделли мягко погладил контейнер двумя пальцами, — Согласитесь, достаточно рискованный шаг.

Маадэр коротко выдохнул.

— Верно. Мне тоже это показалось странным. Нидар ничего не сказал вам о «Сирени», заказ был только на Велрода. Он рисковал, и я не могу сказать, почему.

Бернарделли поднялся, кресло под ним заскрипело. Заложив руки за спину, он прошелся по комнате.

— Есть и второй нюанс, господин Маадэр. Господин Нидар действительно сделал заказ относительно полковника Велрода. Только заказ этот не предусматривал убийства.

Маадэру показалось, что он слышит хрустальный звон — точно его огрели по затылку бутылкой. А может, это рассыпались его собственные мысли, которые он тщательно собрал в сложную, похожую на мозаику, конструкцию.

— Что?

— Чаще всего мы занимаемся устранением ненужных людей, это верно. Но в нашем прейскуранте есть и другие услуги, — легкая гримаса на лице Бернарделли в неверном освещении лампы могла показаться улыбкой, — Нидар не заказал нам убийство Велрода. Он заказал его охрану.

— Какая глупость… — пробормотал Маадэр, еще не поняв до конца смысла сказанного, — Что за чушь? Он хотел чтоб наемные убийцы его защищали?

— Никто лучше наемного убийцы не может предотвратить убийства, — флегматично заметил Бернарделли, стоя в полоборота к Маадэру, — А наши услуги пользуются

значительным спросом на рынке. Именно поэтому нас наняли защищать господина Велрода или полковника Велрода, как будет угодно. Интересный контракт. Сложный контракт. Основная его сложность заключалась в том, что нам предстояло защищать жизнь человека, который не желал, чтоб его защищали. Который искустно прятался и путал следы. Более того, поначалу мы даже не знали его имени. У нас была только фотокарточка. Но профессионалу довольно и этого. Мы взялись за исполнение.

— Но от чего вы защищали Велрода? И от кого?

Бернарделли коротко мотнул головой. Даже этот скупой жест в его исполнении выглядел исполненным достоинства, едва ли не торжественным.

— Контракт не уточнял деталей. Мы должны были охранять Велрода от любой опасности, которая могла бы ему грозить.

Ребра были сломаны у Нидара, но Маадэру почему-то показалось.

— Но вы же сказали, что охотитесь за ним…

Бернарделли пожал плечами. Прекрасно сшитый костюм — даже складки по спине не пошли.

— Лишь глупый охотник не прячет ружья. В некоторых ситуациях выгоднее прикидываться конкурентом. Меньше подозрений. Мы собирались использовать вас, чтоб найти Велрода. И все шло отлично, но… В какой-то момент, благодаря вашей, господин Маадэр, помощи, контракт стал выглядеть в новом свете.

Маадэру не потребовалось задавать уточняющие вопросы. В безжалостном свете ответи и так встал перед ним, уродливый и жуткий, как искаженная зыбким светом тень.

— Вы узнали, что вас наняла Контора. Ваш старый заклятый враг.

— Вы не очень умны, Маадэр, но умение связно мыслить — тоже не последнее достоинство. Все верно. Благодаря вам мы выяснили, что наш наниматель — господин Нидар — агент КНТР. Того самого КНТР, который когда-то уничтожил нашу родину, а нас превратил в охотящихся на мусорной куче крыс. Контракт был пересмотрен и расторгнут. С нашей стороны. После чего было принято решение обратиться к нанимателю за разъяснениями. Которые он отчасти предоставил.

Нидар застонал. Бернарделли подошел к нему и осторожно опустился на корточки перед стулом.

— Не беспокойтесь, господин Нидар, — произнес он, поправляя веревки, — Наша с вами беседа не окончена. Честно говоря, она только начата. И если вы сейчас испытываете некоторые… неудобства, то только лишь потому, что не

представляете, что вас ждет дальше. Но не переживайте, скоро мы возьмемся за вас всерьез. Я слышал, Контора умеет дрессировать своих псов, делает их нечувствительными к боли и стойкими к любым допросам. Но человек, который это утверждает, попросту не знает, что такое боль. Настоящая боль. А мы знаем очень хорошо.

Нидар попытался что-то сказать, но в горле вновь забулькала кровь. Бернарделли мягко, почти нежно, потрепал его по изрезанной щеке.

— Все в порядке. В скором времени мы с вами станем лучшими друзьями, и вы расскажете мне все, что знаете. А когда закончите, будете рыдать оттого, что больше ничего не в силах мне поведать. Заверяю вас, так будет. Мы напомним вам, как агенты КНТР вроде вашего подручного Куницы пытали моих людей в застенках Консорциума, как вы травили нас, выслеживали, казнили без суда… Теперь вы сможете испытать все на собственной шкуре. И, если судьба милосердна к вам, сможете сойти с ума еще до того, как мы закончим. А когда мы закончим… От вас останется очень мало, Нидар. Знаете… мне даже жаль, что наше знакомство не продлится достаточно долго. Верите ли, я испытываю от него настоящее удовольствие.

Нидар неожиданно улыбнулся. Его рваный рот расползся в стороны, обнажая месиво десен.

— Мне тоже… — пробормотал он хрипло, пачкая подбородок кровавыми сгустками, — Мне тоже жаль.

Его запястье было привязано к подлокотнику стула, но пальцы остались свободны. Едва шевелящиеся, дергающиеся, как у старика, они вдруг с неожиданной силой вцепились в рукав пиджака Бернарделли.

А потом рука Нидара взорвалась.

22

Маадэр еще какое-то мгновенье видел пальцы Нидара, стиснутые веревкой, ставшие фиолетовыми ногти… Раздался оглушительный треск, в стороны полетела деревянная щепа, пыль…

Маадэр рефлекторно отвернулся, чтоб прикрыть глаза и лицо, а когда вновь увидел Бернарделли, тот уже не сидел на корточках перед пленным, а стоял неподвижно, прижав руки к животу. На его сухом невыразительном лице мелькнула растерянность. Возможно, впервые за всю его жизнь и оттого выглядящая вдвойне странно. Он опустил голову и непонимающе смотрел, как из его живота, пачкая пальцы, сочится что-то темно-багровое, собирающееся на каменном полу в неровную густую лужицу винного цвета.

Он собирался что-то сказать, даже открыл рот, но не успел — его большое тело вдруг оступилось, зашаталось как подрубленное дерево, еще не решившее, куда падать, и тихо осело на пол, мгновенно превратившись в подобие бесформенного тряпичного куля.

Единственным человеком, хладнокровно наблюдавшим за его смертью, был Нидар. Его изувеченная кисть исходила дымом, вместо пальцев остались короткие обрубки, в которых сквозь порванную плоть виднелась оружейная сталь. Тошнотворно пахло паленым мясом.

Убийцы из «Тацитурнии» умели действовать быстро и, надо думать, умели это лучше многих. Но сейчас растерялись — все произошло слишком внезапно. У них было лишь две секунды — две секунды растерянной, звенящей в ушах, тишины, чтоб сообразить, что происходит. А потом уже было поздно.

Из оконного проема, забитого досками, рядом с которым они стояли, полетели щепки, в него словно несколько раз быстро простучали маленьким, но тяжелым кулаком… Одному из людей Бернарделли пуля попала в затылок, разворотив голову и отшвырнув в сторону выбитую челюсть. Другой уже оседал у противоположной стены, ошарашено глядя на дымящиеся лохмотья рубашки на собственной груди…

А потом в комнате вдруг оказалось много людей. Двадцать или сорок. А может, и сто. Они появлялись со всех сторон, как призраки, в черных комбинезонах и прикрывающих лица масках, с оружием в руках.

Никто не кричал, не было слышно выстрелов, стука подошв, ничего — они двигались бесшумно, и это прибавляло

происходящему еще большей нереальности. Словно в реальный мир ворвались все тени из мира мертвых, которые долгие годы ходили по пятам за Маадэром, тени всех им убитых, рассерженные, бесшумные и смертоносные…

Маадэра ударили под дых, отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу, скрутили… Он был слишком ошарашен чтобы сопротивляться, да и не мог бы при всем желании — вооруженные люди в черных комбинезонах, деловито занявшие весь этаж, хоть и молчали, явно демонстрировали, что действовать будут быстро и решительно. Маадэр понимал язык действия, поэтому постарался не шевелиться.

Потом его подняли и подвели к Нидару. Тот уже стоял на ногах, хоть и неуверенно, ему приходилось опираться на плечи охранников. На голову кто-то уже успел наложить медицинский пакет, но лицо еще оставалось открытым. Вместо его правой кисти под толстым слоем бинта угадывалась неровная культя.

— Ну что… Куница… — говорил он с трудом, но уже не так хрипло, — Весело было?

— Весело, — кивнул Маадэр, — Очень.

Нидар подал знак и его осторожно опустили в кресло, из которого совсем недавно поднялся еще живой Бернарделли. Теперь Бернарделли лежал на полу и представлял собой не более чем несколько десятков килограмм мертвой плоти, закутанной в дорогую ткань. Нидар поймал его взгляд и усмехнулся своими страшными багрово-синими губами:

— Он был дураком, как и ты… как Велрод… Но дураком ловким, это многое усложняло. Теперь его нет.

— Как вы его?

— Имплантированные в кость стволы, — легко пояснил Нидар, — Одноразовые. Сложная, дорогая штука. Во времена Велрода у вас таких не было, верно? Пользоваться не рекомендую. Весьма неприятные ощущения. Впрочем, оно того стоило… Всем выйти.

Нидар не повысил голоса, но люди в черных бронированных комбинезонах без знаков различия прекрасно его услышали, хоть и находились в разных концах комнаты. Для выполнения приказа им потребовалось совсем немного времени. Когда они вышли, в комнате осталось два человека и три мертвеца, причем последних кто-то уже заботливо сложил у входной двери.

У глаз Нидара, даже заплывших, едва открывающихся, покрытых лопнувшими сосудами, было неприятное свойство. Их взгляд производил на собеседника крайне неприятное впечатление. Что-то сродни жесткому гамма-излучению.

— Вы глупы, Маадэр, — негромко произнес Нидар, так

буднично, словно продолжал недавно прерванную мысль, — И никогда не отличались аналитическим талантом. Исполнитель грязной работы, оперативный агент — возможно. Но не аналитик, не исследователь. Из вас никогда бы не получилась замена Велроду. Впрочем, недостаток этих качеств вы вполне успешно компенсировали другими. Алчностью, решительностью, грубостью… О черт… Кажется, у меня сломана нога… Как вам известно, под каждую работу берут определенный, нужный именно в этих условиях, инструмент. Вы и были моим инструментом, Куница-Маадэр. Грубым, неудобным, но эффективным. Вы ведь это сейчас хотели спросить?

Маадэр помедлил с ответом. Он сам не знал, что хочет спросить. И он не был уверен, что вообще хочет спрашивать что-то у этого человека с окровавленным лицом и взглядом мертвеца.

— Возможно.

— Вы выполнили свою часть работы. Неуклюже, грубо, неожиданно, но все-таки выполнили. Только не надейтесь на орден, — обрывки губ Нидара образовали жуткое подобие улыбки, — и на благодарность Консорциума.

Маадэр взглянул на контейнер с био-софтом. Он все еще лежал там, где его оставила рука мертвого Бернарделли. Этот взгляд не укрылся от Нидара. Агент КНТР мягко положил перебинтованную руку на полированную металлическую поверхность.

— Там внутри — то, что я думаю? — спросил Маадэр, — Во всей этой истории вообще была хоть капля правды? Или я рисковал ради копеечной нейро-вакцины от коклюша?

— Нет, здесь все по-честному. Внутри «Сирень», смертельный био-софт, способный вызвать конец света или его локальное подобие.

— И она наконец вернется домой? В теплицы, где была выведена?

— Ни вы, ни я никогда не увидим этих теплиц. К нашему счастью.

Маадэр ощутил смертельную усталость. Все его тело было опустошено, выпотрошено, высосано до капли, словно Вурм выел его изнутри, оставив лишь кожный покров и горстку угасающих нейронов в сводах черепа.

— Зачем? — только и спросил он, — Почему я? Что тут вообще произошло?

Из улыбки Нидара капнуло на поверхность стола несколько капель крови.

— Алчная куница. Глупая куница. Любопытная куница.

— Слепая куница… — пробормотал Маадэр, — Все, что

происходило вокруг меня, было не тем, что мне казалось. С самого начала. Но я до сих пор не понимаю, из-за чего все началось. Велрод действительно сбежал с «Сиренью».

Нидар утвердительно кивнул.

— Действительно. Тридцать капсул. Его трюк мы раскусили почти сразу, но долгое время не могли прижать его. Опытный был мерзавец… Но не потому, что настолько овладел искусством маскировки. Когда он понял, что ему не удалось одурачить Контору и по его следу уже спущены псы, он сам связался с нами. И предложил условие, больше похожее на ультиматум.

— Пригрозил выпустить «Сирень» на свободу, если Контора будет его преследовать?

— Тогда это был серьезный довод. Но время идет, Куница, и время диктует свои правила. То, что вчера было примитивным набором химических агентов, сегодня становится совершенной нейро-сывороткой. То, что вчера было ядом, сегодня может обернуться спасительным лекарством.

Маадэр ощутил, как где-то внутри него зашевелились колючие тени. Может, они были там все время, все прошедшие годы, но только сейчас принялись разрастаться, обвивая изнутри его потрепанные органы. Неприятные, проникнутые космическим холодом, тени.

— Нет. Вы ведь не хотите сказать, что…

— Много лет назал «Сирень» погубила бы Пасифе. Сегодня она его спасет. Пасифе стал рассадником болезни, Маадэр. Вы должны знать, ведь вы — часть той болезни, что поселилась в нем. Что-то вроде метастаза. Этот мир серьезно болен. Консорциум долгое время полагал, что его можно излечить, если впрыснуть в него огромные дозы гормонов и кортикостероидов.

— Если залить его деньгами, — пробормотал Маадэр, — Вы это хотите сказать.

— Да, полагаю, можно сказать и так. Деньгами, властью, людьми. Но болезнь оказалась глубже, чем казалось. Все эти годы она вызревала внутри, а теперь, как гной из распахнувшейся раны, хлынула наружу. Наемные убийцы и мерценарии, наркоторговцы и контрабандисты, хлодвиги и лепры — они рвутся с Пасифе, из своей колыбели, чтобы нести грязь и разложение по всей Солнечной системе. Мы — лимфатический узел, иммунный барьер на их пути. Но ни один барьер не в силах сдерживать распространение инфекции бесконечно. Рано или поздно требуется ввести лекарство.

«Он сумасшедший, — мысленно пробормотал Маадэр, не в силах оторваться от глаз Нидара. Равнодушных, почти ослепших, но все еще страшных, — Это психопат, Вурм».

Ему показалось, что от голоса Вурма повеяло грустью.

«Нет. Он фанатик».

Маадэр прикрыл глаза. Зыбкий свет электрической лампы вдруг показался ему нестерпимым, режущим.

— И вы… Нет.

— Пришло время посадить «Сирень» в почву, — твердо произнес Нидар, — Решение было принято полгода назад. Мы знали, что погибнет много людей. Может, больше половины текущего населения. Удар не смертельный для планеты уровня Пасифе, но очень болезненный. Не все лекарства сладки на вкус… Во время войны погибло куда больше, к слову. Если бы это могло спасти планету от вырождения… Окопавшиеся дезертиры с Юпитера, вчерашние солдаты, ставшие наемными убийцами, проститутки, нарко, торговцы нелегальным био-софтом, коллекционеры, хлодвиги…

— Мерценарии, — тихо добавил Маадэр.

— Мерценарии, — согласился Нидар, — Знаете, как лишить человека дурных привычек? Встряхнуть его. Ударить в лицо. Пусть вылетит несколько зубов… Когда у человека не будет кровли, не будет еды, не будет уверенности в том, что он доживет до вечера — тогда он сможет вспомнить, что это значит — быть человеком. Наемных убийц не существует в мире, в котором люди умирают в тысячу крат быстрее, чем рождаются. Наркотики не имеют ценности там, где глоток воды — на вес золота. Грабителям не нужны деньги, потому что за все деньги мира не купить и черствой галеты. Понимаете?..

Маадэр понимал.

— Вы хотели превратить Пасифе в разоренный край. Обречь на болезненное выживание.

— Биология, — Нидар пожал плечами, — Она всегда одинакова, вне зависимости от уровня, идет речь об одном организме или о целой планете. Только на краю гибели организм высвобождает все ресурсы. Нам нужно было поставить Пасифе в такие условия. Заставить распуститься «Сирень».

— Тогда почему не сделали этого полгода назад? Забыли, где теплица?

— Не так-то просто синтезировать подобные препараты, Маадэр. Сложнейшая работа, требующая огромных ресурсов и полной секретности. Мы не могли допустить утечки информации. Нам нужен был старый запас.

— Тот, на который наложил руку Велрод.

— Да. Велрод стал проблемой. Этот старый хлыщ не понимал, что мы хотим от него как раз того, чем он думал нам угрожать. Мы хотели чтоб он выпустил «Сирень» на свободу. Мы

ждали этого.

— Провоцировали его на выполнение данного им ультиматума?

— Да, Маадэр, да. Но он был слишком неуверен. Он боялся. Когда берешь кого-то в заложники и приставляешь ствол к его затылку, можно долго делать вид, что можешь спустить курок в любую секунду, но попробуй приведи свои угрозы в исполнение…

Маадэру вспомнился Велрод. Насмешливый, въедливый, в своем щегольском костюме… Мертвый Велрод, лежащий на полу его кабинета. Старый пес Консорциума, лучше всех овладевший искусством быть истым жителем Пасифе, плотью от его плоти. Он так и не смог привести угрозы в исполнение.

— Это не было охотой, — Маадэру захотелось сесть, но он не сделал и шага к стулу, ноги не гнулись в коленях, — Это было имитацией охоты.

— Совершенно верно. Нам надо было показать Велроду, что мы настроены крайне серьезно. Что мы хотим убить его.

— А я…

— А вы очень вовремя оказались под рукой. Увидев вас на складе, Велрод мгновенно понял, кто именно идет по его следу. Разумеется, он решил, что агент Куница продолжает свою службу в интересах Конторы и Консорциума, а история с дезертирством — просто некачественная легенда. Впрочем, неважно, сути это не меняло. Велрод решил, что по его следу пустили его же ученика. И впервые начал не прятаться, а действовать.

— Стойте… Когда я нашел контейнер, в нем оставалось двадцать девять капсул. Одну Велрод использовал в ту же ночь, когда мы встретились с ним на складе. Но ведь была еще и первая вспышка! Еще до того, как вы предложили мне работать на Контору!

От взгляда Нидара Маадэра передернуло, как от электрического разряда.

— Не было никакой первой вспышки. Велрод успел использовать только одну капсулу. В тот день, когда свел счеты с вами и Бобергом. Чтоб показать нам, что он не шутит. Глупый старик… Он не понимал, что именно это нам и нужно.

— Вы вынудили его использовать последнее средство защиты. Но… Но зачем тогда «Тацитурния»? Зачем вы впутали юпитерианских убийц?

— Страховка, — легко пояснил Нидар, — Мера предосторожности. Мы ведь не могли позволить, чтоб вы ухлопали Велрода до того, как он всерьез возьмется за распространение «Сирени». Шансов было мало, но стоило предусмотреть все. В конце концов, Велрод был уже немолод, а

вас считали его лучшим учеником. На Пасифе поединки не всегда выигрывают сильнейшие, судьба любит внести элемент неожиданности… Нельзя было чтоб вы настигли его. «Тацитурния» должна была охранять Велрода. От вас, и от любых опасностей, которые могут ему угрожать. В этом городе много опасностей… Конечно, они ничего не знали о «Сирени» — и не должны были, пока вы чуть было не испортили все дело.

— Может, я и был тем самым элементом неожиданности…

— Скорее, вы были судьбой. Одним из ее перстов, — Нидар пошевелил все еще дымящимися обрубками пальцев, — И здесь горькая ирония…

— Тогда судьба окончательно рехнулась, раз свела меня с Бернарделли.

— Да, и это причинило мне существенные неудобства, — удивительно, но на лице Нидара осталось достаточно мимических мышц, чтоб поморщиться, — Бернарделли готов был на многое, но работать на тех, кого он считал палачами Юпитера, было свыше его сил. Даже жаль его, признаться. Идеалист. Вымирающий вид. В результате все вышло глупо. Погибло много людей, которые не должны были погибать, но когда карты розданы — партию не переиграешь, не так ли?… Велрод должен был выполнить всю работу, но теперь он мертв. Бернарделли должен был защитить его, но и он тоже мертв. Боберг должен был помочь в распространении «Сирени» — да только мертв и он.

— Но вы ведь не отмените операцию, так?

— Не отменю. Конечно, лучше всего было сделать все руками Велрода. Идеальная схема, позволяющая оставить в тени все острые углы. Смертельная эпидемия, опустошившая Пасифе, порождена отчаявшимся ренегатом КНТР и предателем Консорциума, полковником Гэвином Велродом, выжившим из ума террористом… Ничего не поделаешь, придется искать другого исполнителя. И я его найду, не сомневайтесь.

— И «Сирень» расцветет?

— Да, — серьезно сказал Нидар, — В самом скором времени. Может, завтра… Может, послезавтра… Или через неделю. И тогда это место станет непохожим на то, каким вы его знали. Быть может, оно изменится навсегда. И появится новый Пасифе… Кстати, я говорил вам, что профессия мерценария скоро исчезнет?.. Торопитесь выполнить оставшиеся у вас контракты, Маадэр, ведь через несколько дней мерценариев больше не останется…

Маадэр устало покачал головой.

— Не тот тип смерти, который я бы выбрал. Мерценарии не умирают от болезней. К тому же, сколько я выиграю, несколько

дней?.. Я предпочту умереть сейчас. Если вы не возражаете.

Маадэр достал «Корсо» Велрода, который у него почему-то не забрали агенты, и положил его на стол, рукоятью к Нидару.

— Надеюсь, вы сможете спустить курок. Если так, не будем медлить.

Нидар смотрел на револьвер, как на причудливое насекомое. Окровавленная маска его лица отражалась на хромированной поверхности. Нидар взял револьвер в здоровую руку, покрутил его в пальцах, взвел курок и положил обратно.

— Не глупите, Куница. Я обещал вам жизнь.

— Жизнь? — презрения в голосе Маадэра было столько, что заскрежетали голосовые связки, — Сколько дней жизни? Один? Два?

— Ну почему же… — в заплывших глазах Нидара на миг отразилась рассеянность, — Вы не так уж стары. Если проявите должную осторожность, протянете еще несколько лет. Вы ведь не только глупая и алчная куница. Вы еще и осторожная куница… Убирайтесь. Убирайтесь с Пасифе. Летите на Марс или на Венеру, или даже на Землю. Консорциум велик, в нем найдется место для мерценария, пусть даже это будет в самом темном его углу.

Маадэр подумал, что ослышался.

— Вы… Вы дадите мне сбежать? Вот так просто?

Нидар осклабился, чудовищная окровавленная маска разделилась надвое.

— Почему нет? Вы уже и так наш с потрохами, Маадэр. Ваши отпечатки и генетические образцы на контейнере. На револьвере покойного Велрода. Будут и иные доказательства.

— Доказательство чего?

— Того, что вы и есть зловещий неуловимый Садовод. Чудовище, погубившее Пасифе. Ренегат и предатель. Человек, убивший своего наставника, пытавшегося его остановить. Я думаю, полковник Велрод даже будет представлен к правительственной награде.

Маадэр взглянул на револьвер. Он был совсем рядом, достаточно протянуть руку. Но с тем же успехом мог находиться на другом краю системы.

— Я ведь не смогу вас убить, да?

— Не сможете, — мягко произнес Нидар, — Не предусмотрено планом. Бегите, Маадэр. Бегите как куница с подожженным хвостом. Прячьтесь, маскируйтесь, выдумывайте новые личины. В Консорциуме Земли много планет, вы можете забраться в глушь, куда даже курьерские корабли заходят раз в год. Занимайтесь чем хотите. У выхода вас ждет кейс с тридцатью тысячами, вам этого хватит, по крайней мере на какое-то время.

Маадэр почему-то не испытал радости. Он чувствовал себя холодным внутри, как мертвец. Быть может, он давно умер, просто Вурм не рассказал ему этого. Имитирует гул крови в венах, хотя это лишь иллюзия, видимость…

Маадэр молча шагнул к двери. Ему нужен отдых. Отдых — и большая капля шань-си.

— Удачи, Куница, — насмешливо произнес Нидар.

Человек без лица остался сидеть в кресле. Даже стоя к нему спиной, Маадэр ощущал его взгляд. Взгляд чудовища в человеческом обличье.

— Вы ведь обманете меня и здесь, так? Вы не настолько фанатик, хоть и пытаетесь им казаться. Вы прагматик. Вы в любой момент можете объявить, что смертельную болезнь выпустили остатки укрывающейся на Пасифе юпитерианской армии. Из мести, из ненависти к Земле. Это будет отличным поводом, чтоб установить здесь жесткий порядок, как на прочих мирах Консорциума. Истребить остатки «Тацитурнии» и прочих. Сжать со всех сторон слишком самоуверенные корпорации. Когда руки не связаны, это гораздо удобнее, ведь так?

Нидар улыбнулся. И хоть Маадэр не видел его улыбки, она показалась ему отвратительной.

— Ступайте, Куница. Не испытывайте моего терпения.

— А еще я думаю, что вы не дадите мне покинуть Пасифе. И эту комнату. Вы ведь никого и никогда не отпускаете, верно? Ни меня, ни Велрода, ни прочих…

Нидар все еще улыбался.

— Прощайте, Куница. Наши пути здесь расходятся.

— Да, наверно… В каком бы смысле вы это ни сказали.

Маадэр двинулся к двери. Комната была большой, чтоб пересечь ее ему потребовалось бы шагов десять.

«Эй, Вурм, как ты?»

Вурм отозвался почти сразу.

«Порядок».

«Веселое вышло дело, а?»

«Необычайно. Думаешь, он выстрелит?»

«Наверно. Только идиот отпустит нас. На его месте я бы выстрелил как только мы дойдем до двери. В спину. Такие, как он не любят оставлять самое приятное исполнителям».

«Нас всегда могут убить снаружи».

До двери оставалось не больше пяти шагов. Маадэр поправил воротник плаща. Судя по тому, как тарабанило по крыше, на улице опять шел дождь. Дождь, несущий не свежесть, а затхлый запах ржавчины, обжигающий, свирепый.

Проклятая планета, здесь никогда не будет хорошей погоды…

«Вурм».

«Что, Маадэр?»

«Если по-честному, ты — моя галлюцинация?»

«Не будь идиотом».

«Хорошо, Вурм».

«А ты сам как думал?»

Маадэр усмехнулся.

«Знаешь, — сказал он, помедлив совсем немного, — Мне всегда казалось, что в этом мире есть вещи, о которых лучше не думать вовсе».

И решительно распахнул дверь.